

ШАКАРИМ

Ерлан
Сыдыков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Жизнь Шакарима Кудайбердиева (1858–1931) оборвалась трагически — от пули чекиста. Ранняя безотцовщина, но воспитание под сенью дедовских заветов, приобщение к литературному творчеству под влиянием дяди, поэта-мыслителя Абая Кунанбаева, путешествие в Стамбул и Мекку, пример Л. Н. Толстого и отшельничество, дальнейшее восхождение к духовной жизни — все это воплотилось в его философию «наука совести». Привлекаемый по статье как враг народа, он был реабилитирован, но запрет на творчество поэта, теперь уже обвинявшегося в «буржуазном национализме», продолжал действовать. Самобытный талант, незаурядный ученый, он стал широко известен лишь в конце XX века, когда его произведения стали доступны широкому кругу читателей. Автор, профессор, доктор исторических наук, создал целостное жизнеописание Шакарима Кудайбердиева — феноменальной личности, поэта, философа, историка, музыканта, переводчика.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Ерлан Сыдыков](#)
    -
    -
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [Рожденный красотой степи](#)
      - [Свет и тени великих предков](#)
      - [На волнах безмятежного счастья](#)
      - [Медный коготь беркута](#)
      - [Горечь необратимых потерь](#)
      - [Мелодии зимних вечеров и ритмы города](#)
      - [Уроки русского и магия благословения](#)

- [Код милосердия](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
  - [В наплыве грез и лабиринтах жизни](#)
  - [Смятение поэта](#)
  - [Течение жизни в потоке дней](#)
  - [Постижения чистого разума](#)
  - [Бессмертное войско поэта](#)
  - [Книжный мир географического братства](#)
- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
  - [Год черной смерти](#)
  - [«Конфеты» из Мекки](#)
  - [Приближение образа России](#)
  - [Карамзин казахской степи](#)
  - [Пять вопросов о вечном](#)
- [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
  - [Психология и философия казахского отшельничества](#)
  - [Лихая година](#)
  - [Мечты и терзания Алашорды](#)
  - [Автономия поэтической мысли](#)
- [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
  - [Последнее хорошее место](#)
  - [Тропой, ведущей к смерти](#)
  - [Творения чистого разума в полшаге от бездны](#)
  - [Крушение казахского кочевья](#)
  - [Восстание в Чингистау](#)
- [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ](#)
  - [Душа бессмертная поэта](#)
  - [Разгром](#)
  - [Хроника реабилитации](#)
- [ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -

- [ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
- [INFO](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1597

(1397)

Ерлан Сыдыков

ШАКАРИМ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

Литературная обработка текста доцента кафедры русской филологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, кандидата филологических наук Г. А. Шариповой

В книге использованы фотографии фонда Научно-исследовательского центра «Шакаримтану» при Семипалатинском государственном университете имени Шакарима

© Сыдыков Е. Б., 2012

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

*Светлой памяти моего отца Батташа Сыдыкулы
— члена первой комиссии, вопреки запрету официальных
органов собравшей в начале 1960-х годов воспоминания
и свидетельства современников Шакарима
Кудайбердиева*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир изменился. Мы живем сегодня в городах, не выезжая без особой надобности за их пределы. Степь за окраиной представляется чуждой субстанцией, не приспособленной для жизни. Трудно представить, что всего сто лет тому назад казахи в массе своей жили на этих бескрайних просторах, безбрежность которых сродни космическим.

Казахская степь скрывает непостижимую загадку. Обезлюженная ширь ее, казалось бы, не оставляет надежд на великие культурные достояния. Но вот в середине XIX века в самом сердце Степи родился Шакарим Кудайбердиев (1858–1931). Будущий поэт, переводчик, музыкант, историк, философ, который в самом личном отношении к окружающей действительности искал вопросы человека и общества и прежде всего себя, чтобы укоренить, как он писал, философию «хорошей жизни человека», подразумевающей «науку совести».

В молодости он занимал престижную должность волостного правителя. Позже с головой ушел в сферу семейно-родового хозяйства. Сочинял серьезные стихи и музыку. Слыл моралистом и праведником, хорошим мастеровым и охотником.

Но потом произошел перелом.

В 1904 году скончался дядя Шакарима Абай, его наставник, великий поэт земли казахской и мыслитель. Исполняя наказ Абая, Шакарим совершил длительное паломничество в историко-культурные центры Востока — Стамбул и Мекку, имел счастье общения с людьми, посвятившими себя книжной премудрости и служению науке.

Созданные после зарубежной поездки этико-философские трактаты Шакарима поразительны по глубине мысли и эрудиции, а историческая книга «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» не имеет аналогов и востребована в настоящее время учеными и неучеными читателями.

Атмосфера ожидания общественно-политических перемен и жизнеустроительные идеалы Истины и Красоты отличают вскоре изданный сборник его стихов. Он уже не мог быть просто поэтом скорби, что было вообще характерно для казахской литературы рубежа XIX–XX веков. Шакариму стало тесно в современной ему степной среде с ее перипетиями обывательского бахвальства и безалаберщины. Испытывая глубокую неудовлетворенность собой, в пятьдесят четыре года Шакарим ушел

подальше от людей и от власти, сеющей, по его представлениям, одни беды. Поселился в отдаленной зимовке, посреди безлюдной степи, чтобы стремиться к совершенству и творить.

Согласно детерминистским концепциям, история человечества движется массами. Отдельная судьба ничтожна, а самопожертвование бесплодно. Модус вивенди и история жизни Шакарима опровергают эту теорию.

Он решил изменить мир, изменив всего лишь себя. Задумал сделать мир совершеннее — стал совершенным сам. Внутренняя сила самодисциплины, уводя от косной местечковой среды, вела к Универсуму. У Шакарима, глубоко верующего человека, был идеал, который укреплял дух. У него был Всевышний. И он пытался воспроизвести, по крайней мере в себе, то, что было заложено Творцом, создавшим человека по образу и подобию Своему. Стоическое стремление к развоплощению духа, рассуждения и рефлексия о пагубных вожделениях человека и человечества — таков старец Шакарим, автор записок «Жизнь Забытого», определивший свою концепцию существования человека в этом мире, его роли и отношения к вечности.

Уже на склоне лет он написал стихотворение «Мелодии Коркыта», уловив сродство своей души с переживаниями вещего старца и провидца будущего по имени Коркыт. Лирико-философский образ его был навеян Шакариму мифологией тюркоязычных народов о бессмертном божестве, создавшем струнный музыкальный инструмент кобыз и покровительствовавшим певцам и шаманам.

Творчество Шакарима являло загадку для современников, было предано забвению потомками, стало открытием и откровением для читателей XXI века. Почему мы сегодня с интересом читаем Шакарима? Не только потому, что у него трагически сложилась судьба. Не потому, что он поучает. А потому, что от него веет настоящим — настоящей мыслью, настоящими чувствами, настоящим человеколюбием, воплощенными им в свою этическую концепцию жизни.

Удивительный человек был Шакарим. Он был кладезью добродетельных качеств, которыми желательно бы обладать каждому из нас.

Какое из этих качеств в нем блистало ярче всего? Вот что писал его сын Ахат: «Не было человека честнее Шакарима. Он не знал в жизни скверных слов. Ни один человек не уходил от него с обидой. Я сам видел, как он отучал красть воров, взяв их на поруки».

Как цельная и интеллектуально одаренная личность Шакарим был

само воплощение нравственного закона. Его наследие и философия жизни — тому свидетельство. О Шакариме, после того как были реабилитированы его имя и творчество, написано много статей и книг на казахском языке. Но целостной биографии поэта, тем более на русском языке, нет.

Хотя, казалось бы, трудности миновали: стали доступны главные биографические источники — художественные, исторические, философские и автобиографические произведения самого Шакарима. Ряд данных содержит воспоминания его родных. О среде, в которой жил и творил Шакарим, можно получить представление по жизнеописаниям Абая.

Все это становится ориентиром, когда думаешь о родовых истоках и вершинах этого замечательного человека, о его индивидуальном лике в казахской жизни, в казахской литературе, истории и философии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧИНГИСТАУ
ИСТОКИ И ВЕРШИНЫ

Рожденный красотой степи

Шакарим Кудайбердиев родился 11 июля (по старому стилю) 1858 года в Чингистау, в местности Кенбулак близ речки Байкошкар. Ныне это территория Абайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Населенных пунктов в Байкошкаре в наше время нет, районный центр Караул находится в пятидесяти километрах на северо-восток. Байкошкар — это сердце Чингистау, одного из самых интересных мест в казахской степи.

На географической карте Чингистау — не слишком выдающийся по размерам горный массив в восточной части Казахского мелкосопочника, протянувшийся на двести пятьдесят километров с севера на юг. Ни туристических маршрутов, ни современной автострады здесь нет. Возможно, это и к лучшему. Холмы Чингистау восхитительны реликтовой своей чистотой, которую так и не смогла одолеть разрушительная сила цивилизации. Кажется, здесь обитель самого Времени. Чингистау — это заповедник истории, оплот древности, средоточие национального мироощущения казахов. Здесь степь кажется огромной, как океан. Отсюда разлетаются во все стороны облака. Здесь сходятся небо и земля, порождая колдовские игры света и тени. Именно здесь, в Чингистау, необъятная степь ощущается как зримая картина первотворения.

Чтобы сегодня попасть сюда, нужно сначала добраться до Караула, это сто девяносто пять километров по трассе на юго-запад от Семей (современное название Семипалатинска).

Перед въездом в центр Абайского района справа расположена невысокая, но приметная гора Караул-тобе. Ею пользовались в древности как смотровой вершиной. Караул по своему положению в самом деле — форпост Чингистау. Он словно охраняет подходы к священным горам, не позволяя пришельцам безнаказанно нарушать покой древних реликварий. В пяти километрах за Караулом, у подножия Чингистау, раскинулся небольшой поселок Би-ата, названный в честь прадеда Шакарима Кенгирбая — легендарного главы рода Тобыкты. В поселке Би-ата есть школа имени Шакарима с трогательным музеем. За Би-ата начинается Чингистау. В его глубины ведут несколько путей, обозначенных редко хоженными колеями. Можно уйти на юг, обогнув массивную гору Карашоқы, у подножия которой десятилетиями гнездились аулы предков Шакарима и позже ставили свое зимовье его родители. А можно уйти на

запад, чтобы пересечь массив Чингистау и выйти на раздольные долины местности Шакпак.

Дорога на Байкошкар петляет по холмам, пересекает хребты и долины, огибая заболоченные поймы неприметных с виду речушек. Местность под этим названием объединяет несколько равнин, разделенных невысокими хребтами. Где-то среди них прячется и сама речка Байкошкар. За последним холмом — долина Кенбулак, колыбель будущего поэта.

Это уютная равнина шириной не более пяти километров. Ограниченная холмами, она сегодня пустынна. Нет следов прежних аулов — их стерли дожди, ветры, время. И найти то место, где стояла юрта, в которой появился на свет Шакарим, кажется непосильной задачей. Хотя воображение может легко подсказать уму: вон там, у дальних склонов, паслись табуны лошадей и отары овец, а в низине стоял на жайляу аул Кудайберды, отца Шакарима. И в одной из юрт в прохладную июльскую ночь появился на свет младенец, которого счастливые родители нарекли высокородным именем...

Глядя на эту пустынную равнину, трудно поверить, что в ту пору миллионы казахов жили не в городах и селах, как сейчас, а в степи и кочевали со скотом с зимних стойбищ на летние пастбища и отправлялись по осени обратно на зимовки. Чингистау был местом обитания многих тысяч семей, их оплотом, домом, стоянкой во Вселенной. Здесь сегодня царит безмятежный покой. Степь словно ожидает молчаливо исчезнувших своих обитателей. По долине гуляет ветер, разнося запах трав, который налетает волнами, как дыхание океана. Трели жаворонка в вышине едва слышимы, потому что их заглушает пение ветра — это вечная мелодия Чингистау, которой можно наслаждаться на вершине любого из бесчисленных холмов. Былинка ковыля в руке, сорванная в безотчетном порыве, роднит со всей степью, с прошлым и настоящим. Желтый цветок, спрятавшийся среди трав, кажется, уместил в себе судьбу Шакарима, волнующую и горестную, трагическую и возвышенную.

Родную землю, ту долину, в которой появился на свет, Шакарим почитал за святыню, обращая к ней самое сокровенное. В последний год жизни он написал такие строки:

*Я уйду в Байкошкар, если вдруг заскучаю,
Я вернусь в старый двор, если сердце в печали,
Если вдруг поразмыслить захочется.
Это место рождения жизни моей^[1].*

Шакарим не столько озабочен предчувствиями, сколько создает парадиз родового гнезда. В картину возвращения «в старый двор», где «жизнь подобна раю», вложены такие существенности, как сердце и мысли поэта, отрада песен его и счастье одиночества, думы-слова и мудрость ожидания конца жизни. Он имел все основания, чтобы боготворить родную обитель:

*Буду песни писать,
В них отраду искать.
Буду жить в одиночестве
Много-много счастливых дней.
Здесь жизнь подобна раю.
Здесь горести я не знаю.
И покуда смерть не придет забирать,
Буду из дум, как ягоды, слова выбирать.*

Для казахов Чингистау не просто живописные склоны холмов, расщелины и луга вдоль множества речушек. Их древние названия аккумулируют быт и бытие: Щет (окраина), Караул (форпост), Кос (становье), Бузау (теленки), Кундызды (соболиное) и многие другие. Истершаяся за столетия народная память хранит не одни лишь названия досточтимых мест, но и носит в себе архетипы событий, происходивших в степи в прошлые века. Например, казахи отождествляют свою колыбель с образом Чингисхана, который, по народному поверью, останавливался в своих походах именно в названных краях. Это могло быть в 1219 году, когда будущий Потрясатель Вселенной пошел войной против хорезмшаха, разорив по пути Бухару, Самарканд и обратив в прах Ургенч, Балх, Бамиан, Нишапур. А перед этим он сровнял с землей Отрар и покорил другие города на Сырдарье.

Вторая остановка Чингисхана в казахской степи была более длительной — он провел в этих краях весну и лето 1224 года, возвращаясь из шестилетнего похода. Достоверно известно, что ставка Чингисхана прошла между Балхашем и Алаколем и утвердилась в благоприятной местности. Так почему этой местностью не мог быть Чингистау, богатый дичью, пастбищами, тенистыми долинами меж горных хребтов? Название горы Орда в северо-восточной части Чингистау, возможно, указывает на расположение ханской ставки.

У местных жителей в ходу легенда о том, что Чингисхана

провозгласили ханом здесь, подняв на белой кошме на одну из горных вершин, именуемую ныне Хан-Биик. Легенду в конце XIX века письменно удостоверил Халиолла (Халел), сын Кунанбая и дядя Шакарима:

«Горы Чингистау отделяются долиной от стоящих групп Орда, Догалан и Чунай. Почти посередине горного Чингиз-тау возвышается отдельная гора под именем «Кхан». Об этих местах сохранилось у кайсаков следующее предание. В один из своих завоевательных походов, после покорения Кюрхана (Каракитайского), Темучин остановился у гор Чингиз-тау. Кайсаки решили принять его подданство. С этой целью они снарядили посольство, во главе которого стоял почтенный бий Майкы. Он со своими спутниками застал Темучина на ставке и поднес ему подарки. Это была единственная народность, подчинявшаяся Темучину. Тогда баксы предсказал, что он покорит многие народы и что он должен поэтому называться «Чингизхан», то есть великий хан, владетель мира. Темучин решил здесь же (на этой горе) переменить свое имя. Представители всех двенадцати племен, подчиненных Чингизхану, вбили на вершине горы Кхан по одному столбу, на них сделали подмости, на которых устроили белый Шатер. Все бии во главе с Майкы внесли Темучина на гору на белой расшитой кошме, держась за концы, усадили в приготовленном Шатре. Во время этой торжественной церемонии народ и бии выкрикивали: «Чингизхан», «Чингизхан». С тех пор гора, на которой Темучин был провозглашен, есть «Чингиз-тау» (Халилулла. Киргизское предание // Московская иллюстративная газета. 1892. № 274).

Версию Халиоллы вроде бы подтверждает рассказ самого Кунанбая, главы рода Тобыкты, о башнях ставки Чингисхана, возведенных из толстых сосновых бревен. Эти башни своими глазами будто бы видели предки Кунанбая. Его рассказ зафиксировал ссыльный поляк Адольф Янушкевич (1803–1857), наезжавший по долгу службы в казахскую степь.

Да и Шакарим позднее, в 1911 году, повторил эту версию, добавив в своей книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», что настоящее имя Чингисхана — Темучин, а имя Чингис означает — могучий, великий. На основании подобных свидетельств ученые еще в советское время (в частности, Константин Юдахин) несколько иначе реконструировали имя Чингисхана: от тюркского слова «шын» (шин — чын) — истинный, настоящий. То есть Чингисхан — настоящий хан.

Время лишь подогревает интерес к легендам. В наши дни отголоски сокровенных знаний предков рождают еще более смелые предположения. Например, в Чингистау, возможно, находится могила Чингисхана. Это призрачная версия, подтвердить которую может только какое-то

невероятное открытие. Официальная историография считает, что сам Чингисхан, умерший в августе 1227 года в окрестностях Цинн-шуя в горах Восточного Ганьсу, выбрал местом погребения склоны одной из высот, составляющих массив Бурхан-халдуна в восточной Монголии. Но могила его до сих пор не найдена, а потому казахский топоним «Чингистау» чудится заманчивой подсказкой для будущих исследователей старины.

На эти символические образы и мотивы, олицетворяющие «коллективное бессознательное», ориентирован и Шакарим, который в трагическом романе «Адиль и Мария» предается лирико-философским раздумьям:

«О, древний Чингистау! Чего ты только не насмотрелся с тех пор, как поселился здесь человек. Ты пропустил через себя и Чингисхана, и Тамерлана, и многих других завоевателей. Ты видел взлеты и падения, восхождение и исчезновение многих и многих людей, у которых загорались и гасли сердца, бушевала в груди радость, сменявшаяся печалью. Видел многих молодых, которые стремились к цели и достигали ее. Видел, как покидала несчастных надежда, сиявшая прежде, как солнце. Какие только народы не жили здесь, отлавливая дичь, выращивая скот. Ты видел, как текла кровь рекою. Но и прекрасным, как солнце и луна, девушкам, и цветущей молодежи, и батырам без страха и упрека с львиными сердцами, и проходимцам, обманувшим мир, и сладкоречивым ораторам, биям, — всем дал лишь по пяди земли, размером с очаг, отрытым в земле, всех схоронил на своей груди. И стоишь, равнодушно возвышаясь, словно ничего не видел, не слышал! Но и этого мало, ты раскинул во всю ширь от востока, где стремительно появляется солнце, до запада, куда долго катится день, свои объятия, словно кереге юрты. И разве я не слышу, как ты безмолвно взываешь: «Идите, идите ко мне! Узнайте в моих объятиях радость и невзгоды, придите, растрачивающие недолгую жизнь в суетной борьбе». И что мне делать, когда я слышу эти твои немые призывы?»

Смутная печаль, которая таится в переживаниях Шакарима, рождена не одной лишь скорбью о суете сует сынов человеческих. Чингистау был грозным символом в памяти кочевых людей, помнивших голодные годы, познавших лютую силу зимнего бурана, который заносил снегом все окрест, надолго покрывая горы вьюжным и стылым одеянием.

Нам, смиренным потомкам кочевников, такое прошлое могло бы показаться нестерпимым, если бы Чингистау как вместилище древних легенд не пребывал бы во здравии и сегодня. Ощутить его присутствие достаточно легко, ведь все мы вышли из заговоренного круга Степи, в природном и духовном средостении которого выросли наши

предшественники — гениальные Абай, Шакарим, Мухтар Ауэзов. И притягательная сила Чингистау, его великая тайна, которую стремился познать Шакарим, состоит в том, что эта легендарная топология кочевья дарит надежду.

Она существует потаенно и неопровержимо, потому что мы пребываем в этом мире на тех же основаниях, на которых появились на свет и жили в свое время предки нашего героя — Кенгирбай, Ыргызбай, Кунанбай. Их роль в родословии Шакарима и его дяди Абая столь же объективна, как объективна роль выходца из шотландского поместья Георга Лермонта и его потомков в генеалогии М. Ю. Лермонтова.

Свет и тени великих предков

Наиболее полно о своих предках Шакарим поведал в знаменитой книге «Шежире...» — «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

Историю рода Тобыкты, что входит в племя Аргын, Шакарим особенно подробно повел со времен Великого бедствия. (В дальнейшем, во избежание путаницы, под племенем понимается крупный род, по сути, объединение родов. В свою очередь, роды у казахов делятся на подроды.)

Начиная со второй половины XVII века Казахское ханство беспрерывно подвергалось нападениям со стороны джунгар (казахи называли их калмаками). Давать отпор агрессивным соседям с каждым годом становилось все труднее. Джунгары стремились в казахскую степь, пытаясь избавиться в первую очередь от губительного давления маньчжурских императоров. К началу XVIII века джунгары распространили свое влияние на Алтай, Восточный Туркестан, среднее и верхнее течение Иртыша, среднее течение Тобола и Ишима. В 1722 году Джунгария заключила мир с Китаем, освободившись на время от давления Цинской империи.

Ранней весной 1723 года войско джунгар вторглось в казахскую степь. Нашествие шло широким фронтом с востока. В течение короткого промежутка времени завоеватели смели разрозненные казахские ополчения, захватили все Семиречье, взяли Ташкент, Сайрам, Туркестан и другие города. Джунгары убивали мирных жителей, угоняли скот, рассеивали казахские аулы далеко по степи. Оставленных без традиционных структур хозяйствования людей зимой настиг голод.

«Когда казахи и калмаки схватились в 1723 году, военачальник калмаков Цеван Рабдан уничтожил много казахов, обратив остальных в бегство, — писал Шакарим. — Оборванные, голодные люди пешком добрались до озера, усыпав побережье своими телами. И тогда один аксакал сказал: «Дети мои, как не забывает человек выпавшие на его долю мгновения счастья, так и мы должны запомнить великое горе, постигшее нас. Наши мучения следует назвать: «Ак табан шубырынды» (брели, пока не побелели подошвы)».

Именно этот год остался в памяти казахов как «Год великого бедствия».

Летопись этого бедствия, запечатленная в устном народном

творчестве, передавалась из поколения в поколение, по сути, без искажения смысла. Зафиксированные Шакаримом сведения совпадают с записями устных преданий из других источников.

«В 1723 году, в год Великого бедствия, когда Средний жуз дошел до Есиля, Нуры, Сарысу, наш род Тобыкты ушел в сторону Оренбурга в леса под Орском, — продолжал Шакарим. — Прослышав о том, что Младший жуз, продвинувшийся еще дальше, принимает русское подданство, напуганные тобыктинцы вновь откочевали, теперь уже к берегам рек Ирғиз и Турғай. Родившиеся на той земле прадеды наши в четвертом колене — Ырғызбай и Турғай — были названы по наименованиям рек. Оттуда тобыктинцы под предводительством батыра Мамайя дошли до нынешних мест — до Кокен Орды и гор Догалан...»

Когда они прибыли сюда, в предгорьях Чингистау уже кочевали пришедшие раньше матайцы племени Найман, прогнавшие калмаков. Уаки были на берегу Иртыша. Матайцы, полагая, что тобыктинцы истощены дальними перекочевками, стали нападать и отбирать скот. Но тобыктинцы, решив вернуть исконные земли аргынов — Чингистау, обрушились на матайцев, прогнали их и утвердились в Чингистау. Пока они были заняты борьбой с матайцами, уаки захватили пастбища на Кокене. Но бий Кенгирбай, собрав людей, прогнал уаков и стал своими аулами в местечке Тасуйген (Каменная насыпь). Уаки, не сумев вытеснить тобыктинцев с Кокена, призвали на помощь соседей — русских казаков и собрались напасть на аул Кенгирбая. Тогда Кенгирбай сообщил им, что послал гонца к именитым людям аргынов: «Пусть аргыны и уаки придут к согласию, покончив с раздором». Тем самым он предотвратил нападение. А ночью, составив из камней в разных местах фигуры в виде людей, он откочевал. Наутро уаки, увидев на холме толпу людей, решили, что тобыктинцы обманули их и успели собрать войско. Послали разведчика, который вернулся, сообщив, что это всего лишь камни. В конце концов тобыктинцы остались хозяевами Чингистау».

Вот так, где хитростью, где силой, предки Шакарима осели окончательно в Чингистау. Наверное, казахи племени Найман, внесшие существенный вклад в изгнание джунгар, в том числе и из Чингистау, имели основания претендовать на эти земли. Но в те годы у них было достаточно родовых земель восточнее Чингистау до Тарбагатая и Зайсана.

Заслуга в возвращении Чингистау роду Тобыкты, как видим, принадлежала бию Кенгирбаю (1735–1825). Бий у казахов — судья, наделенный определенными властными полномочиями. И главой рода обычно избирался наиболее авторитетный деятель, чаще всего бий. В этом

случае глава рода мог объединять законодательные, судебные и исполнительные функции, что было вполне приемлемо при существовавшем в степи общественном устройстве. Поэтому Кенгирбай, прославившийся как глава рода Тобыкты, остался в родо-семейной памяти потомков под уважительно-обретенным именем Би-ата.

«Племянник Кенгирбая Ыргызбай, — писал Шакарим, — их предок в четвертом колене, был сподвижником хана Абылая. У него было четверо сыновей. <...> Старший сын Оскенбай был избран бием после упомянутого Кенгирбая. Единственным сыном Оскенбая от его старшей жены был наш дед — покойный Кунанбай-кажы. От старшей жены Кунанбая также единственным сыном был мой покойный отец Кудайберды».

Как глава рода прадед Шакарима Оскенбай (1778–1850) много времени находился в народе, организовывал и проводил всевозможные сходы и съезды. Пользовался непререкаемым авторитетом. Часто его приглашали соседние роды, чтобы он на правах независимого судьи разрешал те или иные земельные и имущественные споры. Рассказывают, как-то в отсутствие Оскенбая за разрешением спорного вопроса прибыли сородичи. Их выслушал юный сын Оскенбая Кунанбай и дал вполне разумный совет, рассудив как настоящий бий. Конфликтующим сторонам решение юноши понравилось, они приняли его. С тех пор стали признавать бием и Кунанбая.

Кунанбай (1804–1885), отец великого казахского поэта и мыслителя Абая, дед Шакарима, вероятно, был самой неординарной личностью из его предков. Он пошел в деда Ыргызбая: обладал высоким ростом и необыкновенной силой. С пятнадцати лет участвовал в борцовских схватках, побеждая, как и дед, лучших борцов. В роду Тобыкты известна история о том, как в восемнадцать лет Кунанбай задумал состязаться с именитым силачом Сенгирбаем. И предложил старшему по возрасту: «Не будем разглашать, кто из нас выиграл, а кто проиграл. Независимо от результата, я готов отдать вам призовые, потому что хочу бороться». Они встретились и провели схватку. Призового коня и чапан забрал Сенгирбай. Кунанбай до конца жизни никому не говорил, кто победил. На все вопросы отвечал: «Если Сенгирбай умер, разве я должен из-за этого нарушить свое слово?»

У него было четыре жены: старшая (байбише) — Кунке (бабушка Шакарима), затем — мать Абая Улжан (кроме Абая у нее было еще трое сыновей и дочь), Айгыз и Нурганым.

О Кунанбае в современном нам обществе бытует однозначное

представление, которое сложилось по роману-эпопее «Путь Абая» Мухтара Ауэзова (1897–1961). Однако в реальности он вовсе не был таким несправедливым и грозным, а порой злобным человеком, всячески притеснявшим бедных родственников, каковым изображен в художественном произведении. Например, М. Ауэзов дает такую характеристику:

«Кунанбай — единственный сын своей матери Зере, старшей жены его отца. Большая юрта рода осталась за ним; он владеет огромными богатствами, пользуется неограниченной властью. Он старше своих родных и по возрасту. И потому ни один из потомков его деда Ыргызбая не смеет поднять против него голос, во всех двадцати аулах никто не решается даже высказать ему свое недовольство. И если Кунанбаю нужна поддержка, никто не щадит себя; его покоряющая сила, его властный голос и неудержимая воля заставляют всех следовать за ним. Предстояли ли захват чужих земель или подавление непокорных родов — каждый из старейшин понимал Кунанбая по одному едва заметному движению век».

Или вот еще одно красочное описание:

«Набожное смирение, которое всем своим видом выказывал Кунанбай с утра, как рукой сняло. От него пахло давней яростью и враждой. Бледный до синевы, нахмуренный и грозный, он, казалось, явился из мира когтистых хищников, готовых к прыжку, чтобы растерзать добычу».

И таким свирепым и кровожадным Кунанбай предстает на всем протяжении романа. Понять, как такой человек мог вполне успешно управлять большим родом Тобыкты, из романа невозможно. Писатель создал символический, несколько окарикатуренный образ алчного и злого степного феодала, далекого от забот о народе. Эту благородную функцию автор всецело доверил Абаю, который, как известно, «разорвал» со своей средой и стал защитником обездоленных масс.

Однако есть сведения, указывающие, что художественный портрет, выписанный в романе, мягко говоря, не совсем точен. Существуют воспоминания современника Кунанбая, поляка Адольфа Янушкевича. Они были изданы в Париже в 1861 году в виде книги «Жизнь Адольфа Янушкевича и его письма из киргизских степей» (на русском языке книга вышла почти через сто лет под названием «Дневники и письма из путешествия по казахским степям» в переводе Ф. Стекловой).

Сосланный в Сибирь мятежный мечтатель об освобождении Польши, прототип героя драмы Адама Мицкевича «Дзяды», А. Янушкевич после освобождения из-под надзора полиции стал канцеляристом в Пограничном управлении «области сибирских киргизов». По заданию управления он

совершал поездки по казахской степи для проведения переписи населения и скота. Вел записи и дневники. Его наблюдения отразились в ярких сюжетах жизни кочевого общества. Встреча с Кунанбаем произвела на Янушкевича особенно сильное впечатление, о чем читаем в книге:

«Кунанбай — большая знаменитость в степи. Сын простого казаха, одаренный от природы здравым рассудком, удивительной памятью и даром речи, дельный, заботливый о благе своих сородичей, большой знаток степного права и предписаний Корана, прекрасно знающий все российские уставы, касающиеся казахов, судья неподкупной честности и примерный мусульманин, плебей Кунанбай стяжал себе славу пророка, к которому из самых дальних аулов спешат за советом молодые и старые, бедные и богатые. Избранный на должность волостного управителя, исполняет ее с редкостным умением и энергией, а каждое его приказание, каждое слово выполняется по кивку головы. Когда-то он был красивым мужчиной, нынче на его лице следы оспы, несколько лет назад чуть не унесшей его в могилу, как Мирабо. Во время вдохновенной речи он заставляет слушателей забыть о своем страшном обезображенном лице. Эти жестокие последствия болезни всякий раз пробуждают в нем сладкие воспоминания о сочувствии земляков, которое может дать тебе доказательства его заслуг и значения. А все баи недостойны развязать ремешок на обуви Кунанбая».

Оставим в стороне малопочтенное слово «плебей», что, впрочем, первоначально подразумевало в Древнем Риме «простонародный». Это далеко не подходящее определение для главы рода. А. Янушкевич, разумеется, знал, что Кунанбай не был по рождению голубых кровей. Вероятно, и русские чиновники желали подчеркнуть прежде всего незнатное происхождение Кунанбая, неофициально называя его «вышедшим из простонародья ханом». Российское правительство еще в 1822 году ввело «Устав о Сибирских киргизах», упразднивший ханскую власть. И в дальнейшем настойчиво поддерживало авторитетных глав родов, если только они не заявляли о своей принадлежности к ханской династии. Считалось, что именно потомки чингизидов, обладавшие прежде ханской властью, могли представлять угрозу российскому правлению в степи.

Как бы то ни было, превосходная характеристика, данная А. Янушкевичем Кунанбаю, опровергает образ, созданный в романе, даже если допустить, что впечатлительный европеец-романтик приукрасил достоинства главы рода.

Но зачем, в таком случае, Мухтару Ауэзову нужно было

демонизировать образ отца Абая? Да только затем, что он не мог без риска для романа, да и для себя воплотить образ благородного родоправителя. Советская власть ко времени создания романа записала всех знатных глав родов в бай-феодалы, которые были объявлены врагами трудового народа. Положительного героя рода, заботящегося о благе народа, идеологические работники не допустили бы до читателя.

В 1936 году Мухтар Ауэзов попробовал прочесть публике первый вариант первой части романа и Кунанбай предстал в ней справедливым и мудрым правителем. Но эта версия подверглась жестокой критике казахских литературоведов и партийных идеологов. Ауэзова готовы были уничтожить за якобы прославление баев — врагов народа. И тогда писатель вынужден был переделать текст, сотворив иной образ Кунанбая. Он стал в романе непримиримым классовым врагом, к которому нет уважения со стороны положительных героев романа, включая четырех его жен. Даже мать Кунанбая, старая Зере, говорит о сыне, что он не знает жалости.

И Шакарима, имя которого было под запретом в период работы над книгой, Ауэзов не мог назвать собственным именем. В романе «Путь Абая» Шакарим назван Шубаром и наделен крайне неприглядными чертами. К сожалению, так было нужно. Тщеславный, коварный и честолюбивый Шубар алчен, хитер и «лжив, как лиса» — такую характеристику дают ему другие персонажи. Шубар отчаянно завидует Абаю, что уж совсем не похоже на образ исторического Шакарима.

Из-за подобных, в угоду тоталитарному режиму, описаний роман «Путь Абая» не обязательно считать фактографическим источником. Это художественная проза, причем замечательная проза, написанная великолепным слогом казахского языка. А художественное произведение допускает свободное толкование событий и фактов и — подчеркнем еще раз — идеологически обусловленных.

Кунанбай в жизни был не просто человеком большого ума, он являлся носителем практических знаний, накопленных многовековым опытом кочевого народа. Без этого качества он не смог бы стать авторитетным лидером в иерархии традиционного национального родоустройства. Обладал отличной памятью, безупречной эрудицией, даром убеждения, предвидения и красноречия. Об этом не без юмора писал и А. Янушкевич:

«Кунанбай — это просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены. Едва проснется, как пускает в ход язык, и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он — как оракул, что вещает со своего треножника... На каждые три слова у него цитата из шарията, а

память такая феноменальная, что все указы и распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает».

Твердость характера, граничащую с жестокостью, Кунанбай проявлял всегда, когда обнаруживалось посягательство на традиционные устои. С нарушителями древних законов он был беспощаден, как и полагалось родоправителю. В период установления в степи новых порядков, введенных российской администрацией, пострадавшие от Кунанбая степные воротилы бросились с жалобами к русской власти и находили сочувствие. На старшего султана Каркаралинского округа Кунанбая Оскенбаева были заведены дела. Следствие по ним длилось несколько лет. В итоге все дела были благополучно закрыты.

Достоинства деда в «Родословной...» описал и Шакарим, называя Кунанбая — «кажы». Так казахи именовали и именуют людей, совершивших хадж — паломничество в Мекку.

«Кунанбай-кажы родился в пору, когда народ был темен, — писал Шакарим. — И хоть он едва разбирал буквы, тайком от отца Оскенбая брал присылаемые ему отовсюду письма. Сличая их, прочитывал самостоятельно — так научился читать тюркские книги. Позже он нанял ногайских мулл, открыл школу, в которой казахские дети учились грамоте. Кажы стал, таким образом, тем человеком, благодаря которому казахи нашего края обучились грамоте и письму. Открывшая нам глаза на мир школа стоит в местности Ескитам. Приходившие к Кунанбаю-кажы люди делали намаз, даже если прежде не совершали его. Когда один мулла заявил, что насыбай (нюхательный табак) — это харам (нечисть), кажы пригрозил влить купорос в ноздри тому, кто употребит насыбай. Именно он приучил казахов, прежде никогда не дававших закята, совершать этот акт милосердия. А нынешняя мечеть в Каркаралинске, построенная этим человеком, — поистине благодарение Богу. Кунанбай-кажы был даже помощником ага-султана, но его целью была не вселенская слава. Он надеялся, пользуясь уважением народа, угрозами ли, ласкою ли, наставить казахов на путь шариата».

Сведения Шакарима можно дополнить. Кунанбай был не только помощником ага-султана (старшего султана), он был избран в 1849 году в Каркаралинском округе собственно ага-султаном и прослужил в этой должности до 1859 года. По статусу ага-султан имел чин майора российской службы и являлся главой местного правления. За десятилетнюю службу ага-султан получал дворянское звание. Соответственно казахи называли своего предводителя как дворянина: Кунанбай-мырза (господин Кунанбай).

Что касается мечети в Каркаралинске, то она была построена в 1851 году после сложных переговоров Кунанбая с представителями царской администрации. Чиновники не сразу дали согласие на строительство мечети в Каркаралинске, который был в то время казачьей станицей. В годы Гражданской войны белые офицеры пытались устроить в мечети казарму для солдат, однако, по легенде, под утро солдаты спешно покинули помещение, потому что чувствовали себя неуютно, да к тому же ночью кто-то сгрел их сапоги и выстроил полукругом посреди храма. В советское время райком партии издал указ о размещении в стенах мечети библиотеки. Но из этой затеи ничего не вышло. После обретения Казахстаном суверенитета в 1991 году каркаралинская мечеть, возведенная некогда дедом Шакарима, была полностью восстановлена и вновь обрела изначальный статус сакрального дома.

Кроме общественной школы Кунанбай содержал муллу и учителя в собственной семье, постоянно заботясь о просвещении детей.

В архивных документах сохранилась запись о том, что ему удалось уговорить степняков делать прививки от оспы.

Не слишком навязчиво, но вполне настойчиво Кунанбай, верующий человек, обращал в мусульманство сородичей, не говоря уже о домочадцах. Он полагался больше на практику, нежели на какие-то теологические познания. Сведений о его теософских размышлениях нет, но совершенный им в 1873 году хадж в Мекку и покупка там гостиницы для паломников-казахов впечатлили членов рода Тобыкты. В дальнейшем они старались беспрекословно исполнять требования Кунанбая-кажы по соблюдению этических норм шариата, под которым обычно понимается комплекс религиозных, нравственных, юридических и бытовых установок, закрепленных Кораном для верующих.

На волнах безмятежного счастья

Семейство Кунанбая было одним из самых просвещенных в казахской степи, где издревле с благоговением относились к людям, обладавшим знаниями. Старшая жена Кунанбая Кунке происходила из достаточно знатной семьи. Ее отец, бий Аганас, слыл умным и справедливым человеком. По степным понятиям, брак между Кунанбаем и Кунке был высокородным союзом, predetermined правилами феодальной знати.

Кудайберды, сын Кунанбая и Кунке, был одаренным, как и все потомки Кунанбая. Он родился в 1829 году, свободно обучился грамоте и умению вести хозяйство. Руководил перекочевками, воплощая знания предков в движение по извечному природно-циклическому кругу. Это начиналось с весны, когда караваны шли на летние пастбища (жайляу). И жили там до самой поздней осени, пока октябрьский или ноябрьский снег не накроет юрты и не вынудит кочевья уйти до следующей весны на зимовки (кыстау) в дома, сложенные из саманного кирпича, реже — из бревен.

Кудайберды был заядлым охотником, что немаловажно для Чингистау, урочища, распадки и луга которого были полны дичью. Можно сказать, что счастье и удача сопутствовали ему. Когда Кудайберды достиг, на взгляд отца, сознательного возраста, он принял решение женить сына. На этот случай в голове дальновидного родопрародителя имелось несколько вариантов. И он, отправив своего человека для сватовства, выбрал дочь честного, хотя и небогатого человека по имени Алдаберген, который сумел дать приличное по тем временам образование детям. Дочь Алдабергена Толебике знала грамоту, считалась, несмотря на молодость, искусной хозяйкой.

Так в 1843 году Кунанбай сосватал для молодого Кудайберды Толебике, будущую мать Шакарима. С юных лет она читала книги на арабском языке и книги, написанные по-тюркски. Была необыкновенно способной рукодельницей — вышивала, выкладывала на тканых изделиях и коврах казахские национальные орнаменты, кроила и шила одежду и даже изготавливала ножи, пользуясь кузнечными мехами.

Выйдя замуж за Кудайберды, Толебике оставила многие из этих занятий, кроме вышивания, шитья и изготовления орнаментов. Чтение стало занимать ее меньше, хотя две книги на арабском — сборник толкований исламского права «Гибадат исламия» и свод мусульманского закона «Мухтасар-ул-Викая» — Толебике держала при себе всю жизнь.

Однако от кузнечных дел ей пришлось отказаться. Она помнила, как, провожая из отчего дома, ее предостерегали, что кузнечные пристрастия не к лицу женщине. Тем не менее Толебике успела научить ковать железные узоры одного из друзей своего мужа Кудайберды, который потом часто вспоминал, что кузнечному делу его обучила сама Толебике.

Еще одна грань одаренности этой женщины проявлялась в том, что она слагала стихи. Никто их не записывал по той же причине, по которой в степи не записывались творения множества других акынов и певцов-импровизаторов.

Кочевой народ всегда слагал стихи и песни в силу особого образного мышления, которое неудержимо овладевает людьми, обитающими на вольных просторах. Никакой тяжелый труд, отдающий конским потом и кислым запахом выделяемых шкур, не способен перебить тот романтический дух свободы и воли, что необратимым образом рождается на просторах степи, ограниченной лишь небом.

Шакарим родился в то лето, когда аул Кудайберды стоял на жайляу в Байкошкаре. Спустя несколько дней счастливый отец устроил праздник в честь рождения сына, зарезав коня. На празднование прибыл глава рода и дед младенца Кунанбай. Он и нарек новорожденного именем Шакарим, отыскав его, как принято в набожных семьях, в сводах Корана. Имя это отражало уважительное отношение к этике ислама. Оно звучало изначально как Шахкерим. «Керим» по-арабски означает — щедрый, отзывчивый, великодушный. Кроме того, «Керим» — второе название Корана, книги Чтения. Но с самого раннего возраста малыша стали именовать на казахский лад — Шакарим. В такой форме имя закрепилось за будущим поэтом.

Он провел под сенью патриархального отчего дома безмятежные годы детства, не омраченные до поры до времени невзгодами.

Кудайберды, верный сын Кунанбая, придерживался одного наследного правила — приобретать знания, и это позволяет судить о нем как о носителе зарождающейся просветительской традиции. Он делал все, чтобы дать образование детям в условиях отсутствия системы образования как таковой. В казахской степи издавно обучиться грамоте удавалось только выходцам из знати. Школьного образования не существовало до тех пор, пока в XIX веке такие родоправители, как хан Жангир, султаны Чингиз Валиханов (отец Чокана Валиханова) и Кунанбай Оскенбаев, не стали создавать при своих аулах школы, в которых обучались не только их наследники, но и дети из других казахских семей.

Все же подобные примеры в XIX веке были единичными, и

понадобилась система советского образования, чтобы школьное обучение стало общенациональной нормой.

Султан Кунанбай, ревностный мусульманин, в 1853 году в местности Ескитам (в переводе — Старый дом) построил специально дом, в котором мулла учил грамоте и отпрысков Кунанбая, и молодую поросль из близлежащих аулов. Обычно набиралось около двадцати учеников. Учитель и дети дневали и ночевали в доме-школе до весны, пока не наступало время аулам откочевывать на жайляу.

Обучение грамоте состояло из двух основных дисциплин: изучение собственно арабского языка с чтением на арабском Корана и других мусульманских книг; чтение и письмо на казахском языке с помощью арабского алфавита — эта дисциплина называлась тюркской грамотой. Впрочем, тюркских книг было мало, и почти все обучение сводилось к познанию религиозных сводов.

Маленький Шакарим не всегда поспевал за братьями. Частенько он оставался играть один и забавлялся разнообразными фигурками: архара, волка, лисицы, ястреба, гусей, уток, охотника с ловчей птицей, которые вырезал для него из бумаги отец. Наблюдая за матерью, которая вышивала узоры по ткани или вырезала орнамент, он и сам рисовал и вырезал узоры. То стучал по железкам, повторяя действия матери, то разводил краску или вырезал по дереву. Иными словами, с младых ногтей приобщался к искусству домашнего ремесла. Детские годы подарили Шакариму ощущение безоглядного счастья. Играя с детьми из других семей, он, естественно, не думал о причинах социальных или сословных различий.

«Однажды я обратил внимание, что взрослые ребята с азартом мечут альчики, бегают наперегонки, в лунные ночи играют в «белую кость», — писал он позже в «Зеркале подлинного счастья». — Игры их показались мне намного интереснее наших, малышей, — копания «колодцев», строительства «дворцов» из камней. Вскоре я примкнул к подросткам, стал играть в их игры. Вот это и было, наверное, моим первым слепым стремлением к счастью. У мальчишек дело редко обходится без ссор и потасовок. Стыдно, но я, бывало, запугивал детей бедных родителей тем, что «все расскажу отцу». Кем были мой отец и мои братья? — Богатыми, влиятельными людьми, правившими жизнью всего округа. Кто же не убоится их?»

Как-то старший брат Амир вздумал обучить Шакарима музыке. Усевшись на траве возле юрты, он стал показывать младшему брату приемы игры на домбре и не успокоился, пока у малыша не начало что-то получаться.

И домбру, и обучение грамоте, и вырезание фигурок из бумаги маленький Шакарим воспринимал как приложение к детским играм. Он во всем искал развлечение, тянулся к новым забавам и огорчался, если не находил в них длительного удовольствия. Не сразу учеба стала увлекательным занятием. Но необходимость ходить на уроки к мулле постепенно приучила к дисциплине, и малыш неожиданно для себя потянулся к знаниям, находя все больше и больше интересного в обучении.

Именно в эту пору в жизнь Шакарима вошел Абай, который доводился ему дядей, был старше на тринадцать лет и относился к нему как к самому младшему и очень смышленому племяннику.

Абай, сын Кунанбая от его второй жены Улжан, родился 29 июля (по старому стилю) 1845 года в родовом ауле в Чингистау, в местности Каскабулак. Набожный Кунанбай дал сыну священное имя одного из пророков — Ибрагим. Малыш был подвижным и любознательным ребенком, забирался в разнообразные опасные места. Бабушка Зере беспрестанно повторяла: «Абай бол! Абайла!» (будь осторожен). И с легкой руки бабушки за мальчиком осталось имя Абай в значении — осмотрительный, вдумчивый. Детство Абая было согрето вниманием матери Улжан и бабушки Зере — незаурядных и одаренных натур. От них он получил свои первые познания о мире сущем и мире слов, мире книг. От них впитал любовь к казахскому языку, народным песням, поэмам, легендам. Затем он был отдан отцом на учебу в медресе мурлы Ахмета Ризы в Семипалатинске.

Благодаря природным способностям Абай скоро добился успехов в учебе, освоил арабский язык. Его ум жаждал впечатлений, он был неутомим и неудержим в погоне за знаниями. Программы медресе ему было мало. Легко овладев персидским и другими восточными языками, открыл для себя произведения великих поэтов Востока — Навои, Низами, Саади, Фирдоуси. Существует легенда, будто втайне от учителей, нарушая устав медресе, он посещал в Семипалатинске русскую приходскую школу, чтобы обучиться русскому языку. Но освоить его суждено было позже, в зрелые годы.

С четырнадцати лет Абай по воле отца стал участвовать в общественных делах. Кунанбай отправлял его в подроды рода Тобыкты решать земельные, имущественные, хозяйственные вопросы. И молодой помощник родоправителя успешно справлялся с заданиями. Определял на местах, на какие земли следует кочевать аулам, кто прав в том или ином споре сородичей. Его решениям подчинялись целые аулы, к нему относились как к полноправному бию. Абай, впрочем, сознавал, что

солидная доля его авторитета принадлежит отцу Кунанбаю, безоговорочно уважаемому тобыктинцами. Поэтому не считал себя избранным, предпочитая сравнение с рабочей лошадкой, нежели с чистокровным скакуном. «Простолюдин, превознесенный умом выше царей, превознесенных родом», — любил говаривать он и эту сентенцию занес в 1897 году в свои знаменитые философские размышления.

Чем больше знакомился молодой Абай с обществом, тем больше тянуло к родным. Он видел, что именно семья в кочевом обществе является основной структурной единицей, от прочности которой зависит единство всего народа. Члены семьи должны помогать друг другу, воспитывать и вести за собой младших — эту истину он осознал интуитивно, воспринял сердцем и воплощал в жизни.

Абай был сильно привязан к старшему брату Кудайберды, дети которого очень любили дядю. И когда он появлялся в ауле, они не отходили от него ни на шаг. Талантливый и чуткий Абай был первым, кто читал им стихи поэтов Востока, которые помнил наизусть, пересказывал истории из прочитанных книг. А потом начинал рассказывать сказки из «Тысячи и одной ночи». Дети слушали затаив дыхание истории про Синдбада-морехода, Аладдина, Али-Бабу и сорок разбойников, уносясь в мир грез и волшебства. Они засыпали и видели во сне неведомый океан и сад, полный диковинных чудес.

«Тысяча и одна ночь» стала первой книгой, прочитанной Шакаримом от корки до корки. Многие сказки он потом любил пересказывать домочадцам. Знал наизусть и стихи персидских поэтов, поселил их образы в своем сердце, сохранив в душе любовь к восточной поэзии на всю жизнь. С детских лет Шакарим чувствовал нерасторжимую связь с героями казахского эпоса. «Ер Таргын», «Алпамыс», «Кобланды», «Кыз Жибек» — эти творения, записанные арабским шрифтом на казахском языке и прочитанные им, естественно оказывали влияние на диалектику его души. Всякий раз, перечитывая «Кыз Жибек», маленький Шакарим, дойдя до того места, где Толеген печально прощается с шестью лебедями, не мог сдержать детских слез. Переживал он и тогда, когда читал о горьких стенаниях Жадыгера в «Алпамысе». Сентиментальность — особое чувство у казахов, которое конечно же не выставляется напоказ, но присущее даже суровым батырам. Каждый казах — это человек сердца, чувствительная натура, искренняя душа, которая жаждет совершить добро и понять Вселенную.

Детские годы, теплая атмосфера семьи-храма, оставившие отсвет на всей судьбе Шакарима, вспоминались им как благословенный дар небес.

«На самой заре своей жизни, — писал он в «Зеркале подлинного счастья», — делая первые шаги, пытаясь произнести первые слова, я чувствовал привязанность к сверстникам, с которыми играл, любил их искренне, как родных братьев, увлекшись играми, забывал о еде и быстротекущем времени. Мое безмятежное счастье! Невинные забавы, любовь к друзьям, трепетная забота отца и матери, которую я ощущал, возвращаясь домой! Куда все сгнуло? Где это теперь?»

Медный коготь беркута

Помимо чтения и занятий различными ремеслами основным увлечением в молодости для Шакарима была охота. К ней он приобщился с одиннадцати лет, когда Абай научил стрелять из ружья. С этого момента юноша не расставался со старым отцовским дробовиком, в котором порох насыпался на полку и поджигался через фитиль. Он регулярно чистил дробовик, заботился о том, чтобы не иссякали запасы пороха и дроби, заказывая их собиравшимся в город родственникам.

С четырнадцати лет Шакарим держал скаковых лошадей специально для охоты с беркутом. Приручать ловчих птиц начал с помощью опытных охотников. Ему удалось вырастить красавца беркута с размахом крыльев около полутора метров. Его еще птенцом взяли из гнезда охотники и принесли Шакариму. День за днем в течение нескольких месяцев юноша кормил птицу с рук, пока она не выросла и не привыкла выполнять команды человека. Еще три месяца учил беркута брать добычу. С ним охотился летом и осенью на гусей, зимой — на лисиц и зайцев.

Однажды он пустил беркута на молодого горного козла. Это была ошибка: беркут не удержал в когтях быстроногое животное, которое легко сбросило птицу. Шакарим подскакал к питомцу, посадил на руку и надел колпак на глаза. Осмотрев птицу, увидел, что один из длинных когтей отломан — видно, застрял в густой шерсти козла.

Что тут можно было сделать? В голове мелькнула фраза из народных сказаний: «Железными когтями беркута вцепился Абылай-хан во врага». «Почему и вправду не сделать беркуту металлический коготь?» — подумал юноша.

Вернувшись в аул, посадил птицу в сарай, а сам пошел в мастерскую. Развел огонь под кузнечными мехами и принялся стучать молотком по железной пластинке. Однако быстро понял: железный коготь неудобен. Взял медный прут и выковал тонкий коготь. После подгонки приладил изделие к лапе птицы.

С этого дня Шакарим называл беркута Жез Туяк — Медный Коготь.

К Шакариму стали заглядывать любопытные жители окрестных аулов, прослышавшие о диковине — медном когте. Скотоводы осматривали птицу, дивились приспособлению, восхищались мастерством охотника, воплотившего в реальность сказочный образ хищной птицы с железными когтями. Юноша не особенно внимал похвалам, говоря, что дело было

нетрудным — подумаешь, медный коготь, бывали изделия и посложней.

К пятнадцати годам он вырос, статью походил на отца Кудайберды. Весь облик — подтянутая фигура, опрятная одежда, прямая линия сомкнутых губ — говорил о выдержке и сдержанном характере. Но внимательный взгляд умных глаз излучал такой мощный внутренний свет, что собеседники обращались к Шакариму с неподдельным интересом, словно ожидая откровения, которое ждут всегда от подлинного таланта. Был он крепок, строен, физически силен, несмотря на перенесенную в детстве оспу. Жизнь на природе закалила организм. В условиях кочевья и на охоте он стойко терпел и холод, и зной. Смелости было не занимать. Он отважно бросался в тугайные чащи за кабаном, если была надежда подстрелить зверя.

Но незаурядную физическую силу категорически отказывался применять по отношению к людям. Принципиально не участвовал ни в каких молодежных стычках. А если конфликт был неизбежен, неизменно выступал в качестве примирителя сторон. Не лишенный твердости характера, он органически не переносил насилие, чем вызывал немалое удивление у молодых людей, которые с детства знали о необходимости силой защищать имущество рода, прежде всего скот. Шакарим готов был горой стоять за родичей, но по врожденному чувству человечности искал мирные способы разрешения споров.

Этому принципу он не изменял до конца жизни. Искренне любил народ, всех казахов. Считал, что люди не должны смотреть на соседей из другого аула как на врагов. Он не был создан для насилия, не терпел даже сквернословия. Неприличные выражения вызывали категорическое отторжение.

В шестнадцать лет он имел славу одного из самых удачливых охотников в Чингистау. Шакарим брал с собой на охоту книги, письменные принадлежности и днем, когда солнце пекло невыносимо, забирался в тень, читал, пробуя собрать неясно мерцающие в голове мысли в рифмованные строки. Когда это удавалось, записывал стихи, чтобы показать позже Абаю.

Порой ему чудилось, что он нашел то редкостное сочетание мысли, остроты чувств и порядка слов, которое присуще подлинной поэзии. И тогда, ощущая подъем в душе, принимался мечтать. В юношеских мечтах ему начинало казаться, что он написал действительно замечательные стихи и что жизнь созданных строк, возможно, окажется дольше его собственной.

Почему-то на склоне лет, вспоминая дни юности, проведенные на охоте, он сожалел о времени, потраченном, как он говорил, на забаву.

*Охота — радость сердцу моему,
Но есть ли польза от нее уму?*

Задаваясь таким вопросом, поэт добавлял изрядную порцию назидания:

*Поначалу так сладка к охоте страсть,
Кто ж не хочет праздности, свободы всласть.
Но не предавайтесь страсти навсегда,
Лучше думать о полезности труда.*

Никто никогда не осуждал его за то, что он увлекался охотой. Только сам он мог догадаться выговаривать себе за юношеское увлечение. Все, что он добывал как охотник, обитая на природе, возвратилось сторицей — наблюдениями, навыками, мыслями, стихами, воспоминаниями. Шакарим ходил на охоту до самой старости, это занятие кормило его и домочадцев.

Но тогда почему в преклонном возрасте вдруг стал выражать суровое осуждение? Можно, конечно, сказать, в качестве общего замечания, что воспоминания часто приводят к угрызениям совести. Например, каялся в воспоминаниях Лев Толстой, который, обладая беспощадной памятью, раскаивался в честолюбии, грубой распущенности, эгоистических заботах о приумножении состояния семьи. Великий писатель любил стихотворение Пушкина «Воспоминание»:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

«В последней строке, — писал Толстой, — я бы только изменил так: вместо «строк печальных» поставил бы: «строк постыдных не смываю».

Вне сомнения, Шакарим, как и Толстой, искренен и правдив в раскаянии. Сожаление о времени, потраченном в молодости на охоту, возникло у Шакарима лишь в зрелые годы и только потому, что с годами творчество поглотило его без остатка. Ему уже не хватало дней и ночей для сочинительства. Он вступил в гонку со временем и готов был даже

юношеское увлечение охотой осудить, словно этим мог вымолить у Вечности лишнее время на творение стихов.

Но в молодые годы, отправляясь на охоту, он пребывал в настоящем единении с природой, знал как свои пять пальцев любую местность в Чингистау. Писал стихи о степи, пестовал своего беркута, забирался в самые дальние ложбины в поисках не то дичи, не то новых впечатлений. Страсть Шакарима порой передавалась Абаю, который тоже изредка выбирался на охоту. И когда летом 1874 года Абай пригласил его в Акшоку, наказав прихватить ружье, Шакарим без долгих колебаний собрался в дорогу.

Тот памятный сезон охоты, длившийся почти месяц, стал для Шакарима не только школой охотничьего мастерства, которое преподавал ему приехавший из Семипалатинска русский талантливый охотник по имени Алексей, это было и вхождение в неповторимо личностный мир Абая, в его особое восприятие коренных вопросов жизни: добра и зла, труда и праздности, богатства души и скудости ее, силы человека и его бездействия.

Считая литературу эстетическим началом жизни, Абай «экзаменовал» юношу на знание восточной лирики. Обращал его внимание на просветительские мотивы в творчестве Навои, напомнив, что прошло несколько веков после написания «Смятения праведных», но ничего в деле просвещения сородичей-тюрков не изменилось с тех пор. Тысячелетний сон народа, тревоживший Абая, не мог не вызвать вопроса Шакарима.

— Абай-ага, а волостным быть трудно? — спрашивал он.

— Легко, если у тебя твердое, как камень, сердце. И трудно, если каждый раз ставишь себя на место других.

— Почему у нас так много желающих быть волостным?

— Видишь ли, так было не всегда, — отвечал Абай. — Раньше ни один человек не мог стать бием, султаном или ханом, не показав умения отстаивать интересы народа. А сейчас волостные обнаружили, что могут обогащаться, продвигая интересы богачей. Отсюда борьба за должности. Она чужда нормам адата, обычного права казахов. Но кто сегодня думает о заветах старины?

Абай вздохнул, рассматривая в задумчивости голубой кусочек неба в круглом проеме юрты — шаныраке. Он думал об угасающей воле свободных некогда кочевников — возродится ли она в будущем?

Шакарим тоже пытался заглянуть вперед, силясь понять, кто, какие люди будут оценивать их через сто лет. Воображение рисовало красивых людей, читающих вслух стихи Абая, а может быть, и его стихи. Он стал

читать про себя одно свое сочинение, зажигаясь особым ощущением силы. Оно разгоралось ярче, пока не охватило, как пламя, все существо:

*Стоп, жигиты! Настал размышлениям час,
Знания, обычаи — все разберем без прикрас.
Хватит слоняться без дела в невежестве диком,
Время иначе накажет безжалостно нас.*

*Не пожалей, подари человеку, любя,
Умную, дельную мысль, что есть у тебя.
Нам не пример чьи-то хитрость, бесчестье, обман.
Только кумира бы не сотворить для себя.*

*Нет у властителей воли, чтоб им подражать.
Все их дела — воровать да от страха дрожать,
Грязные мысли как благо преподносить.
Нет, суждено им в итоге жестоко страдать...*

Эти строфы вошли позже в большое стихотворное обращение «К молодежи».

Горечь необратимых потерь

Жизнь кочевников в чем-то поразительно схожа с жизнью персонажей любимой книги Шакарима «Тысяча и одна ночь», которая построена на крайностях: бедный в один миг становится богатым, а богатый — бедным, несчастные внезапно обретают счастье, правители неожиданно превращаются в самых бесправных людей.

Так случилось, что отец Шакарима Кудайберды еще молодым заболел чахоткой. Осенью 1865 года Кудайберды почти не вставал с постели. В памяти Шакарима, который очень любил отца, это время и образ отца отпечатались с кинематографической точностью. Впоследствии он не раз делился впечатлениями с близкими. Его сын Ахат приводит в воспоминаниях такой рассказ Шакарима:

«В последний год жизни отец редко ходил на охоту, большую часть времени был дома. Читать рассказы на тюркском не перестал. С осени начал худеть, часто кашлял. Прежде отец был высоким, широкоплечим мужчиной с красивой осанкой, пронзительным взглядом, со светлым лицом, черной бородой и черными усами, был подвижным, бодрым. А теперь хоть и разговаривал не меньше, но сильно похудел».

Абай в это время был в городе. Узнав об обострении болезни брата, он закупил лекарства и выехал в аул.

Шакарим очень хорошо запомнил тот момент, когда Абай вошел в дом и обнялся с больным. Кудайберды обрадовался брату и стал бодро разговаривать, словно и не было болезни. Абай поил больного белым порошком и каплями красного цвета. Потом заговорил о том, что надо срочно везти его в город к врачам.

— Это правильно, — отвечал Кудайберды, — но сейчас зима, а вот к лету обязательно повезешь.

К середине апреля, когда потеплело и стала зеленеть трава, болезнь дала о себе знать, Кудайберды уже не вставал с постели.

«В доме прекратились игры, возня детей, — продолжал воспоминания Шакарим. — ...все, кто раньше говорили громко в силу своего характера, шутили, смеялись, шумели, теперь разговаривали только шепотом. Мне казалось, что все вокруг замерло, застыло в тишине. Меня охватывало отчаяние, на сердце лежала какая-то тяжесть, оно билось часто-часто».

Шакарим очень тяжело перенес кончину отца. До последних дней своей жизни он носил в себе его образ, помня счастливые минуты,

проведенные с ним.

Смерть Кудайберды стала горем для рода Тобыкты, потому что он ушел из жизни в расцвете лет, ушел в ту пору, когда его щедрая и добрая душа распахнулась навстречу людям. Народ всегда без лишних слов ценил таких добродетельных людей, поминая добрым словом, слагая о них легенды. И когда не стало Кудайберды, сородичи пришли прощаться не по долгу родства, а по велению сердца.

«Смерть отца, монотонные голоса мужчин, опиравшихся на палки, плач, причитания женщин в доме легли на сердце тяжестью, разрывали грудь, — вспоминал Шакарим. — И хотя все вокруг, пробужденное к жизни Создателем, цвело по-весеннему, мысли мои, казалось, кто-то придавил чем-то тяжелым.

Проходя мимо дома, в котором были женщины, слышал их плач. Кажется, я запомнил тогда наизусть все их причитания. Прислушиваясь к горьким женским рыданиям, я тоже начинал плакать. Уподобляя себя Жадьгеру, сыну Алпамыса-батыра, подолгу плакал в одиночестве. Были моменты, когда, думая об отце, вспоминая, как он баловал меня, что говорил, не мог успокоиться от плача. Перед глазами всплывала сцена прощания Толегена с гусями, я вспоминал его горестную песню, и мне казалось, что я сам пою печальную песню».

Кудайберды скончался в апреле 1866 года в возрасте тридцати семи лет, оставив после себя пятерых сыновей. Амиру было четырнадцать лет, Муртазе — одиннадцать, Шахмардану — девять, Шакарим не достиг восьмилетнего возраста, а Ырзыкбаю не было и сорока дней. Старшая жена Толебике овдовела в тридцать шесть лет, младшая жена Ботантай — в тридцать три года.

У постели умирающего Кудайберды его отцовские обязательства принял на себя Абай. Он обещал любимому брату, что на своих плечах пронесет по жизни его детей, позаботится о их будущем.

Молча, без всяких клятв, заботы о семье Кудайберды взял на себя Кунанбай. Поэтому вдовы и их дети после смерти Кудайберды жили, не испытывая особых материальных затруднений, благодаря заботе представителей влиятельной династии. Хотя хлопот, безусловно, прибавилось всем.

Шакарим так тяжело переживал смерть отца, что его утешали взрослые, утешала мать. Впечатлительный мальчик долго не мог свыкнуться с потерей любимого человека, и слова взрослых лишь усиливали ощущение необратимости потери. Он искал уединения, что было необычно для любого ребенка, но взрослые не находили в его

отчужденности ничего угрожающего, относя причуды мальчика на счет постигшего его горя.

Если в усвоении премудростей одиночества Шакарим уже тогда, вероятно, не знал себе равных в семье, часто пропадая в степи, вслушиваясь в пение жаворонка, треск сверчков, шелест ветра в траве, а ночью внимая дружелюбному молчанию луны и таинственному сиянию звезд, то в общении с людьми ему еще только предстояло обрести уверенность в себе.

Постепенно Шакарим стал все больше проникаться новым, отеческим отношением к себе деда Кунанбая, который считал себя обязанным заботиться о детях Кудайберды. Дед любил принимать внуков у себя в ауле. Бывало, сам заезжал к снохам. Сажал рядом Шакарима, расспрашивал о прочитанных им книгах, запомнившихся стихах, проверяя его познания. Если рядом оказывались старшие дети, Кунанбай несколько назидательно принимался учить их добродетели — это была его излюбленная тема.

— Обязательно станете уважаемыми людьми, если будете творить честные дела, если сами будете честными, — говорил он детворе. — Уважайте других, тогда и вас будут уважать. Человек только с народом хорошеет. Надо стараться понравиться людям, тогда понравитесь и Богу.

— Ата, а ты Бога видел? — прерывал деда Амир, старший из детей.

— Ай, тентек (озорник)! — прикрикивал Кунанбай. — Разве такие вопросы можно задавать?

— Говорят, он похож на кривого Жумыра из аула караба-тыров.

— Кто это тебе сказал, негодник? Совсем совесть потеряли, нечестивцы! Чему учат детей, вы только посмотрите.

Шалун, довольный, что уел деда, отправлялся по своим делам.

Кунанбай не сердился долго на своевольного внука и переносил внимание на чуткого и отзывчивого Шакарима. Он часто забирал его в свой аул, вероятно, заметив, насколько несчастен бывает маленький мальчик каждый вечер. Внук месяцами гостил у деда, который всячески старался на свой манер скрасить его горестное состояние.

Покровительством могущественного Кунанбая, который баловал внука сверх меры, Шакарим пользовался с детской непосредственностью. Он писал позднее в «Родословной...»:

«После смерти отца я, сирота, остался на воспитании у деда-кажы. Но поскольку наш аул и наша зимовка издавна стояли отдельно, а кажы, жалея меня как сироту, не хотел заставлять учиться насильно, то я остался в стороне от обучения, делал, пользуясь своим сиротством, все, что взбредет в голову, рос без знаний, как попало. Хотя освоил тюркскую

грамоту и русское письмо».

Самокритичность Шакарима определена, конечно, солидным возрастом поэта, когда он писал «Родословную...». Надеде же маленький Шакарим вряд ли много потерял, посвятив отрочество изучению мира.

Чем жил он в те годы? Просто рос. Впитывал мудрость предков и живых предводителей рода, прежде всего Кунанбая, исподволь вбирая в себя их знание казахского языка, умение ориентироваться в многозначных лабиринтах слов, несокрушимую страсть казахов к словесному творчеству и неистребимое желание говорить на языке вечности. Жадно вслушивался в казахскую устную речь, возведенную в ранг духовной силы, очень ритмичную и образную, густо замешенную на пословицах и поговорках, рифмующуюся лучшими ораторами на ходу.

Влияние мудрого деда Кунанбая, уроки умного и внимательного Абая, свет романтических эпосов и переменчивых очертаний луны — таковы константы формирования души растущего отрока, который начал писать стихи. Первое стихотворение сложил в память об отце.

Это было летом, во время панихиды по Кудайберды. Шакарим сидел на холме перед домом, уйдя подальше от людей и ездовых лошадей, заполонивших аул. Увидев ползущую по камню гусеницу, Шакарим раздавил ее. И тут ему стало так жалко гусеницу, что он расплакался, вспомнив о своем сиротстве. В смятении впечатлительный мальчик сочинил стихотворение от имени гусеницы:

*Умертвил ты меня, что нашел в этом?
Жила я себе в расщелине летом.
Сам же ты видел, что такое смерть,
Был жив твой отец, но обернулся погасшим светом.*

*И у меня остались сиротами дети,
И они будут плакать, озирая камни эти.
Ты сам сирота, не жалеешь сирот.
Нет разума в твоей голове и на белом свете.*

Когда Шакарим прочитал вечером это не по-детски серьезное сочинение, женщины стали плакать, причитать и говорить, чтобы он больше не писал таких печальных стихов. На следующий день Толебике показала вирши сына Абаю и стала просить, чтобы тот посоветовал ему не писать пока стихи. Но Абай не согласился и обещал, что будет сам учить

племянника премудрости стихосложения.

С этого момента Абай действительно принялся за обучение племянника поэтическому мастерству. Это была школа, которая продлилась на десятилетия и много дала обоим поэтам. Абай не стал с ходу обучать мальчика премудростям и тонкостям стихосложения. Для начала просто повел его в мир слов, не посвящая неопита в теоретические изыски, а только вспоминая красивые стихи, иногда те самые, которыми восторгался Шакарим, прочитывая первые книги. Абай старался помочь ему ощутить в полной мере всю красоту изящной словесности, вобрать в себя силу искусных символов и метафор, почувствовать эстетику поэтических канонов, выработанных за многие века. А уж потом, если соблаговолит звезды, стихи будут появляться сами собой, как трава в степи по весне.

Отроческие годы Шакарима прошли под сенью Чингистау в постоянном общении с Абаем. Шакарим поначалу не склонен был воспринимать его опеку как некую школу мастерства. Встречи с ним были самой жизнью.

Усмотрев в юном Шакариме божью искру, Абай навсегда сохранил участливое отношение к племяннику, отличавшемуся от других детей сентиментальным восприятием мира. В нем Абай видел не только смышленного мальчишку, равнодушного к стихам, к устному слову, легко схватывающего практические знания, но еще видел «реплику» с себя, свое отражение. И с удивлением обнаруживал, что мальчик, осваивая мир, делает те же открытия, которые в молодости совершал он сам, преодолевает те же препятствия, с которыми сталкивался и он, создавая свою систему ценностей.

Однажды осенью, когда Шакариму было одиннадцать лет, Абай приехал в их аул. Он узнал, что, наслушавшись рассказов о телеграммах, которые идут по проводам, Шакарим натянул между домом и пристройкой провод из конских жил, чтобы проверить свою задумку. К концам прикрепил глиняные чашки с пробитым дном. Используя их как резонаторы, пытался вести переговоры с братьями, столпившимися на другом конце провода. Эксперимент не удался. Ироничным комментариям не было конца.

А сегодня Шакарим как зашел с утра в сарай, так и потонул в заботах. Очень хотелось обучиться кузнечному делу, причем самостоятельно, без помощи матери. Для начала развел под мехами огонь на кизячном топливе. Затем приготовил заготовку из старого серпа, решив выковать нож. Освободил серп от деревянной ручки, раскалил докрасна на огне железом, удерживая клещами, скрутил в прут. Все получалось хорошо, как у

взрослого мастера. Ударами молотка расплющил заготовку. Но стоило опустить изделие в воду для закалки, как лезвие треснуло. Такого мальчик не наблюдал у матери. Пришлось задуматься.

Он вновь собрал заготовку, раскалил ее, выковал лезвие. Но, когда опустил в воду, оно опять треснуло. Так повторялось несколько раз, пока в сарай не заглянул Абай. Он заметил удрученное состояние мальчика.

— Усердие похвально, — сказал Абай. — Кто трудится только для себя, уподобляется скоту, набивающему брюхо. Достойный трудится для всех. Ничего не получается? А ты не отчаивайся. Лишь бездарный покоряется судьбе. Почему не спросишь у матери, как нужно охлаждать?

— Хочу сам все понять.

— Вижу, что сам, — улыбнулся Абай, — даже вспотел от упорства. Давай все же позовем мать.

Толебике пояснила, что лезвие ножа трескается от охлаждения сразу после сильного разогрева. Необходимо немного подержать на воздухе. И продемонстрировала, как нужно охлаждать заготовку.

Шакарим еще долго трудился в мастерской, с упорством оттачивая умение, которое по силам не каждому взрослому.

А зимними вечерами Абай и Шакарим любили уединиться в дальней комнате. Устроившись на кошке, брали в руки по домбре. Двадцатипятилетний сын кажы Кунанбая к тому времени был уже известным в роду поэтом, хотя в истории остались стихи, написанные им в основном после 1886 года, а первая публикация стихотворений Абая состоялась только в 1889 году.

Для степного аристократа сочинение стихов не считалось достойным занятием, но Абай не собирался соизмерять свои поэтические пристрастия с теми нормами, которые, по его мнению, безнадежно устарели. Он уже понял, что поэзия — непростое занятие, если подходить к нему как к искусству.

Абай начал сочинять стихи с двенадцати лет, легко слагая песни-послания, шуточные мадригалы, ироничные портреты. И не придавал поначалу большого значения стихосложению, поскольку в степи песни сочиняли едва ли не все обитатели, которые часто и разговаривали меж собой рифмованными строками, скороговорками. А уж когда молодежь забавлялась, например, игрой «Найди колечко», проигравший должен был тотчас сложить куплет и спеть песню. Так что стихосложение считалось обыденным занятием.

Долгое время Абай довольствовался тем, что стихи его существовали только в устной форме. Многие по этой причине просто не дошли до нас.

Но более поздние стихи обрели огромную популярность. Они расходились в устной форме, передавались, как водилось всегда в кочевом обществе, от одного сказителя к другому, разносились по степи акынами.

Память людская избирательна. Из многомерного устного творчества в народе оставались лучшие образцы поэзии, пронизывающие, как молнии, толщу веков. И то, что сочинения Абая, созданные в зрелые годы, жили в памяти народной десятки лет, пока, наконец, его сыновья и ученики не собрали их и не издали отдельным сборником в 1909 году, говорит о подлинной силе, красоте и неисчерпаемой глубине его поэзии.

Выросший в религиозной среде, Абай был, по сути, учеником великих поэтов Востока. И часто мыслил себя не представителем степной традиции акынов, а поэтом, погруженным в мир исламской философии. Но вовлекать юного Шакарима в мистические суфийские конструкции Абай считал преждевременным.

Еще в молодые годы стал понимать, что казахской поэзии, тонущей в бытовых описаниях, нужна глубина, которую может обеспечить лишь чистая, свежая, живая мысль. И в пору сумеречного разлада с окружающим обществом все больше размышлял об эстетических принципах стихосложения.

Именно в этот период он стал чаще навещать Шакарима, делаясь с ним мудренными мыслями о словесном творчестве. Юноша с кристально ясной душой был для него сродни незамутненному истоку с чистой родниковой водой. В нем одном Абай находил оправдание поэтическим исканиям и моральным принципам, поставившим его в противостояние с обществом.

То, что Шакарим рос чрезвычайно умным и начитанным молодым человеком, несомненно, было заслугой Абая. Благодаря последнему он счастливо избежал той болезненной поры в отроческие годы, что зовется, по определению Л. Толстого, «пустыней одиночества». Юноша с жадностью проглатывал книги, которыми не переставал снабжать его дядюшка.

В свою очередь Абай, остро осознававший драматизм жизни в родной среде, испытывал чувство единения с юным Шакаримом и благодарно делился с ним своей программой самообразования через литературу народов Востока, русский язык и европейское Просвещение.

Мелодии зимних вечеров и ритмы города

Охотничий период сменился временем частых разъездов.

Зимой вместе с братьями Муртазой и Шахмарданом Шакарим поехал на свадьбу к родственникам матери.

Родственники, наслышанные о разнообразных талантах Шакарима, были особенно рады ему. От мала до велика они были, что называется, творческими людьми. Их аул славился своеобразной артистической средой, атмосферой жизнелюбия и одухотворенности, которая возникала по вечерам, наполненным песнями, чтением стихов, монологами сказителей.

Не каждый день, конечно, устраивались концертные вечера, ибо заботы скотоводов никто не отменял. Но после напряженных будней, в ожидании ужина, традиционно позднего, кто-то из хозяев брал в руки домбру, начинал петь, и песня летела над зимовьем, проникая в юрты и сердца их обитателей. Напевы сменяли один другой, вступала в круг гармонь, густым завораживающим звуком начинал исходить кобыз. Шакарим с головой окунулся в этот сладостный мир творчества. Слушал и запоминал новые песни. Сам исполнял кюи и популярные в степи песни. А затем поразил слушателей исполнением собственных сочинений, которые он побаивался показывать Абаю. Здесь его опусы пошли на ура.

Он почувствовал себя звездой. Он был обласкан любовью дядюшек и тетушек, двоюродные братья наперебой знакомили его с девушками, которым представляли брата как будущего знаменитого акына казахской степи. Посвященных Шакариму, как особому гостю, вечеров было много, что доставляло стеснительному юноше немало неудобств. Торжественно зарезался баран, родственники произносили здравицы, нахваливая гостя. Он успокаивал себя тем, что почет и уважение, свалившиеся на него, — это лишь отсвет славы деда Кунанбая, дяди Абая и покойного отца Кудайберды.

Во время одного застолья кто-то из музыкантов сыграл на скрипке. Звуки скрипичной мелодии произвели на Шакарима ошеломляющее впечатление, даже более сильное, нежели то чувство обновления, которое всякий раз вызывали пронзительные, мистические звуки кобыза. Он был тронут нежной мелодией скрипки до глубины души. На следующий день попробовал сам извлечь из скрипки звуки, но вскоре понял, что нужно специальное обучение. Выяснилось, что игрой на скрипке владеет его старший двоюродный брат Керимкан, который взялся объяснить

премудрости игры на инструменте. Все же скрипка пока не покорила Шакариму.

Середина 1870-х годов вошла в историю становления Шакарима как время близкого знакомства с одаренными людьми. Кроме охотника Алексея таковыми стали родственники Шакарима по материнской линии, у которых он гостил на протяжении двух месяцев и осваивал музыкальное и исполнительское мастерство. Здесь впервые Шакарим услышал скрипку и освоил первые премудрости игры на этом инструменте.

Впечатлениями о поездке юноша делился с родными не один день. Раздавал привезенные подарки — рукотворные изделия талантливых родственников. Здесь были и украшения женщинам, и разнообразные музыкальные инструменты — от традиционной домбры до самодельных губных гармошек и старинных духовых инструментов. В их числе глиняный саз сырнай — особая свирель, сыбызгы — продольная флейта, проще говоря, дудка. С восторгом демонстрировал Шакарим шанкобыз — древний, излюбленный инструмент шаманов-баксы, в России известный как варган. С виду это простой маленький металлический ободок с вытянутыми сужающимися концами. К ободку крепится тонкий металлический стержень. Шанкобыз прикладывается к губам, полость рта служит резонатором. И при ударах пальца о стержень возникает своеобразный нежный звук, очень точно передающий печальное настроение, так часто охватывающее душу в безбрежном пространстве огромной степи.

У казахов в ту эпоху не принято было дарить подобные подарки. Если дарили, то скот — баранов, лошадей, иногда целый косяк. Но родные Толебике не отвыкли входить в жизнь как в праздник и стремились делиться с окружающими своим ощущением радости через искусство словесно-музыкальное и декоративно-прикладное. Особый подарок они заготовили Кунанбаю: инкрустированный кожаный пояс с ножнами для кинжала. Шакарим лично доставил подарок в аул старца. Кунанбай между прочим сообщил внуку, что ему предстоит ехать в Семипалатинск. По давно задуманному плану родных юноша должен был постепенно входить в хозяйственные дела, в том числе ездить в город за товарами. В свои семнадцать лет Шакарим еще не был в Семипалатинске, поэтому понятно волнение, с которым он стал готовиться к поездке.

Жизнь кочевых людей в принципе самодостаточна — это известное положение, в которое, однако, время постоянно вносило свои коррективы. В XIX веке блага городской цивилизации уже не были загадкой или тайной для жителей степи. Торговля, товарный обмен, административные контакты

постепенно преобразжали изолированный облик кочевья. В быт казахов все прочнее входили предметы, поставляемые из города. Со временем выяснилось, что выгоднее продавать скот, пригнав его в город, а на вырученные деньги закупать муку, чай, сахар, мед, соль и столь необходимые в степных условиях ткани, зимнюю и летнюю одежду, мебель, металлические изделия, украшения, нитки, иголки, прочую мелочь, нежели добывать или изготавливать все это в ауле. Поэтому степняки снаряжали летом повозки, а зимой — сани в город за товаром.

Пришло время и Шакариму заняться ответственным делом.

Возложили на него и другие обязанности. Ему было поручено не только проследить за закупкой товаров у купцов, но и получить из окружной канцелярии бумаги для Абая, касающиеся жалоб на него. Шакарим получил подробные инструкции, с кем и о чем говорить. Кроме того, имел на руках письмо от Кунанбая к военному губернатору Полторацкому, в котором патриарх рода Тобыкты выражал свое почтение и, по сути, отчитывался о совершенном им хадже (паломничестве) в Мекку, который продлился почти полтора года — с конца 1872-го по 1874 год.

Кунанбай писал, что совместно с представителями из Младшего жуза он купил в Мекке гостиный дом для паломников-казахов, сделал в нем жертвоприношение и оставил хранителем дома человека по имени Канатбай. Он также сообщал военному губернатору, что вернулся из Мекки только в прошлом году и пока не вник в дела волости, которой руководит его сын Абай. Но жалобы, поступающие на него в уездную администрацию, пишут люди из противоборствующей партии. Еще при его правлении в должности ага-султана они не гнушались воровать скот и захватывать чужие выпасы. Кунанбай просил генерал-губернатора остановить разбирательство по лживым жалобам.

Сам Абай не хотел привлекать к ответу никого из жалобщиков, считая, что Бог им судья, и был против письма военному генерал-губернатору. Но Кунанбай строго-настрого велел Шакариму занести депешу в канцелярию. С этим юноша выехал в Семипалатинск летом 1875 года.

Все было в диковину в этой поездке. И трехдневный неспешный путь верхом по степи в сопровождении скрипучих телег, и переправа на пароме через Иртыш, и сам многоводный Иртыш с его бурным течением, заставляющим замирать дух. И, разумеется, город Семь Палат с сотнями деревянных домов по обоим берегам реки.

Шакарим, въехав в Жана Семей — левобережье, мгновенно запутался в кривых улочках. Он смотрел, не отрывая взгляда, на высокие заборы, силясь понять, зачем нужны такие неприступные дома-крепости, что

скрывается за этими стенами — чьи жизни, страхи, ужасы, страдания...

Он остановился на левом берегу в большом двухэтажном доме старца Тиныбая Каукенова, известного семипалатинского купца второй гильдии. Сын Тиныбая Менлибай был женат на дочери Кунанбая Макиш, старшей сестре Абая. Многочисленное семейство Тиныбая проживало в городе, все его отпрыски имели свои дома. Шакариму было наказано в первый приезд напрямик идти к свату Тиныбаю. Его дом найти было легко — по всем известной мечети Тиныбая. Кунанбай сам всегда останавливался у свата, когда бывал в Семипалатинске. А хадж в Мекку он начал именно из дома Тиныбая, совершив намаз в его мечети. Позже из этой мечети начнет свой хадж и Шакарим. Сам Тиныбай совершил хадж значительно раньше — одним из первых казахов семипалатинского края.

Влиятельный и авторитетный купец сделал состояние не на мелкой торговле, которой практически не занимался. В расцвете лет он действовал с размахом, перегонял на север, в приграничные с казахской степью русские города, и на юг, в Китай, многотысячные отары овец, табуны лошадей, стада верблюдов. Обрато из России вез мануфактуру, из Китая — чай, сахар, пряности. На этом рынке Тиныбай выдержал жестокую конкуренцию с русскими и татарскими купцами. Деньги текли в дом, как говорится, рекой. Богатели и наследники, продолжавшие дело отца. В народе была в ходу то ли быль, то ли легенда о том, как тиныбаевский сын Менлибай поспорил однажды с русским купцом, кто быстрее растопит самовар бумажными деньгами — ассигнациями. Победил казах, как полагают, более широкая душа.

Когда Шакарим вошел в его дом, почтенному Тиныбаю было восемьдесят шесть лет. Он уже не снаряжал караваны в Китай и Россию, не скупал скот — этим занимались дети и внуки. Почти все свое время старец уделял мечети, благо она находилась рядом, в смежном дворе. Тиныбай занимался благотворительностью, поддерживая материально нуждающихся мусульман, содержал работников мечети.

Образ города, поразивший странствующего молодого человека, часы ученичества в неспешном общении с благочестивым основателем купеческого клана заставляли Шакарима как бы прислушиваться к чему-то в себе. Вникая в то, как Тиныбай творит свою родословную, уважительно перечисляя по памяти имена предков, без труда вспоминая подробности жизни то одного, то другого представителя рода, Шакарим поймал себя на мысли, что старец не просто скрупулезно перечисляет родных, углубляясь в события, а ткет, в сущности, историю всех казахов, легко ориентируясь в структуре кочевой вечности.

У молодого человека возникло желание тут же вынуть из сумки письменные принадлежности, чтобы записать некоторые особо заинтересовавшие его сведения. Но он не осмеливался прерывать собеседника, справедливо рассудив, что привыкший к традиционному — устному способу хранения знаний — старец может не одобрить его намерений. И только вечером в отведенной ему комнате стал по памяти записывать услышанное. История казахских родов, рассказанная семипалатинским старцем, легла на бумагу.

Это была лишь частица общей истории народа, но Шакарим ощущал подспудную тяжесть веков, скрытую во мраке незнания. Ему мучительно остро захотелось разорвать таинственную мглу, проникнуть взором сквозь завесу, скрывавшую тайну народа, терпеливо и мужественно существовавшего веками на огромном пространстве степи. Он еще не знал, в какой форме следует представлять факты, но решил для себя, что будет и в дальнейшем собирать и фиксировать на бумаге крупницы истории народа, ибо — Шакарим это чувствовал — в мире кочевья, которому грозили необратимые перемены, записанный текст может оказаться более прочным сводом народных знаний, нежели устное слово. Юноша задался мыслью о том, что надо будет по возвращении поговорить о новых впечатлениях с Абаем.

На следующий день первым делом зашел в мечеть Тиныбая, о которой был много наслышан. Мечеть располагалась по соседству с домом. Она возвышалась на каменном фундаменте, все стены до купола минарета были деревянными. Купол и часть наружных стен украшала резьба. В окружении приземистых неказистых деревянных домов с плоскими крышами мечеть казалась особенно внушительным сооружением. Она была построена в 1834 году на личные сбережения Тиныбая Каукенова.

Полюбовавшись зданием снаружи, Шакарим вошел внутрь. Просторный зал был предназначен для молитв мужчин. За передней стеной находились внутренние помещения, а над ними, на втором этаже, — небольшой открытый зал, как догадался Шакарим, для женщин. Такого диковинного архитектурного решения он не встречал, оттого долго дивился на красивое убранство комнат.

Днем Шакарим переправился на правый берег Иртыша. Он ступил на неустойчивый паром с большой опаской. Воды величественной реки сулили неведомые испытания, но на ее середине он вдруг ощутил прилив сил. Свежие порывы ветра кружили голову. Шакарим не мог оторвать взгляда от неудержимого потока. Мощь его передавалась через неумолимое движение водной громады, которая надвигалась, словно стена, и с легким

шумом обтекало тело деревянного плота. Несколько человек тянули руками веревку, надеясь выволить паром из реки. Еще один перевозчик упирался длинным шестом с парома, покуда мог достать до дна реки. Но казалось, противоположный берег и не думал приближаться.

Шакарима охватил восторг. Неужели это грозное течение не прерывало свой бег и столетия, и тысячи лет назад, когда не было его, не было братьев, сестер, отца, деда, предков? Что за сила беспрестанно возвращает к жизни этот грандиозный поток? По какой причине он с мрачноватым видом, неукротимо и серьезно устремляется на север, не иссякая ни на миг? Как не подумать в такое мгновение о безнадежности человеческой жизни, о жалкой судьбе человека в сравнении с бесконечной жизнью этого поразительного создания природы.

Шакарим ощутил вдруг жгучую тоску по Чингистау, по родному аулу, по дому. Ему захотелось оказаться за низким столиком в юрте, чтобы записать впечатления о реке, мысли о скоротечности жизни, а заодно добавить к сведениям старца Тиныбая историю своего рода Тобыкты, которую слышал от взрослых, от деда Кунанбая. Почему-то именно сейчас ему показалось важным закрепить в истории, в вечности память об ушедших предках. Глядя на нескончаемый водный поток, он смутно сознавал, что на каком-то отрезке этого течения протекает и его жизнь, а река воплощает в себе миллионы жизней. Что может их объединять? Только память людская, хотя в ее надежности можно бесконечно сомневаться.

Город на правом берегу поразил Шакарима несказанно. Юноша словно шагнул в другой мир, переплыв реку. Так много разных людей видеть не приходилось. Он оборачивался вслед проходившим мимо русским горожанам. С интересом разглядывал шакиртов — учеников медресе. Улыбался одетым по-степному приезжим из аула как родным. Очень удивило обилие русской речи на улицах. По-русски говорили не только купцы, казаки, русские служивые люди, татары, но и некоторые казахи.

Деревянные срубы за высокими заборами уже не были для него новинкой, но отдельно стоящие капитальные дома купцов впечатлили сильно. Особенно долго он осматривал дом купца Степанова, выпрашивая осторожно у прохожих, что за бай живет в этих хоромах. А больше всего понравился красивый дом военного генерал-губернатора. На кирпичной кладке стены прочел дату постройки — 1856 год.

Шакарим прошел в канцелярию военного губернатора, располагавшуюся в пристроенном доме попроще. Чиновник принял его вежливо, вызвал толмача-татарина. Он впервые разговаривал с русским

чиновником, сильно волновался, но дело уладилось быстро. Секретарь генерал-губернатора принял письмо Кунанбая и пообещал в течение месяца подготовить ответ.

Визит в уездную канцелярию прошел не столь безоблачно. Шакарим нашел судопроизводителя в доме с двускатной крышей. В нем помещались разные казенные учреждения Семипалатинской области, в том числе уездные канцелярии. Судопроизводителем оказался худощавый, лысеющий русский человек средних лет, который сурово объяснил, что господину Ибрагиму (Абаю) Кунанбаеву надлежало самому прибыть для разбирательства, потому что дело не терпит отлагательства. Чиновник сообщил через толмача, что все предыдущие жалобы на Кунанбаева — ничто по сравнению с заявлением некоего муллы Узукбая Борибаева, который обвиняет Кунанбаева в несметных грехах, вплоть до государственной измены. Поэтому до осени господин Кунанбаев должен предстать перед следователем, иначе его заберут конвоем и заточат в тюрьму. С этими словами чиновник вручил предписание для Абая и распрощался с посетителем. Шакарим был настолько ошеломлен известием о грозящей Абаю тюрьме, что заблудился среди улочек города и долго не мог найти дом тети Макиш.

В течение нескольких последующих дней он следил за покупками для дома, ходил по купеческим лавкам. В одной из них увидел музыкальные инструменты — пианино, гармони, барабаны, оркестровые трубы, разнообразные шарманки, а также домбры. С интересом подержал в руках шарманку, осмотрел критически все имевшиеся в продаже домбры и спросил у русского купца, нет ли у него скрипки. Удивленный продавец через работника-казаха, исполнявшего обязанности переводчика, поинтересовался, играет ли покупатель на скрипке. Шакарим ответил, что мечтает обучиться. Продавец пояснил, что он сам музыкант, играет на пианино и скрипке. Сможет, разумеется, добыть скрипку для молодого человека. Сговорились, что в течение двух месяцев скрипка будет доставлена в лавку. На радостях юноша прикупил гармони, на которой играл сносно, и шарманку, не совсем представляя, как ему удастся оживить сию музыкальную шкатулку.

Надолго он задержался в книжной лавке, закупаая книги на арабском языке, рукописные книги, написанные по-тюркски. Но таких книг было мало. Гораздо больше имелось типографских изданий на русском языке. Перелистывая книги и журналы, написанные незнакомым шрифтом — кириллицей, он смутно ощущал, что в этой безмолвной массе текстов таятся огромные знания. За плотными страницами, усыпанными

печатными буквами, ему чудился блистающий мир вневременных, вечных ценностей, которые должны открыть ему путь к истине. В порыве чувств купил наугад две книги на русском языке. Впоследствии он узнал, что одна из них оказалась руководством по выращиванию ржи, другая — апокрифическим жизнеописанием неведомых христианских апостолов. Но он берег их как реликвии.

Уроки русского и магия благословения

По дороге домой, в Чингистау, Шакарим вспомнил, как Абай несколько раз говорил о необходимости изучения русского языка, видимо, ощущая потребность улучшить и свои познания. Поэтому, остановившись в Акшоке на пути из Семипалатинска, он в первую очередь рассказал о русскоязычных впечатлениях.

— Что ж, все правильно, нужно учить русский язык, — сказал Абай. — В нем сокрыты знания, нужные и нам с тобой, и народу. Между прочим, я уже пригласил в дом человека по имени Нурпеис, ты с ним не знаком. Он отлично говорит по-русски, к тому же в некотором роде учитель. Вот он и начнет обучать тебя русскому языку.

Кроме чувства благодарности и понятной радости в душе Шакарима шевельнулось беспокойство: не слишком ли он злоупотребляет добротой дяди?

— Как принял тебя в городе наш родственник Тиныбай-кажы? — поинтересовался Абай.

Шакарим подробно рассказал о беседе с полюбившимся старцем, а заодно о своей задумке записывать генеалогические древа казахских родов, чтобы через них попытаться воссоздать национальную историю.

Абай сразу понял идею и пришел от нее в восторг.

— Превосходная мысль! Я всегда мечтал написать историю происхождения казахов, но для этого надо быть усердным исследователем. Мне легче слагать стихи, нежели водить пером по бумаге, создавая трактаты, — признался Абай. — А вот у тебя есть все задатки. Ты быстро схватываешь суть и обладаешь терпением. Главное даже не собрать все древа казахов, пытаясь выйти на прародителя, — это трудоемко и нереально. Гораздо важнее восстановить историю народа. Когда появилось слово «казах»? Почему у нас три жуза? Кто из предков более других заботился о счастье народа?

И только в конце разговора Абай поинтересовался судебными делами. Шакарим рассказал о визите в уездную контору, передал в деталях разговор с судопроизводителем. Абай молча прочел предписание, посмотрел на скорбное лицо племянника и рассмеялся:

— Перестань переживать. Нашел из-за чего огорчаться. Подумаешь, еще одна жалоба. Если будешь расстраиваться по поводу каждой кляузы, не быть тебе волостным правителем.

Он небрежно бросил вызов в суд на стол, не предполагая, что эта бумага знаменует собой начало череды тяжб и ближайшие десять лет жизни будут омрачены непрерывными судебными разбирательствами.

Таким образом, первая поездка в Семипалатинск стала событием огромной важности. Обстоятельства исторического кризиса в патриархально-родовой среде и сущность отношений между людьми в их борьбе за административные должности, многочисленный скот и выгодные пастбища Шакариму пока были неведомы. Потому что были рядом дед Кунанбай, дядя Абай и мудрая мать. И поставлены вполне осознанные цели: знать языки, освоить музыкальные инструменты, писать историю народа.

Сам Абай искренне верил, что через русские книги обретет то сокровище, которое искал всю жизнь. В Слове двадцать пятом «Книги слов» он писал:

«Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык. Чтобы избежать пороков русских, перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские, узнав иные языки, приобщаясь к мировой культуре, стали такими, какие они есть. Русский язык открывает нам глаза на мир. Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них, не унижается ничемными просьбами. Просвещение полезно и для религии.

Русская наука, культура — ключ к мировым сокровищницам. Владеть этим ключом все другое достанется без особых усилий.

Казахи, обучающие детей в русских школах, пытаются использовать их грамотность как знак превосходства в распрях с сородичами. Избегай этих намерений. Стремись научить детей честным и разумным трудом добывать свой хлеб, пусть другие последуют доброму примеру, тогда мы не будем терпеть произвол вельможничающих русских, коль у них нет единого для всех закона. Нужно учиться, чтобы узнать то, что знают другие народы, чтобы стать равными среди них, чтобы стать защитой и опорой для своего народа. Пока из той молодежи, что получила русское образование, не вышло выдающихся личностей. Потому что родители и родственники портят их, сбивают с праведного пути. И тем не менее они намного лучше тех, кто не получил никакого образования. Жаль только, что всей их образованности хватает лишь на то, чтобы растолковывать чужие слова. Состоятельные люди редко отдают своих детей в учение, они скорее отдадут детей бедняков на поругание и унижение русским учителям. Чему они могут научиться, эти несчастные?..

Мой совет: можешь не женить сына, не оставляй ему богатых сокровищ, но обязательно дай ему русское образование, если даже придется расстаться со всем нажитым добром. Этот путь стоит любых жертв.

Бога почитай, людей стыдись! Если хочешь, чтобы сын твой стал человеком, отдай его в учение! Не жалея добра!»

Начиная с двадцати пяти лет Абай непрерывно читал книги, написанные на русском языке, сначала с трудом, затем все увереннее и быстрее. Книги закупал в городе связками, читал их и днем и ночью. Дойдя до последней страницы, обнаруживал порой, что выбрал на сей раз не самую познавательную книгу. Но чаще прочитанное потрясало до глубины души новизной темы, оригинальными мыслями, красотой своеобразного языка, который все яснее открывался ему. И настал день, когда он впервые прочел книгу так, словно она была написана на родном языке. Этой книгой была повесть Пушкина «Дубровский». Именно ее Абай торжественно вручил Шакариму.

— На днях учитель Нурпеис отправится к вам в Карашоки, я обо всем с ним договорился, — сказал Абай. — Он будет обучать тебя русскому языку, чтению и письму. Да, придется трудно. Но посмотри на меня. В русском языке я был учеником без учителя. Долгие годы книги не могли говорить со мной понятным языком. Но вот наконец я прочел эту книгу свободно. Дарю ее с пожеланием, чтобы и ты одолел русский язык, добился благосклонности мудрых книг и перед тобой распахнулись двери в мир знаний. Как знать, может быть, ты станешь тем знатоком, который переведет «Дубровского» на казахский язык.

Абай в то время, вероятно, как никто другой в казахском обществе, понимал роль образования, искренне полагая, что только знания могут открыть народу путь к благополучию.

Его пока не смущало, что в результате всеобщего образования просвещенными станут и злодеи, и носители добродетельных качеств, а значит, социальная справедливость, которая была нереальной в традиционно неграмотной среде, останется проблематичной и в просвещенном обществе. Сейчас он считал главным приобщить казахский народ к передовой культуре.

Начать надо со своего окружения. Естественно, это подрастающие дети Абая, которые впитывали от отца информацию о других странах, народах, языках и обычаях. Само собой, это и Шакарим, которого он неустанно вовлекал в круг своих интеллектуальных запросов. И понятен выбор в качестве подарка ученику книги, единственной, как он любил

говорить, пищи души.

Под сенью благодатного внимания Абая Шакарим всегда чувствовал себя так, словно находился в тени священного дерева, одаривающего знаниями. Ему нравилось учиться, узнавать новое и постигать мудрость, которую можно найти в книгах. Прошло то детское нежелание подвергать себя нагрузкам, с которым столкнулись родители, отдав ребенка на обучение мулле. Ум его, ясный, как у большинства кочевников, и чистый, словно белый лист бумаги, быстро усваивал новую информацию, которая прежде была недоступной, ибо содержалась в непонятных книгах.

Шакарим со всей серьезностью подошел к урокам Нурпеиса. Быстро усвоил алфавит и стал читать простые русские тексты. Учитель радовался его успехам. Но когда раскрыли «Дубровского», дело замедлилось. Сложные тексты давались с трудом — не хватало словарного запаса. Нурпеис посоветовал купить в городе русско-казахский словарь, с помощью которого можно запомнить много новых русских слов.

Шакарим еще осенью получил из Семипалатинска известие от хозяина музыкальной лавки, что заказ на скрипку готов. Теперь появился еще один повод для поездки в город — словарь, столь необходимый для продолжения освоения русского языка. И он засобирился в путь.

Мать Толебике крайне неодобрительно отнеслась к решению сына, не без оснований считая опасной зимнюю дорогу. А главное, летом предстояла женитьба Шакарима, о которой, кажется, сам жених не сильно задумывался.

— Ведешь себя как мальчишка, едешь из-за пустяка, — говорила недовольным голосом мать. — Пора остепениться, держать хозяйство в руках. Весной ты должен возглавить кочевье, показать себя хозяином.

Она неспроста заговорила о хозяйских функциях. По традиции, делящейся с незапамятных времен, у казахов все сыновья, повзрослев и женившись, ставили свои дома отдельно от родительской юрты, которую величали Большим домом. Если позволяли материальные возможности, вообще кочевали отдельными аулами. Но младший сын всегда оставался с родителями, к нему переходили от отца обязанности главы семьи, переходил в его ведение и Большой дом.

Наконец Шакарим выбрался в Семипалатинск, где пробыл почти месяц. Первым делом выкупил скрипку, которую приготовил владелец музыкальной лавки. Развернув тряпичный сверток, служивший кошельком, Шакарим отсчитал нужную сумму. Его всегда изумляли эти сумеречные, обладавшие нечеловеческой силой денежные знаки, стершиеся в сотнях рук, испещренные надписями, словно летописи чьих-то трудов, огорчений,

страстей, драм. Он отдал за скрипку шесть рублей — стоимость двух баранов. От радости не сообразил, что скорее всего переплатил. Продавец дал указания, как пользоваться инструментом, снабдил канифолью для смычка. Даже продал два альбома с нотами, в которых Шакарим, к его огорчению, не разобрался, но заплатил за ноты с тем же благоговением.

Видя неподдельный интерес юноши, продавец, сам музыкант, сыграл несколько мелодий на скрипке и принялся ставить ему руку. Урок продолжался с полчаса. Кое-какие вопросы по игре на скрипке оставались, и Шакарим еще дважды заходил в музыкальную лавку получить советы от продавца.

Сложнее вышло с русско-казахским словарем, потому что выяснилось, что печатного словаря не существовало, а был рукописный вариант, созданный по инициативе канцелярии окружной администрации. Несколько экземпляров рукописного словаря ходили по рукам, и купить его удалось с трудом. Это был прошитый крепкими нитками многостраничный альбом, в котором чернилами были вписаны в столбик русские слова и напротив — казахские вербальные соответствия, написанные арабской графикой. Словарь постоянно пополнялся, что было заметно по последним записям, сделанным разными чернилами.

После этой второй поездки в Семипалатинск счастливый обладатель словаря и скрипки сочинил мелодию и слова песни о молодости и красоте:

*Как камни драгоценные — глаза,
Лик — как луна, и до пяты коса, —
Она дороже жизни, ангел твой!
А речь ее, как соловьиный щелк.
Характер мягкий, нежный, словно шелк.
Кого сравнишь с красой ее живой?
Словно река широкая, шумна,
Возлюбленной моей была она.
Гармония ее — как райский хор.
Искал ее я средь степей и гор,
Невинную и чистую, как свет.
Стройна, словно жердинка тростника,
И в талии, как волосок, тонка —
Другой такой на белом свете нет.
А кто ее обидит хоть бы раз,
Тому не поздоровится от нас.*

*Поблескивают ласково глаза,
Слова ее стекают, как роса.
Волос коснутся зубья гребешка,
Ее волос, — горю я без огня.
Душа в восторге рвется из меня,
Лишь поглядит она исподтишка.
Красавицы, мы в вас всех влюблены,
Хоть помыслы у юношей грешны.*

(Перевод Владимира Цыбина)

Мир существовал, чтобы быть отраженным в стихах. Книга жизни задумана, осталось наполнить ее содержанием. Он чувствовал себя вдвойне счастливым, потому что его окружала любовь. Предстояла женитьба. Семейная жизнь Шакарима началась летом 1876 года. Его возлюбленную звали Мауен.

Ранней весной 1877 года, когда на северных склонах холмов еще лежал снег и аулы собирались кочевать на жайляу, к Шакариму в Карашоки приехал Абай. С ним были его друг Ербол Комекбайулы (1843–1884), незаменимый помощник Баймагамбет и еще один верховой — русский человек, которого Абай представил как инженера, составляющего карту местности. Он привез с собой книги и журналы на русском языке. Раскрыв журнал «Русский вестник» восьмилетней давности, Абай указал на название: «Война и мир», Лев Толстой.

— Знаю, ты не оставлял занятий русским языком. Это первые главы знаменитого романа русского писателя. Будет трудно, но, как говорится, дорогу осилит идущий. Начинай с этого журнала. Если понравится, доставлю продолжение, а потом другие произведения Толстого.

— Со словарем, который я добыл в городе, читать легче, — сказал Шакарим. — Но попадают такие фразы, которые не могу понять.

— Чтобы знать язык, лучше жить в его среде, — заметил Абай. — У нас такой возможности нет. Но отступать некуда. Только через русский язык можно обрести знания, накопленные другими народами.

— Говоришь, не с кем разговаривать по-русски, — включился в разговор Ербол. — А землемер, которого возишь с собой? Если хочешь бедного Шакарима сделать русским, отдай его в провожатые гостю.

— Верно! — воскликнул Абай. — Почему бы тебе не пойти к Семену Ильичу — так звать нашего друга-инженера, — сказал он Шакариму. —

Ему нужно обойти Чингистау, замерить высоты гор. Он просил найти помощника, знающего местность. Русским тебя не сделает, но язык с ним подучишь.

И вот в апреле 1877 года Шакарим вместе с инженером Семеном Ильичом отправится в окрестности Чингистау, где проведет почти три месяца. С помощью Семена Ильича он стал сносно говорить по-русски, для него уже не был загадкой грамматический строй русского языка. Сверх того, помогая топографу измерять расстояния между объектами и высоты горных вершин, он расширил математические познания. По вечерам в заброшенной зимовке, при свете фитильной лампы, Семен Ильич, серьезный и обстоятельный тридцатипятилетний мужчина, любивший рассказывать про жену и двух детей, которые ждали его в Омске, обучал помощника основным законам геометрии и началам алгебры. Затем при свете дня учил измерять углы треугольника и пользоваться теодолитом. Очень скоро Шакарим мог самостоятельно измерить с помощью дальномера и теодолита расстояния до гор и их высоты, записывал данные в журнал.

Шагая по горам, Семен Ильич, разбиравшийся в поисковой геологии, не забывал присматриваться к выходам горных пород. Заметив необычный цвет скал, вынимал молоточек, откалывал образец и объяснял спутнику, какие богатства в виде тонн ценных металлов могут таиться под ногами. Инженер складывал образец в мешочек и со вздохом извещал, что лучше всего, конечно, найти золото, но здесь его скорее всего нет.

Им хорошо работалось вдвоем, они оба любили степь. Семен Ильич восторгался ею шумно, объясняя помощнику подлинные, как он выражался, ценности природы. При этом без усталости радовался трелям жаворонка в вышине, кряканью уток, которые неслись стаями к заветному озеру, россыпям тюльпанов на широкой степной глади, по которой разливался мягкий вечерний свет. Шакарим молча слушал восторги, пряча улыбку, словно знал о степи свою тайну, недоступную постороннему. А когда Семен Ильич поинтересовался, почему его помощник, не расстающийся с ружьем, не стреляет, Шакарим, заядлый охотник, неожиданно объявил, что Чингистау не должен обеднеть по его вине.

Расставаясь в ауле, Семен Ильич оставил в дар астролябию, которой они, впрочем, не пользовались в поле, обходясь при измерении углов теодолитом. К ней гость прибавил планшет, пожелав, чтобы поэт пополнял его новыми стихами. А главный подарок инженер приберег напоследок. Он подарил бинокль. Растроганный Шакарим вывел заранее приготовленного в подарок коня-трехлетку. Но гость наотрез отказался от дара. Не помогли

никакие ссылки на традиции. Семен Ильич объявил, что такой дорогой подарок принять не может. Ему достаточно жеребца, предоставленного господином Абаем Кунанбаевым, да и того вернет нарочным, как только доберется до Семипалатинска.

Скромность гостя поразила Шакарима, наслышанного про аппетиты городских чиновников. Проводив гостя, признался жене Мауен, что поступок Семена Ильича — главный урок из всех, что он получил, общаясь с ним. Поистине это было время не только физического пребывания на высях гор, но и духовно-душевного восхождения.

Между тем Шакариму были известны планы родственников, которые решили выдвинуть его в волостные. Он и сам какое-то время грезил о тех добрых делах, которые совершит ради блага сородичей. Общие представления о должности он имел. Знал, что волостной обязан распределять выпасы и луга, определять места перекочевков аулов. Заранее опасался самоуправства отдельных глав семейств и аульных старшин, известных стремлением нарушать границы выпасов и присваивать чужое добро. Волостной должен разбираться в конфликтах и, если возникнет необходимость, готовить бумаги для передачи дел в уездный суд.

Он не сомневался в своем умении распределять земли и переписываться с администрацией. Смущала необходимость давать приказание почтенным людям. Пробовал отказаться от должности, но получил выговор от Абая.

— Вы сами говорили, что мне не нужно быть волостным, — оправдывался Шакарим. — Говорили, что человек во власти не может не вмешиваться в споры партий, не ущемлять людей, не делать зла. Что такой человек теряет совесть и не стремится к знаниям.

— Да, говорил. Считал, что тебе, увлеченному знаниями, не нужно втягиваться в распри. Но отсидеться в тени не получится. Кроме тебя ставить некого.

— У меня нет авторитета, — еще раз попробовал отказаться Шакарим.

— Авторитет создается благими делами. Будешь принимать глупые решения, не прибавится авторитета. А будешь поступать по справедливости, уважение придет само. И потом, у тебя есть преимущество — знание русского языка.

Абай хотел успокоить молодого человека, поэтому преувеличил его успехи в постижении русского языка. Еще раз объяснил подробно, что должен делать волостной управитель.

— Борьба предстоит нешуточная. Кроме нашей семьи еще две партии хотят избрать своего человека. Надеемся разбогатеть, распоряжаясь

землями. Таких во власть пускать нельзя! Но тебе не придется участвовать в прямых выборах, скажут, что молод для волостного. Пусть эти партии схватятся меж собой. А когда старшины-елюбасы не смогут при голосовании прийти к единому мнению, предложим, чтобы поставили тебя волостным «по назначению». С уездным начальством я договорился. Никто из наших аульных воротил не успеет сообразить, что к чему.

Шакарим знал, что Абай пользовался уважением в уездной администрации и без хлопот мог заручиться поддержкой на выборах. Русские чиновники давно выделили среди волостных управителей, сплошь малограмотных и нечестных, именно Абая. Правда, часть чиновников Семипалатинска, слушая его речи о справедливости и честном служении народу, посматривали с опаской. Гуманистические взгляды и в России не имели широкого распространения среди обывателей, а тут их излагал степняк, едва освоивший русскую речь, пусть и сын знатного человека, но не имевший светского образования.

Однако были и такие чиновники, которым импонировали мысли Абая о справедливом управлении. Поскольку российская администрация желала видеть в степи порядок и послушание без разбоя, грабежей и восстаний, а Абай производил впечатление лояльного человека, то администрация возлагала на него определенные надежды. Будет ли он преданным проводником политики царской власти, еще неизвестно. Но он был знатоком степных обычаев и традиционного права, прекрасно знал кочевой народ, в том числе родовых авторитетов, легко распознавал их помыслы, интриги, хитроумные ходы. А потому уездные чиновники (их позиция, разумеется, была доведена до сведения военного губернатора) сочли за благо опираться на мнение Абая в конкретных мероприятиях, в том числе в выборах волостных управителей.

Шакарим знал и то, что всю зиму и весну Абай встречался со знатными сородичами, принимал их у себя в Акшоке, сам ездил в аулы знатных представителей рода и обсуждал тонкости взаимоотношений с русской администрацией, перспективы торговли с городскими купцами.

В один из июньских дней Шакарим поехал в аул Кунанбая, чтобы получить благословение деда, бата — традиционное благословение-напутствие старейшины, без которого у казахов не принято начинать серьезное дело. Кунанбай был рад, что рассудительный и грамотный Шакарим собирается продолжать семейную традицию — управлять жизнью в степи.

— Выслушай, что скажу, — начал обстоятельно Кунанбай. — Ты вступаешь в серьезную пору, будешь заниматься делами народа. Но без

уважения людей ничего не достигнешь. А чтобы добиться уважения, нужно быть честным, справедливым.

Старец провел ладонями по лицу, оглаживая бороду.

— В молодости я просил Аллаха: дай счастье! А как обрету счастье — дай богатство, дай власть. И пока послужу народу, прости мои грехи. Но ежели не смогу полученное богатство и власть употребить во благо народа, сделай меня самым несчастным двуногим существом на земле.

— Вы должны быть счастливы, ата, — вставил Шакарим. — Сколько людей видели от вас добро.

Старец вздохнул, опустил веки.

— Ты у меня на особом счету, в тебе вижу сына своего покойного Кудайберды. — Голос деда дрогнул. — Как хотел я видеть его преемником! Как он был мне нужен! Став главой рода, я помогал людям. И получал удары. Кто сталкивался со мной, хватая за горло? Родичи сталкивались. Кто завидовал моему авторитету? Родственники. Не со стороны шел враг, а из нутра моего. Он свой, и он хуже стороннего врага.

Внук запомнил наставления деда слово в слово. Об этом известно достоверно, потому что именно Шакарим донес максимы знатного кажы до потомков, повторяя их домочадцам и сородичам. В письменных источниках они зафиксированы в изложении Ахата, сына Шакарима, и других его потомков.

— Я всегда опирался на народ, — сказал в завершение патриарх. — Он спасал в трудную минуту. И ты привечай чистых помыслами людей, помогай обездоленным, употребляя, где надо, власть. И никогда не воспринимай людей в черном свете, даже если они будут выступать против тебя.

Общий характер благословения Кунанбая соответствовал духу кочевой среды. Конкретные правила усвоить легко — что в них сложного? А вот примирить нестерпимое порой несовершенство мира и чистое стремление к столь желанному душе счастьем удастся не каждому. Казахская душа необычайно восприимчива к глубинным обобщениям и бездонным смыслам. Шакарим уловил подтекст и прочувствовал всю исступленную нежность, с которой Кунанбай благословлял внука, желая сделать счастливыми сородичей. С тем жигит и отправился на выборы.

Местом проведения волостного съезда в 1878 году было названо одно из урочищ в долине Ералы, до которого от аулов Абая и Шакарима по двадцать верст. В соответствии с действовавшим положением время и место съезда назначались уездным начальником, которого казахи называли на свой лад — ояз. Волостного называли, соответственно, — болыс. На

деле именно волостной предлагал место съезда, которое лишь удостоверялось оязом — уездом.

В день выборов двенадцать административных аулов, входивших в Чингизскую волость, поставили в урочище по несколько юрт, устроили кухни, накрыли дастарханы. Съехалось не менее трехсот жителей. Долго ждали ояза, он прибыл после полудня в коляске в сопровождении верховых.

С уездным начальником Кареевым был Лосевский, в то время чиновник канцелярии военного генерал-губернатора. Он заметил Абая, поздоровался с ним как с хорошим знакомым и подвел к уездному начальнику, который благосклонно перекинулся с Абаем парой слов. Светские приветствия не ускользнули от внимания многочисленных наблюдателей.

С начальством приехали толмач-переводчик и трое полицейских — урядник и два пристава. Без долгих приготовлений приступили к выборам. Поставили около юрт небольшой стол и несколько простых скамей, на которых расположились приезжие. Урядник с помощью пристава водрузил на стол разделенный перегородкой ящик, половина которого была выкрашена в черный цвет. Казахи расселись вокруг живописными группами.

Семеро старшин-пятидесятников (елюбасы) Чингизской волости выдвинулись вперед. Каждый из них представлял, по существующему положению, пятьдесят юрт. На практике в избирательную «юрту» входили все члены большой семьи, а также работники этой семьи. И порой пятидесятник представлял несколько тысяч человек, а то и более. Этим пятидесятникам — по сути, выборщикам — предстояло голосовать по вполне демократичной мажоритарной системе.

Уездный начальник Павел Кареев, коллежский секретарь, не имея больших навыков проведения выборов в таких условиях, предоставил право вести их Владимиру Лосевскому. Началось выдвижение кандидатур. Шакарим внимательно следил за действием, стараясь находиться в поле зрения Абая. Как и предсказывал Абай, борьбу повели две партии, предложившие своих кандидатов. Хитроумный Лосевский, поглядывая то на уездного начальника, то на громко комментировавших происходящее зрителей, занес предложенные кандидатуры в список. Казахи на все лады обсуждали кандидатов. Кто-то выкрикнул, что оба не годятся в волостные, ему возражали соседи.

— От нынешнего больша мы не видели справедливости, — говорил кто-то. — Задушил налогами, сколько расходов на него!

Урядник встал со скамьи и призвал к порядку расшумевшийся народ. Владимир Степанович Лосевский терпеливо ждал, пока утихнут страсти. Потом позвал старшин-выборщиков к столу, выдал по деревянному шару и объяснил нехитрую процедуру голосования. Согласно действующему положению Сибирского комитета должно состояться так называемое голосование шарами. В заисимости от того, за какого кандидата голосуют, выборщики должны бросить шар в светлую половину ящика или в черную половину. Преимущество в шарах дает право на утверждение. Но при равном числе голосов решающее слово остается за уездным начальником. Лосевский накрыл ящик черным бархатом. Старшины стали подходить один за другим к столу и бросать в ящик шары, засовывая руку под бархат, чтобы скрыть от любопытных свое намерение.

Голосование закончилось. Приезжие приставы пересчитали шары, и Лосевский торжественно объявил результат: за обоих кандидатов подано одинаковое количество шаров. Сделав эффектную паузу, добавил, что поскольку нет решающего преимущества одного из кандидатов, то выборы не могут считаться действительными. После того как толмач донес смысл сказанного до толпы, поднялся шум.

Когда началось бурное обсуждение и заговорил Абай, шум голосов смолк.

— Я прошу назначить волостным управителем вот этого молодого человека, — сказал он по-русски, обращаясь к уездному начальству. — Его зовут Шакарим, сын Кудайберды.

Под гул голосов Абай вывел вперед Шакарима.

— Пусть назначат Шакарима, — продолжил Абай, обращаясь к народу. — Вы все его знаете. Я вижу здесь многих друзей Кудайберды. Когда он был волостным, вы жили в дружбе, были зажиточным народом, были едины. Теперь вы в расколе, и раскололи вас выборы. Объединить может только назначение. Но нужен честный и неподкупный человек. Такой, как Кудайберды. Лучше, чем его сын, не найти!

Неожиданно даже самые пылкие ораторы согласились с кандидатурой Шакарима. Он услышал от них лестные слова, что казалось невероятным. Все происходило как во сне. Шакариму не пришлось много говорить. Видя, что народ одобрительно отнесся к новому кандидату, уездный начальник после короткого совещания с чиновником канцелярии военного генерал-губернатора объявил, что волостным управителем Чингизской волости становится по назначению Шакарим Кудайбердиев. Больше всех был доволен Абай. Выборы подтвердили, что его позиции в роду сильны как никогда.

В поэме «Жизнь Забытого» Шакарим описал процедуру кратко:

*«Красноречив он и мастер на все лады.
Такой удержит, пожалуй, бразды», —
Вздыхнув, решили наши деды,
Взвалив на меня волостного бремя.*

Он приступил к исполнению обязанностей прямо на съезде. Некоторые вопросы обычно решались сразу. Прежде всего, уездный начальник установил размеры жалованья волостному и его будущему заместителю. К удивлению нового волостного, оплата оказалась низкой. Зато размеры налогов удручали. Так называемый покибиточный налог не уменьшился, а только возрос. Суровый тон ояза исключал возражения. Размеры сборов он определял деньгами. Если старшины соберут налог скотом, волостной должен будет обратить живность в деньги.

Шакарим знал, что за народом числятся еще и недоимки. Существовали также «черные сборы» — так народ окрестил поборы старшин на покрытие издержек, якобы связанных с должностью волостного. Это был, по сути, местный налог. Шакарим, делая быстрые расчеты в уме, уже видел, какой тяжелой участью для народа оборачиваются «черные сборы». Про себя твердо решил, если не отказаться от них вовсе, то хотя бы уменьшить. «Неужели я не потяну должность за счет собственного хозяйства?» — думал он.

От благородных мыслей отвлекла напутственная речь начальника. Ояз изрек, что волостной — это глаза и уши царя в степи. И несколько раз повторил, что дела в волости не должны идти вразрез с правительственной политикой, иначе самолично снимет с волостного голову.

Шакарима не испугало суровое напутствие, его больше беспокоили хозяйственные проблемы.

Код милосердия

Устроив волостную контору в своем ауле, Шакарим вскоре понял, что, сидя дома, всех проблем не решить. Жители не шибко стремились попасть на глаза волостному, даже если приходил от него вызов. А шли к нему лишь те, кто оказывался в положении угнетенного.

Молодой волостной не чурался проехать до дальнего аула, благо ему никогда не было скучно в родной степи. Она будила сокровенные чувства, ему легко думалось на раздолье. Казалось бы, что может быть интересного в однообразной, бескрайней равнине, прошитой грядами невысоких холмов? Редкие деревца собираются в рощицы по ложбинам. Вдали бурые пятна, похожие на кусты, начинают вдруг перемещаться по склону. Это стада, которые возвращаются к юртам ближе к вечеру. Мазары на погостах, окруженные россыпями могильных надгробий, — вот и все архитектурные сооружения, встречающиеся на пути из аула в аул. Остальное — таинственная и вечная природа, создающая своей прозрачной чистотой ощущение беспредельного счастья.

Но мазары и каменные изголовья погребений — это не просто засечки мест возврата в мир иной. Это и есть сама история, которая стучится в двери сердца кочевья. Каждое надгробие — история отдельной ветви рода. Под могильным холмом упокоилась не одна лишь чья-то душа, страдающая и нежная, а вся родословная история, доступная памяти жителей степи.

Проезжая мимо холмов и долин, Шакарим думал о том, как помочь народу добиться лучшей доли, какие реформы нужны волости. Хотелось мыслить общими категориями, соответственно громаде окружающего пространства. Но ничего нового в голову не приходило, да и не могло, вероятно, прийти. Уставы и положения российской администрации достаточно жестко ограничивали рамки, в которые должна была уместиться жизнь аулов.

И он возвращался к злободневным проблемам, к тому, что беспокоило более всего. Особенно угнетала вражда семейных партий, грозившая, как считал вслед за Абаем и Шакарим, расколом рода. Он искренне желал, чтобы в степи воцарились мир и благо. И при встречах с сородичами употреблял все красноречие, призывая к добрым отношениям, благочестию и спокойному труду.

— Зависть, корысть, лень — чуждые душе понятия. А потому будь доволен всем, что дает Бог, да трудись честно, — говорил обыкновенно он.

— Зачем тебе пытаться исправить людей? — недоумевали старики. — Занимайся хозяйственными делами, а на распри закрой глаза.

— Можно закрыть глаза, но глаза души как закроешь? — отвечал молодой волостной в витиеватом стиле, присущем степным мудрецам. — Можно придержать язык, но мысль удержать невозможно. Помыслы должны быть чистыми, а дела благими.

Между тем ранней весной 1879 года в семье случилось долгожданное событие. Мауен родила первенца, крепенького малыша, появление которого на свет перевернуло представление Шакарима о смысле жизни.

На празднование собрался весь аул. Приехал в качестве дорогого гостя любимый дед Кунанбай. Он долго изучал Коран, шевеля губами синхронно с движением пальца по строкам. Ему предстояло дать имя новорожденному. Не мудрствуя лукаво он, как чаще всего и делал в таких случаях, искал имя в священной книге и торжественно нарек первенца именем Абусуфиян (1879–1925), заимствованным из Корана.

Окрыленный Шакарим с удвоенной энергией втянулся в обязанности волостного. Без устали ездил из аула в аул, заряжая жителей оптимизмом и каким-то особым вдохновением, более уместным, вероятно, в поэтическом творчестве. Но и в общении с людьми воодушевление шло на пользу делу. Его встречали с улыбкой, радовались молодому волостному, слушали речи о свободной жизни и дивились планам, которые он составлял так, будто впереди было по меньшей мере сто лет жизни.

Удивительное дело, в Чингизской волости в годы правления Шакарима в самом деле воцарилось благоденствие. Относительное, конечно. Соседи как-то меньше стали ссориться из-за выпасов. Слабые хозяйства окрепли, появилась надежда увеличить поголовье скота. Кровавые столкновения, сопровождавшиеся барымтой — кражей скота, прекратились вовсе.

Вообще из литературных описаний того времени можно вообразить, что тобыктинцы чуть не ежегодно яростно бились за выпасы и места под зимовки и жайляу. Волостные управители и зажиточные скотовладельцы в романе «Путь Абая» неустанно обижают слабые аулы бедных родов. Однако если б схватки так часто происходили в реальности, от рода Тобыкты остались бы одни воспоминания. При непрерывных распрях кочевое общество давно распалось бы, разорванное изнутри.

На самом же деле консолидация традиционного казахского общества была высока. Что его скрепляло? Разумеется, в первую очередь — традиции. Люди гораздо чаще, чем можно представить, открывали двери путникам и встречали накрытым столом нуждающихся родичей. И уж точно баи не отбирали, словно драконы, у бедноты имущество, скот,

выпасы. Доброта и милосердие в традиционном обществе не были пустым звуком, ибо главенствовали законы кочевья, передаваемые из поколения в поколение. Отсюда — легендарное терпение казахского народа, дополнительный запас прочности, позволявший стоически переносить трудные времена.

А литературное представление о казахах как недружных людях бытует до сих пор. Хотя в массе своей народ не таков. Веками в нем пестовалась этика взаимовыручки. Зажиточные родоправители всегда следили за сохранностью рода и первыми спешили на помощь терпящим нужду. По сути, они богатели не столько для своего благополучия, сколько ради процветания рода.

Зима 1879/80 года принесла очередное испытание кочевому народу. Лютые холода спровоцировали джут — бескормицу и падеж скота вследствие гололедицы. Казахи не заготавливали обычно корма на зиму, полагаясь, по традиции, на тебеневку — зимнее пастбище под снегом. Название «тебеневка», от казахского слова «тебу» — бить ногой, говорит само за себя. В гололедицу животное лишается возможности пробить копытом снег и добраться до остатков прошлогодней травы.

Джут в кочевом обществе сродни экономическому кризису в современном государстве. По подсчетам русской администрации, в тот год в казахской степи погибло 12,7 миллиона голов скота, это около 80 процентов от общего поголовья. В Акмолинской области пало 820 тысяч голов, в Тургайской — более 1,5 миллиона. В Семипалатинской области потери оказались меньше, а в Чингистау мороз не продержался и недели, пошел на спад. Это спасло поголовье.

Шакарим в первый год правления, следуя опыту Абая, начал налаживать в волости сенокос, словно предчувствуя джут. За несколько лет до этого Абай опробовал в своем хозяйстве в Акшоки силосование кормов, о котором вычитал в одном из русских журналов. После сенокоса Абай распорядился измельчить кормовую траву. Ее погрузили в яму, уплотнили, накрыли ветками, травой. Сверху присыпали солью и засыпали землей. В тот год Абай забыл про запасы. Поскольку зима выдалась мягкой, скот прожил на тебеневке. Каково же было удивление домочадцев, когда в следующую зиму вскрыли силосную яму. Корма сохранили сочность, словно трава была только что скошена.

При первой возможности Шакарим тоже занялся силосованием. Часть скошенной травы пошла на сено. Оставшуюся погрузили в яму по методу Абая. В зимнюю стужу пригодилось и то и другое. Но кормов хватило лишь на заморозки. Если бы холода продержались дольше, не миновать беды.

Тем не менее предвидение джута существенно повысило авторитет Шакарима, принесло славу провидца, которой он, по обыкновению, не придавал значения. Зимой продолжал ездить по аулам, поскольку положение хозяйств вызывало тревогу. Вел беседы с земляками, интересовался у стариков тонкостями семейных родословных. Выказывал большую осведомленность и в самых простых, и в поистине вселенских вопросах. Говорили про Абая, точнее, про его стихи, которые не давали покоя уму, смущали душу каждого жителя Чингистау глубиной, выразительностью и точностью мысли.

А с наступлением холодов Шакарим осел дома, на зимовье в Карашоке. Забот в домашнем хозяйстве и зимой было невпроворот. Он чинил утварь, сколачивал новые пристройки для скота, ковал железные детали упряжи. В один из вечеров, чтобы употребить с пользой время, решил обустроить небольшую библиотеку. Книги подбирались давно, с любовью и особым расчетом. Намерение написать историю казахов и других тюркских народов не прошло. Напротив, оно окрепло и обрело реальные очертания. Не без содействия Абая в распоряжении Шакарима были книги арабских историков, которые он изучал вдумчиво и внимательно, как истый исследователь.

Абай собирался представить и другие книги по теме: «Родословную тюрков» Абулгази Бахадур-хана, «Историю тюрков» Наджиба Гасымбека, а также самое старинное из известных исследований по истории тюрков «Кудатку билик» — поэму Юсуфа Баласагуни «Благодатное знание», памятник тюркской литературы XI века.

В ожидании обещанных древностей Шакарим любил перечитывать знаменитую книгу ат-Табари, исламского историка и богослова времен халифата, «Тарих аль-расуль ва-ль-мулюк» — «Историю пророков и царей» (полное название — «История царей и их жизней, рождений пророков и известий о них и того, что случилось во время каждого из них»). Ат-Табари, которого именуют отцом мусульманской историографии, закончил этот труд в 914 году. У Шакарима имелись две версии книги: одна на арабском, другая на древнетюркском, так называемом чагатайском, языках. За их сравнительным изучением он провел немало вечеров.

В автобиографической «Жизни Забытого» осталась такая отметка:

*В знания силу поверил я смело,
Засучил рукава и взялся за дело.
И сердце свободно запело,
Когда потряхнул с себя пыль наносную.*

*Сколько ж корпел я над песней и словом,
Веря, что смыслом наполнится новым
Слово. С вниманьем особым
Вольные мысли свои обосную.*

Почетное место на книжной полке заняли рукописные копии поэм и стихов поэтов Востока — Хафиза, Фирдоуси, Саади, Физули, Низами. Рядом — бережно обернутые в чистую бумагу томики «Тысячи и одной ночи». На верхней полке расположился Коран. За ним книги по мусульманскому праву, как и у матери Толебике, — «Гибадат исламия», «Мухтасарын».

Были среди рукописных сборников записи изречений Конфуция, которого образованные казахи называли на свой лад — Кунфузы. Проститый суровой ниткой сборник подарил Абай после памятного волостного съезда. Читая зимними вечерами при свете масляной лампы сентенции китайского мудреца, Шакарим поражался, насколько они близки его собственным жизненным принципам.

«Подлинная доброта вырастает из сердца человека. Все люди рождаются добрыми», — читал он и восклицал: «Истинно так!»

«Не зная, что говорят люди, нельзя узнать людей. Когда ты видишь доброго человека, старайся превзойти его. Когда видишь дурного — изучи свое сердце», — советовал Кунфузы.

Опыт работы управителем волости породил такое множество мыслей, что в какой-то момент, читая Конфуция, Шакарим стал быстро, точно в горячке, записывать фразы, вспыхивавшие в голове. «Кто не смог запретить себе язык лжи, тот не сможет отказать себе в злонамеренности», — записал он. Открыл Конфуция и тотчас нашел ответ: «Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту».

А ведь так и есть. Можно сколь угодно ругать темный народ, но ничего не изменится, пока ты не внесешь малую толику в его образование, думал Шакарим. С этого дня, читая книги философов и поэтов, он записывал свои мысли. Название «Значимые слова» дал записям позже, пополняя их запас из года в год до конца жизни.

Так подбиралась библиотека, которой впоследствии он очень гордился. Книг пока было немного, но казались они ценнее жемчуга и золота. В одном из стихотворений 1905 года Шакарим вспоминал, как, окунувшись в книжный мир, впитывал мудрость веков:

*Тюркский знал я смолоду отлично,
Знаний собрано на нем весьма прилично.
Я без устали учился, озаренье
Вдруг из тьмы сверкнуло светом необычным.*

Ступени духовного восхождения Шакарима, кроме турецкого, на который были переведены науки, составляли поэтическое слово о тайнах мироздания и русский язык как метафора очищения.

*Пробужден я был поэзией Востока.
Тайна мира, словно в зеркале глубоком,
Мне открылась. Изучал прилежно русский,
Грязь невежества отмыв его потоком.*

Шакарим вновь потянулся к стихам, стал писать и уже не оставлял это занятие никогда. Стихи нужны были как воздух, как некая кристаллизация образа, довершающая безостановочную работу мысли, как емкая, лаконичная форма, в которую необходимо облечь теснящие грудь слова. Без стихов и песен жизнь в степи была бы совсем уж обыденна.

Сочинив стихотворение, он неизменно брал в руки домбру и подбирал мелодию, созвучную ритму строк. Напевал творения под домбру, придавая им неповторимо своеобразную огранку. Песни легко запоминались слушателями.

В те годы он еще не желал страстно сочинять драматические произведения. Не жил иллюзиями, не витал в облаках, не питался одними лишь фантазиями, к которым склонны жители необъятной и загадочной степи. Вымысел для них не только игра ума. Казахи вечно придумывают истории, воображая себя творцами или героями, находя в них, вероятно, оправдание собственного существования. Но Шакарим был лишен мифотворческого настроения. Его лирика отличалась более философией, нежели художественной таинственностью. Жизнь приучила мыслить конкретно, чему способствовала работа волостным управителем. Руководство большим хозяйством не оставляло места фантазиям. Образное мышление лежало в основе стиля, этого было не отнять. Однако сюжетные изыски и сказочные перипетии не просились пока на бумагу.

Стихи его точны, емки и конкретны. Он смело читал их народу, когда разъезжал по аулам, призывая сородичей к благочестию. И поэтические

памфлеты имели необыкновенное воздействие. Ему внимали и верили, хотя в своих стихах он по традиции, уверенно развитой Абаем, темпераментно обнажал людские пороки, не щадя земляков, поступки которых служили объектом пристрастного разбора. В большом стихотворении «К молодежи», которое датируется 1879 годом, но дополнялось и перерабатывалось в последующие годы, Шакарим суров, как мороз в степи, безжалостен, как знойное июльское солнце:

*Грязным уловкам своим примененье нашли,
В полный обмана и хитростей мир вы вошли.
Стыд, доброту, воздержанье скрутили в узду.
Так поглядите, к чему вы в итоге пришли.
Спорили буйно, враждой раскололи народ,
Темой пустою заткнуть попытались всем рот.
Тот, кто сегодня — ваш друг, наавтра — ваш враг,
Он миротворцем прикинется, наоборот.*

Пороки, описываемые Шакаримом, существовали во все времена. Они легко идентифицируются, выделяясь на чистом полотне жизни. И при известной храбрости не требуется вроде бы больших усилий, чтобы их осмеять.

Однако поэзия — совершенно иная субстанция, нежели проза жизни степняков с непростым бытом и тяжелым скотоводческим трудом. Если бытие в их представлении — это обыденный отпечаток вечности, то поэзия — хрустальный образ чуда, озаряющий тусклую жизнь волшебным блеском. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, как и в стихах Абая, простые, но ясные нравственные конструкции Шакарима, облеченные в поэтическую форму, имели успех среди слушателей:

*Где честь, милосердье, приличие — где?
Разрозненно, кучками бродим везде,
Рукою махнув — мол, все это видали.
Невежды, где польза сородичам — где?*

Впрочем, филиппика «К молодежи» посвящена не столько отрицательным нравам, достойным презрения, сколько отношению сородичей к Абаю. О ком мог говорить Шакарим в одном из первых своих

крупных произведений? Разумеется, об учителе, который, по мнению впечатлительного ученика, был абсолютно самостоятельным мыслителем, не похожим ни на книжных мудрецов, ни на умудренных жизнью осторожных и эгоистичных степных «пескарей».

*Это ж Абай — делец, торгующий умом,
Ах, какие ценности залежались в нем.
Если знаешь код — бери, отдаст он даром,
Никто еще не смог забрать все целиком.*

Прозрачная метафора не может скрыть пиетета перед учителем. Шакарим его боготворил. Никому еще — по неискушенному мнению ученика — не удавалось отобразить в стихах кочевую жизнь в столь богатом разнообразии, никто не живописал ее с такой пылкостью, как Абай. И никто не мог с той же ясностью понять и описать хаос и убожество мира. Его ум — сокровищница драгоценных мыслей. Но добраться до нее стоит больших усилий. Для этого надо знать путь к Абаю и иметь желание идти непростой дорогой до конца — вот смысл призыва Шакарима.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТРИАДА ДУХОВНЫХ СТРАНСТВИЙ

В наплыве грез и лабиринтах жизни

Шел последний год трехлетнего срока пребывания на посту волостного. Шакарим вдруг подумал, что будет жаль расставаться с должностью.

В первое время он чуть ли не по каждому серьезному вопросу мчался советоваться с Абаем или с другим дядей Ыскаком. Но постепенно освоился с обязанностями, стал рационально и весьма разумно планировать сезонные кочевки. Недовольных по-прежнему хватало, отдельные главы семейств, как обычно, норовили действовать по-своему, настраивая сторонников на барымту. Однако обстоятельность, особого рода красноречие и природная доброта Шакарима действовали благотворно. Чаще всего ему удавалось уговорить аксакалов согласиться с ним.

Самой неприятной стороной должностных обязанностей был сбор налогов. Эту функцию он настойчиво переводил на аульных старшин. Дело даже не во вспыльчивом характере некоторых горячих обитателей степи, которые, отказываясь платить кибиточный налог, хватались за дубинку — шокпар. Требовать с народа излишки скота, что наперечет в любом небогатом семействе, Шакариму было невыносимо.

А вот ответ перед уездным начальством держал сам. Иногда ояз заявлялся в волость собственной персоной, объезжал аулы в сопровождении приставов. Но раз в год Шакариму приходилось посещать уездную канцелярию в Семипалатинске.

Держался он перед начальством с достоинством, отчитывался четко, без многословия, демонстрируя неплохое познание русского языка. Чиновники чувствовали в нем ясный, быстрый ум, с удовольствием общались с ним, отвечали на вопросы, касавшиеся не только налоговой отчетности. Иногда Шакариму удавалось переспросить о каких-то событиях в России, отголоски которых достигали пределов степного края, проникая в разговоры горожан.

Отчеты проходили успешно благодаря прежде всего спокойному, уравновешенному характеру Шакарима. В народе власть молодого волостного признавали справедливой, а его, без скидок на возраст, считали умным и дельным правителем. За два года он заслужил тот самый авторитет, без которого опасался идти в управители. А между тем случилось происшествие, которое вроде бы не слишком соответствовало его рассудительной натуре. Шакарим влюбился.

Обычно он не засиживался дома и по весне отправлялся с инспекцией в дальние хозяйства волости. Однажды ночь застала его с помощником в ногайском ауле. Так тобыктинцы называли поселение, основанное татаринном (ногайцем) Ыскаком, перебравшимся в казахскую степь из Казани. Кунанбаю переселенец понравился, он взял его под свое покровительство, выделив земли под выпасы. Ыскак перевез в степь младшего брата Махмута. Они быстро разбогатели, их аул даже именовали байским аулом. Большое дружное семейство Махмута влилось в казахскую среду, стало своим в Чингистау. Глава семейства поддерживал добрые отношения с Кунанбаем, помогая в решении любых проблем.

Вот и Шакарима умудренный жизнью Махмут принял с должным уважением. Усадил на почетном месте, в честь гостей зарезали барана. Девушки ногайского аула славились красотой. Много замечательных художественных приемов употребил Мухтар Ауэзов, чтобы расписать в романе «Путь Абая» привлекательность Магрифы, внучки Махмута, на которой в 1892 году женился Абдрахман (Абиш), любимый сын Абая и Дильды.

Не смог остаться равнодушным и Шакарим. Его потрясла красота старшей дочери Ыбырая, сына Махмута, которую звали Айганша. Было ей семнадцать лет. Красивая, стройная девушка помогала матери ухаживать за гостями. Весь вечер Шакарим не сводил с нее глаз, чувствовал, что жизнь отныне невозможна без этой девушки, явившейся словно из волшебного сна. Он страстно желал поговорить с нею. От главы семейства не ускользнуло внимание гостя к внучке. Махмут довольно твердо дал понять, что не одобряет увлечений женатых мужчин. В ногайском роду никто не имел нескольких жен, поэтому даже шутки о казахских баях, заводивших по три жены, считал неуместными.

На следующий день Шакарим все же улучил возможность переговорить с Айганшой с глазу на глаз. Беседа повергла его в еще более восторженное состояние. Жигит был покорен красотой девушки, воспринял источаемую ею доброту так, словно близость душ была предопределена на небесах. Ему казалось, что он полюбил прежде, чем увидел ее. Но Айганша без обиняков объявила, что встречаться с ним не может, ибо отец и мать против.

В тот же день Шакарим уехал из ногайского аула. И сник от одной мысли, что лишен счастья, настоящую полноту которого, как чудилось, почувствовал только сейчас. Жена Мауен укором стояла перед глазами. Что сказать ей, как жить дальше? Возможно ли воспользоваться традицией многоженства? Его предки имели до четырех жен, но как они выстраивали

гармоничный семейный порядок (да и был ли он гармоничным), для него оставалось загадкой, хотя о внешней стороне отношений Шакарим, конечно, был осведомлен.

Вероятно, никто из родственников не будет против второй женитьбы, но как об этом сообщить Мауен, умной и душевной подруге жизни? Как она отнесется к токал — второй жене? И как уговорить родных Айганши? Он не знал, удастся ли опять увидеть ее, но чувствовал, что настоящее счастье возможно только с ней. Самое ужасное в молодости — не быть с теми, кого мы любим. Вскоре, однако, вольный степной ветер вернул привычное состояние бодрости духа. Туман в голове рассеялся. Солнце клонилось к закату, пуская золотые стрелы на ближние холмы. Шакарим поднял голову и взглянул на родной Чингистау. Скалы сверкали отсветами, точно россыпями бриллиантов. «Зачем живу на этой земле? Только ли затем, что родился на свет и обязан жить? Но как жить, если не любить, если та, которую любишь, осталась в недостижимой дали?» — спрашивал он у окружающих холмов.

Пение жаворонка в вышине, клекот беркута, махнувшего крылом, напомнили о жизни, непрерывно протекающей в природе. Солнце торжественно повествовало о бесконечности мира. Холм, оставшийся справа, подставил рыжую спину его лучам. Впереди у ручья мелькнула рощица, радостно шелестевшая на ветру красной листвою. Ее восторженность передалась Шакариму, который уже не чувствовал себя несчастным. Нужно лишь время — неделя или месяц — и обязательно найдется решение.

А в голове слагались стихи о той, кого он неожиданно встретил. Это довольно большое стихотворение о переживаниях лирического героя, которого очаровали и увлекли «черные ягоды глаз», а солнце вовсе «скрылось, смущенное ее красотой»:

*Ты, несчастное сердце, пылаешь огнем,
Но надежды мои — дым во мраке пустом,
Испарились и воля, и стойкость, и ум,
Стало пусто и грустно на сердце моем.*

*Не на радость моим ты явилась очам,
И в сетях колдовских я запутался сам.
Ты взглянула — и кругом пошла голова,
Жизнь свою я тебе теперь в жертву отдам.*

(Перевод Всеволода Рождественского)

Шакарима, совесть которого перед народом была чиста и который честно исполнял служебные обязанности, вскоре избрали волостным управителем во второй раз.

А в это время по навету степных заправил, недовольных Абаем, поэт был втянут в судебные тяжбы и в течение четырех лет постоянно выезжал в Семипалатинск. Именно тогда он много времени проводил в городской библиотеке, которая поначалу существовала в виде читальной комнаты и помещалась в пристройке к уездной управе. Но затем к ее расширению подключились политические ссыльные. Отбывавшие в разное время срок в Семипалатинске народоволец Александр Львович Блек, ученик Чернышевского Евгений Петрович Михаэлис, будущий идеолог и теоретик анархизма Аполлон Андреевич Карелин, революционно настроенный демократ Нифонт Иванович Долгополов обращались к состоятельным людям с просьбой о благотворительной помощи. Деньги на создание библиотеки пожертвовали семипалатинские купцы Плещеев и Хабаров, павлодарский купец Деров и даже краснодарский купец Юдин. В организации библиотеки политическим ссыльным помогали местные жители — краеведы Колмогоров и Земляницин. В доме Земляницина 20 сентября 1883 года и была открыта новая городская библиотека.

Летом 1885 года семипалатинскую библиотеку посетил американский журналист Джордж Кеннан. В своей книге «Сибирь и ссылка» он писал: «Скромное деревянное здание посередине города с небольшим антропологическим музеем и уютной читальней, где можно найти все русские журналы и газеты и весьма недурной подбор книг. Такой подбор книг делает честь интеллигенции и вкусу тех, кто его произвел и кто пользовался этими книгами».

В прежней читальне было всего 274 книги. А в год открытия библиотеки в ней было уже 750 томов, в том числе 94 тома по философии и социологии, 75 книг по истории, 120 — по естествознанию и 410 — художественной литературы. Пользовались книгами 130 читателей, и одним из самых активных был Абай. Чтение запоем произведений западной и русской литературы, аналитическая исследовательская работа составляли его занятия. Он изучал труды Дрепера, Дарвина, Спенсера, Бокля, читал энциклопедические словари и справочники. Но более всего увлекала русская литература.

Благодаря городской библиотеке Абай и Шакарим познакомились со ссыльными россиянами, особенно подружились с Михаэлисом и

Долгополовым, которые в летнее время навещали в гости в Чингистау.

Дружба Абая и Михаэлиса сыграла большую роль в жизни и казахского поэта, и ссыльного демократа. Они познакомились еще в 1874 году, когда библиотека, точнее, небольшая читальная комната, размещалась в пристройке к конторским помещениям. Абай заглянул в читальню и спросил библиотекаря, не поступила ли заказанная им книга Льва Толстого. Изумленный Михаэлис, который пролистывал за столиком журналы, загорелся желанием познакомиться с редкостным степняком, интересующимся Толстым. Абай поразил его широтой взглядов. Из читальной комнаты они вышли вместе, увлеченные беседой.

В течение ряда лет до 1882 года, пока Михаэлис жил в Семипалатинске, в зимнее время друзья виделись почти ежедневно. Да и потом, когда Михаэлис переехал в Усть-Каменогорск, они вели переписку. В 1893 году Абай даже гостил несколько дней у него в Усть-Каменогорске, что для поэта, никогда не выезжавшего за пределы Семипалатинского уезда, кажется невероятным.

Летом Михаэлис наезжал в гости к Абаю на жайляу. Они наслаждались привольным уютом Чингистау, проводили часы в беседах. Слушали акынов и исполнителей кюев. По вечерам в уединении читали книги. С утра обсуждали прочитанное. В один из таких дней Абай вызвал Шакарима, чтобы познакомиться с Михаэлисом. Случилось это летом 1881 года, сразу после волостных выборов. Человек высокой культуры, глубокого ума, серьезной эрудиции, Михаэлис немедленно взялся за просвещение молодого человека. Поинтересовался его познаниями в истории, географии, математике. И посоветовал книги для чтения. Пообещал подобрать кое-что по возвращении в город и выслать в аул.

До последних дней жизни Абай с благодарностью говорил о русском друге, многому научившем его. А обучал он тому, что хорошо знал, — истории демократического движения в России, анализу положения народов самодержавной России, просветительским идеям Белинского, Некрасова, Добролюбова, Чернышевского, Тургенева, Писарева. Советовал, на какие книги следует обратить внимание. И читавший прежде подряд все книги, какие только попадались под руку, Абай, благодаря советам друга, стал системно знакомиться с сочинениями Пушкина, Лермонтова, Гёте, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Толстого. Изучая труды Спенсера, Дарвина, историка Дрепера в течение нескольких лет, он рассказывал о прочитанном ученикам, отбирая произведения для переводов, которыми увлекся с 1881 года.

Обещанные Михаэлисом издания Шакарим получил осенью. Книги

показались простыми, и он не проникся поначалу интересом к научной литературе. Шакарим впоследствии рассказывал об этих встречах сыну Ахату:

«Когда к Абаю приезжали такие друзья, как Долгополов, Михаэлис, он вызывал меня. Я слышал от них много полезного, получал добрые советы, мудрые наставления. Большим уроком для меня были рассказы Долгополова и Михаэлиса о социологии как науке, они до сих пор остаются в памяти».

Не без советов и участия, а иногда и указаний Абая Шакарим успешно управлял волостью, хотя столкновения интересов отдельных групп выматывали изрядно. Он внимательно следил за событиями в степи, поскольку конфликты между аулами из-за выпасов порой возникали на ровном месте. Барымтачи, казалось, только и ждали момента, чтобы угнать чей-нибудь табун.

О природе противостояний Шакарим мог судить по взглядам Абая, развиваемым в беседах. Они потом выкристаллизовались в «Книге слов». В слове третьем Абай писал:

«Родители, умножив свои стада, хлопочут о том, как бы стада у детей стали еще тучнее, чтобы передать заботу о стадах пастухам, а самим вести праздную жизнь — досыта есть мясо, пить кумыс, наслаждаться красавицами да любоваться скакунами. В конце концов их зимовья и пастбища становятся тесными, тогда они, употребив силу своего влияния или занимаемого положения, всеми доступными средствами выкупают, выманивают или отнимают угоды соседа. Тот, обобранный, притесняет другого соседа или вынужденно покидает родные места. Могут ли эти люди желать друг другу добра? Чем больше бедноты, тем дешевле их труд. Чем больше обездоленных, тем больше свободных зимовий. Он ждет моего разорения, я жду, когда он обнищает. Постепенно наша скрытая неприязнь друг к другу перерастает в открытую, непримиримую вражду, мы злобствуем, судимся, делимся на партии, подкупаем влиятельных сторонников, чтобы иметь преимущество перед противниками, деремся за чины».

Все это Шакарим не раз слышал от мудрого дядюшки. Решая проблемы в волости, обретал и собственный опыт. Постигнув тонкости службы, Шакарим понял, что волостной управитель с его ограниченными полномочиями, в сущности, мало что может изменить в кочевой жизни. И все чаще думал, что это не его стезя, не предначертанный судьбою путь.

В самом деле, к тому времени власть в той форме, какая предлагалась царской администрацией, сковывала многих казахов, надеявшихся управлять жизнью в степи по традиционному праву. Она оставляла не так

уж много вариантов для обеспечения безопасного существования в суровых степных условиях. Более того, кроме хлопот должность волостного обеспечивала неприязненное отношение со стороны основной массы казахов, которых возмущали налоги и раздражали запреты на сезонные кочевки по традиционным маршрутам.

И умные, авторитетные личности предпочитали оставаться негласными лидерами. А должности волостных занимали доверенные лица. Так стал поступать Абай, который ясно видел, что сила власти уже не определяется личными достоинствами и качествами, как это было вековечно в степи. Свергать неугодных народу ханов, по примеру казахских батыров, не приходилось — ханов уже не избирали. А противостоять российской власти, настойчиво внедрявшей в степи новую административную структуру, казахи были не в силах.

Поэтому и писал Абай в Слове сорок первом «Книги слов»:

«Тому, кто вознамерился учить, исправлять казаха, нужно обладать двумя преимуществами. Первое — иметь большую власть, пользоваться огромным влиянием, чтобы, запугивая взрослых, забирать у них детей и отдавать в учение, направляя одних по одному пути знаний, других — по другому, а родителей заставляя оплачивать расходы. В таком случае можно было бы надеяться: когда состарившиеся родители отойдут от дел, молодое поколение пойдет по правильному пути.

Второе — нужно владеть несметными богатствами, чтобы подкупом брать детей у родителей и отдавать их в учение, как было сказано выше.

Но никто не обладает властью, способной запугать нынешних людей. Никому не дано богатство, которого хватило бы на то, чтобы задобрить всех родителей. Не запугав или не подкупив казаха, невозможно уговорить или убедить его в чем-либо. Невежество, доставшееся от отцов, впитавшееся с молоком матери, пройдя сквозь мясо, достигло костей и убило в нем человечность.

Как жить? Как нам быть дальше?»

Эти «проклятые» вопросы степного бытия не давали покоя и Шакариму. И в итоговой «Жизни Забытого» он неоднократно возвращался к тому периоду жизни, когда был волостным, силясь понять, отчего пропала гармония мира кочевья. Исповедовался Шакарим перед своими слушателями — обычно домочадцами и гостями из ближних аулов:

*Невежественный мой народ,
Не осчастливишь ты сирот.*

*Потоки слов, как сель с высот,
Слетают, судеб не меняя.*

*Немало есть меня святее —
И неучей, и грамотеев,
Но тайну судеб не сумеют
Они раскрыть степным изгоям.*

*Меж двадцатью и сорока
Жизнь будто бы всегда легка,
Но попусту прошли года...*

В треугольнике судеб сошлись народ, что невежествен, сироты, что несчастливы, и сам лирический герой, который выражает авторскую позицию поэта. Он не противопоставляет себя и тем, кто его святее, грамотнее, и пребывает в поиске и объяснении тайны судеб. Но мотив сожаления о «попусту» прошедших годах являет эквивалент напрасно растрченных сил.

В мучительных переживаниях в середине лета 1882 года Шакарим решился на импульсивный поступок, который преобразил жизнь и внес перемены в судьбу близких. В силу прямого характера, не терпящего лжи, он не мог более держать в неведении Мауен и оставаться нечестным перед ней, самим собой, перед людьми.

Сначала Шакарим добился свидания с Айганшой и твердо сказал, что намерен выкрасть ее, поскольку родители девушки не дают согласия на брак второй женой. Возражений растерянной избранницы и слушать не хотел. Его доводы были столь же страстны, сколь непоколебимы. Он вернулся домой в сильном волнении. Предстояло самое сложное — разговор с Мауен. Жигит бросился в него, как в омут.

Она любила Шакарима, но в ней жила мучительная тревога: муж по родовой традиции может привести в дом токал — молодую жену. И когда поняла, что у нее появилась соперница, умиротворенное состояние сменилось душевной болью, которая навсегда поселилась в сердце. Мауен согласилась на токал не от безысходности, диктуемой традициями. Просто, хорошо зная мужа, понимала, что если будет противиться и настаивать на своем, то разобьет его сердце, сделает любимого человека несчастным и будет несчастлива сама. Согласно дошедшим до нас сведениям, Мауен встретила Айганшу у порога юрты. Поцеловала и произнесла: «С

приездом, дорогая». И ввела в дом. То есть Мауен вроде бы согласилась на совместную жизнь.

Однако родственники похищенной невесты быстро снарядили погоню, которая нагрянула во главе с матерью Айганши. Она причитала, голосила и требовала вернуть дочь. Но тут проявила характер Айганша, которая категорически отказалась возвращаться. Шакарим не знал, что делать. Пробовал завести нежданных визитеров в гостевую юрту, но шум поднялся еще больший. Приезжие скандалили и наседали. Родственники Шакарима готовы были дать отпор.

Глядя на возню посреди аула, не выдержала Мауен. «Глаза б мои не видели такого позора!» — бросила она в сердцах, собрала вещи и покинула хозяйскую юрту. Мауен поселилась в другой юрте и с тех пор стала жить отдельно. Дальше уйти она никуда не могла. Разводы, как известно, в казахском обществе были запрещены.

Видя твердость Айганши, ее родичи вскоре ушли ни с чем, пригрозив Шакариму судом биев. Это только принято считать, что в традиционной казахской среде многоженство не создавало психологических проблем, если глава семейства был в состоянии обеспечить жен всем необходимым для безбедного существования. Проблемы были, и в каждой семье они решались по-своему.

Похищение Айганши вызвало немалый шум. Был огорчен Абай. Не тем, что Шакарим ввел в дом вторую жену, а тем, как он это сделал. К нему как к главе рода пришел с жалобой дед Айганши, который был возмущен тем, что Шакарим умыкнул Айганшу без сватовства.

Абай тотчас призвал к себе Шакарима и напомнил, что прежде между казахами и ногайскими аулами, как говорится, конский волос не проходил, настолько тесно все общались и уважали друг друга. По вердикту Абая Шакарим должен был за то, что увел дочь ногайского кажы, выплатить кун — плату за прегрешение. Плата была равна цене пятидесяти верблюдов и двадцати отборных коней-пятилеток. Абай все посчитал и определил срок выплаты — пять дней. Пораженный столь несправедливым, как ему показалось, решением, Шакарим пошел к матери. Попытался рассуждать здраво, говорил о справедливости, взывая к обычаям предков.

— Пятьдесят верблюдов — это же плата за убийство. Но я не убил человека. За что должен отдавать столько скота? Тем более что его у меня нет.

Абай настаивал на изложенном решении, ибо отец девушки требовал справедливости.

Что оставалось делать Шакариму? По совету Толебике он немедленно

обошел зажиточных дядей — братьев Абая, собрал лошадей, коров, овец, добавил из семейного стада. В итоге через четыре дня отправил в ногайский аул скот по цене пятидесяти верблюдов и косяк лошадей.

Кроме откупных в виде скота умудренный жизнью Абай позже выдал замуж невесту из кунанбаевского рода за юношу из ногайского аула. В ответ ногайцы согласились выдать свою девушку замуж в казахский аул. Благодаря такому обмену стали, как говорят казахи, «сватами на тысячу лет».

Мир на тобыктинской земле был восстановлен. Но мир в семье Шакарима воцарился не сразу. История с выплатой куна показывает, что Шакарим не был состоятелен материально. Ему предстояло позаботиться о приумножении стада, чтобы расплатиться с долгами. То есть решение взять в жены Айганшу не было подкреплено ничем, кроме чувств. И свою любовь Шакарим и Айганша смогли уберечь от ударов судьбы. Они пронесли ее через всю жизнь, сохранив то трепетное чувство, которое вспыхнуло при первой встрече в ногайском ауле. У них родились пятеро сыновей: Гафур (Габдулгафур) (1883–1930), Жебраил (умер в младенчестве), Кабыш (Габдулла) (1887–1932), Ахат (Габдулахад) (1900–1984), Зият (1903–1937), а также три дочери: Кульзия (Кампит — умерла в раннем возрасте), Жаким и Гульнар (Гуллар) (1912–1970).

Смятение поэта

Была у Шакарима мечта — хорошее ружье для охоты. И когда через год он увидел в юрте Абая новенький винчестер, глаза его загорелись.

Эту охотничью винтовку для своего сына Магаша Абай заказал знакомому русскому купцу в Семипалатинске. И вот наконец из города доставили отличный винчестер. Купец передал, что товар привезен из Варшавы.

— Абай-ага, — с придыханием произнес Шакарим, — таким ружьем должен пользоваться настоящий охотник. А Магашу тринадцать лет, ему пока подойдет обычная двустволка.

— Не знаю, не знаю, насколько ты настоящий охотник. Сначала продемонстрируй свое умение.

Шакарим, забрав винчестер, тотчас отправился в окрестности горы Догалан. На счастье повстречалось стадо архаров. Удалось добыть двоих. Шкуры и мясо горных козлов он доставил в аул Абая.

— Что ж, винчестер, похоже, тебе подходит вполне, — сказал с улыбкой Абай. — Бери, дарю. Но не за охотничьи заслуги. А как подарок по случаю рождения сына.

Шакарим просиял. Да, конечно, месяц назад у него родился сын Гафур!

(С винчестером Шакарим не расставался почти до конца жизни. Винтовку конфисковали при аресте в 1930 году, но подбросили незадолго до смерти, в октябре 1931 года.)

О детских и юношеских годах Гафура, первенца Айганши, не сохранилось никаких сведений. Поэтому непросто понять, как в нем возник непоколебимый дух, сродни шакаримовскому, который возвел его в страшном 1930 году на «голгофу». Если судить по ряду воспоминаний сородичей, Гафур очень походил на отца характером — сдержанным и твердым. Очевидно, отец уделял много внимания сыну, занимался его обучением и воспитанием, развивая особое мироощущение. И с большой долей вероятности можно говорить, что Гафур был любимым сыном Шакарима. Именно смерть Гафура, ставшая символом его непокорности насилию, помогла Шакариму выстоять в конфронтации с властью и найти в себе силы подняться навстречу смертельной угрозе в 1931 году...

Рождение Гафура обозначило определенный перелом в жизни Шакарима. Предстояло серьезно заняться личным хозяйством. Необходимо

было содержать растущую семью. В условиях традиционного способа производства это означало всемерное увеличение поголовья скота. Иного пути к семейному благополучию не было.

Но самой мучительной заботой стали постоянные размышления о необходимости определить творческий путь. Понятно, что цель любого осмысленного плана жизни — оправдание человеческого существования. Шакарим пока еще смутно, но неустанно размышлял о познании истины, достижении совершенства и поисках идеала. Этим общим парадигмам его философии пока не хватало конкретного наполнения в виде поступков и творений. В тот 1883 год два направления полностью завладели его умом: предания старины и каноны мусульманства. Исторические сведения давно просились на бумагу — с тех пор, как он начал собирать родословные казахских семей и родов. Много достославных историй о предках, о великом казахском хане Абылае Шакарим услышал от деда Кунанбая. Представления последнего о древней истории были простодушны и не всегда, возможно, отличались точностью, ибо основывались на прямой, устной и непрерывной передаче исторических сведений. Но это были поистине живые сведения. Родословная, собираемая Шакаримом, ширилась и в дальнейшем сложилась в отдельную книгу «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий». Она увидела свет в 1911 году.

А пока Шакарим написал большое стихотворение, пожалуй, даже поэму «Дальние предки казахов», отразив в ней сведения о казахской истории, прародителях, пророках, ханах, правителях и батырах — от древних времен до джунгарского нашествия 1723 года.

Впоследствии он говорил Ахату, что считает эту вещь наряду с «Канонами мусульманства» слабой:

«В молодости я задумал написать родословную казахов, прочел родословные истории разных народов. Увидев, как под видом «отечественной истории» пишут о царях и ханах, я, подражая, написал стихами о ханах тюркского мира. Но и эта вещь не была подана научным языком».

Возможно. Но насколько научный язык необходим стихотворной форме?

Все же исторические сведения в «Дальних предках казахов» выглядят очень интересно и в определенном смысле почти безупречно.

А предания старины — второе направление интересов — Шакарим вычитывал из тюркских книг, узнавал из уст сказителей, улавливал из рассказов велеречивых старцев. Они складывались в цельные исторические повести и как будто сами просились в стихи. И поэт решил сочинить поэму

о Нартайлаке и Айсулу — любовную драму на старинный сюжет.

Интерес же к мусульманству в прежнее время подогревали беседы с дедом Кунанбаем, последние годы жизни посвятившим распространению среди родных религиозных взглядов. Но сильнее повлияли беседы с Абаем, который к тому времени серьезно увлекся суфийской поэзией, внося в стихи элементы суфийской образности. Мысля о духовном перерождении сородичей, Абай выстраивал религиозно-этическую доктрину вокруг растворения в любви к Богу. В стихах он часто обращался к Богу через образ возлюбленной — это один из основных элементов суфийской культуры. Но при всем увлечении новой эстетикой он не принимал собственно суфизм, который предполагает аскетизм, отказ от всего земного и строжайшее следование ритуалам и обрядам. Религия только как ритуальное действие не устраивала Абая. Она, по его мнению, должна одухотворять людей, а не уводить от реальной жизни. Абай настолько видоизменял этику суфизма, что в его поэзии существенно терялась мистическая окраска.

Шакарим, вникая в суфийские элементы, рассыпанные в поэзии Абая, попытался воплотить их в стихотворении «Не стало истинно влюбленных...», которое можно считать посвящением любимой — Айганше. В нем отчетливо читаются сакральные образы суфизма: возлюбленная (*жар* — по-казахски) — это на самом деле Бог, истина (*хакикат*) — Творец или признание существования Аллаха, а яркий свет истины — сияние, исходящее от Бога. Впоследствии поэт включил это стихотворение в сборник «Иманым» («Моя вера»).

Несмотря на сакральный дискурс, ничто не мешает любителям поэзии отнести стихотворение к любовной лирике. Да, Шакарим утверждает, что любовь адресована не девушке: он влюблен в свет истины. Но в подтексте явлено тайное желание рассказать о земной любви, и в этом — особая прелесть произведения, приводимого нами без сокращения:

*Не стало истинно влюбленных —
Смерть в прах оборотила их.
И в тот же час судьбы законы
Меня явили вместо них.*

*Во мне сошлось все, что вы ждете,
Лучистый ответ их со мной.
Как я, адепта где найдете,
Столь верного любви одной?*

*Но нет, не девушку люблю я,
А истины ярчайший свет.
Вам не понять любовь такую,
Для вас в ней тайны дивной нет.*

*Она незрима, хоть и рядом.
Глядеть не нужно на нее.
Бродите ясным сердца взглядом
Лишь в тайниках души ее.*

В герое, возвестившем граду и миру о своем явлении, «сошлось все», ожидаемое всеми. Но в отличие от всех (названных «вы») он сумел узреть «ясным сердца взглядом» любовь-истину. И отныне, как преданный своей даме паладин, он начертал на своем щите верности, что подлинный смысл сущего — в тайне дивной.

*Узреть любовь мою желая,
Ты с чистым сердцем к ней иди
И, самого себя сжигая,
Навстречу смерти выходи.*

*Будь до конца в ее ты власти,
Но от себя не отпускай.
Соблазнам — явным, тайным ль — страсти
Владеть собою не давай.*

*Но как добьешься совершенства,
То вспомни, чем оно грозит.
Ее кинжал — мое блаженство —
Мне сердце бедное пронзит.*

*И всходит пусть влюбленных много
На крови их сердечных ран,
Чтоб все просторы мира злого
Омыл их крови океан.*

Пусть черных духов воля злая

*Ничем влюбленным не вредит,
Пусть этот мир, достойный рая,
От гнусной скверны нас хранит!*

Вершиной рыцарства у Шакарима становится идея спасения мира путем его тотального очищения «от гнусной скверны». Представления поэта о двух видах любви — Божественной и Земной — не только, как думается, от адептов суфизма, но и сходны с эстетикой европейского Возрождения. Подобных тематических «суфийских» стихов у Шакарима много. И все чаще критическое начало в поэзии Шакарима маркировано мировоззрением боговдохновенного поэта-суфия точно так же, как это происходило с поэзией его предшественника Абая.

Духовные искания занимали все больше места в творчестве Шакарима, словно готовя его будущий переход из мира материального в мир духовный. Но пока в «суфийских» стихах продолжали отражаться вполне земные чувства. Таков фрагмент стихотворения, датируемого 1890 годом. Лирическому герою с трудом удалось преодолеть земную любовь, прежде чем он взлетит до небес и окажется в райских кущах. Там его с возлюбленной встречают дорогие сердцу персонажи восточной поэзии Лейли и Меджнун, о которых Шакариму еще предстоит написать поэму:

*Я мог бы для огня взять горсть углей,
Но даже искра сердце не зажгла.
Я душу дал возлюбленной моей,
Она ее отвергла, не взяла.*

*Я тело, веру отдал ей тогда —
Все ценное, что в жизни есть моей,
Что накопил за долгие года,
И это все не нужно было ей.*

<...>

*Но смысл иной сокрыт в отказе том,
И сразу я понять его не мог.
«Твоей я буду, лишь когда умрем».
Что то уловки — мне и невдомек.*

*И умер я. И вместе мы опять,
Мы стали неразлучны в этот час.*

*Лейли с Меджнуном вышли нас встречать,
Готовя угощение для нас.*

*Та, с кем ты в жизни был соединен,
Любовь не настоящая — она
Любовница, ей чужд любви закон
И к праведным дорога не дана.*

*Любимую подругой не зови,
Покуда не пройдет страстей туман,
Она мила, но все ж в ее любви
Притворство есть, уловки и обман. <...>*

(Перевод Всеволода Рождественского)

Если в предыдущем стихотворении «Не стало истинно влюбленных» преобладают мотивы воплощения Любви Божественной, то в новом значительны приметы Любви Земной. Таковы приземленные «тело», «накопления», «страстей туман», «притворство», «уловки и обман».

Настало время, когда Шакарим решил на новый срок не переизбираться. Впоследствии объяснял просто: «На следующих выборах я объявил, что отказываюсь от власти, что должность волостного приносит только неприятности, из-за нее я перестал заниматься образованием». (Из воспоминаний Ахата, сына Шакарима.)

Наконец Шакарим, не обремененный обязанностями волостного, дописал давно задуманную поэму «Нартайлак и Айсулу» — первое свое крупное поэтическое произведение. Однако любовная драма на сюжет XVIII века не удалась.

Анонсируя во вступлении основные темы, автор поэмы объявлял, что причиной разлада в семье бывает обыкновенно соперница, что нехорошо заводить любовницу и что самое безнравственное — выдавать девушку замуж без любви за калым в виде скота. В сущности, автор так и не выбрался за рамки этих тем, все события в поэме происходят в пределах двух аулов. Шакариму не удалось подняться до высоких философских обобщений, что было характерно для его последующих поэм. Да и в художественном отношении «Нартайлак и Айсулу» уступает поздним произведениям.

Но многих исследователей смущает дата. Во всех современных

изданиях указывается, что поэма «Нартайлак и Айсулу» написана в 1929 году, когда Шакарим достиг поэтических высот. Коли так, полагают критики, мастеру негоже писать слабые вещи. Закончив первый вариант поэмы в январе 1885 года, Шакарим прекрасно понимал, насколько она несовершенна. Ахат приводит такие слова отца: «В творческом отношении поэма «Нартайлак и Айсулу» слабее поэм «Дубровский» и «Лейли и Меджнун». Причина, вероятно, в спешке, с какой она была написана. Но если ее переложить на пьесу, должно получиться интересно».

Короче говоря, Шакарим признавал недостаточно высокий уровень сочинения, но не терял надежды найти применение теме в другом жанре.

В 1929 году в одинокой зимовке Саяткора в урочище Карабулак Шакарим попытается усовершенствовать раннюю поэму. Но грехи молодости составляют часть человеческой мудрости. Их ни изъять, ни усовершенствовать невозможно. Легче написать новую поэму. Шакарим оставил жить исправленный, но отнюдь не совершенный вариант. Отсюда дата — 1929 год.

В августе 1885 года в возрасте восьмидесяти одного года умер дед Шакарима Кунанбай, последний официальный глава рода Тобыкты. Он давно отошел от дел, принципиально не участвовал в борьбе за власть волостного, считая ее недостойной его заслуг. Оставшиеся годы посвятил молитвам и осмыслению собственных религиозных воззрений и своего миропонимания. В последнее время болел, а потом вовсе не вставал с постели.

Вместе с Кунанбаем ушла целая эпоха. Ушло господство в степи глав родов, деливших на сферы влияния огромное степное пространство. На смену пришла новая административная структура, вынудившая казахов враждовать друг с другом за лучшие выпасы и луга на узком поле волостей. Клановая борьба за должность волостного с полномочиями, что было неведомо прежним главам родов, сулила солидное обогащение местным предводителям. Носители норм предшествующей патриархальной культуры уже не вписывались в новые правила игры. Поэтому уход такой личности как Кунанбай, человека, потерявшего регалии, но не уронившего достоинство в грызне за должности волостных, — это завершение целой главы в казахской истории.

Похоронив Кунанбая-кажы по мусульманским обычаям, помянув его добрым словом на поминальном обеде, гости разъехались, уверенные, что вернуться через год. У казахов принято было самые масштабные поминки по большому человеку — ас — устраивать в годовщину смерти. На такое мероприятие съезжалось большое число людей из самых отдаленных

уголков казахской степи. Для гостей устанавливались сотни юрт. Устраивались игры, состязания в борьбе, скачки на длинные дистанции — байга. Скот шел под нож в великом множестве.

Обычай соблюдался не всегда — не каждая семья могла потянуть крупные траты. Но все же Кунанбай-кажы был не рядовым обывателем, да и сыновья его не ходили в числе нуждающихся. И весь год в степи говорили, что предстоящий ас, возможно, затмит знаменитый поминальный ас по Оскенбаю, который Кунанбай устроил в честь отца в 1851 году. Каково же было удивление казахов, когда через год, в августе 1886 года, они узнали, что Абай принял решение не устраивать ас по Кунанбаю.

В кругу родных он объяснил, что на ас приезжает слишком много праздных людей. На их обслуживание уйдут огромные средства, аулы рода потерпят невосполнимые убытки, и простые люди останутся без средств к существованию. «Предположим, мы угостим большое число людей, может, удастся накормить бедноту, — говорил Абай. — Но как люди будут жить остальное время года? Не лучше ли отказаться от аса и кормить бедноту весь год?»

Он распорядился доставить в Семипалатинск уже приготовленные родственниками к поминальному асу подарки и скот. Вместе с Шакаримом собрал в городской мечети служителей во главе с имамом и дал поминальный обед. Имам прочел молитву в память о Кунанбае. Вещи и продукты, как принято, раздали нищим и малоимущим.

Этим Абай ограничился. И вызвал пересуды в казахском обществе. Его хором обвиняли в том, что, отказавшись от проведения аса в память Кунанбая, он ломает многовековую традицию, объединявшую народ. Известный поэт Машхур Жусуп Копеев (1858–1931), житель не столь отдаленного Баянаула, ровесник, кстати, Шакарима, нашел, что Абай демонстрирует скверный характер. Свое мнение он выразил в заметке, опубликованной в газете «Дала уалаяты» 1 декабря 1889 года в виде отклика на публикацию стихотворения Абая «Лето».

«Как объявлено в газете читателям, один из опубликованных стихов принадлежит сыну Кунанбая, — писал Машхур Жусуп Копеев. — Из стихотворения понятно, что автор не беден. Однако не видно, чтобы он желал сделать для народа полезное дело... Мы слышали, что искусство господина Ыбырая (Ибрагима) выше искусства Кунанбая. И поскольку он подчеркивает, что богат, следовало бы подтвердить искусство делом... Вот мы сегодня не можем понять, жив или нет Кунанбай. Чтобы сказать, что Кунанбай, возможно, жив, нужны какие-то действия живого человека — их нет. А если человек умер, то об этом должно быть

известие — его тоже нет».

Машхур Жусуп с издевкой намекал на промах, будто бы совершенный Абаем. По традиции весть о кончине уважаемого человека посылают соседям в виде приглашения на ас. Если приглашения нет, то как бы никто и не извещен о кончине. И как бы никто не умер. Или умерший не был известной личностью.

Нашлось еще немало недовольных, обвинявших потомков Кунанбая в скупости, нежелании потратиться на ас. Больше всех возмущались те деятели, которых громили в стихах Абай и Шакарим. Их недовольство подогрела поэзия: с каждым днем росла вероятность остаться в истории в качестве злодеев благодаря растущей популярности поэтических произведений сына и внука Кунанбая. Позже Абай отозвался на все выпады замысловатой эпиграммой, известной как «Ответ жителям Куреку», ею одной и ограничился:

*Несчастные владельцы побитых лбов,
Так и уйдем, остыв, покинем жизнь без слов.
А от бумажных пуль никто не умирает,
По жизни мы — мишень для хвастунов.*

По странному стечению обстоятельств Абая поддержала матушка Ботантай, вдова Кудайберды. Была она, как известно, резким, прямым человеком. «Как я только не грубила родным мужа, — каялась она после смерти Кунанбая. — Говорила, что мы остались сиротами, нам никто не помогает в делах. Но они терпели резкие слова, уважая нас. Мой язык доставал и до Кунанбая. Я ведь обвинила его в смерти Амира. Но после ухода Тате аруахи наказали меня, я ослепла. Тогда я пошла на его могилу, обняла надгробие, просила прощения. Взяла землю, потерла ею глаза. После этого стала видеть, мешает только бельмо на одном глазу. Тате был мусульманином, помогал бедноте. И он будет рад, если вы, вместо того чтобы зарезать весь скот на ас, накормите бедноту».

Отказавшись от проведения аса, Абай еще больше укрепил казахов во мнении, что он для них — человек-загадка. «Потомки Кунанбая просто вносят раскол в народ, — говорили обыватели. — Хотят весь год кормить бедняков. Но помогут бедноте — останутся недовольными богатеи, не приехавшие на ас. Невозможно угодить и тем, и этим».

Люди, рассуждавшие в подобном духе, были, вероятно, по-своему правы — такова особенность кочевого мышления. Казахи не могли взять в

толк, как можно не провести тризну, не зарезать жертвенного коня. Но Абай был выше разумом. Он понимал, что на самом деле имеется цивилизационный конфликт. Традиция устраивать ас нисходит к тюркским корням казахского народа. Это древний тенгрианский обычай, пришедший из тех глубин веков, когда тюркские предки поклонялись Вечно Синему Небу, аруахам (духам предков) и Богу Тенгри. В XIX веке в условиях кризиса кочевого способа хозяйствования, испытывавшего известное давление со стороны оседлого земледелия, проведение аса способно было разорить любую кочевую семью. И Абай, отказавшись от очень затратного старинного поминального обряда в пользу мусульманского пожертвования неимущим, надеялся хотя бы таким образом остановить действие обременительной традиции. Ссылка на ислам, призывающий к скромности поминальных процедур, лишь обнажила конфликт тенгрианских и исламских традиций, который длился с незапамятных времен и протянулся до наших дней.

В том, что в казахской духовной сфере по сей день уживаются и тюркские, и исламские элементы, есть особый смысл. Игрет свою роль архетип памяти, который не позволяет забыть ни о той, ни о другой религии.

На самом деле в хозяйстве Абая было достаточно средств для проведения аса. Но он давно задумал очистить в горниле своих нравственных исканий мировосприятие целого народа. И решил начать с себя, словно предчувствуя апокалипсис кочевой цивилизации, грянувший в первой трети XX века.

С 1887 года в течение двенадцати лет подряд Шакарим избирался бием и постоянно действовал на уровне волостных и старшин в решении различных конфликтных ситуаций.

Это не мешало быть вовлеченным в своего рода литературный процесс, который выстраивался вокруг Абая. Турагул писал («О моем отце Абае»): *«...наступили годы, о которых можно сказать, что это было время просвещения. Отныне в беседах не было иных тем, кроме познавательных. Главным среди нас был Шакарим. Мы слушали Абая, как прилежные ученики, и, подобно шакиртам (ученикам) мусульманского медресе, спорили бесконечно об истине».*

Мухтар Ауэзов дополняет Турагула («Родные Абая и его жизнь»): *«Начиная с 1889 года для пытливого молодежи, покоренной познаниями и человеческими качествами Абая, его аул стал чем-то вроде большого образовательного медресе. Абай — учитель, а внимающие ему инициативные и энергичные молодые люди — шакирты. Он стал для*

родных и близких, для младшего поколения серьезным воспитателем. Поскольку все, что он видел в жизни, вызывало, нанося непоправимый вред человеческим отношениям, только отвращение, Абай захотел повести внимающую его речам молодежь новым путем к вершинам гуманности, о которых грезил сам. Рассказывая о своей жизни, не скрывая ни единого промаха, совершенного во власти, не замыкаясь в собственном мироощущении, не снимая с себя ответственности, он призывал молодежь не повторять его ошибок. И если об одних истинах говорил в стихах, то другие звучали в устной речи. В долгих беседах он завещал идти только чистой человеческой дорогой. Справедливость, честность, любовь, высокая честь, рассудочность, критичность — все эти основополагающие качества, отличающие настоящего человека, он прививал людям».

Как таковой официальной поэтической школы Абая не существовало. Да он и сам не настаивал, чтобы тот или иной поэт признавал себя его учеником. Но никогда не упускал случая разобрать стихи молодого поэта, высказать критическое суждение, дать советы по совершенствованию стиля, формы, техники письма. Не переставал обучать поэтическому мастерству даже Шакарима, хотя тот уже сформировался как самобытный мастер слова.

И постепенно вокруг Абая стала собираться талантливая казахская молодежь, желавшая посвятить себя поэтическому творчеству.

Школа мастерства не была постоянно действующей. Молодые люди наезжали по одному, а то могли и нагрязнеть к мастеру гурьбой. Порой ученики отправлялись и в родственный аул за десятки километров, где гостил учитель, заслышав, что туда уже выехали другие члены неформальной поэтической школы.

Их объединяло общее очарование стихами Абая. Порой такое же по силе эстетическое впечатление производили их собственные строки. Главное — очарование не исчезало, а, напротив, приносило интуитивное ощущение, что окружающий мир — это проекция поэзии, создаваемой совместно с Абаем.

Все годы литературных исканий рядом с учителем в поэтической школе Абая оставались, кроме Шакарима, пять талантливых учеников.

Не ограничиваясь обсуждениями творений молодых поэтов, осенью 1889 года Абай дал им задание написать поэму. Напомнил, что, согласно канонам восточной поэзии, истинный поэт обязан оставить после себя не менее пяти поэм. Ученики приняли вызов и уединились для написания поэм, темы которых согласовали с мастером. Шакарим вызвался запечатлеть в стихах историческую драму о Калкамане и Мамыр. Ему

писалось легко. Перед глазами возникали образы любимых сказок «Тысячи и одной ночи». Он наделял героев поэмы характерными чертами и жил их страстями. К весне 1890 года он закончил поэму «Калкаман и Мамыр». Она сразу стала популярной среди любителей поэзии. Поставив подпись «Мутылган» («Забытый»), в предисловии к первому изданию поэмы 1912 года, озаглавленном «Историческое повествование на казахском языке», Шакарим представил ее так:

«Эта история действительно произошла в 1722 году, когда казахи нашего Среднего жуза кочевали по берегам Сырдарьи незадолго до поражения от калмаков в «Год великого бедствия» («Ак табан шубырынды»).

Хотя раньше казахи относились к любви Калкамана и Мамыр неодобрительно, ныне непредвзятые наши современники, зная, что они невиновны, поминают их в молитвах.

Умерших не воскресить, но погасший огонь можно раздуть — с этой мыслью ныне разворачиваю перед вами забытую историю, которой сто девяносто лет. Она грозит уйти даже из памяти аксакалов. Вот я и решил: двоих влюбленных нет среди живых, так пусть хоть след останется. Памятуя о том, что и наш след может затеряться...»

«Калкаман и Мамыр» — одна из первых поэм казахской письменной литературы на сюжет из национальной истории. Отточенная стилистически, она и сегодня интересна сквозной идеей, содержащейся в фабуле. По изображению действительности, духовные основания которой амбивалентны, с одной стороны, благодаря древнетюркским верованиям, с другой — мусульманским обычаям, поэма проникнута глубоким смыслом.

Сюжет основан на народном предании о беззаветной любви молодых людей из рода Тобыкты. Мамыр — единственная дочь богатых родителей, мечтавших о сыне. Видимо, поэтому они позволяют ей одеваться по-мальчишески. Девушка с младенчества в седле, верная степной вольнице, она не чуралась ремесла пастушества и любила размеренный ритм жизни своей семьи и мирных стад.

Калкаман — племянник Анет-бабы, одного из влиятельных людей среди казахского сообщества. Молодые люди полюбили друг друга. Но девушка предупреждает:

Блиzkих по крови раньше не женили.

Как бы к смерти нас не приговорили.

Мне себя не жаль, я лишь боюсь за вас.

Пусть я стану жертвой — только бы вы жили.

Герои поставлены в чрезвычайные обстоятельства: молодые люди — из одного рода, а браки между членами одного рода у казахов издревле запрещены. Обычай, введенный далекими предками казахов, именуется в науке экзогамией. Цель его — избежать пагубных последствий брака между кровными родственниками. Была и другая важная подоплека старинного обычая выбирать жен не из своего круга, а из других родов, причем чем он более дальний, тем лучше. Такие браки, несомненно, укрепляли единство всего народа, проживавшего на огромной территории, соединяя перекрестными узами родства казахские жузы и роды.

Но Калкаман всеми силами доказывает бессмысленность древних моральных устоев и убеждает свою возлюбленную:

*— Ах, Мамыр, ну что ты... Вот тебе порука —
Позволяет шариат жениться внукам.
Не печалься. Это все суеверия.
Если любишь безоглядно, дай мне руку.*

Молодой человек прав: законы шариата разрешают браки между близкими родственниками. Но мусульманство не во всем главенствует в степи. Заветы дальних предков живут в сознании многих поколений казахов, не укладываясь в каноны ислама и не поддаваясь его воздействию.

И когда Калкаман тайно увозит возлюбленную, суд биев приговаривает их к смерти за нарушение моральных устоев. Особенно крут и непримирим Кокенай, влиятельный родич девушки.

Время идет, однажды Мамыр появляется в родном ауле. Кокенай, не мешкая, у всех на виду вонзает ей прямо в сердце стрелу, выпущенную из лука. Мамыр умирает. Поэма не только становится лирическим выражением чувств героев, но и передает состояние окружающего мира, в котором зло еще торжествует. Казалось бы, запрещенный брак разрушен и жи-гита можно оставить в покое. Однако родственники девушки направляют ультиматум Анет-бабе: мы покарали ослушницу, теперь их черед покончить с отступником.

Мотивы требования степных прокураторов понятны: чтобы неповадно было другим молодым; гибель Мамыр не есть абсолютная смерть, ибо стремление человека любить не умерло вместе с героиней.

Анет-баба вынужден принять одобренное обеими сторонами довольно

необычное решение: Калкаман должен проскакать на коне мимо Кокеная, который будет стрелять в него из лука.

*Стало льдом светоносное сердце Бабы,
Не желает никто идти против судьбы
На защиту безвинного. Разве не так же
Ныне против Абая настроены вы?*

В этом авторском суждении Шакарим транспонирует проблемы духовного состояния своего времени на исторический контекст XVIII века. Отталкиваясь от реальных обстоятельств жизни Абая, поэт включает его имя в единый светоносный ряд героев — предков. Каждый из них являет величие духовного опыта человека и противостоит косной среде. Своим обращением к массе «вы» Шакарим подчеркивает, насколько катастрофична история казахов, потворствующих злу и невежеству.

Между тем Шакарим не скрывает своего отношения к описываемым событиям, и оно далеко не однозначно. С одной стороны, он — мусульманин по воспитанию и убеждениям. С другой — с молоком матери выпитал этику кочевого мира казахов с почитанием традиций и законов тюркских предков. Поэтому Шакарим не осуждает Калкаман и Мамыр, но и не принимает безоговорочно их сторону. Точно так же категорически не осуждает Кокеная, блюстителя древних законов, которые в иной религиозной системе координат назвали бы языческими. Только в момент вынесения сурового приговора Калкаману автор не одобряет жестокость тобыктинцев, полагая, что это совершенно напрасное злодеяние.

Но то ли конь под Калкаманом оказался быстрым, то ли после смерти возлюбленной страдания земные вознаграждены были милостью небес, стрела Кокеная лишь ранила героя. Судя по мотиву его чудесного спасения, возможно заключить: сородичи видели лишь поступок влюбленных, а Бог видел их сердца. Калкаман тотчас отбывает на юг, в другие края, чтобы не вернуться никогда. Он без колебаний решил, что не будет жить среди тобыктинцев, которые обрекли любимую на смерть. Оставляя отчий край, герой предрекает:

*Невинных муки не пройдут вам даром,
Калмаки вас сомнут двойным ударом.
Кому на свете без Мамыр я нужен?
Я чист, мы будем с ней навеки парой.*

Пророческое предсказание Калкамана вскоре сбылось. Весной следующего года джунгары (калмаки) вторглись в казахские степи. Злосчастие судьбы влюбленных станет злом обобщающей силы для всех. Поэма Шакарима о любви Калкамана и Мамыр обретает черты художественного свидетельства о факте исторической биографии народа:

*В сражениях калмаки победили,
Две трети всех казахов истребили.
Не удержав на Сырдарье владенья,
В Сары-Арку казахи уходили.*

«Историческое» мышление поэта проявляется в авторской позиции в финале поэмы. Он верит, что потомки Калкамана когда-нибудь прочтут поэму и обязательно найдут родных в Чингистау.

Рассказывают, как-то весной у Абая гостил мулла из семипалатинской мечети, разъезжавший с проповедями, как сейчас сказали бы, по регионам.

Приезжему мулле поэма «Калкаман и Мамыр», которую прочел Шакарим, очень не понравилась. По убеждению гостя, правоверные мусульмане не должны воспевать противоречащие шариату обычаи темных предков, поклонявшихся каменным идолам. О таких обычаях ничего не сказано в священной книге — Коране, а значит, им не место в «нашей» вере. Шакарим отвечал, что он не воспекает обычаи предков, а показывает, каково было действительное поведение людей того времени.

Решительно возражая, мулла напомнил, что не рассказами о заблуждениях старины нужно заниматься, а быть в имане — истинной вере. Только иман может привести людей к богатству. Поэтому следует соблюдать правила, составляющие основу. Правило первое: мусульманин должен принять Аллаха и верить в то, что он единственный Бог. Правило второе: ежедневно выполнять намаз и совершать молитву. Далее: делиться доходами с бедными, соблюдать священный пост и — желательно — совершить хадж.

— Все это мы хорошо знаем, молдеке, — прервал проповедника Абай. — Неплохо бы включить в правила и просвещение народа, тогда бы и вы научились быть терпимее к обычаям предков.

Мулла помрачнел и насупился.

— Впрочем, Бог уже дал каждому из нас разум, чтобы мы могли

учиться и усваивать науки, — поспешил смягчить сарказм Абай. — Суть в том, что те, у кого нет истинных познаний, далеки от истинной веры. Я глубоко убежден, что без образования не будет у людей ни истинной веры, ни богатства, о котором вы говорите. Без знаний ни намаз, ни посты, ни паломничество не достигнут цели. Невежда может разбогатеть только разбоем. А я еще не встречал человека, который, добыв богатство разбойным путем, использовал бы его на благое дело. То, что добыто собачьим путем, и тратится по-собачьи.

Под впечатлением богословского спора позже Шакарим написал стихотворение, до сих пор вызывающее разночтения. Противопоставляя мулле, оплоту мусульманства в казахской степи, приверженца древней религии, он не собирался, конечно, воскрешать тенгрианство. Не хотел и прославлять старых богов, хотя они, как и греческие боги, видели рассвет мира. Шакарим интуитивно чувствовал беспредельную глубину достопамятных времен, вместивших несколько тысячелетий тюркской истории, но вместе с тем не думал и опровергать ислам.

Стихотворение актуально как послесловие к поэме «Калкаман и Мамыр», как ответ на ситуацию спора, навязанного Тартюфом в исламской тоге. И не только. Оно о двоеверии в Степи, о чем в свое время писал в Петербург Аполлону Майкову Чокан Валиханов (1835–1865). Возвращаясь к стихотворению Шакарима, отметим трехчастную композицию произведения. В первой части поэт портретирует образ «безумца»:

*Если к Тенгри, безумец, склоняясь,
Идол каменный Богом считает,
Ему верным рабом оставаясь,
Вере пламенной не изменяет,
Если выгод и славы не ищет,
Знает он, что такое честь,
И, не хвастаясь, злобы не мыслит,
А доволен лишь тем, что есть...*

Представления такого верующего о том мире, в котором он живет, естественны и бескорыстны. Чего нельзя сказать о прагматичном и лицемерном мулле, который в путях алчности «губит свой век». Образу этого ханжи посвящена вторая часть стихотворения:

Молдеке, тогда не удивляйся,

*Что в раю будет именно он.
Ты ж, двуличный, не сомневайся,
Будешь сильно судьбой удручен.*

*Ведь то Богу, то злату без толку
Поклоняешься. Дай же ответ:
Есть ли польза хотя бы с иголку
От сиденья в мечети сто лет?!*

В последующей части поэт разворачивает свое откровение о вере как ясном пути «святого человека» — «безумца». Продолжая противопоставление образов «тенгрианца» и «сидящего в мечети», Шакарим напоминает последнему:

*...вера его — ясный путь,
И с него уже трудно свернуть.
И хотя злость теснит твою грудь,
Он пребудет в раю — в этом суть.*

К тому времени Шакарим был уже достаточно известным в Сары-Арке поэтом. Его стихи переписывали для себя многие образованные люди. Сохранилась, например, тетрадь знатока казахской литературы Садуакаса Мусаулы, в которую были записаны стихи Абая, Арыстана из рода Карауыл, акына Тобылбая, Шакарима, Машхур Жусупа Копеева, самого Садуакаса и ряда других сочинителей. Тетрадь заполнялась с 1884 по 1891 год, ныне хранится в Санкт-Петербурге, в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина, в архиве А. Н. Самойловича.

Многих современников Шакарима поражали его философские стихи — необычный для степной культуры жанр. К примеру, стихотворение «Истинное и ложное» (1889), в поэтике заглавия которого сведены противостоящие два слова, начинается такими суждениями:

*Скажи, где мышленья и разума келья?
В какой они форме находятся в теле?
Знать, нравиться, верить — причуды рассудка,
Когда от них польза бывает на деле?
Мы слышим ушами, а плоть осязает,*

*Мы видим глазами, а нос обоняет,
Язык — орган вкуса. И все их сигналы
Наш разум на пользу иль вред проверяет.*

Безусловно, это абсолютно самобытные размышления. Шакарим ставил вопросы и вводил в стихи философские категории не по глубокому знанию концепций, бытовавших в разные эпохи и составляющих мировую сокровищницу философских знаний. Он лишь недавно начал знакомиться с работами отдельных западных философов да знал философскую лирику поэтов Востока. Пытливый ум неудержимо влек его в лабиринты познания. Вечные вопросы бытия возникали по наитию, словно зарницы в ночной степи. И он смело слагал стихи-философемы, ставил вопросы и искал ответы, радовался и удивлялся, недоумевал и противопоставлял метафорические символы, такие как истинное и ложное, вынесенные в заглавие стихотворения.

Впрочем, лучшие философские сочинения были впереди. А пока Шакарим обратился к работе над поэмой «Енлик и Ке-бек», которую поначалу озаглавил незатейливо — «Несправедливое наказание».

Как и в случае «Калкаман и Мамыр», первому изданию поэмы «Енлик и Кебек» (это окончательное название закрепилось позже) автор предпослал вступительное слово:

«В основе описываемой истории — конфликт, случившийся между родами Матай и Тобыкты примерно в 1780 году. Хотя по шарияту помолвка дочери по выбору отца равносильна законному браку, предполагается, что родитель не печется о собственной выгоде, а охвачен одной только заботой о дочери. Иначе говоря, шарият не призывает к тому, чтобы кто-то из нужды продавал чадо ради выгоды, обрекая дочь на несчастье. Размышляя над этим, я уже не берусь утверждать, что Енлик и Кебек столь уж виновны».

Основную часть составила драматическая история любви, написанная образным языком. Но, не ограничиваясь изложением истории влюбленных, Шакарим самыми сочными красками обрисовал картину эпохи, заострив внимание на одном из наиболее противоречивых обычаев традиционного общества. Отсюда понятен интерес современников к его поэме. Ведь в конце XIX века все еще происходили семейные драмы, наподобие той, которую описал Шакарим. Девушек часто выдавали за нелюбимого, получая калым — солидный куш. И кто-то из них решался, как Енлик, пойти против воли отца и уйти к другому, протестуя, по сути, против

многовековой традиции кочевого общества, с риском для жизни.

Юридическая основа проста: в традиционном казахском обществе разводы были в принципе запрещены. Муж не имел права бросать жену на произвол судьбы, даже если влюблялся в другую. В его распоряжении был только один способ разрешить ситуацию — взять возлюбленную второй женой и полностью обеспечивать первую, определив ей отдельную юрту или даже целый аул. В противном случае ему пришлось бы иметь дело с судом биев, который вынудил бы его к еще большим тратам. Точно так же жена не имела права уйти к другому, но с тем отличием, что не могла завести второго мужа. Если она все же сбегала от мужа, то суд биев заставлял соблазнителя платить большой выкуп в виде скота или принуждал женщину вернуться обратно. Казнь отступников была редкостью, но именно эта мера наказания выпала на долю Енлик и Кебека.

Шакарим, почитатель традиций, не дает рецепта, как избавиться от жестокого архаичного диктата. За него это сделало время. В XX веке советская власть в корне ликвидировала собственно кочевое общество, а с ним почти всю архаику — в чем-то замшелую, в чем-то милую казахскому сердцу и сохранившуюся в наше время в усеченном виде лишь в некоторых бытовых, свадебных и поминальных обрядах.

Традиции выдавать дочь замуж по воле родителей в наши дни практически не существует. Однако поэма «Енлик и Кебек» интересна сегодня сама по себе как подлинная литература. В ней нет места случайному, все эпизоды связаны смысловыми и сюжетными переходами. И потому частная история любви становится вселенской притчей, ибо «Енлик и Кебек» — это поэма о стремлении к счастью. Начинается она с небольшого философского размышления о том, как важна для народа историческая память. Вот его фрагмент:

*Ушедший в мир иной — все дальше с каждым днем.
Ушел — угас, коль мы не думаем о нем.
Но не исчезнет след того, кто нам так нужен,
Пока нас согревает он своим огнем.*

Далее, как бы в продолжение исторического дискурса поэмы «Калкаман и Мамыр», следует политический обзор решающих событий XVIII века. Автор дает развернутую картину исхода казахов после джунгарского нашествия и последовавшего затем изгнания захватчиков. Чтобы объяснить некоторые добавления, Шакарим отсылает читателей к

«Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», изданной им в 1911 году.

Автор лаконично повествует о возвращении тобыктинцев во главе с Кенгирбаем в Чингистау. Споры за выпасы между родами Тобыкты и Матай перерастают в необратимый процесс вражды, в обстоятельствах которого происходит случайная встреча отважного батыра Кебека и красавицы Енлик.

Прорицатель-баксы Нысан как-то нагадал тобыктинцу Кебеку, что он пропадет из-за красивой высокой девушки. Вот Кебек и заблудился в буранной степи, охотясь с беркутом. А когда наткнулся на засыпанную снегом зимовку матайцев, обнаружил в ней семейство: старика со старухой, мальчонку-пастуха и поразительной красоты девушку — Енлик.

В первую же ночь, дождавшись, когда уснут домочадцы, девушка поведала жигиту горестную историю своей жизни. Ее сосватали за мальчика, байского сына, которого она ненавидит и не желает к себе подпускать. «Кто может быть меня несчастней, скажи, батыр?» — шепчет Енлик. Принимая образ неожиданно явленного жигита за образ своего мира, девушка откровенна, потому что уже влюблена:

*Сегодня ты пришел по воле Бога,
Наслышана я о тебе так много.
И думала всю ночь с тревогою, что ты,
Как грубиян, набросишься с порога.*

*Но если нравлюсь я, то я — с тобою,
Такая вот печаль владеет мною.
Что не любовница я, а жена твоя,
Сумеешь ли ты слово дать такое?*

Кебек изумлен и несколько насторожен. Тщательно подбирая слова, отговаривает девушку, словно проверяя ее чувство. Говорит, что юный муж повзрослеет и все еще сладится. Енлик отвечает с усмешкой:

*Речам твоим удивлена я очень.
Совсем другим казался мне ты ночью.
Тебе понравится, когда прикажут:
Терпи неволю, если нету мочи?*

*Коль слово дать не можешь, не трудись.
Считаешь бедной? Что ж, за мной не волочись.
Обида, знаю, долго не отпустит,
Но слов моих забыть не торопись.*

Жизненные обстоятельства и внутренняя дисциплина заставляют Кебека напомнить, что два рода Матай и Тобыкты находятся во вражде и только ждут повода, чтобы начать междоусобную войну. Если он сейчас же, ночью, увезет ее, матайцы тотчас устроят барымту, угонят скот у тобыктинцев и межродовая рознь лишь углубится. Сценарий развития событий, построенный батыром, неприемлем для девушки — она вся во власти одних чувств:

*— Как знать, в каком мы завтра будем круге.
Одни ли мы с тобой нашли друг друга?
И что, народ воюет в каждом деле,
Когда жигит уводит в степь подругу?*

Герои Шакарима, как и шекспировские Ромео и Джульетта, восстают против предрассудков общества, против розни, своим уходом-бегством от сородичей утверждают право на любовь и счастье. Между любовью и устарелыми нормами степи они выбирают любовь. За что и были преданы мученической смерти решением предводителей племени.

В тот момент все зависело от главы рода Тобыкты Кенгирбая. Святейший Кабекен, как уважительно величает его Шакарим, дал понять, что для рода важнее мир, чем жизни двух влюбленных. И тобыктинцы указали, где прячутся Кебек и Енлик. Правда, их уже было не двое, а трое: Енлик родила мальчика. Налетели матайцы, схватили Енлик, отобрали ребенка и окружили Кебека, который защищался с кинжалом в руке, но тоже был схвачен.

Беглецов связали и повезли в сторону реки Ащису, к хребту Дальний Акшоки, у подножия которого собрались предводители племени Найман, чтобы вынести приговор. Сцена судилища показывает, насколько глубок конфликт между человечностью и жестокостью:

*Одни желали их забить камнями.
Другие требовали вздернуть в яме.*

*Решили, повязав аркан на шею,
Приговоренных волочить конями.*

Когда толпа окружила молодых, «как будто резать лишний скот решила», Енлик, осмысливая происходящее («со смертью нам не избежать свиданья»), просит выполнить «три желания»:

*Во-первых, попрощаться нам дадите.
Второе — вместе нас похороните.
Ребенок наш — сын рода Тобыкты.
Его вы Кенгирбаю отдадите.*

Просьбы Енлик обещали выполнить. Несчастливым развязали руки, они обнялись на прощание у всех на виду.

Шеи им обмотали веревками, которые привязали к хвостам лошадей. С родовым кличем «Матай! Матай!» всадники, охваченные степным окаянством, погнали коней. Так погибли Енлик и Кебек. О судьбе ребенка ничего не известно.

В народе же возобладало сочувственное к ним отношение.

Течение жизни в потоке дней

И все же практическая деятельность, так умело выстраиваемая Шакаримом, деятельность, несомненно, полезная и достаточно прибыльная, доставляла, как выясняется, скрытые от посторонних глаз мучения.

В эссе «Зеркало подлинного счастья» (1918) Шакарим кратко обрисовал эволюцию своих желаний:

«Не успел я изведать до конца утех юности, как жажда нового счастья охватила меня. Оказавшись в кругу почитаемых всеми степных мужей, посещая их собрания, прислушиваясь к мудрым речам и суждениям, познакомился я со «счастьем», именуемым «гражданственностью» в самых разных его видах. Разве такое дело не увлечет человека? Подгоняя и ободряя себя, я бросился в борьбу, будто вклинившись в ряды врагов.

Но хотя усвоил в этом деле разнообразные премудрости и приемы, меня подкарауливало, словно именно его не хватало, другое «счастье», именуемое богатством. И в самом деле, без него все перестало быть привлекательным и все казалось безысходным. «Боже мой! — говорил я себе. — Разве мне недоступно то, чего достигли другие?» Действуя энергично, я и тут добился успеха».

До сорока лет, то есть до 1898 года, Шакарим, находясь в чине должностного бия, целенаправленно и, похоже, без особых рефлексий занимался накоплением, прекрасно понимая, насколько это важно для большой семьи. Любые события — конфликты и примирения с соседями, семейные торжества, поминки, женитьба сыновей — требовали больших трат, иными словами, большого количества скота.

Нет сомнений, он отдавал себе отчет, что эта деятельность отнимает время, которое прежде отводилось творчеству. Что ж, пришлось идти на жертвы, и вынужден был он идти на них сознательно. Сочинять стихи Шакарим не перестал, хотя за ним не числится много произведений, написанных в 1890-е годы. Вероятно, поэзия отошла на второй план из-за непомерной загруженности хозяйственными делами и юридической практикой.

Годы спустя Шакарим погрузился в страдания, бичуя себя за то, что ему пришлось сколачивать состояние, вместо того чтобы заниматься творчеством. Но была ли у него возможность безоглядно писать, творить, забросив должностные обязанности и хозяйство? Конечно нет. Она

появилась позже, когда выросли и отделились в самостоятельные семьи старшие сыновья, а налаженное хозяйство стало давать устойчивый доход, достаточный для безбедного существования.

Обремененность бытом и неосуществимые до поры до времени творческие замыслы Шакарима не могли не волновать и Абая. О глубочайших в своей философичности раздумьях Абая о пути жизни свидетельствует эпизод, о котором Шакарим рассказывал Ахату:

«Как-то я приехал в аул Абая на жайляу. В юрте было много аксакалов, ровесников Абая. Когда я вошел и приветствовал их, Абай воскликнул: «Как говорится, легок на помине! Хорошо, что пришел. Я как раз рассказывал, что быт засосал настолько, что не удалось самому отправиться за знаниями. Потому решил про себя, что передам заветную мечту Шакариму. Так что готовься, пошлю тебя за мудростью мира! Человек до сорока лет пополняет свои познания, а в сорок достигает зрелости и ясности ума, обретает силу воли. Через три года тебе как раз исполнится сорок. Ты овладел восточными языками. Теперь в течение трех лет обучайся русскому языку. Все расходы беру на себя, готовься в поход. Как, согласен на это?» Я ответил: «Если все расходы на вас, почему не отправиться за знаниями. А куда надо ехать?» Абай сказал: «Греко-афинские научные источники собраны в Стамбуле, там и найдешь их. Арабские знания собраны в Мекке, но, на мой взгляд, в Медине можно найти больше, чем в Мекке. И еще надо тебе попасть в Александрийскую библиотеку в Египте. Побывав в этих четырех городах, осмотрев исторические места, собрав нужные книги, вернешься, пополнив знания. Деньги на покупку книг и на дорожные расходы дам сам. Если согласен — по рукам». Пожав руку, Абай обратился к сидящим: «Все видели? Шакарим дал согласие!» «Видели», — отвечали аксакалы».

Не смирившийся с миром-уездом Абай намечает для своего ученика Шакарима путь преодоления обстоятельств местечкового бытия. Какие конкретно научные и учебные заведения следует посетить, не говорится, — Абай и сам имел о них только общие представления. Но уверенность в том, что Стамбул, Мекка, Медина и Александрия откроют бесценные сокровища знаний страждущему неофиту из Чингистау, столь же простодушна, сколь и закономерна. Святое желание Абая и Шакарима обрести мудрость, накопленную человечеством, в самом деле способно было отворить двери во всемирные библиотеки и к людским сердцам. Ими двигало то, что Лев Толстой называл «энергией заблуждения». В ней действовали, противоборствуя, выбор и альтернативы нового пути.

Конечно, аксакалы, друзья Абая, не были на ведущих ролях в

поэтической школе. Но они вносили особый аромат жизнелюбия в атмосферу духовности, царившую в доме Абая, и были верными слушателями и критиками.

И если уж выстраивать иерархию в поэтической школе по самым строгим меркам, то нельзя обойти оценки Мухтара Ауэзова, которую он дал в 1934 году в статье «Поэтическое окружение Абая», опубликованной в журнале «Литературная арена», выходявшем на казахском языке. Ауэзов строго очертил имена учеников:

«Таких учеников четверо. Двое из них — Акылбай и Магауия, сыновья Абая. Оба умерли в 1904 году, в год смерти отца. Два других ученика — Кокбай и Шакарим. Эти четыре поэта и есть в полном смысле слова ученики Абая. Они не просто получили воспитание у старшего по возрасту наставника и учителя, не только были читателями, распространителями, ценителями поэзии и прозы Абая, но также, благодаря его руководству, создавали собственные творения».

Ауэзов сузил круг учеников до тех творцов, чьи сочинения пережили авторов. И то правда: настоящим писателем можно стать только после смерти, если сохранится интерес читателя.

Но все же школа Абая — более широкое понятие. И последующие исследователи прибавили другие имена к списку Ауэзова. В их числе Какитай и Турагул, Арип и акын Иманбасар Казангапулы, поэт, певец Асет Найманбайулы и даже внук Абая Аубакир, сын Акылбая, сатирик, писавший позже едкие, насмешливые стихи.

Впрочем, сами ученики о классификации не задумывались. Да и как они могли бы ее составить? Кто в те годы способен был определить, кто из сочинителей стихов и поэм — выдающийся поэт, а кто из прозаиков — настоящий писатель? Более того, само понятие «поэтическая школа» не было в ходу. В Акшоки или Жидебае не висел указатель «Поэтическая школа Абая». Молодые люди просто говорили: «Пойдем к Абаю!» Этот призыв к действию, представляющему как ментальный акт познания духовной культуры Абая, и был обозначением школы мастерства. Шакарим воспроизвел призыв в памфлете-обращении «К молодежи»:

*Мечтай, молодежь, об особом пути.
Пора нам от методов скверных уйти.
Богатство от нас никуда не исчезнет,
Нам надо мудрейшую личность найти.*

Решайте, кому предпочтенье отдать

*Из лучших казахов. Нам нужно искать
Носителя подлинных знаний о мире.
Довольно нам жизнь без забот прожигать!
<...>
Но сколько б ни звали — кругом все невежды.
Попросим Абая, идемте к нему!*

Обращение поэта имело две особенности: современные молодые люди должны озаботиться поисками особого пути; сам поэт, выступая в роли защитника такого пути, предлагает новую систему моральных ценностей. Немаловажно, по Шакариму, что личность «носителя подлинных знаний» находится вне «лучших казахов».

Заклучив соглашение с учителем о походе за знаниями в культурные центры Востока, Шакарим с огромным рвением вновь, как в прежние годы, занялся самообразованием. При этом работу в должности бия не оставил полностью. Просто стал меньше участвовать в разборах тяжб, больше времени проводил дома за чтением и письмом. Ведение общих хозяйственных дел большой семьи переложил на плечи старшего сына Суфияна, которого женил два года назад, отделил в небольшой аул, всегда кочевавший рядом. Суфиян был уже сведущ во всех премудростях жизни в суровых зимних условиях.

Не забывал Шакарим и о младших сыновьях. Обучал грамоте Кабыша — ему исполнилось семь лет. Старался привить любовь к чтению одиннадцатилетнему Гафуру. В то время он не держал учителей, они появились позже. Но отклониться от курса на всестороннее обучение детей, взятого Кунанбаем и продолженного Кудайберды и Абаем, не мог себе позволить. Поэтому приходилось лично заниматься начальным образованием сыновей. В воспитании и обучении он был терпелив и бесконечно добр. Вспоминал излюбленные максимы, слышанные не раз от Абая. «Человек должен приносить пользу народу. Если не можешь приносить пользу, то хотя бы не вреди», — говорил он Гафуру точно так, как некогда поучал его самого Абай. «Самое главное — честность. Будьте всегда честными. У честности — длинный аркан (долгая память)», — любил повторять он детям другую сентенцию учителя.

Посвящая время собственной персоне, Шакарим скроил и сшил одежду по собственным задумкам, как делал всю жизнь. Изготовление причудливого кроя кафтанов, чапанов с кожаными поясами, инкрустированными небольшими цветными камнями и серебром, было его

постоянным увлечением, которое, как обычно, он не афишировал даже в семейном кругу. Делился соображениями по части «дизайна» только с Айганшой. Она нахваливала изделия и радовалась, что муж рядом, не пропадает в волости по судебным делам. Уж слишком много внимания к нему со стороны, слишком превозносят его соседи и соседки.

«После договоренности с Абаям я приложил все силы к тому, чтобы основательно овладеть русским языком. — Это из бесед с Ахатом. — В отличие от прежних лет эти годы были особенно плодотворными. Я глубже изучил, восполнив пробелы, восточные языки, которые неплохо знал прежде».

Углубленное изучение русского языка и восточных языков по большей части сводилось к чтению стихов Пушкина, Лермонтова, рассказов Толстого, а также книг на фарси, турецком и арабском языках.

Поэма Физули «Лейли и Меджнун» на близком к турецкому азербайджанском языке взволновала Шакарима. Оценив художественное достоинство произведения Физули, он понял, что это, вероятно, лучший из множества вариантов легенды о Лейли и Меджнуне.

В юности он читал, как всегда с подачи Абая, на фарси поэтическую версию Низами, но чтение давалось нелегко: Шакарим тогда только начал осваивать фарси. Низами первым написал поэму «Лейли и Меджнун». Но в 1535 году Физули переосмыслил гениально разработанную великим Низами трагедию, обогатил достижениями устного народного творчества и создал галерею живых человеческих характеров.

Шакарим помнил пожелание Абая когда-нибудь воспроизвести поэму «Лейли и Меджнун» на казахском языке. И вот теперь, после прочтения Физули, он понял, что сможет исполнить наказ учителя. Абай одобрил его решение. Но дал неожиданную подсказку, обратив внимание на скрытые суфийские элементы в сочинении Физули, чему Шакарим, перечитавший поэму, нашел подтверждение. Захваченный сюжетными перипетиями, он поначалу рассматривал рассыпанные по тексту мистические вкрапления как типичные сказочные выдумки, отнеся их на счет фантазии древних авторов.

Абай успокоил, заметив, что суфизмы никогда не должны проступать явно и неискушенный читатель должен воспринимать поэму именно как сказку. Смысл маскировки в том, что суфийский подтекст в мастерски выполненном произведении доступен только посвященным — это один из принципов мистического учения.

Учитель благословил ученика на творческий перевод. Абай считал себя обязанным заниматься переводами и знакомить казахскую степь с

лучшими произведениями мировой литературы. Такую же программную цель ставил перед участниками своей поэтической школы.

Шакарим с увлечением взялся за дело, смело вступив в соревнование с Низами, Навои, Джамии. Он завершил поэму программными словами о том, что в обыденной жизни заботило более всего:

*Теперь, жигиты, слушайте меня.
Не меньше, чем Меджнун, страдаю я.
Хоть не влюблен я в девушку смертельно,
Другой недуг сразил средь бела дня.*

*Я безнадежно в пять вещей влюблен.
Я назову их, я в них убежден:
Любовь, большое сердце, справедливость,
Свобода, знания — я ими увлечен.*

В этом необычном отступлении, синхронизируя совокупность «пяти вещей» с историей героев, любовь которых «крепка, как смерть» («Песнь Песней Соломона», глава 8). Шакарим декларирует высокие нравственные и гражданские принципы. Поэт сетует на невозможность существования «тех пяти вещей» в родимой стороне:

*Откуда взяться у казахов знаньям?
Кругом лжецы без всяких дарований.
Я ни одну из тех пяти вещей не встретил.
И не было ни дня без горестных страданий.*

Абай поддерживает критический настрой ученика прозой, что звучит в Слове седьмом «Книги слов»:

«Нам бы неустанно ширить круг своих интересов, множить знания, которые питают наши души. Нам бы понять, что блага души несравненно выше телесных, и подчинить плотские потребности велению души. Но нет, не стали мы делать этого. Кликушествовая и каркая, не продвинулись мы дальше навозной кучи у аула... Нет ни искры в груди, ни веры в душе. Чем отличаемся мы от животного, если видим только глазами? В детстве мы были лучше. Тогда мы были человеческими детьми — стремились узнать как можно больше. Сейчас мы хуже скота. Животное

не знает ничего, но и не стремится ни к чему. Мы не знаем ничего, но готовы спорить до хрипоты: отстаивая свою темноту, стремимся свое невежество выдать за знания».

Но Абай и Шакарим не были бы истинными творцами, если бы ограничились лишь беспрецедентной в мировой литературе жесткой национальной критикой. Такая критика может стать предметом искусства, только когда будет преодолена самим же искусством. Подлинное художественное произведение должно нести жизнеутверждающую идею. Иначе восточная поэма предстанет собранием нравоучений, а «Книга слов» превратится в сборник утомительных назиданий.

Удивительным образом критика, которой Шакарим завершает поэму, лишь четче фиксирует лейтмотив всей поэмы: жизнеутверждающую веру в силу любви. Автор, по сути, призывает читателя не замыкаться в критическом поле, а идти дальше, посвятив жизнь обретению непосильной — пока — ноши из пяти добродетельных качеств:

*Чтобы понять меня, используй путь иной:
Внимай мне слухом внутренним, мой дорогой!
Не верь, что нет достоинств у казахов.
Их просто разом все не заберешь с собой.*

*Не опасайся, что не сможешь их найти.
Не верь, что у страны нет доброго пути.
Ведь разуму подвластны все деянья.
Пока ты жив, ищи их, чтоб вперед идти.*

Абай был рад высокому творческому потенциалу Шакарима. Ему понравилась поэма «Лейли и Меджнун» в исполнении ученика, и он признал в нем наконец достойного продолжателя дела, которому посвятил жизнь.

Что касается поэмы «Лейли и Меджнун», то в сущности Шакарим создал именуемое восточным словом «назира» (ответ) поэтическое произведение, написанное по мотивам какого-либо прославленного литературного шедевра. В назира не меняются фабула, основные персонажи, стихотворный размер исходного произведения, но допускается вносить изменения в сюжетные ответвления, трактовку ключевой идеи.

Шакарим в целом сохранил традиционную композицию поэмы. В ней есть, как полагается, вступление, кульминация, развязка. Но прибавились

сюжетные линии и своеобразные авторские ремарки, глубокие и неожиданные по содержанию. В предисловии автор задается вопросами о том, «что казахи знают о любви» и знакома ли им поэзия Востока. Повторив имена восточных поэтов из известного четверостишия Абая, он отдает дань уважения своему учителю:

*Любовь сильна поистине тогда,
Когда живет и в сердце, и в крови.
<...>
Шамси, Навои, Саади, Физули,
Кожя Хафиз, Фирдоуси, Сайкали —
Всех выше вознеслись. Они согреть
Весь мир в лучах поэзии смогли.*

Почитая историю Меджнуна и Лейли за образец «той самой истинной любви», Шакарим адресует читателя к образу поэта «из стен Багдада Физули», который, «как никто другой, сумел события красиво передать». Это уважение к своему предшественнику казахский поэт сопровождает признанием:

*Но книгу Физули лишь год назад
Мне довелось случайно отыскать.*

«Жил в Аравии богач, всего у него было в достатке» — так начинается повествование Шакарим. Но у купца нет детей. В полном соответствии с казахским поверьем «много пожеланий породят и море», которое приводит автор, богач постоянно угощает людей, чтобы они пожелали ему наследника. И щедрость вознаграждается. У купца рождается сын Кайыс, описанию облика которого Шакарим придает мотив чудесного:

*От всех иных отлично обликом дитя,
Увидев раз, захочешь видеть час спустя.
Лицо его таинственным лучится светом.
Невольно ясный лик полюбишь не шутя.*

*Одарит теплый свет тебя томленьем,
Как будто стать готов твоим виденьем.*

*Но почему он нравится — неясно.
Пред ним ты замираешь с удивленьем.*

Однако Кайыс растет беспокойным, никто не может остановить его постоянный плач. Однажды няня, прогуливаясь с ребенком, встречает подругу, тоже няню, с маленькой плачущей девочкой на руках — это Лейли, дочурка богатого феодала. Увидев друг друга, малыши перестают плакать. Няни решают найти возможность не разлучать детей.

В этом фрагменте Шакарим выводит новый, не встречавшийся у предшественников персонаж — старуху-кормилицу, которая соглашается воспитывать Кайыса и Лейли. У старухи, никогда не имевшей детей, как только она берет на руки Кайыса, внезапно появляется молоко. Но при попытке поднести к груди Лейли — молоко исчезает.

Дети подрастают, учатся в школе, дружба переходит во влюбленность. Встревоженная мать запрещает Лейли ходить в школу, запирает ее дома. От тоски Кайыс постоянно теряет сознание. Но отказывается от лечения и убегает в пустыню. В глазах людей он — меджнун (одержимый, сумасшедший). Родители Кайыса просят отца Лейли разрешить соединить их судьбы, но тот отказывает, считая, что Меджнун — не пара его дочери.

Меджнун совершает хадж в Мекку. Обнимая Каабу, обращается к луне, ветру, звездам, птицам с мольбой дать силы пережить разлуку. Пишет стихи, адресуя их возлюбленной:

*Пусть сердце полно болью о Лейли,
Не гаснет пусть во мне огонь любви!
Пусть жизни в пламени мучений я лишусь —
Отговорить меня б вы не смогли.*

Лейли, как и Меджнун, несчастна. В ее словах — та же безысходная печаль, страдания любви:

*Лейли, в луну взглядевшись, прошептала:
Ты землю огибаешь без причала,
Всего за ночь обходишь мирозданье,
Но от Меджнуна дай мне весть сначала.*

В тоске и одиночестве страдаю.

*Дойдет ли до Кайыса голос мой?
Тебя я, ветер вольный, умоляю,
Ему привет мой донеси с собой.*

Но не природные явления, а Заит, сердечный друг Лейли и Меджнуна, передает письма влюбленных друг к другу.

Однако действие трагедии неумолимо: Лейли вынуждена выйти замуж за Ибн Салама, богатого жениха, за которого сосватали родители. Однако некий дух объясняет молодому супругу, что он не должен прикасаться к Лейли, иначе ему грозит смерть. Салам благородно решает уступить Лейли Меджнуну, но, не успев сделать это, умирает.

Под видом слепцов, просящих подаяние, Меджнун и Заит приходят в город. Узнав в слепце Меджнуна, Лейли подает ему свое письмо и падает без чувств. Меджнун бросается на помощь, но всякий раз, когда он приближается к Лейли, его охватывает пламя. Юноша читает прощальное письмо Лейли, а ей становится все хуже. Девушка прощается с родителями и просит, чтобы после смерти никто, кроме Меджнуна, к ней не прикасался. Когда Лейли умирает, Меджнун спешит к склепу. У могилы возлюбленной юноша умоляет допустить его к ней. И на небесах услышали молитву. То есть, по Шакариму, земной мотив трагической любви-разлуки довершается мотивом чудесного, что связано с благорасположением небес:

*Раскрыл могилу в тот же миг Всевышний,
Меджнун обнял свою Лейли неслышно.
В один момент за ними склеп закрылся.
Вот так свела влюбленных воля Свыше.*

Шакарим оставил широкий простор воображению любителей суфийских аналогий. Ему удалось создать двухплановое произведение по всем правилам суфийской поэзии. Внешний план — история влюбленных — мог интересовать каждого читателя или слушателя. Второй план, как считается, способен понять лишь посвященный в тайны суфизма.

Например, по предопределению Лейли и Кайыс еще в младенческом возрасте влюблены и проявляют беспокойство до тех пор, пока не встречаются, — это суфийский мотив о божественной любви: «Воплощенная любовь тянется к красоте».

Образ старухи-кормилицы, введенный Шакаримом в дополнение к

древним темам, также можно трактовать в суфийском дискурсе, развивая символику известного суфийского образа: мир — старуха. Старый дряхлый мир оживает и наполняется смыслом лишь тогда, когда появляется истинная любовь. Символично и то, что Кайыс и Лейли не могли быть вскормлены из одного источника: они не брат и сестра.

Ведущая идея суфийской эстетики — воспевание земной любви как любви к Богу — воплощена в образе Меджнуна. На протяжении многих веков восточные поэты изображали суфия-мистика как обезумевшего от любви Меджнуна. Его любовь к Лейли является аллегорической формой выражения любви к Богу — любви, проходящей через все испытания и завершающейся слиянием суфия с божественной Истиной.

Самостоятельное значение имеет образ огня, сопряженный с суфийским мотивом священного безумия. У Шакарима этот образ из метафоры «огонь любви» трансформируется в огонь настоящий. Когда Меджнун приближается к Лейли, из груди его вырывается пламя, в котором они едва не погибают. Это знак судьбы: в земной жизни влюбленным уже не соединиться. Сначала умирает Лейли, а затем, по версии Шакарима, происходит «чудо любви»: Меджнун обращается с мольбой к Богу, и могила разверзается, чтобы принять его и вновь закрыться, соединив влюбленных в вечной жизни.

Впрочем, читатели вправе не считать себя обязанными углубляться в суфийский подтекст.

Романтическая легенда в изложении Шакарима стала одним из самых любимых произведений в казахской литературе. Мухтар Ауэзов и последующие исследователи справедливо считали поэму не перепевным произведением, а самостоятельным художественным творением степных отражений.

Так Шакарим поступил при написании поэмы «Лейли и Меджнун», когда приблизил к казахскому читателю арабский Восток, вписав в сюжет образы степной дали, солнца, луны и вечно синего неба.

Так он действовал позднее в жанре «прозы поэта», создавая очень красивую аллегорическую трагедию «Адиль и Мария». Считается, что она написана в 1925 году. Сам Шакарим определил ее как «трагический роман». Он усилил восприятие драматических коллизий, предпослав действию изображение ласкового весеннего вечера, предвкушения счастья, которым полны сердца обитателей степи:

«В середине марта дул непрекращающийся ветер, талые воды с шумом неслись по ущельям. Кому-то полные воды рек были в радость, но сильный ветер носил перекати-поле, тащил по воде валежник,

беспрестанно крутил-вертел вырванные с корнем беспомощные деревья и кусты, затаскивал их на оползневые склоны или забивал ими колодцы!

Не успокаиваясь на этом, ветер вырывал дерн, уносил в водном потоке едва появившуюся на свет зеленую травяную поросль, выбрасывая ее на незнакомую ей неродную землю.

Но вот в конце того же месяца марта, решив, что земля достаточно подсохла и пора выводить скот, отсиживавшийся на зимовках народ начинает кочевать на равнину. Кто верхом, кто пешком гонят скот. Когда ягнята устают, кочевье останавливается, давая отдых животным, к мамашам пускают ягнят кормиться. Подростки-погонщики, моментально соорудив мяч из шерсти, выкопав ямку на поляне, начинают играть с мячом, стараясь загнать его в яму. Вдруг у кого-то срывается выучный груз, перевозимый с зимовки. Поклажу навьючивают обратно под возмущенные крики верблюдов. Кто-то носится за коровами, чтобы и на них водрузить скарб. Шумят мужчины и женщины, шумят дети.

Молодые табуничики ведут к кочевке отзимовавшие табуны. Пешие жигиты спешат навстречу с уздечками в руках, каждый ловит курыком — длинным шестом с петлей — для себя ездового коня, отгоняя его от остальных лошадей. Табуничики в шерстяных накидках и широкополых шляпах на случай дождя идут за табунами, подгоняя недавно появившихся на свет отстающих жеребят».

У Шакарима есть особый собеседник, свидетель вечной жизни степи — Чингистау. В разговорах с ним повествование обретает иное измерение, позволяющее ощутить сродство со Вселенной и познать все преходящее в конкретной человеческой судьбе. Собственно, Чингистау для Шакарима и есть символ вечности, визуально присутствующий в романе «Адилъ и Мария»:

«...И тогда ты, древний Чингистау, сердито глядя исподлобья на откочевывающих, словно говоришь безмолвно: «Всю зиму вы искали защиты у меня, благополучно перезимовали, а сегодня покидаете, оставив одного!.. Ну ничего, еще вернетесь ко мне».

Вершины высоких хребтов точно спрашивают у тебя: «О батыр, куда они направляются? Чем эти люди заняты?» И поглядывают поверх передних невысоких холмов, вытянув к ним, словно руки, каменные хребты, как бы положив ладони им на плечи. И будто требуют: «Ну-ка, подвиньтесь! Наклонитесь!» И низкие вершины у основания горного массива, приговаривая: «Им не видно...» — нагибаются, опускают головы. Но глаза всех, кажется, устремлены на откочевывающий народ.

Кочевой люд весь апрель проводит в долине у твоего подножия,

Чингистау. Народ вдоволь пьет молоко. Скот кормится ранней травой, молодой вдовсю резвится, уверенно вставая на ноги. Потом кочевье опять выходит в путь, чтобы достичь жайляу.

...Май, ах этот май! Ах эта майская звезда! Ты всех живых существ заставляешь забыть печали, даешь глубоко глотнуть райский воздух. Но и обманываешь их, обещая вечную жизнь, бесконечное счастье и исполнение надежд. Словно не бывает осени, когда иссыхает колыхавшаяся зеленая трава, разлетаются листья, облетают цветы. Будто не бывает суровой зимы, заметающей долины Чингистау снегом, покрывающей их печальным белым саваном, когда обречены леденеть быстрые прозрачные воды, застывающие, словно ползущие змеи или юнцы на иноходцах, или потерявшие надежду безрадостные, горестные сердца.

Ах май! Ты можешь заставить все живое, весь род человеческий забыть о прошлом и не задумываться о будущем.

Но вот и 15 мая. К этому дню народ возвращается к подножию гор Орда и Догалан.

И теперь, древний Чингистау, вершины будто спрашивают тебя: «О батыр, виден ли народ? Неужели люди опять вернулись сюда?» И ты, утопая в мареве, улыбаясь загадочно, теплее, чем раньше, шевелишь ветром молодую зеленую траву, шумно играешь листьями берез и тополей, словно призывая народ, заполняющий склоны гор: «Сюда, сюда, спешите ко мне!».

Такого поэтического отображения в казахской прозе до Шакарима, возможно, и не было. Похожие по силе яркие, зримые зарисовки мира кочевья удались почти в те же годы Мухтару Ауэзову в самых ранних его рассказах из цикла «Картины холмистой степи», написанных в 1922–1923 годах. Сегодня труд-но определить, кто из двух замечательных мастеров слова первым подступился к художественному описанию жизни в казахской степи. Да разве это важно? Гораздо печальнее то, что год за годом в великолепном мире Чингистау могла незаметно пройти человеческая жизнь.

Шакарим все чаще размышлял о необходимости оправдания собственного существования. Мышление художника искало выход. Активность на общественном поприще, способная принести конкретную выгоду, окончательно потеряла привлекательность. В дальнейшем всю предыдущую деятельность на выборных должностях он оценивал весьма скептически. Как, например, в стихотворении «Опечаленный старец»:

Кем только в юности я не бывал,

*Модных, не лучших привычек набрал!
Бием хотел быть, крутым волостным,
Поводы для пересудов давал.*

К сорока годам он принял, наконец, продуманное решение отойти от суетной борьбы за власть на местном уровне.

Завершалась долгая пора не самых решительных поисков цели жизни, постоянных сомнений и угрызений совести.

Постижения чистого разума

Сорокалетний рубеж стал программной вехой, к которой Шакарим возвращался всякий раз, когда нужно было принять важное в жизни решение. Отталкиваясь от нее, он обзревал прожитую жизнь, обнаруживая ошибки и заблуждения. Не забывал, впрочем, отмечать и очевидные достижения.

Этот поворотный момент отражен в эссе «Зеркало подлинного счастья»:

«Однажды, откуда ни возьмись, посетила меня внезапная мысль: «Вспомни о прожитых годах». Пришлось невольно задуматься: пленительное безоблачное детство сменилось отрочеством, неудержимо влекла, манила юность, незаметно для себя втянулся и во взрослую жизнь, стал холопом этой жизни, рабом нажитого богатства. Ничто не ждет меня впереди, отчего прошлое кажется невозвратимым совершенством, идеальным счастьем... О зрелом возрасте, прикрывавшемся вероломным словом «гражданственность» и говорить не стоит. Суть ее, в моем понимании, не отвечала названию, гражданственность ощущалась мною как превосходство. Человеку не избежать потребности в богатстве, но добыть его из нечистот, не испачкавшись самому, — невысказано».

Эта несвоевременно-своевременная самокритичность — скорее всего ностальгия умудренного жизнью человека, ностальгия по годам, которые имеют известное свойство ускользать безвозвратно.

Но было еще одно, несомненно, более веское основание подвести в сорок лет определенные итоги в поисках решения неумолимых вопросов бытия.

Вспоминая со стыдом алчность одних и страдания других сородичей в схватках за лучшие выпасы или должности волостных, осознавая бренность сущего и тщету преуспевания, он ощущал, в точности как Абай, глубокую тоску по гармонии и чистоте человеческих отношений. В «Жизни Забытого» сказано прямо и жестко, причем облик своей среды Шакарим представляет далеко не привлекательным:

*Когда минуло сорок лет,
Мучительно искал ответ
Я на вопрос, сотрясший свод:
Казахи, что мы за народ?*

*Ни знаний, ни культуры нет.
Разбились в партии невежд.
Нас поят ядом и дерьмом —
Чтоб стали мы внутри зверьем.*

Брутальное словечко, просочившееся в чеканный строй стиха, — не стилистический изыск, а всего лишь отражение сильных эмоций. Возможно, заимствовано у Абая, который тоже порой помещал сие словцо в обличительные стансы. Бесконечное сожаление, пронизывающее поэзию Шакарима, сродни горьким раздумьям Абая. И у него появилась счастливая возможность проникнуться метафизикой Абая, которой он воспользовался сполна. Для него учитель был хакимом — той самой загадочной личностью, которая описана в Слове тридцать восьмом:

«Известно, что благочестивый человек воплощает в себе три таких качества, как правдивость, благонамеренность, разум. Правдивость олицетворяет справедливость, благонамеренность — милосердие, а разум, как мы знаем, — одно из имен науки. Этими свойствами, но в малой мере, наделен человек. И долг его — довести их до совершенства, использовать на благо, помнить о них, беречь их в себе. Достичь этого можно, имея искреннее желание и неустанно трудясь. Этими тремя качествами обладает пророк, за ним — святые, потом — хакимы, наконец, истинные мусульмане. Эти качества направлены на служение Всевышнему, проповедуются пророком и приняты святыми с любовью. Но их любви хватило только на то, чтобы проявить заботу о загробной жизни. О мирских радостях они забыли или не брали их во внимание. Хакимы же думают и заботятся о земной жизни. Суждения святых и хакимов — противоречивы, хотя они недалеко ушли друг от друга в своих убеждениях — обе стороны рассуждают в пользу учения Аллаха».

Вообще-то хакимом на Востоке зовут правителя, но Абай придал термину новый смысл: мудрец, причем мудрец, обладающий мощными духовными истоками. Абай аккуратен в терминах. У него хаким и ученый — разные категории:

«Хаким и ученый — суть одно, но в познании обнаруживаются отличия. Признанная в миру наука преподносится нам в виде наставлений. Наставники, достигшие наибольшего успеха, называются учеными.

...Но только те достойны звания хакима, кто стремится постичь Аллаха соразмерно своему рассудку, кто ищет первопричину всего сущего. Они добиваются истины, справедливости, блага в интересах

человечества, для них не существует в жизни радости и удовольствия, помимо их труда. Не будь хакимов, идущих верным путем, наступило бы всеземное крушение. Эти добродетельные хакимы являются костяком всех человеческих творений, их умами приводится в порядок все, что есть на земле. Их деятельность направлена на земное благоденствие, как говорится, земная жизнь — есть возделанная нива для жизни загробной.

Не всякий ученый — хаким, но всякий хаким — ученый».

Так кого называл хакимом Абай? Конечно, мудрого человека, но личность, действующую «в интересах человечества». И это не просто мудрец, а подлинный философ, и не просто философ, а метафизик! Ибо у Абая «хакимы думают и заботятся о земной жизни», они «ищут первопричину всего сущего». А по определению, именно метафизика занимается исследованием первоначальной природы реальности, мира и бытия. Ведь в изначальном, древнем смысле метафизика — это то, что «за физикой», за опытом, то есть учение обо всем, что носит сверхфизический, сверхопытный характер.

Шакарим признавал себя учеником хакима. От учителя, что несомненно, и передалась ему традиция критического сострадания.

Годы общения породили много аналитических суждений критического толка. У Шакарима они сублимированы, пожалуй, в «Жизни Забытого», в том месте, где автор выделил четыре признака несовершенства общества — невежество народа («народ невежественный мой»), чванство знати («богатый кичится собой»), борьба за власть и пустословие («был опьянен дурманом власти»).

В сорок лет, как признается автор «Жизни Забытого», он «взглянул на жизнь без пристрастий».

*Фарси, арабского не зная,
По-русски слабо понимая,
Как холм без трав к исходу мая,
Без знаний я — в пространстве голом.*

*Но тюркский хорошо впитал,
С ним мир поэзии познал,
И в переводах прочитал
Книг русских и арабских много.*

*Речей порочность лиц духовных,
Открытия больших ученых,*

*Труды философов мудреных
Отныне с критикой я встречу.*

Ступени своего духовного восхождения поэт атрибутирует изучением «чужих» языков, которые стали «своими» в процессе познания поэзии и наук. Оставаясь частью породившей его среды, Шакарим выделяет себя как личность, которая находит в себе силы, чтобы осваивать вселенную эстетически и личностно. Гармонизируя таким образом свой внутренний мир, поэт провозглашает просветительские и гражданские идеалы, которым должны бы следовать окружающие.

Задумав найти оправдание человеческому существованию, Шакарим пришел к естественному заключению, что начать надо с себя. Тот уровень знаний, которого он достиг к сорока годам, упорно занимаясь самообразованием в течение многих лет, казался явно недостаточным.

Обязательно нужно отправиться «за знаниями», как наказывал Абай, в Стамбул, Мекку, Медину. Но перед этим необходимо основательно изучить ислам, проникнуться смыслом теологического учения. Вера, по его разумению, должна быть сопряжена с познанием, что, в свою очередь, обозначает действие по приобретению соответствующих знаний.

К глубокому изучению мусульманства, несомненно, подтолкнули размышления в «Книге слов» Абая о вере. Шакарим был первым и самым внимательным слушателем новых глав, находя в них подтверждение собственным мыслям.

«Я хочу повести речь о четырех ликах: первые из них — Наука и Могущество, остальные являются неотъемлемой составной частью, дополняющей и объясняющей сущность этих двух», — писал Абай в Слове тридцать восьмом.

И продолжал:

«Существуют три вещи, способные унижить весь человеческий род, которых следует избегать, это: невежество, леность, злодеяние.

Невежество — то есть отсутствие знаний, без которых ничего нельзя добиться; отсутствие знаний равняет человека со скотом.

Леность — злейший враг искусства; бесталанность, безволие, бесстыдство, бедность — порождение лени.

Злодеяние — враг человечества; причиняя зло другим, человек отдаляется от людей, уподобляясь дикому зверю.

Противоядие от этих пороков — человеколюбие, желание всеобщего благоденствия, твердость духа, справедливость, глубокие всесторонние

знания».

Эти мысли в дальнейшем часто находили отражение в стихах Шакарима.

Несомненно, он воспринял как руководство к действию Слово двенадцатое:

«Когда кто-то учит других слову Божьему, хорошо ли, плохо ли делает он свое дело, у нас язык не повернется запретить ему проповедь, ибо нет ничего предосудительного в делах благонамеренных. Пусть наставляет, если даже сам недостаточно просвещен. Но ему следует помнить два непреложных условия.

Прежде всего, он должен утвердиться в своей вере, во-вторых, пусть слишком не довольствуется тем, что знает, а постоянно совершенствуется. Если кто, не завершив учебу, оставляет ее, тот лишает себя божьего благословения, от его наставлений прока не жди. Что толку, если, обернув голову чалмой, строго соблюдая посты, совершая моления, он напускает на себя благообразие, но не знает, в каких местах требует повторения или в каком месте может прерваться тот или иной намаз? Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим — без бережливости и внимания не удержать в душе иман — веру».

Утвердиться в вере через учебу, совершенствование, Божье благословение — вот что немедленно требовалось душе!

Не теряя времени, Шакарим собрал имевшиеся в наличии богословские книги, раскрыл «Коран», вновь и вновь вчитываясь в суры и вникая в их толкования.

Позже в «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» Шакарим писал: «Будет правильным сказать, что мой второй после Абая учитель — владелец газеты «Таржиман» Исмагул Гаспринский. Я читал его газеты, брал из них много полезного».

Издавал «Таржиман» Исмаил Гаспринский в Бахчисарае. Газета выходила с 1883 по 1918 год.

Чем так увлек Шакарима один из идеологов джадидизма Гаспринский?

Крымский татарин Исмаил Мустафа оглы Гаспринский (1851–1914) получил широкую известность среди мусульманского населения Российской империи благодаря разработанным им принципам преобразования мусульманской системы образования. Новые методы обучения применялись сначала в Крыму, Татарстане, Башкирии, Азербайджане, Турции, Северной Персии, позже в республиках Средней Азии, Восточном Китае.

Добиваясь изменения сути и структуры начального образования в мусульманских странах, стремясь придать ему более светский характер, Исмаил Гаспринский и его соратники основали просветительское движение джадидизм (от арабского — «обновление»), Джадиды действовали путем воспитания и просвещения, убеждая мулл и всех верующих в преимущества цивилизации. Критиковали религиозный фанатизм, требовали замены устаревших религиозных школ национальными светскими, ратовали за развитие науки и культуры, выступали за издание газет на родном языке и открытие культурно-просветительских учреждений.

В советское время джадидизм был клеймен как «буржуазно-либеральное, контрреволюционное политическое движение и идеологическое течение».

Начало движения было связано с введением в мусульманских школах звукового метода обучения грамоте (взамен буквослагательного). Прежде ученики обучались грамоте в течение трех — пяти лет, теперь в джадидистских школах — за один год. Преподавание перешло с арабского и турецкого языков на татарский, который обрел также статус учебного предмета. Существенно расширилось изучение других светских дисциплин, был установлен твердый учебный год. В школах вводились европейские атрибуты — парты, скамьи, доски, деление учеников на классы, а учебного времени — на уроки.

На страницах газеты «Таржиман» регулярно публиковались материалы о новой системе образования. Так что постоянные читатели Абай и Шакарим были осведомлены о новых образовательных идеях.

В Слове тридцать восьмом «Книги слов» Абай писал:

«Сейчас обучение ведется по устаревшим методам медресе, в наше время пользы от него нет. Из-за этого в той же Гусмании (Османской империи) по новым законам созданы школы харбия (военная школа) и рушдия (средняя школа). А у нас молодые люди, проведя в медресе многие годы жизни без пользы для знаний, в длительных противоречиях, выходят самыми беспечными, безграмотными людьми на свете. И поскольку оказываются не приспособленными к жизни, то в дальнейшем живут обманом да ложью. Большинству такое бездумное обучение не приносит пользы».

Еще конкретнее воспринял новые идеи Шакарим.

Первое, над чем он задумался, углубившись в исламское богословие, — язык распространявшихся в степи мусульманских книг. Почти все они издавались на исходном арабском или — в переводе — на турецком языках

и большинству казахов были непонятны. Лишь в последнее время появились книги на татарском языке. При этом шрифт изданий оставался арабским с наиболее распространенными элементами арабской графики.

Позднее Исмаил Гаспринский разработал новый метод тюркского письма на основе арабской графики — джадид (усул-и-джадид — «новый метод»), И с 1910 года казахские книги и газеты начали печататься в графике джадид.

В 1912 году Ахмет Байтурсынов перевел казахскую письменность на новый 28-буквенный алфавит на основе арабской графики, уточнив звуковую систему казахского языка, выделив 9 гласных и 19 согласных звуков. Алфавитом Ахмета Байтурсынова в Казахстане пользовались до 1929 года, а казахи, живущие в Китае, пользуются им по сей день.

В 1929 году казахский язык перешел на 29-буквенный алфавит на основе латинской графики, а в 1940 году — на нынешний 42-буквенный алфавит на основе кириллицы, при этом сохранились все 33 буквы русского языка и добавились 9 букв для звуков казахского языка.

Но пока письменный казахский был представлен арабской графикой в старом, несовершенном варианте. И Шакарим очень скоро установил, что и на таком письменном казахском мусульманских книг по существу нет. Исключение составляла книга Ибрая Алтынсарина «Основы мусульманства», изданная в типографии Казанского университета в 1884 году. Но она была выпущена малым тиражом и не переиздавалась.

А между тем нужда в исламской литературе на казахском языке была насущной. Известный всплеск мусульманства в степи в XIX веке, вызванный в том числе активностью татарских мулл, за которой просматривались интересы империи, не был подкреплен мусульманским образованием. Отсутствовала просветительская литература на родном языке. Возможно, по этой причине обращенные в ислам жители степи слабо знали шариат. А суры Корана, звучавшие на арабском, в подавляющем большинстве не понимали. Тем не менее мусульманами казахи себя по обыкновению считали.

Проблема не ускользнула от критического взора Абая. В Слове тридцать четвертом он обнажил нравственный аспект:

«Казахи твердят, что верят тому, что есть Бог, который спросит после смерти за все, за добро оплатит добром и накажет за зло, что наказание и награда его отличаются от мирских и воздаяния его бесконечно щедры, а кара неизмеримо жестока. А мне не верится в их слова. Потому что они не веруют искренне и осознанно. Поверь они в это — творили бы добро соответственно своей вере и не знали бы печали.

Разве возможно убедить их в чем-то другом, когда даже в эти истины они веруют смутно? Каким путем исправить их? Можно ли назвать их истинными мусульманами?»

И вот в такой ситуации Шакарим задумал написать на казахском языке книгу об основополагающих принципах и наставлениях ислама, об истинной вере — имане.

Результатом упорного труда стал трактат «Каноны мусульманства».

Первый вариант Шакарим завершил за несколько месяцев — к весне 1900 года. Возвращался к тексту после хаджа в Мекку, исправлял, дописывал, вносил изменения. «Каноны мусульманства» были изданы в известном ныне виде в 1911 году в Оренбурге. Шакарим позднее говорил Ахату: «Я написал эту вещь, еще когда был малограмотен, не имел представления о науках. У других народов есть книга «Гибадат исламия», но она доходит до нас либо на турецком, либо на арабском языке. Собственно на казахском ее нет. Вот и написал аналог, чтобы снять проблему».

Совсем малограмотным автора, конечно, не назовешь. Понятно, вновь — принципиальная переоценка слабостей, недооценка достоинств. Шакарим вообще считал «Каноны мусульманства» слабым произведением, наряду с «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», к которой уже подступился вплотную.

С таким утверждением трудно согласиться. Если сравнивать с последующими философскими и религиозными сочинениями, да, «Каноны мусульманства» уступают по уровню научного обобщения. Но автор и не ставил перед собой предельно высокой задачи. Планировал ограничиться разъяснением откровений из Корана.

А сотворил хорошее пособие для верующих в обрамлении собственных этических воззрений. И, между прочим, заложил фундамент для будущих теологических и философских штудий. Вне всяких сомнений, без основательного изучения ислама, которое потребовалось для написания «Канон мусульманства», не состоялась бы впоследствии тонкая критическая статья «О бытие и душе», были бы совсем другими стихи и, вполне возможно, не было бы уникального философского произведения «Три истины».

«Каноны мусульманства» — кристально ясная книга, поныне весьма почитаемая и неофитами, и знатоками, изучающими ислам. Она проста и понятна казахам — не напрасно автор рассматривал мусульманские правила под углом традиционного казахского мировоззрения. Адептам ислама может не понравиться такой несколько раскованный подход, ибо

своевольное толкование Корана, по истинной вере, запрещено. Однако Шакарим, как и другие реформаторы духовной жизни, смело шел на переосмысление канонов, стремясь способствовать укоренению ислама в казахском мироощущении.

Для разбора он выбрал из священной книги те притчи, назидательные рассказы, проповеди из числа произнесенных пророком Мухаммедом, которые соответствовали его собственным идеям. Прежде всего, повторил определение имана — истинной веры в единого и всемогущего Аллаха. Перечислил каноны веры о Создателе, о добре и зле, святых и ангелах, о Судном дне и воскрешении после смерти, о смысле религиозных обрядов и молитв. Привел пространные доводы в пользу познания тайн природы, веры в справедливость, чистоты души, добрых взаимоотношений в семье, с друзьями. Добавил, что нужно стремиться к истине, сколь мало мы ни знаем о ней. «Если человек познает себя, то познает и Бога», — писал Шакарим. И напоминал популярные в народе изречения из Корана: «Аллах любит совершающих справедливое дело», «Аллах не любит злонамеренных».

Предпочитая простые и ясные формулировки, почти каждый раздел трактата начинал с обращения: «Эй, друзья!» Названия некоторых глав звучат так: «Человек должен обладать хорошими качествами», «Бережись от всяких видов мошенничества и дурных поступков», «Каждый человек стремится к созиданию» — незатейливо, но понятно.

Чтобы окончательно сделать наставления доступными, проецировал их на повседневную жизнь. Вот пример:

«В одном из хадисов сказано: «Аллах любит все, что красиво. Чистый Творец любит чистоту. Поэтому дом свой и двор держите в чистоте». Так вот, подумайте сами, разве согласится ваш разум с тем, что вы не пребываете в чистоте? Разве не брезгуете, когда к вам приближается кто-то грязный с головы до ног, дурно пахнущий? Ведь человек может заболеть от грязи и вони».

Автор детально прописал правила шариата по бытовым проблемам: забою скота, владению землей и водой, кредитованию, залогу и взаиморасчетам. Особо остановился на плате за преступления и многоженство, ибо споры из-за вдов и выплаты ущерба происходили очень часто. Привел выдержки из священного Корана о том, что аменгеры не должны принуждать вдов к замужеству силой. Хотя по Корану разрешается иметь четырех жен, но его аяты (откровения) содержат требование относиться к женам по справедливости. *«Между тем у наших казахов и для двух жен недостает справедливости, — замечает Шакарим. — По этой*

причине правильно будет, если казахи перестанут заводить двух жен». — Мнение человека, видимо, многое повидавшего в жизни, в том числе безответственность отдельных собратьев.

О раздумьях, которые занимали его в эту пору, Шакарим поведал в письме писателю Сабиту Муканову (1900–1973) от 3 февраля 1931 года, опубликованном в 1988 году:

«Когда мне было чуть больше сорока лет, я задался вопросами: что есть истина, что такое религия? Как создан мир? Есть ли у человека обязательства, наложенные Создателем или отчеканенные его собственной честью и достоинством? — вот сжатое выражение идей, которые не постигаются органами чувств и не соотносятся с внутренним состоянием, со всем известным, с привычками, верой, страстями. Это мысли о сущностях, которые познаются только чистым разумом, то есть суждения о вере, науках, книгах, написанных об этом учеными, мыслителями, философами. Критически воспринимая их слова, отбирая, на мой взгляд, правильное, отбрасывая неправильное, делая свои выводы, я не мог останавливаться только на том, что сказал такой-то пророк, тот или иной философ, профессор. Что бы они ни говорили, я не признавал того, чего не принимал рассудок. Однако если приводились доводы, приемлемые разумом, кто бы их ни высказывал, я готов был склонить главу. Скажут: захвастался. О нет, это не хвастовство! Поскольку изыскиваю хоть малую пользу для людей, то не могу не говорить об истине, которую постигает разум».

Шакарим дал, по сути, точное определение того состояния сознания, на которое оно настроилось после сорока лет: поиски истины как достояния разума.

В это трудно поверить, но не потому, что задаваться философскими вопросами, выстраивать гносеологические конструкции более уместно, казалось бы, в комфортных условиях городской цивилизации. История человечества знает немало примеров рождения выдающихся философских систем в аскезе — духовной практике, идущей от самоограничения, скромности, воздержания. Но индийские брахманы, античные философы, Будда, Иисус и Франциск Ассизский шли на сознательный отказ от удовольствий и роскоши. А Шакариму не требовалось прилагать особых усилий для создания аскетичной обстановки. Условия жизни, какие он имел в Чингистау, были и без того суровы.

Поэтому самое поразительное в становлении Шакарима как философа не суровые условия жизни в степи, а те побудительные причины, которые подвигли его к новому сознанию, синтезирующему знания и веру,

признающему самоценность истины и служение во имя ее.

Перед его глазами был реальный образ духовного странствователя — сам Абай! И все же насколько сложнее, ответственнее решиться на самоотречение ради постижения истины, когда в отдаленной предыстории множество беспримерных фактов самоотверженного служения науке, истине, философии.

Однако Абай и Шакарим были первыми в казахской истории личностями, которые не просто отстаивали гуманистические принципы традиционного казахского мировоззрения. Изучив философские труды всемирной значимости, возможно, ни о чем вселенском не подозревая, они вписывали собственные суждения в ткань мировой истории, создав тем самым оригинальные творения высочайшего уровня. В свое время, к сожалению, искания Абая и Шакарима не были поняты в казахском обществе, не переведенные на европейские языки их труды неведомы Западу.

Бессмертное войско поэта

Ранней весной 1903 года родился самый младший сын Шакарима и Айганши Зият, будущий поэт, драматург, журналист, активный участник восстания 1931 года в Карауле.

Счастливым Шакарим с упоением писал стихи, напевая их под аккомпанемент домбры гостям и родным. Пришла пора, когда тирания рифмы перестала доставлять мучения при сочинении каждой стихотворной строки. Многолетнее служение слову оборачивалось отточенным умением почти мгновенно перелагать мысли в стихи, которые, казалось, изливались сами собой после непродолжительных раздумий.

Совершенству нет предела, нельзя было забывать о повышении мастерства. Но чаще он сразу записывал стихи, застигнутый налетевшей, как весенний ветерок, вереницей образов и дум. В такие минуты очень кстати оказывалось обретенное умение уверенно слагать рифмованные строки.

Он мог писать в любых условиях, пристроившись с пером, бумагой и чернилами у ближнего холма, приспособив вросший в землю валун под письменный стол. А мог спокойно сочинять в юрте, в окружении игравших детей, когда домашний люд был занят хозяйственными делами.

Ахат хорошо помнил такие минуты:

«Отец модно одевался, одежда всегда была опрятной, чистой. Много не спал, был бодр, писал, сидя за круглым столом. Когда он писал или читал, не обращал внимания на игравших рядом детей. Он работал, а мы с младшим братишкой пристраивались на краю большого стола, ставили в ряд альчики. Бита то и дело попадала ему в руку или в чернила. Он говорил: «Тише», — и только. Детей отец любил. Если видел, что кто-то шлепал или бранил ребенка, говорил: «А ведь ругаешь потому, что забыл свои шалости в детстве!» Детей, которые играли с нами, всегда заводил в дом, кормил всех вместе, поэтому малыши тянулись к отцу. Но за провинности нас, конечно, ругал».

*Ребятам хочется шуметь
И бегать наперегонки,
На солнце вышли кости греть,
Вести беседу старики.*

*У девушек и у парней
Веселье, игры, шутки, смех,
Мое же сердце все мертвей,
И нет ему былых утех.*

Шакарим писал эти строки ранней весной в юрте, глядя на шалившую малышню, перелистывая память и представляя, как завтра будет готовиться аул к выходу на жайляу.

<...>

*Душе ли не любить тепло,
Весна ведь праздник для души.*

*Земли чернеющий скелет
Травую скоро прорастет,
Тебе лишь, сердце, счастья нет,
Ничто в тебе не расцветет.*

*Подснежники в живом тепле
Уже усеяли овраг,
И подарил красу земле
Огню подобный красный мак.*

*И шуба уж снята с полей,
Растаял снег, журчит вода,
И лишь душе еще грустней,
Ей не воскреснуть никогда.*

Как знакома поэтам всех времен эта светлая печаль, словно сама собой возникающая в элегическом стихотворении.

В более поздней по времени, но близкой по духу поэзии Александр Блок почти так же сожалел: «Уж не мечтать о нежности, о славе, все миновалось, молодость прошла!» И Сергей Есенин грустил о том же: «Увяданья золотом охваченный, я не буду больше молодым». И о чем-то своем, но похожем, бесконечно горевал Суинберн:

Устав от вечных упований,

*Устав от радостных пиров,
Не зная страхов и желаний,
Благословляем мы богов*

*За то, что сердце в человеке
Не вечно будет трепетать,
За то, что все вольются реки
Когда-нибудь в морскую гладь.*

И все же, о чем печалился Шакарим, если вроде бы все в жизни складывалось благополучно? О том, что народный дух стал размываться. «Народ теряет цельность», — заключал Абай.

И год за годом администрация все более и более ужесточала контроль за соблюдением предписаний и законов империи.

Время шло, по лоскутной степи проносились ветры административных перемен. Ломались извечные маршруты кочевья, менялись необратимо родовые отношения, конфликты наносили непоправимый урон традиционному укладу. Казахский народ в массе своей не был знаком с русской культурой, сталкиваясь ежедневно лишь с имперским диктатом. Считалось, что народ зажат в тисках невежества и только новый порядок может устранить безграмотность.

И кто, как не поэт, мог прочувствовать надвигающуюся угрозу кочевью.

*Все к травам тянется, к цветам,
Одна душа другую ждет,
Дана жизнь новым существам,
И в стаде множится приплод.*

*Весне и солнцу каждый рад,
Дни потеплели — добрый знак.
Уж люди кобылиц доят,
И подрастает молодняк.*

*И на жайляу идет народ,
Весна согрела людям кровь.
Но сердце мне тоска гнетет,
Ему не разгореться вновь.*

(Перевод Всеволода Рождественского)

Это стихотворение вошло в изданный в 1912 году поэтический сборник «Зеркало казахов». Было в нем двадцать семь творений. Стихотворение «Жизнь, полная сожалений» из этого цикла Шакарим завершил таким пояснением: «Горьким языком поведал я об облике народа».

Несколько шире и, как обычно, очень лаконично смысл «Зеркала казахов», глядя в которое, по задумке автора, можно узреть портрет нации, раскрыт в поэме «Жизнь Забытого». Обратив внимание своих соплеменников на «тьму пороков», присущих им, поэт, как титан, сражающийся с морем бед, пытается объяснить, насколько узок круг патриархально-байских интересов общества. Мир переживаний Шакарима, живущего интересами народа, далеко не равен реально окружающей действительности. Тем не менее, думая о своей судьбе, он размышляет об отрицательных полюсах национального характера:

...И казахам так сказал:

*«Нет, не люди вы, а звери!
Вашим знаньям я не верю.
Видно, зависть и безверье
Вас ведут, да все вразброд.*

*Выслушать меня ленились
И на партии делились.
А не вы ли так глумились,
Что безграмотен народ?»*

«Обличительный» массив составили восемнадцать стихотворений. В том числе басни: «Перекрашенный сурок», «Птаха и перепелка», «Премудрый воробей», «Волк, лиса и перепелка», «Зрелый и неспелый». Кажущиеся на первый взгляд совсем уж простыми, басни народу нравились. Забавные истории настолько ладно скреплены краткими и точными афоризмами, что задолго до появления в печати в 1912 году басни изустно распространялись среди народа.

Например, в «Перекрашенном сурке» некий безымянный сурок, скрываясь от погони, попал в ведро с краской. Вернувшись к норе, он исследовал новый свой облик и решил: «Видать, зверь я богонравный, коль на меня сошла божья благодать». Объявив сородичам-суркам, что он не иначе как красавец павлин, потребовал от них подчинения и почестей. Однако старый сурок заметил, что павлин должен уметь петть и летать. Как ни старался перекрашенный сурок петть, ничего не получалось. Решил перелететь через бурную речку — не удалось:

*Напрасно хвастал краской — зачем болтал?
Летать хотел, как птица, — Бог наказал.
На берег дальний прыгнул — не дотянул,
Он в речку бултыхнулся и утонул.*

Как полагается по жанру, басню завершает мораль:

*Над сурком, друзья, не насмехайтесь,
Но урок запомнить постарайтесь.
Много ведь казахов верят в сказку,
Счастьем полагая новую окраску.*

Невежество сородичей, чванливость, спесь, хвастливость, зависть, скупость и лесть — все это как осознание силы зла, с чем необходимо бороться, задевали за живое кого-то больше, кого-то меньше.

Но особенно Шакарим был непримирим с нежеланием (а возможно, неумением) масс обрeтать знания и приобщаться к культурным ценностям других народов. Потому старался задеть самолюбие казахов, как он говорил, «до зуда в теле».

Эта напряженная ситуация просматривается в других «обличительных» стихах: «Бай и гость», «Прохвосты», «Люди партии», «Богач и бедняк», «Приращение скотом», «Наставления», «Модники», «Разозленные», «Пристрастие», «Лентяй», «Подшучивающий озорник», «Напишу стихи — оцени размер», «Дай критиковать себя».

Даже по названиям видно, что Шакарим, как и Абай, продолжил бичевать укоренившиеся пороки, едко высмеивая глупость волостных, лицемерие мулл, алчность баев, пристрастие сородичей к несправедному богатству. Он гневно клеймил тех, кто с помощью интриг стремился

захватить власть, не гнушаясь ничем ради должности, карьеры, выгоды и наживы. Словом, отразил, как в зеркале, полный набор известных пороков типично неустойчивого общества.

Такого рода стихам не присущи особые тонкости, лирические изыски, чувственные переживания. Посвященные конкретным проблемам, они били по больным местам. Но — важная особенность — все сочинения пронизаны поэтикой народной мудрости, пословицами, поговорками, а также меткими авторскими выражениями, ставшими афоризмами. Например: «Среди казахов нет плохих, среди плохих нет живых», «Все люди — твой народ». Так Шакарим длил поэтическую традицию, осуществляя связь времен. И замыкал критику пожеланиями-назиданиями. Стихотворение «Верь в науку» — страстный призыв к сородичам: стремитесь к знаниям!

*Если мир постигнуть хочешь в наше время, в наши дни,
Истину, одну из прочих, в своем сердце сохрани:
Из того, о чем ты знаешь, вновь стремись все больше знать,
Чтобы то, во что вникаешь, остальным мог объяснять.*

*Попугай хотя и знает обиходные слова,
Все же птицею внимает то, что выдала молва.
Так подобно попугаю есть в ауле человек,
В суть предмета не вникая, не найдет себя вовек.*

*Лень достойна укоризны, не достойна добрых слов,
Не стыдись учиться жизни у поживших стариков.
Если ты познал науку, постарайся передать
Знания сыну, другу, внуку, чтобы мир могли познать.*

(Перевод Бахытжана Канапьянова)

Произведения Шакарима, рожденные в переходную эпоху («в наше время»), раскрывают трагизм ухода степного патриархального мира и трагизм полного противоречий уклада новой жизни, связанного с эпохой исторического прогресса и новой философией личности, мир которого шире, нежели прежний.

Подвергая критике дурные людские качества и негативные явления в обществе, Шакарим и себя не оставлял в стороне. И готов был сам стать

объектом критики, даже умереть за казахов, ведя их к высотам нравственности, как заявлено в программном стихотворении «Дай критиковать себя», будто намеренно исполненным в несколько несовершенном ритме:

*Критикуют пусть меня,
От поэта не убудет.
<...>
И если наши казахи
Самокритичны будут,
Пойдут за мною без страха —
Умру — молчать не буду,*

*Погибну патриотом,
Казахов ведя к высотам...*

Идея самопожертвования в миропонимании Шакарима неразрывна с идеей самокритичности «наших» и истолкованием роли «учителей». Именно это чувство соприкосновения с ними как с миром иным заставляет лирического героя высказать боль об одиночестве поэта — ученика.

*Нет черных мыслей в словах —
Учителям спасибо.
Будь рядом еще, как я, казах,
Нас осмеять не смогли бы.*

*Но суть казахов известна,
Она — как нескладная песня.*

Шакарим намеренно касается мучительной темы одиночества поэта. Черты этого жизненного типа с особой силой отразились не только в судьбе Шакарима. Например, у Андрея Вознесенского лирический герой в цикле «Читая Махамбета» обращается с истовой молитвой:

*Не славы и не коровы,
не шаткой короны земной —
пошли мне, Господь, второго —*

чтоб вытянул петь со мной!

*Не прошу ни любви ворованной,
ни денег, ни орденов —
пошли мне, Господь, второго,
чтоб не был так одинок.*

Под влиянием общих настроений эпохи в стихах, вошедших в сборник «Зеркало казахов», определился особый, неповторимо шакаримовский стиль, благодаря чему у читателей сложилось представление о нем как о поэте-философе, мыслителе и мудреце, знающем о жизни все и еще немного из того, что известно только вечности.

Этот стиль становится доминирующим в нетривиальных раздумьях о жизни, полных бесконечного сожаления о преходящей сущности живого, сожаления, которое Шакарим как-то заключил в излюбленную метафизическую формулу «Жизнь — это сон» в стихотворении «Скажи, какой из тебя друг?»:

*Жизнь — это сон, и разве даст
Она покой без сновидений,
Без боли, слез, без веры в нас,
Без миражей своих внушений?*

*Но, сон за истину приняв,
Нам можно ль правде изменить?
И разве можно честь забыть?..*

Так он писал позже, в смутном 1919 году, когда уже меньше верил, что наступят лучшие времена. Писал, конечно, не имея перед собой культурных образцов, таившихся под спудом мировой истории. Он просто не мог их знать, и это, наверное, примечательно.

Ибо еще в 1635 году испанец Кальдерон написал пьесу под названием «Жизнь есть сон». Примерно тогда же Шекспир вывел в одной из своих пьес: «Мы созданы из той же материи, что наши сны». Самый остроумный в истории поборник идеализма Джордж Беркли утверждал, что всемирная история — это долгий сон Бога, который творит ее бесконечно. В конце XII века миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде вопрошал: «Мне

приснилась моя жизнь, или я был сном?»

То есть Шакарим не был первооткрывателем метафоры «Жизнь — это сон». Не зная о предшественниках, он интуитивно повторял путь духовных исканий многих великих собратьев по перу. Он исследовал природу человеческого духа, начиная сознавать, насколько детерминирована человеческая судьба и как она ничтожна в историческом измерении.

Трудно удержаться, чтобы не вспомнить притчу Чжуан Цзы (369–286 до н. э.). Этот китайский мудрец увидел как-то себя во сне мотыльком и, проснувшись, не мог понять, кто он: человек, приснившийся себе мотыльком, или мотылек, видящий себя во сне человеком?

Возможно, Шакариму притча была известна — ее любили хорошо знакомые ему восточные поэты, знавшие толк в искусстве сличения сна и яви. Позже в книге «Три истины» он говорил, в сущности, о том же:

«Наши сны и бодрствования одинаковы. Чего только не видим во сне. Так же и наяву. У нас ведь нет инструмента, чтобы различать нереальность сновидений и истинность бодрствования. Все наши чувства, в которые мы верим как в единственно верные, обманывают нас. Так что сон и бодрствование — они одинаковы».

Приближение к стилю «опечаленного старца» можно обнаружить уже в стихотворении «Напишу стихи — оцени размер», входящем в обличительную часть «Зеркала казахов». В нем Шакарим только коснулся темы ухода, сквозной не столько в его собственном творчестве, сколько в судьбе рода человеческого:

*Буду писать всю ночь,
Сон прогоняя прочь.
И от людей не стану
Прятать свои дастаны.*

*Я уйду — останется
Слово на белом глянце.
Молодежь его возьмет,
По аулам разнесет...*

«Я уйду — за мной останется след». Сколько раз потом повторял он эту своеобразную формулу метемпсихоза — перевоплощения в поэтическую строку после смерти!

Философские стихи сборника «Зеркало казахов» вобрали в себя много

подобных размышлений о вечности: «Жизнь», «Душа, тело и настроение», «Глупцы и звери», «Ненасытная страсть, неустойчивый мир», «Жизнь полная сожалений», «Верь в науку», «Желание и разум», «Бессмертная армия». Все они созданы в первые годы XX века.

В стихотворении с весьма прозаическим названием «Глупцы и звери», которое, строго говоря, написано с воспитательной целью предостеречь сородичей от уподобления зверью, Шакариму удалось выразить фундаментальные взгляды на мироздание. Вот первая часть стихотворения:

*Как много сотворила душ природа,
Больших и малых тел любого рода!
И среди них ненужных нет творений —
Бесчисленность божественного свода!
<...>
Вода и ветер, камень, пыль и древа —
Все, что есть в мире, все имеет душу.*

Поэт взглянул на картину мира сквозь призму нематериального начала, олицетворением чего является бессмертная духовная сущность — душа. Душа не отождествляется с человеком, но тесно соприкасается с ним. Освещая это соприкосновение, Шакарим напоминает человеку:

*Каким-то существам грозит кончина,
И ты, возможно, станешь ей причиной,
Круша, ломая на пути преграды.
Смотри под ноги! — смерть не беспричинна.*

В последующей части стихотворения Шакарим собирает фрагменты реальности в некое единство, утверждая тем самым мотивы постоянно возобновляемого творения:

*Взгляни, не видишь ты узор на камне?
Кто сотворил во мгле рисунок давний?
Завянут травы — сохранятся корни.
Все ценно в мире, как язык преданий.*

Бывают души слабые и сильные,

*Одни — пусты, а есть зерном обильны.
И все они растут, стремятся к жизни,
Хотя на вкус бывают препротивны.*

В представлении поэта о душе человека содержится квинтэссенция шакаримовской эстетики: «лучшая душа — у человека». Посредством ее он должен входить в общение не с жизнью тела, что порождает страсти («оно темным-темно», по Заратуштре), а со светом Бога. Для этого необходимо проявить волю. Следовательно, душа связана с волей.

*А лучшая душа — у человека.
Пред ним сияют все соблазны века,
Ему сама Вселенная дарует
Гармонию, порядок и опеку.*

*Любить или не любить имеешь право,
Используй разум и желанье здраво.
Создал тебя Творец для испытаний,
Он за тобою наблюдает величаво...*

Нам только кажется, что Шакарим пишет не о нас. Мы убеждаем себя, что ищем в его стихах наслаждение, потому что оно действительно есть. Мы неизменно испытываем радость, перекачивая на языке литые рифмованные строки, ощущая их подлинное очарование. Без очарования — скрытого или явного — стихи никто читать не будет. Но вот уже мы невольно втягиваемся в мир его образов, входим в отапливаемый дом, подбрасываем вместе с ним дрова в топку печи. И читаем вслух стихи. Настоящие стихи всегда хочется читать вслух. Хорошее стихотворение просится, чтобы его прочитали громко, на весь белый свет. Казахский язык помнит, что словесное искусство было устным творчеством, которое лишь в XX веке перешло в ограниченное пространство печатных форм. Но стихи Шакарима, как настоящую поэзию, всегда хочется слушать:

*Жизнь имеет. три этапа в наши дни,
Старость с детством, меж собой они сродни.
Средний возраст — время поисков, расцвета...
Что ж ты мечешься? — храни свои огни.*

*Понапрасну время жизни не теряй,
Понапрасну в спор никчемный не вступай,
Пожалеешь, свое время упустив,
Имя доброе свое не продавай.*

*Жизнь растет из детства, средний возраст — суть.
Если к старости нам не на что взглянуть,
Значит, жизнь твоя полна пустых похвал,
В три куплета твоя жизнь, не обессудь.*

(Перевод Бахытжана Канапьянова)

Такие уверенные стихи победоносно обозначали, словно бессмертное войско, высочайший творческий потенциал автора. Они быстро распространялись в обществе в рукописном виде, становились достоянием широкого круга лиц. Поэтому неудивительно, что Шакарим пользовался уважением в обществе.

Например, осенью 1902 года в городе Туркестане на юге Казахстана проводилось большое торжество, в числе приглашенных был и Шакарим. Формально торжество было устроено уважаемым аксакалом Больтаем Кажимуратулы (1819–1907) из рода Конырат Среднего жуза в честь окончания медресе «Аминхан» в Хиве его младшим сыном.

Задумав обсудить в широком кругу насущные проблемы развития казахского общества, включая вопросы укрепления исламской веры, почтенный Больтай пригласил казахов всех трех жузов, а также гостей из Ташкента, Ферганы, Бухары, Каракалпакии, Туркмении, Китая и Монголии. В списке гостей были, к примеру, Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Жусипбек Аймауытов, Шакарим Кудайбердыулы (так он значился в списке). По некоторым сведениям, в мероприятии приняло участие до трех тысяч человек. Однако, склонный по натуре к уединению, Шакарим, по всей видимости, на встречу так и не поехал.

Книжный мир географического братства

Известностью Шакарима можно объяснить и принятие его в 1903 году в члены Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Это, несомненно, значительное событие в биографии поэта.

Русское географическое общество было основано в 1845 году в Санкт-Петербурге инициативной группой во главе со славным мореплавателем адмиралом Федором Литке. Главной задачей общества был сбор достоверных географических сведений. Географическое общество должно было стать механизмом, способным координировать и направлять в нужное русло исследовательский потенциал империи.

Экспедиции Русского географического общества сыграли большую роль в освоении Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Мирового океана, в развитии мореплавания, открытии и изучении новых земель. Собственно освоение новых земель и составляет суть любой империи. Поэтому среди тогдашних путешественников, кроме ученых, было немало военных. Исследовательские работы нередко проходили во взаимодействии с Генеральным штабом, руководившим военной разведкой.

В 1850 году Географическое общество было переименовано в Императорское русское географическое общество. В 1877 году в Омске был основан Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества. Наконец, в 1902 году был открыт Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела.

В его создании была несомненная заслуга краеведов, работавших в Семипалатинском областном статистическом комитете. Они уже открыли в городе музей и библиотеку, непрерывно вели исследовательскую работу и издали в 1886 году капитальный труд «Материалы для изучения юридических обычаев киргизов». В том же году провели перепись населения города Семипалатинска. Организовали выпуск и «Памятных книжек», в которых публиковали научные труды.

В 1898 году секретарь областного статистического комитета Николай Коншин на страницах «Семипалатинских областных ведомостей» заговорил о необходимости открыть в Семипалатинске подотдел географического общества. Идея нашла поддержку у областного начальства. Военный губернатор Семипалатинской области Александр Карпов, по совместительству председатель Статистического комитета,

обратился к вице-председателю Императорского русского географического общества сенатору Петру Семенову (с 1906 года — Семенов-Тянь-Шанский) с просьбой создать в Семипалатинске подотдел. Петр Петрович отнесся к ходатайству «с полным сочувствием».

Для открытия Семипалатинского подотдела из Омска были запрошены следующие сведения: имеется ли в городе достаточное число лиц, которые могли бы составить из себя научное общество; на какие средства, помимо субсидий от отдела, подотдел может рассчитывать; может ли быть предоставлено в пользование подотделу какое-нибудь казенное помещение.

Александр Федорович Карпов ответил утвердительно на все вопросы. Он был известен тем, что всегда поддерживал инициативу творчески мыслящих людей. У себя в Семипалатинском областном статистическом комитете создавал условия для работы «довольно свободные».

В Омск был отправлен список людей, изъявивших желание быть членами-учредителями Семипалатинского подотдела. В нем значилось 49 человек. Ко дню официального открытия подотдела 31 марта 1902 года желание стать его членами-учредителями выразили уже 97 человек. Они так определили свои цели: «Отыскивать и приводить в известность сведения о Западной Сибири, странах Средней Азии и Западного Китая. Производить на местах ученые исследования, снаряжая экспедиции. Оказывать содействие лицам, посещающим Западную Сибирь с ученою целью, равно и местным жителям, занимающимся изучением края. Заботиться о собирании и хранении учебных пособий, как то: книг, рукописей, актов и карт».

Поскольку отцы-основатели Семипалатинского подотдела географического общества вознамерились оставить потомкам наблюдения по истории, культуре и быту казахского народа, они стремились вовлечь в общество просвещенных казахов, знатоков народных традиций и степного права. Одним из первых в их поле зрения попал Шакарим. Хорошее знание русского языка, широта интересов, несомненный поэтический дар, авторитет в народе — все говорило в его пользу.

В члены Географического общества его рекомендовал Евгений Петрович Михаэлис, один из учредителей подотдела, проживавший в Усть-Каменогорске. Давний хороший знакомый Шакарима, друг Абая, он не терял с ними связи. Абай, первым в Чингистау узнав об этой новости, живо одобрил намерение русских друзей ввести в Географическое общество Шакарима.

Осенью 1903 года Шакарим был официально принят сто третьим членом Семипалатинского подотдела географического общества — в этом,

в сущности, состоит ординарность события.

В архивных документах Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества имеется такая запись: «Казах из Шингистауской волости Семипалатинского уезда Шакарим Кудайбердин в 1903 году вступил в членство общества и в 1907 году выбыл из него».

Событие для Шакарима имело большое значение. Расширился круг общения: в числе его постоянных собеседников в городе отныне были ссыльные революционеры, неординарные личности, в большинстве грамотные специалисты. Именно они, работая в Статистическом комитете, посчитали, что следует вести научные работы самостоятельно, независимо от властей. И приложили все усилия для создания общественной исследовательской организации — подотдела Географического общества.

Разносторонне одаренным человеком был ссыльный народоволец Николай Яковлевич Коншин, ставший управляющим делами подотдела. До ссылки он успел окончить юридический факультет Петербургского университета. За труды по истории Степного края и за участие в открытии Семипалатинского подотдела географического общества уже в 1904 году Коншин был удостоен серебряной медали Русского географического общества. Избирался депутатом Первой и Второй Государственной думы от городского и крестьянского населения Семипалатинской области.

Колоритными фигурами в Семипалатинском подотделе географического общества были братья Белослюдовы — Алексей, Виктор, Федор и Николай. Им принадлежала большая заслуга в развитии краеведения и музейного дела в Семипалатинске. Белослюдовы родились в Семипалатинске в семье небогатого чиновника из сибирских казаков. Наиболее даровитыми из четырех братьев были этнограф, фольклорист Алексей Николаевич и живописец, краевед Виктор Николаевич. Алексей Белослюдов, например, записал более двухсот сказок, девяносто семь загадок из фольклора русских и казахов Прииртышья. Вместе с Шакаримом они провели немало времени в обсуждении тонкостей казахского фольклора.

В результате многолетнего краеведческого труда братья Белослюдовы создали свой домашний музей с отделами геологии и минералогии, палеонтологии и антропологии, доисторической археологии, старинных вещей, нумизматики, этнографии, а также картинную галерею. В отделе археологии, например, насчитывалось более шестисот предметов, в отделе нумизматики — более тысячи раритетных золотых, серебряных и медных монет.

Шакарим навещивался к ним в двухэтажный дом на улице Крепостной, превращенный в музей. С интересом рассматривал экспонаты, затем беседовал за чаем с братьями-краеведами.

Много сил, знаний и энергии отдали Алексей и Виктор Белослюдовы становлению Семипалатинского областного историко-краеведческого музея. Позже, в 1911 году, братья передали из домашнего музея в областной музей ценную коллекцию из пятисот предметов.

Исследователь творчества Абая и Шакарима Каюм Мухамедханов писал в 1992 году, что в период с 1885 по 1893 год и Абай подарил Семипалатинскому областному краеведческому музею «более пятидесяти вещей, начиная с юрты».

В 1914 году Виктором Белослюдовым был составлен краткий исторический очерк Семипалатинска, осветивший историю города со времен основания. Превосходный художник, он проиллюстрировал поэму «Казах» польского поэта Густава Зелинского (1809–1881). Не устал пропагандировать поэзию Абая среди русских читателей.

Лидеры Семипалатинского подотдела тепло принимали в своем обществе Шакарима, с первых же встреч вводя его в курс обсуждаемых проблем. С удивлением и радостью он обнаружил в числе новых членов подотдела Географического общества двух женщин. Одной из них была Назипа Кульжанова (1887–1934), необычная по тем временам казашка, обладавшая поразительными интеллектуальными достоинствами. Получив хорошее образование, она уже вела преподавательскую деятельность — невероятное достижение для девушки-казашки в начале XX века!

Назипа Кульжанова — человек, «сделавший сам себя». Так сказали бы о ней в Америке, вся история которой соткана из честолюбивых человеческих устремлений.

Она родилась в многодетной семье в северном районе степи в тогдашней Тургайской области. Всеми силами стремилась вырваться из ограниченного жизненного круга, не оставлявшего права выбора девушкам. Обучалась в русско-казахской школе, основанной Ибраем Алтынсариним. Самостоятельно поступила в единственное в казахском крае женское высшее учебное заведение — Торгайскую женскую гимназию. Окончила ее с отличием и в четырнадцать лет получила в гимназии преподавательскую должность. Далее судьба Назипы следует законам казахской драмы. Сосватанная еще в детстве, она должна была вернуться в аул. Калым за нее, как водится, был выплачен давно. Но, подобно Енлик, героине поэмы Шакарима, Назипа была влюблена в другого — преподавателя гимназии Нургали Кульжанова. Они стали мужем и женой. Назипа еще успела

организовать на базе местной семинарии по подготовке учителей несколько литературно-музыкальных и этнографических вечеров. Опыт постановок пригодился впоследствии при создании в Семипалатинске национального театра. Но в 1902 году супруги вынуждены были покинуть родные края, спасаясь от древних законов. Они поселились в Семипалатинске, устроились преподавателями в только что открывшуюся учительскую семинарию. Так Назипа в шестнадцать лет стала готовить будущих учителей.

Умная, деятельная, красивая, общительная молодая женщина немедленно включилась в общественную жизнь. Супруги Кульжановы, как само собой разумеющееся, стали членами Географического общества. Их дом превратился в своеобразный культурный центр города. Шакарим часто гостил у молодых людей: не столько чтобы убедиться в живом воплощении своих героев Енлик и Кебека, сколько его занимали фольклорные изыскания Кульжановых.

Дом Кульжановых привлекал самых разных общественных деятелей. Здесь Шакарим с удовольствием общался с учителем Рахматуллой Елькибаевым (1877–1919), эрудитом, знатоком народного литературного творчества. Елькибаев с 1901 года заведовал мусульманским детским приютом в Семипалатинске, сам учительствовал в нем. Был он большим поклонником Льва Толстого, и им с Шакаримом было о чем поговорить.

Подружился Шакарим у Кульжановых и с Мухамедханом Сейткуловым (1870–1937), страстным поборником казахской культуры, поклонником поэзии Абая и Шакарима.

Услышав, что юная Назипа Кульжанова мечтает перевести на русский язык стихотворение «Весна» Ибрая Алтынсарина, которого считала своим учителем и боготворила, Шакарим мягко посоветовал заняться переводами стихов Абая. Прочел некоторые стихи учителя-хакима. И рассказал, что сам тоже приступил к переводам, только наоборот, с русского на казахский.

Несколько лет спустя Назипа, следуя совету Шакарима, перевела на русский язык стихотворения Абая «О любви», «Луна в безветренную ночь».

А позже, в советское время, по примеру Шакарима увлеклась переводами на казахский язык прозаических произведений. Переводила книги Владимира Короленко, Бориса Лавренева.

Вообще, взаимопомощь, поддержка молодых дарований составляли основу, если можно так выразиться, культурной политики у зарождавшейся казахской интеллигенции.

Назипа и Нургали Кульжановы, например, в январе 1914 года провели

в Клубе приказчиков первый официальный вечер памяти Абая. Год спустя состоялся второй вечер, который носил уже благотворительный характер. Звучали казахские песни и мелодии. Собранные средства пошли на обучение казахской молодежи в лучших университетах России. Благодаря Кульжа-новым десятки юношей и девушек смогли поехать учиться в Петербург, Омск, Казань.

Судьба Кульжановых сложилась трагически. Супруги так и не имели детей. А в 1919 году бывший коллежский секретарь, кавалер ордена Святого Станислава III степени Нургали Кульжанов был расстрелян белогвардейцами, которые заподозрили его в лояльности к большевикам. Потрясенная случившимся, Назипа переехала в Акмолинск. По рекомендации Сакена Сейфуллина устроилась на работу в газету, стала одной из первых казашек-журналисток. Но в 1929 году большевики объявили Нургали Кульжанова врагом народа. Оставшись без материальной поддержки, Назипа заболела туберкулезом и умерла в Алма-Ате в 1934 году.

Вступление Шакарима в Географическое общество имело еще одно важное следствие: он получил доступ в научную библиотеку.

Знакомая ему общественная библиотека была не единственной в городе. Вторая находилась при Семипалатинском областном статистическом комитете. Небольшая по числу книжных изданий, она отличалась тем, что на ее стеллажах были собраны книги и журналы научного характера. И вот при создании в 1902 году Семипалатинского подотдела географического общества в его собственность перешла библиотека Статистического комитета.

Шакарим провел в ней многие часы, изучая научные периодические издания, выпускавшиеся в России. Был среди них и журнал «Живая старина», издававшийся с 1891 по 1916 год в Санкт-Петербурге этнографическим отделением Императорского русского географического общества. На его страницах регулярно публиковались статьи по истории и этнографии народов, входивших в состав Российской империи. В том числе работы известных тюркологов Радлова, Аристова, Левшина, Березина, на которых наиболее часто ссылался Шакарим в «Родословной...». А также исследования по истории тюркских народов менее известных ученых Спасского, Маевского, Балкашина, Галкина — ссылки на них тоже имеются в «Родословной...».

Знакомство с новыми источниками оказало решающее влияние на принятие решения немедленно приступить к написанию давно задуманного научного труда. В нем впервые для того времени был систематизирован по

научному принципу огромный фактический материал об этногенезе казахского народа, о связях казахских племен и родов, а также о многих исторических событиях. План книги по собранному в течение ряда лет материалу принял реальные очертания.

«В написании «Родословной...» большую помощь оказал Абай», — говорил в последующие годы Шакарим. Более того, Абай в определенном смысле опередил Шакарима. Непрестанно интересуясь историей казахов, Абай давал ученикам задания по написанию исторических работ. А затем и сам написал в 1890 году, изучая материалы в той же библиотеке Статистического комитета, небольшой трактат «Несколько слов о том, откуда произошли казахи». Начав с древней истории, он дошел до образования Казахского ханства, то есть до середины XV века. Дальнейшее обозрение казахской истории, надо полагать, возложил на ученика.

И Шакарим начал писать:

«Родословной, которая бы хронологически последовательно проследила все колена от Адама-пророка до наших дней, нет ни у одного народа. От Адама-пророка до пророка Нуха (Ноя) имена предков есть в Таурате (книге, ниспосланной Богом пророку Моисею). Все другие книги брали эти имена из Таурата (Библии). Родословные других наших предков большей частью основаны на всевозможных слухах и передавались из поколения в поколение подобно сказкам и устным преданиям. Одни авторы таким образом хотели прослыть знающими, другие — показать свою родовитость, немало среди них и таких, кто на свой лад переиначивал услышанное, и потому сочинения их ошибочны и лживы».

Так родились первые строки знаменитой, в чем-то не бесспорной исторической книги самобытного исследователя — «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

Демонстрируя неизменно критическое отношение к исходным материалам, Шакарим перечислил в предисловии основные научные источники, которыми пользовался:

«Пытаясь узнать о предках казахов, я в течение долгого времени записывал все, что слышал и узнавал об этом, а также прочел родословные других народов. Среди прочитанных книг есть мусульманские: труд ат-Табари, «Тарих гумими», «Тарих инти-шар ал ислам», «История тюрков» Наджипа Гасымбека, «Родословная тюрков» Абулгази Бахадур-хана. Кроме того, я записывал цитаты из разных книг, в том числе вычитанные из русских книг Радлова «Обуйгурах», Аристова «О тюркских племенах...», а также из летописей народов мира, переведенных на русский язык, в том числе из самых древних родословных книг тюрков

«Кудатку билик», «Кошо Цайдам», из китайского труда «Юань чаомиши» (китайский перевод «Сокровенного сказания монгол»), из книг арабских, персидских, римских, европейских историков. Выбирая из вышеупомянутых книг все самое необходимое и близкое истине, дополняя к месту казахскими устными рассказами, я попытался составить родословную наших предков. До настоящего времени, если не считать устных преданий, родословной, написанной на казахском языке, не было».

В принципе, автор указал на те же три источника, которые выделил Мухтар Ауэзов в монографии «Абай Кунанбаев», устанавливая истоки творчества Абая. «Один из них, — писал Ауэзов, — древнеказахская культура, запечатанная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных самим народом. Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры: таджикская, азербайджанская, узбекская классическая поэзия. Третий источник — это русская, а через нее и мировая культура».

Главный вопрос книги Шакарим и Абай поставили в первую очередь. Он был сформулирован давно: «Каким путем прошли в истории казахи?»

И Шакарим принялся методично, посредством научно обоснованных фактов доказывать, что казахи произошли не от арабов, как утверждалось в некоторых источниках, что корни их — в древнетюркском мире. И углубился в историю древних гуннов.

Шакарим завершил «Родословную...» вчерне за два года. Но продолжал вносить изменения в течение последующих лет, существенно дополняя отдельные главы, порой полностью меняя их содержание. И даже после того как книга была опубликована в 1911 году, не переставал уточнять содержание. В письме Сабиту Муканову, датированном 1931 годом, последним годом жизни, он упоминал: «Я на днях нашел утерянную часть «Родословной...». И поскольку в прежнем издании были опечатки, пропущенные слова, сейчас, посадив за их поиск детей, занимаюсь переписыванием и исправлениями».

Своим трудом Шакарим вернул в орбиту исторической науки выпавшие из непрочной человеческой памяти значительные мгновения родословия казахов.

Наша память и наше сердце обычно недостаточно просторны, чтобы вместить хотя бы историю собственной семьи до седьмого колена. А Шакариму приходилось выстраивать грандиозное историческое сооружение прямо на фундаменте пяти тысячелетий, возвращая жизнь старым камням, великим именам и союзам тюркских племен.

В редкие дни отвлечения от исследовательской работы он погружался в излюбленную стихию поэзии. И тогда рождались вдохновенные строки,

отражавшие горделивое чувство могущества человека, которому подвластно слово. Как, например, в созданном в такие дни одним из самых совершенных его стихотворений «Бессмертное войско»:

*Цари на войско не жалеют трат,
Готовят войны к выгоде своей,
Один другого истребить хотят,
Народ же шлет под пули сыновей.*

*Изменчив мир, его круговорот,
И гибнут жертвы столько лет подряд.
Где чья земля? И прав какой народ?
Могильные холмы о том молчат.*

*Но разве я не настоящий царь?
Мои войска — ряды стихов моих.
Стихи бессмертны и теперь, как встарь,
И все переживет правдивый стих.*

Образу мира, который движется в противоестественном круговороте войн и в котором безмолвствует земля во прахе могил, поэт — царь и творец слова — противопоставляет свою цельную картину.

Главная ценность этой картины — круговорот общения. Эстетика и этика общения в прошлом, в настоящем, в будущем, между людьми и между Богом и человеком, когда в начале было Слово.

*Не могут умереть мои войска,
Коль будет суждено попасть в печать.
Любого воина сильней строка,
Когда ее все будут повторять.*

*Каким оружием его ни бей,
Ничто не может слово победить.
Пусть крутится извечный мир сильней —
Мои войска, не старясь, будут жить.*

Слова сильны бессмертием своим.

(Перевод Всеволода Рождественского)

В стихотворении Шакарима выразительно запечатлена надежда поэта: преодолеть круговорот зла посредством творческой жизни, проложив тем самым путь к свету, к созиданию. На этом пути — жизненном, историческом, бытийном и мифологическом — Слово/Стих, по Шакариму, символизирует первородный дух творения (как было то изначально в книге «Бытие»).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРЕДЧУВСТВИЯ И ПРЕДВИДЕНИЯ

Год черной смерти

Каким предстает учитель и наставник Шакарима Абай в последние годы жизни? Имя и образ его стали символом духовно-биографической состоятельности человека Степи.

Абай заслуживал право на уважение и признательность не только среди ближайшего окружения. Весьма благожелательное отношение к Абаю сохранилось у семипалатинских чиновников. В известном рапорте № 263 уездного начальника Навроцкого, поданном военному губернатору Семипалатинской области Галкину 25 августа 1903 года, содержалась такая информация:

«Служба Кунанбаева в должности волостного управителя отличалась разумною исполнительностью и энергией, преданностью правительству и отсутствием фанатизма. Один из сыновей Кунанбаева по окончании курса Михайловского Артиллерийского училища произведен был в офицеры и, будучи на службе в Туркестанском округе, умер. Ныне замужняя дочь Кунанбаева окончила курс наук в киргизском университете, все остальные дети его пишут и читают по-русски. Грамоте обучил их отец. Кунанбаев выписывает книги, газеты и журналы и интересуется русской литературою. В прежнее время Кунанбаев пользовался громадным влиянием среди киргизов как Семипалатинского, так и соседних уездов, неоднократно был выбираем от уездов «тюбе-бием», то есть примирителем в спорах между уездных, что считается между киргизами высшим почетом и доверием к честности избираемого судьи. В настоящее время влияние Кунанбаева давно не то, что было прежде, он постарел, отяжелел и в дела не вмешивается, живет тихо, спокоен и крайне осторожен в делах, к нему лично не относящихся, то есть никогда не принимает на себя руководство партиями как в своей, так и в других соседних волостях, хотя главари партий и обращаются к нему за советами. В политическом отношении я его, как человека умного и не фанатика, считаю благонадежным и неспособным вмешиваться в какие-либо интриги мусульманских заправил. В суждениях своих во время беседы Кунанбаев обнаруживает полное понимание государственных интересов и правильные взгляды на благотворную миссию России в Азиатских владениях и с негодованием осуждает попытки мусульман-фанатиков противодействовать правительству в его стремлениях. Вообще личность Кунанбаева не внушает никаких опасений в политическом смысле».

Чиновники не могли оценить Абая как поэта, что объяснимо. Им была неизвестна его поэзия, ибо переводов стихов на русский язык не существовало, а казахский язык большинству горожан был неведом.

Тем не менее надо признать, что приведенная характеристика в определенном смысле достаточно точна. Не только господин Навроцкий, но и Шакарим отмечал про себя с тревогой и некоторым сожалением, что Абай сдал в последнее время и не проявляет прежней фантастической активности, повышавшей тонус жизни во всем Чингистау.

Активность эта, впрочем, никогда не выходила за рамки российских законов, действовавших в степи. Во всяком случае, достоверных фактов, свидетельствующих о прямом противодействии помыслам империи, нет. И представлять Абая как человека, напитавшегося революционных идей, положим, у тех же ссыльных народовольцев, нет смысла. Напротив, в общении с чиновниками Абай всегда стремился выглядеть законопослушным гражданином.

Но вот внутри казахского общества он был действительно резонансным фактором, человеком, значительно влиявшим на общественное мнение. К российскому управлению в казахской степи он относился как к неизбежному периоду истории. Полагал, что для самостоятельного управления государством казахам необходимо пройти определенный этап культурного развития, и потому просвещение народа — самая насущная на сегодня проблема. Абай страстно призывал столпов казахского общества действовать на уровне просвещения, а значит — во благо народа. При этом склоки за местечковые должности он хотел бы не принимать во внимание, но часто сам оказывался втянутым в них помимо воли. И с горечью писал потом о безграмотности, лени, неповоротливости, алчности казахов, со всей творческой мощью стремясь обратить нацию на путь истины.

Так вот, именно эту силу, эту мощь, страсть, которой дышала вся натура Абая, Шакарим перестал чувствовать в последние годы своей жизни.

Абай всем своим сложившимся в последние несколько лет стилем жизни, можно сказать, демонстрировал, что ощутил иллюзорность пережитого, познал вкус спасения, достиг просветления и подчинился судьбе.

В 1899 году он написал:

*На сердце сорок заплаток —
Мой в мерзком мире удел.*

*Вот он — здоровья остаток,
Когда отходишь от дел.*

Казалось, число визитеров к Абаю должно было уменьшиться. Но нет, сородичи продолжали наезжать, зачастую чтобы просто поздороваться с великим поэтом.

Внук Архам, которому в тот год исполнилось восемнадцать лет, хорошо запомнил, как его знатный дед общался с гостями.

«Была у Абая одна особенность, он впивался глазами в человека, который приходил с визитом, — писал Архам. — Не отвечая на приветствие, сразу спрашивал, с чем человек пришел, какое у него дело. Если гость отвечал внятно, а дело было важным, тотчас старался решить проблему. Разобравшись с делом, говорил: «Теперь иди в другую юрту, там тебя накормят».

Однако если посетитель, стесняясь и краснея, говорил, что прибыл просто поприветствовать поэта, Абай сразу отправлял в гостевую юрту: «Иди поешь». И сколь долго ни гостил такой посетитель, его не прогоняли. Но если он приезжал повторно и говорил, что теперь-то у него точно есть дело, Абай уже не слушал его.

Другое обыкновение: если кто-то брал слово, Абай внимал ему, бросив все дела. Не перебивал, пока человек говорил. Если речь нравилась, задавал вопросы, долго беседовал. Но если не нравилась, мог сказать резко: «Хватит, довольно!»

Он не судил о людях по родству, богатству или знатности. Выносил заключение только по речам и поступкам. Никогда не унижал бедного, захудалого человека».

Абай не перестал принимать посетителей, помогать им с решением проблем, но за пределы Жидебая уже не выезжал. Он мог безоглядно заниматься творчеством, но на вершине жизни устремления его вполне рационально ограничились проблемой связи личности с окружающим миром, с общим, со Вселенной. Оставались вопросы, на которые он обязан был успеть найти ответы. Хаос и убожество мира, равно как и несовершенство человека, интересовали уже меньше.

*Нет, ты не человек, а ты мешок дерьма:
Ни красоты, ни чести, ни ума.
Вонь от тебя острее распространится,
Когда тебя поглотит смерти тьма.*

*Ты был мальчишкой. Ты теперь старик.
Ты к переменам времени привык.
Люби людей. Внимай словам Аллаха
И радуйся тому, чего достиг.*

(Перевод Михаила Дудина)

Стихотворение датируется 1899 годом. Абай шутил, говоря так о человеке? Нет, пожалуй. Был серьезен как никогда. Незамысловато и ясно давал оценку не столько собственной личности, сколько окружению, вечно ожидавшему от него героических свершений.

Смотрел в глаза судьбе и думал о Боге, хотя писал, конечно, не для Бога, чьи литературные пристрастия неизвестны. Просто понимал, что чем дольше человек живет на земле, тем он ближе к небесам. И только дружбой со смертью, не переча ей, а прислушиваясь к зову духов предков, можно продлить жизнь.

В 1898 году Абай написал исповедальное стихотворение «Когда умру, разве не станет мне обителью сыра земля?», очень похожее на прощание. Написал, как бы подводя итог одинокому, счастливому и горькому своему жизненному и поэтическому труду.

*Всему на свете свой черед и свой исход,
Кому-то — скорый, но кому-то повезет.
Твой каждый шаг, невзнузданное сердце,
Не станут ли потомки ведать за просчет?*

*Уйду — ответить не смогу, несчастный я.
Свободно будете тогда сулить меня.
Но только чья душа сгорает дважды?
Я почернел, изранена душа моя.*

*Глубины сердца моего постигни суть,
Опасным, трудным и тернистым был мой путь.
Я — человек-загадка, помни это,
Я бился с тысячей один, не обессудь!*

*Не обессудь за буйный молодости пыл,
За то, что был горяч, порой в делах хитрил.*

*Прозрев с годами, сделался разумней,
Узрел вокруг себя лишь тех, кто зло творил.*

*Хоть поумнел, свободы не познал я сам.
Впустую жизнь! Не следуй по моим стопам.
За мной не шел народ мой несвободный.
Оставь! Дай спать спокойно, лишь внимай словам.*

*Я внешне — важный, но внутри — огонь и яд,
Уйду, ничто не изменив, — таков обряд.
Стихи идут в народ быстрее, чем сплетня,
Секрет свой я не выдам, нет пути назад.*

Вне сомнения, и шакаримовское предощущение ухода, которое растянулось на добрых три десятилетия, навеяно этими раздумьями Абая, хакима-учителя, мудреца, убежденного в бессмертии души.

Сам он, как истинный ученик Абая, не снижал высокого творческого накала, с которым жил последние годы. И продолжал предаваться серьезным занятиям. По вечерам занимался в зимовье на Колькайнаре переложением повести «Дубровский» в стихи на казахском языке.

Читал книги по социологии, философии, все более сложные и интересные. Начал систематизировать записи по философским проблемам, которые делал с недавних пор. И в какой-то момент задумал написать критическую книгу по философии. Даже придумал название — «Три истины». И в этой связи все более углублялся в собственную концепцию бытия, которая неотвратимо складывалась в голове. Вот первая запись, вошедшая потом в книгу:

«Причинные истоки всего существующего — в безмерности познания, могущества и искусности творца. Мои обоснования:

Если следовать науке, то ничто из существующего не создается и не движется само по себе. Как они могут придать сами себе жизнь и движение? Этому необходима причина. Тогда могут сказать, что данной причине нужна другая причина, а ее, конечной причины, нет. В таком случае должна быть коренная беспричинная причина. И эта беспричинная причина и есть — Создатель. Такой беспричинной причиной могут считать атом, свет. Но ведь и они не беспричинны. И тут у меня такой довод: они наделены движением, которое поддается измерению. Измеряемая вещь не создается сама по себе. Если говорят, что движение

происходит по законам притяжения и отрицания, то и такому движению нужна причина. И должен быть основатель подобного закона. К тому же у таких первооснов, как атомы, имеются мужские и женские начала. К примеру, сила вещества. Она двуедина, обе части нуждаются друг в друге, и какая же тогда логика в утверждении, что такая вещь существует сама по себе? Поэтому их первопричиной является беспричинная причина — Первосоздатель».

Читатель волен выбирать, как ему относиться к такому метафизическому, в сущности, тексту — поражаться широте самобытных интересов жителя степи или находить слабые места в суждениях, что, впрочем, нетрудно. Или еще раз, вместе с Шакаримом, задуматься об истоках сущего, первопричине жизни, выбирая между концепцией божественного происхождения мира и, положим, теорией Большого взрыва, которую Шакарим, на его счастье, вероятнее всего, не знал.

Написание книги «Три истины» растянулось на десятилетия. С годами Шакарим находил все новые фактические материалы, знакомился с иными философскими воззрениями, и труд пополнялся примерами и необычными суждениями о нравственности, из которых постепенно сформировалась его собственная, совершенно оригинальная концепция о науке совести.

Меж тем наступил 1904 год.

Зимой неожиданно обострился туберкулез у Магауии, сына Абая. Состояние его быстро ухудшалось.

Чахотку Магауия подхватил еще в юности, после того как поступил в четырнадцать лет, в 1884 году, в Семипалатинскую мужскую киргизскую школу — так официально именовалось городское училище. Учился он на «отлично», однако на третьем году учебы замучил кашель. Врач определил туберкулез и посоветовал уехать в аул. Абай забрал сына домой.

«Опять горе надвигается! Опять призрак смерти передо мной. Единственная радость жизни моей, только начав цвести, — уже вянет; опора утомленного сердца, ужели она надломилась? Только начали созреть плоды отцовского воспитания, неужели и он, Магаш, не успеет ничего совершить, исчезнет?» — так писал о переживаниях Абая Мухтар Ауэзов, великий художник-романист, творчески воссоздав картину необратимого отцовского горя.

Магауия умер в тридцатичетырехлетнем возрасте 26 мая 1904 года, когда аулы, пережив тяжелую зиму, уже собирались выйти на жайлау.

На сороковой день после поминовения сына Магауии Абай Кунанбаев, философ, поэт от Бога, златоуст, эталон мудрости земли казахской, скончался. Это случилось 6 июля (23 июня по старому стилю) 1904 года,

ему было пятьдесят девять лет.

Свою эпитафию Абаю Шакарим написал гораздо позже, поместив, впрочем, ее не на могильном камне, а в книге «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий»:

«Господина Ибрагима среди казахов называют Абаем. Он был знатоком мусульманских и русских знаний, одаренным богом человеком редкого ума и таланта. С юношеского возраста я учился у него, читая книги, слушая его наставления, немного озарился светом наук. Ибрагим-мырза жил среди казахов, и потому о его величии знали мало. А иначе в его лице мир узнал бы великого философа, мыслителя. Жил среди темного народа, прожил в горести. Умер в июне 1904 года в возрасте 60 лет. Да будет дух его благословен Аллахом».

После кончины Абая ни о чем другом, придавленный тяжестью скорбных воспоминаний, Шакарим думать серьезно не мог. Оставил перевод «Дубровского». Забросил чтение, не было сил дописывать «Родословную...». На столе одиноко лежал журнал с рассказами Льва Толстого, но ум отказывался воспринимать даже его ясную чистую прозу.

В долгие часы тоски воображение приближало святой образ хакима-учителя, и любовь к Абаю облекалась в слова. В такие мгновения мысли Шакарима возносились к нему, словно молитвы.

И тогда он решил записывать свою печаль, замкнувшись на какой-то период в пространстве и времени юрты:

*«Не умер ли ты тихо в смертный час?
А видел ли, как смерть пугает нас?
Не уходи в непостоянство» — так
Тебе толкуют, но кого ты спас?*

*Погнался за несбыточным, и что?
Стал лучше всех, а все кругом ничто?
Судьбой нам послана святая смерть,
Кто избежал ее? — пока никто.*

*Или нашел то, что давно искал?
И тотчас всем родным любимым стал?
А всех сражавшихся с тобой врагов
Поверг ли оземь лихо, как мечтал?*

Порой бессмертным ты считал его,

*Бывало, отступался от него.
Но душу, от пристрастий схоронив,
Кому теперь отдашь? — нет никого.*

Этим сочинением, пронизанным острым ощущением потери учителя-пророка, которого искренне и простодушно считал бессмертным, Шакарим открыл цикл стихов (всего известно четырнадцать стихотворений, написанных в разное время). Впоследствии поместил их в сборник «Зеркало казахов», объединив под общим, приглашающим к сораздумью заглавием: «То, что наговорил себе после того, как ушел Абай».

Чуть позже он написал заключительное посвящение Абаю. В стихотворном посвящении звучит не только потаенная печаль об уходе учителя. Оно высвечивает образ вообще человека, пекущегося о счастье, богатстве. Но за его жизнью пристально Господь следит и возвращает в неомраченную ничем «тишину»:

*Явился в мир ты голышом,
Уходишь — в рубище одет.
За счастьем ты спешишь бегом.
Как знать: догонишь или нет?..
<...>
Не счесть богатства твоего,
О чем тебе еще мечтать?
Но толк какой? Ведь ничего
С собой не сможешь ты забрать.*

*Коварен мир. Он как поток,
А мы — соломинки. Мы с ним
Летим, куда укажет рок,
И наш полет неудержим.*

*О камни нас, о корни бьет,
Нет нам ни отдыха, ни сна.
Но смерть настигла нас. И вот
Нас обступила тишина.*

(Перевод Всеволода Рождественского)

В конце мая 1905 года сородичи принесли из города весть о том, что Алихан Букейханов хотел бы встретиться в Семипалатинске с родными Абая по поводу издания его книги стихов. Он настоятельно просил прибыть Шакарима, чье мнение при систематизации литературного наследия Абая и редактировании стихов должно быть решающим. Когда Шакарим узнал об этой просьбе, ему показалось, будто впереди вспыхнул свет, означающий возвращение к жизни.

И он засобирался в Семипалатинск.

Алихан Букейханов (1866–1937), потомок знаменитого хана Букея, основателя Букеевской орды, родился в Каркаралинском уезде Семипалатинской области. В 1877 году отец определил его в медресе в Каркаралинске. Затем он посвятил семь лет учебе в начальной школе и в городском ремесленном училище, где овладел профессией «сапожных дел мастера». В 1886 году отправился на учебу в Омск, в техническое училище. В Омске начал сотрудничать в газете «Акмолинские областные ведомости» и в приложении к ней — газете «Дала уалаяты». В течение 1889 года молодой автор опубликовал на казахском и русском языках более 18 материалов, в которых в духе Абая и Шакарима, но только прозой, подверг безжалостной критике известные пороки казахского общества — некомпетентность волостных, безграмотность мулл, алчность баев. С 1890 года Алихан учился на экономическом факультете лесотехнического института в Санкт-Петербурге. После его окончания вел в Омском училище лесного хозяйства педагогическую и научную работу. Позже экстерном сдал экзамены на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и получил диплом юриста. Был избран действительным членом Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

Поклонник творчества Абая, Букейханов неустанно пропагандировал его поэзию в печати. Например, в 1903 году в Петербурге вышло издание «Россия. Полное географическое описание нашего края». Одним из авторов восемнадцатого тома, посвященного в том числе казахской степи, был член научной экспедиции Щербины Букейханов, написавший раздел «Распределение населения киргизского края по территории, его этнографический состав, быт и культура». В этом разделе он уделил внимание и Абаю, высоко оценив его произведения.

Алихана Букейханова можно считать и первым биографом Абая. Его статья «Абай (Ибрагим) Кунанбаев» была опубликована в 1905 году в качестве некролога в газете «Семипалатинский листок», печатавшейся с 1902 года купцом Прокопием Плещеевым в собственной типографии. В

1907 году статья была перепечатана уже с портретом Абая в журнале «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества». С этой статьи, собственно, и началось абаеведение.

Талантливый публицист, известный ученый, Алихан Букейханов именно в 1905 году выдвинулся в число ярких политических деятелей. И не последнюю роль в той решимости, с которой он вошел в политику, сыграло духовное реформаторство Абая. /Алихан и раньше имел представление о его воззрениях — оно сложилось из знакомства со стихами. Но только встреча с Шакаримом, а также с сыном и племянником Абая — Турагулом и Какитаем открыла по-настоящему мир лирики и философской прозы поэта.

Настоящим откровением для Алихана стали главы из «Книги слов», выписанные Шакаримом в отдельную тетрадь. Прозу Абая помещать в издание не планировалось. Но стоило Шакариму показать между делом содержание тетради в контексте разговора об этических воззрениях Абая, как гостя уже невозможно было оторвать от чтения. Оценив глубину мыслей, Алихан с восторгом читал вслух некоторые абзацы.

«Разумный человек должен знать, долг верующего — творить добро, — читал Алихан Слово двадцать восьмое. — Правое дело не может бояться испытания разумом. Если не дать свободу разуму, то как быть с истиной: «Да познает меня обладающий разумом»? Если существует в нашей религии изъясн, то как запретить разумному думать о нем? На чем бы основывалась религия, не будь разума? Чего стоит добро, творимое без веры? Нет, ты должен понять и поверить в то, что добро и зло созданы Богом, но не он творит их. Бог создал богатство и бедность, но не он сделал людей богатыми и бедными. Бог создал болезни, но не он заставляет людей страдать от них. Иначе, все — тлен».

В итоге решили объединить для книги стихи в семнадцать тематических разделов: «О народе», «О стихосложении», «О себе», «О любви», «Мысли» и другие. И дать отдельными разделами — переводы и поэмы «Масгут» и «Искандер». Посчитали, что так читателям легче будет воспринять поэтику Абая.

В Омске Букейханов, как заправский журналист, дал в газете «Семипалатинский листок» анонс: «Оригинальные сочинения Абая и его переводы из Пушкина (отрывок из «Евгения Онегина»), Лермонтова и Крылова собраны его сыном Турагулом и в непродолжительном времени будут изданы Семипалатинским подотделом Императорского русского географического общества под редакцией А. Н. Букейханова».

Оптимизм Алихана, как происходит обыкновенно в жизни, скорректировали обстоятельства. «Непродолжительное время» растянулось на добрых три с половиной года. И вот как это случилось. По возвращении в Чингистау Шакарим засел за стихи Абая. Распределил их по оговоренным разделам. Проверил тексты, сделал окончательную редакцию. Какитай подготовил краткую биографию Абая.

В последних числах июня провели в Жидебае, как и планировали, ас — годовые поминки по Абаю. Организация была отменной — заслуга Шакарима. Правда, ему лично доставили огорчение муллы, приглашенные из Семипалатинска. Служители городской мечети больше следили за количеством вручаемых им подарков, нежели за соблюдением мусульманских норм, которые Шакарим, автор «Канонов мусульманства», знал блестяще. Он пытался урезонить служителей культа, прочтя стихи Абая, приведя нравоучительную притчу Льва Толстого. Но приезжие богословы хором осудили чтение стихов, что будто бы противоречило нормам ислама, а Толстого вообще назвали кафиром — неверным. Припомнили, что Толстой отлучен даже от своей православной церкви.

Деликатный Шакарим ввязываться в спор не стал. Он знал из журналов, что Святейший синод в 1901 году объявил об отлучении графа Льва Толстого от церкви. Но имел свое суждение по этому поводу. Однако устраивать диспут на поминках посчитал неуместным.

В это время Алихан Букейханов успел побывать в Каркаралинске на Кояндинской ярмарке по весьма важному делу отнюдь не коммерческого характера. Поездка была связана с широкой петиционной кампанией, которую проводили казахские общественные деятели, воодушевленные первой русской революцией 1905 года. В их числе кроме Букейханова были педагог Ахмет Байтурсынов, начинающий журналист Миржакып Дулатов, юрист Жакып Акбаев, инженер Мухамеджан Тынышпаев, другие активные личности. В Каркаралинске, Семипалатинске, Петропавловске, Уральске от имени казахского народа принимались и направлялись петиции в Санкт-Петербург, в Омск — центр Степного генерал-губернаторства, в другие города — на имя военных губернаторов и уездных начальников. Петиций было много, но самой известной и значительной по содержанию стала Каркаралинская петиция, принятая 25 июня 1905 года на имя председателя Совета министров Российской империи Сергея Юльевича Витте. Букейханову и его товарищам удалось собрать под петицией подписи 12 767 казахов — внушительный по тем временам показатель.

В Каркаралинской петиции говорилось:

«Когда вся Россия заявляет о необходимости полного переустройства

своей жизни, киргизские степи, связанные судьбою с Россией, не могут оставаться безучастными к переживаемым ею событиям и не заявлять о своих назревших нуждах».

Составители петиции указывали на причины тяжелого положения казахского народа:

«...введение в стране «Степного положения», созданного бюрократическим путем без всякого соображения с истинными потребностями населения, неуважение к закону со стороны администрации, ставящей на место закона свое усмотрение, полное пренебрежение к духовным и экономическим интересам...»

И предлагали ввести местное управление, изменить судебную систему, народное образование, требовали свободы совести и вероисповедания, открытия типографий, выпуска газет, принятия новых законов. А главное, требовали «признания земли, занимаемой казахами, их собственностью».

В середине июля Какитай выехал с готовой для печати рукописью сначала в Семипалатинск, а оттуда в Омск.

Алихан Букейханов впоследствии писал: «В конце июля 1905 года Какитай приехал ко мне в Омск с рукописью Абая. Он жил у нас несколько недель. Мы вместе получали удовольствие от чтения произведений Абая, Пушкина, Лермонтова».

По ходу выяснилось, что напечатать книгу на казахском языке в арабской графике непросто. В Омске недоставало типографских ресурсов. Пришлось встать в очередь.

Оставив рукопись Алихану, Какитай вернулся в Чингистау.

А Шакарим наконец занялся литературными упражнениями, доставлявшими в прежние времена столько радости. Перечел все имевшиеся в личной библиотеке произведения Льва Толстого и раздумывал, какие рассказы и очень понравившиеся ему сказки-притчи великого русского писателя следовало бы в первую очередь перевести на казахский язык.

Каким-то необъяснимым образом нравственные принципы русского писателя в точности укладывались в этику Шакарима. Оба вопрошали беспрестанно о добре и зле и постоянно стремились найти ответы на свои вопросы. Оба свято верили, что только добро способно преобразить мир, а написанная строка, если она ясна и поэтична, может достигнуть божественной силы и влиять на повседневную жизнь.

Радость возрожденческого общения с превосходной литературой воплощалась в стихи. Шакарим очень хотел написать посвящение Толстому. Однако, как часто бывает в поэзии, сильно зависимой от игры

воображения, темой соответствующего сочинения стало другое не покидавшее его чувство. Получился, по сути, ответ служителям мечети, сильно возмущавшимся в последнее время дискредитацией веры корыстными помыслами. Недавний спор с муллами попал под увеличительное стекло памяти. А единственный способ избавиться от навязчивых мыслей состоял в том, чтобы написать стихотворный ответ:

*Не отступлюсь: я ученик Толстого!
Неверным ты зовешь его, святого.
Но он душой — за честь и справедливость,
Властитель он глубоких дум и слова.*

Безграмотных мулл он именовал, по местной традиции, сопы (казахское производное от суфия). Кому-то из них и возражал горячо, благо никто не мешал мыслить:

*Не он, Толстой, а ты, сопы, — неверный,
Не вера, а твои деянья скверны.
Невежда, ты душой и слеп, и черен.
И как увидишь свет благословенный?*

В исповедании образа яснополянского отшельника, по Шакариму, слишком несоразмерны сила творческого гения Л. Н. Толстого и силы «сопы-проходимца» и тысячи ему подобных.

*Позор, когда над верой так глумишься,
Не стану жертвой сопы-проходимца!
И тысяча подобных, если честно,
Не стоят Льва Толстого и мизинца.*

Нашел ли Шакарим желанное успокоение, сочиняя стихи? Да, но только отчасти. Потому, что не давало покоя обещание, которое дал Абаю, — отправиться за знаниями в Стамбул, Мекку, Александрию. В глубоких раздумьях Шакарим обращался к Корану, которому поклонялся, как и прежде. Помнил изречение иранского богослова Мухаммеда аль-Газали (1058–1111): «Коран записывают в книгу, произносят языком, запоминают

сердцем, и, несмотря на это, он все время пребывает в обители Бога, и на нем никак не сказывается то, что он странствует по написанным страницам и по человеческим умам».

Ничто не могло поколебать веру Шакарима в Аллаха и в священную силу знаний, даже непристойные речи местных фарисеев, извращавших веру до неузнаваемости.

В стремлении реализовать духовные заветы Абая Шакарим принимает решение немедленно совершить хадж — паломничество в Мекку и попасть в библиотеки великих городов Леванта. Увидеть другие народы, постичь мир, расширить горизонты познания — вот чего не хватало душе, томящейся в узких пределах знакомых пространств и ограниченного времени. Он объявил близким, что осенью отправляется в хадж.

Ахат запомнил рассказ Шакарима:

«Когда, на сороковой день после смерти Магаша, умер Абай, я впал в отчаяние. Абай не уходил из моих снов. Было трудно дожидаться, пока пройдут три года траура. В конце концов, обдумав все, после откочевки на летние пастбища я собрал родных. Сообщил, что отправляюсь в поездку, чтобы исполнить обещание, данное Абаю.

Были несогласные. «Как можно уехать, не отбыв три года траура по любимому дяде», — говорили они. Но другие дали согласие. Я предпочел выполнить обещание, которое дал Абаю, несмотря на возмущение несогласных».

Пока Шакарим готовился к путешествию, Алихан Букейханов в сентябре 1905 года участвовал как представитель казахского народа в работе съезда земских и городских деятелей России, проходившего в Москве. На съезде обсуждались проблемы равенства наций и народов, равных избирательных правах, свободы в употреблении родного языка.

А в октябре 1905 года Букейханов стал одним из организаторов и руководителей Акмолинского областного и Омского городского комитетов «Партии народной свободы», иначе — Конституционно-демократической партии (партии кадетов). Партия была новой, но за короткий срок стала самой крупной и популярной в России оппозиционной организацией. Букейханов посчитал, что программные цели и задачи кадетов отвечают чаяниям казахов. Кадеты требовали обеспечить: «неприкосновенность личности, равенство всех граждан — без различия национальности, вероисповеданий, сословий и пола, и свобод; введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, как в народном представительстве, так и в местном самоуправлении; законодательное разрешение земельной реформы и удовлетворение

справедливых национальных требований».

К прежней ханской власти с родовой структурой управления возврата не было — это Букейханов прекрасно понимал. Но был убежден, что казахи способны участвовать в государственном управлении. Предтечей казахской автономии он уверенно считал появление Каркаралинской петиции. О ней Алихан написал в очерке «Выборы в Степном крае», опубликовав поистине революционные требования петиции в омской газете «Иртыш», которую редактировал сам.

Поэтому неудивительно, что немного позже, 8 января 1906 года, когда Шакарим уже совершал хадж, Алихан Букейханов был взят под стражу на пути из Павлодара в Семипалатинск, где должен был принять участие в мероприятии партии кадетов. Его поместили в павлодарскую тюрьму. У него была изъята в числе прочих бумаг рукопись многострадального сборника стихов Абая. Официально Букейханов был задержан «как руководитель киргизского политического движения».

В государственном архиве Омской области сохранился следующий рапорт:

«1906 года января 10 дня г. Павлодар.

Мне, мировому судье 2-го участка Павлодарского уезда, при посещении сего числа тюрьмы, арестованный по шифрованной телеграмме ротмистра Рутланда из г. Омска, Алихан Нурмухамедович Букейханов, содержащийся в Павлодарской тюрьме, заявил, что он просит об аресте его довести до сведения прокурорского надзора, объявить ему о причине задержания и об обвинении, которое ему предъявлено, а также просит освободить его из-под стражи на поручительство или под залог, а также просит принять меры к сохранению рукописи на киргизском языке, имеющейся в арестованном у него портфеле, содержащей стихотворения, так как она оценивается в 5000 рублей. Стихотворения эти принадлежат киргизскому поэту Кунанбаеву».

Не дождавшись скорого освобождения, Букейханов телеграфировал министру юстиции: «Без постановления следственной власти, без предъявления какого-нибудь обвинения сижу сорок дней в павлодарской тюрьме, администрация действует вне 23 и 8 статей правила военного положения и 70 статьи уголовного судопроизводства. Требую суда или освобождения. Член ноябрьского московского земского съезда граждан Букейханов».

Алихан вспоминал впоследствии:

«За четыре с половиной месяца сидения в Павлодарской тюрьме вечерами я читал целые часы солдатам дежурного караула Пушкина,

Лермонтова и Шекспира. Слушатели располагались в коридоре против глазка моей двери, я устраивался у выступа печи, обращенного к двери, переносная лампа ставилась на карнизе печи. Хорошо помню, что большое впечатление на солдат произвел «Кориолан» Шекспира. Солдаты также охотно слушали тогдашние газеты».

Его выпустили в конце мая уже после возвращения Шакарима из хаджа. Полицейские вернули рукопись стихов Абая. Угроза потерять коллективный труд миновала.

Алихан немедленно телеграфировал Какитай, чтобы тот выезжал в Омск. И Какитай совершил еще одну поездку, которая обратилась в долгие разъезды по городам и весям необъятной России.

Так и не дождавшись печатания книги в Омске, Какитай по совету Алихана отправился с рукописью стихов Абая в Казань. Омские типографии отказались от своих обязательств. Сказался полицейский надзор за Букейхановым.

«Отправляюсь в Казань. В Омске напечатать книгу не удалось», — кратко отписал в Чингистау Какитай.

Через неделю доставили новую телеграмму: «В Казани типографиям некогда печатать книгу. Поэтому отправляюсь в Петербург. Скорее пришлите переводом двести рублей».

Двести рублей выслали. С деньгами в кармане Какитай добрался поездом через Москву до Санкт-Петербурга. И только в Северной столице империи удалось через Алихана Букейханова заключить договор с частной типографией Бораганского об издании сборника стихов Абая.

Уроженец Крыма Ильяс Бораганский обучился печатному делу в Стамбуле, а в 1882 году создал в Санкт-Петербурге первую мусульманскую типографию, печатавшую книги на арабском, турецком, персидском языках.

Какитай договорился с издателем, что будет сам корректировать набор по гранкам. Готовые гранки будут присылаться для правки в Семипалатинск.

В сентябре 1906 года Какитай вернулся в Чингистау.

Спустя полгода в Семипалатинск на имя Аниюра Молдабаева — именно его Какитай указал в качестве адресата — пришел отпечатанный набор в виде больших печатных листов. Внеся исправления, Какитай отослал гранки обратно в Петербург.

Через шесть месяцев прибыли, неспешно одолев российские просторы и казахские степи, новые гранки. Добросовестно исправив и их, Какитай отправил листы обратно и вернулся в Чингистау.

Таким способом переписка с типографией тянулась более двух лет. Наконец в 1909 году первый сборник стихов Абая был издан. На титульном листе значилось:

«Стихи казахского акына Ибрагима Кунанбаева.

Издали: Какитай, Турагул Кунанбаевы.

СПб., Восточная электропечатня И. Бораганского, 1909».

«Конфеты» из Мекки

Шакарим отправился в хадж в ноябре 1905 года.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан хранятся документы регистрации паломников в Мекку. Список за 1905 год большой, паломничество среди казахов переживало подъем. Под номером 221 в списке записан «киргиз Чингизе кой волости Семипалатинского уезда Шакарим Кудайбердин».

В другом документе, зарегистрированном канцелярией Степного генерал-губернаторства, указано, что Шакариму был выдан заграничный паспорт под номером 6424. Срок действия паспорта определен в три месяца. А в регистрационной записи № 2637 указано, что 28 марта 1906 года «У Шакарима Кудайбердина взят обратно заграничный паспорт».

Наверное, тогда же было сделано самое известное фото Шакарима. Возможно, для заграничного паспорта. Увеличенную фотографию портретного плана поэт, видимо, размножив, раздавал впоследствии друзьям. Одна из них сохранилась среди бумаг поэта, избежала сожжения в зловещем 1931 году и осталась у Ахата.

С фотографии на нас смотрит благородного вида человек с серьезными, темными, глубоко посаженными глазами. Немного вытянутое лицо обрамлено благообразной бородой, усами. На голове — мусульманская шапочка (такия). Прямой нос. Взгляд — ясный, внимательный. Именно таким — умным, строгим и таинственным представляешь себе Шакарима по его произведениям.

Шакарим шел в хадж официально, как российский паломник.

Надо сказать, что до недавнего времени в империи существовали ограничения на совершение хаджа. Часто паломники везли обратно в Россию мусульманские книги, отпечатанные в Стамбуле и Каире. После запрета преподавать по иностранным и рукописным книгам это считалось серьезным нарушением. И чиновники, ссылаясь на санитарно-эпидемиологические соображения, попросту прекратили выдавать заграничные паспорта паломникам. Самые истовые последователи ислама шли на нарушения, приобретая османские, бухарские, хивинские и даже китайские паспорта и добираясь до Аравийского полуострова круглыми путями с риском для жизни.

Но Шакариму повезло. К началу XX века ситуация изменилась. Перелом последовал в 1899 году после подачи в правительство рапорта

консулом в Мекке и Медине Абдульазизом Давлетшиным. Он доказывал, что российским властям намного выгоднее создавать благоприятные условия для хаджа, нежели тормозить его. Ознакомившись с докладом, император снял ограничения.

В результате число российских паломников уже в 1902 году выросло до 17 тысяч человек. Почти все они добирались до святых мест морским путем через черноморские порты. Более затяжной маршрут — через Афганистан, Британскую Индию в Бомбей, оттуда морем до Джидды, и второй маршрут — через Закавказье, Иран, Ирак и аравийские пески непосредственно в Медину стали менее актуальными.

Вопреки понятным опасениям, связанным с усилением полицейских мер из-за антиправительственных восстаний, охвативших Российскую империю в 1905 году, Шакарим без особых помех достиг ее морских границ.

С ним в хадж шли сородичи из Берлинской и Наганской волостей Курманкожа Куденов, Кутан Жолжасаров, Куренши Шокин. Сначала пароходом добрались до Омска. Здесь пересели на поезд новой Транссибирской железной дороги, открытой в 1904 году. Введение в эксплуатацию этой дороги существенно изменило жизнь восточных окраин России. Проезд в метрополию, прежде практически невозможный для населения, стал достаточно рядовым явлением.

С пересадками Шакарим с попутчиками в пять дней достиг Москвы, чувствуя нарастающее чудесное волнение в ожидании встречи с незнакомой прежде жизнью. Большой город удивил его точно так же, как некогда захолустный Семипалатинск потряс семнадцатилетнего юношу из Чингистау.

На счастье, с ним были попутчики, более просвещенные, каким путем нужно добираться до Мекки. Вместе пересели на поезд южного направления.

До Одессы добирались с несколькими пересадками. В столпотворении на перегоне кто-то из пассажиров угодил под поезд. На сердце Шакарима остался тяжелый осадок. В Одессе нашли консульство Турции, сдали паспорта и в течение нескольких дней ждали визу. Одесское направление на Стамбул стало в то время основным для паломников из Туркестана, Поволжья, Урала, Степного края. Он был удобен тем, что пароходы ходили несколько раз в неделю и добирались до Стамбула всего за три дня.

Получив визу туриста с надписью «До Мекки через Стамбул», паломники сели на пароход. Море вызвало у Шакарима новый прилив чувств, не выплеснувшийся, впрочем, в стихотворные или прозаические

формы.

Вскоре прибыли в Стамбул.

Эта часть путешествия уместилась в несколько строф стихотворения «Рожденный в год овцы...»:

*Плыл я долго пароходом
С разным набожным народом.
Книг набрал я мимоходом
За тринадцать дней в Стамбуле.*

*Турки, перс, башкиры — тише,
Чем араб, индус, а выше
Был учившийся в Париже,
Толмачи ногай и турок —*

*И со всеми говорил я,
Мысль высоко воспарила,
И как будто света сила
Темны очи разомкнула.*

*Мысль вдруг стала списком кодов,
Словарями всех народов...
Трудно неучу без сводов —
Пониманье ускользнуло.*

Общение с интернациональным сообществом паломников составило одну из главных ценностей поездки, несмотря на сложности перевода. О них Шакарим говорит не без смущения, которое проглядывается за высоким слогом.

Из Стамбула пошли на юг, пересекли Средиземное море и пристали к египетскому Порт-Саиду. В ожидании прохода через канал несколько дней жили в непростых корабельных условиях. Нещадно палило солнце, болезни обостряла непривычная еда. Один из паломников скончался прямо на борту. По морским законам его похоронили в море — незавидная судьба по мусульманским понятиям.

Наконец через Суэцкий канал вошли в Красное море. До Джидды добирались почти два дня. Слева медленно проплывал, теряясь в мареве, бесконечный Аравийский полуостров — святой мир, столь сильно

притягивавший паломников-мусульман всего мира. Высадились в порту Джидды, который служил и по сей день продолжает служить морскими воротами Мекки. Долго томились в очереди на регистрацию в пограничной зоне. Спустя день погрузили поклажу на верблюдов и многотысячной толпой двинулись в путь. Некоторые счастливики проделали девяностокilометровый маршрут по пустыне на верблюдах, но основная масса — Шакарим в том числе — шла до священной Мекки пешком под палящим аравийским солнцем.

Когда говорят, что условия хаджа сто лет назад были неизмеримо сложнее, нежели сейчас, вероятно, имеют в виду именно эти изматывающие переходы. Сегодня Джидду и Мекку соединяет современная автострада, между городами проведены железнодорожные пути, построены мотели и места отдыха. Но во время хаджа Шакарима на всем пути до Мекки встречались одни барханы.

Трехдневный марш по пустыне стал большим испытанием для паломников. Кто-то отставал, кому-то оказывали посильную медицинскую помощь, а кого-то оставляли последние жизненные силы.

Опасности миновали Шакарима. В этой поездке его не настигали серьезные болезни, не одолевала усталость. Многолетняя закалка, обретенная в условиях суровой кочевой жизни, сделала его организм необычайно жизнестойким. Он перенес тяготы пути намного легче спутников. Помогал отстававшим, поддерживал пожилых паломников, не жаловался на выпавшие на его долю мучения ни во время хаджа, ни по возвращении домой.

Вошли наконец в Мекку. Устроились на постой. Несколько дней приходили в себя.

А потом было поклонение святым местам Мекки, совершение обязательных обрядов хаджа и нарастающее ощущение величия происходящего.

Пора дать слово Шакариму. Его рассказ воспроизвел Ахат:

«Итак, поздней осенью 1905 года я отправился в путь. Это путешествие — последний наказ Абая — оказало огромное воздействие на мое становление как человека, открыло глаза на мир. Мне довелось беседовать с учеными разных стран, обмениваться мнениями, приобретать необходимые книги, которые отсылал посылками в Семипалатинск <...>

В Стамбуле во время вынужденной задержки удалось попасть в хранилище исторических фондов, и я тринадцать дней изучал историю. Перебрал все труды древних писателей и мыслителей, начиная с Гомера.

Приобрел сочинения греческих мыслителей, западных философов, древних тюркских ученых, словари разных народов, произведения американских писателей.

Словом, эта поездка открыла мне глаза, утолила страждущую душу, стала исполнением мечты. И конечно, явилась плодом мудрых советов Абая.

Из Стамбула добрался до Мекки, посетил исторические места, открыл для себя много нового. Был в Медине, где познакомился с сочинениями таких ученых, как Абу Суфиян, жившего за двести лет до пророка Мухаммеда, приобрел их книги. Жалко, не смог попасть в Александрийскую библиотеку в Египте. В Мекке я встретил ученых, много лет работавших в этой библиотеке, переписал у них неизвестные мне прежде научные сочинения.

Когда возвращались обратно, среди нас распространилась болезнь и мы около месяца пробыли в Стамбуле. С разрешения доктора я выходил в город, еще раз прошелся по историческим местам. Беседовал с индийскими и персидскими учеными людьми. Даже научился нотной грамоте у турецкого музыканта. Встречался с врачами из Ирана и Индии. Поскольку хорошо знал фарси, научился у них многим методам лечения».

Шакарим не щедр на подробности. Не называет спутников по хаджу, не приводит имен ученых людей, с которыми вел столь познавательные беседы, не углубляется в детали поездки в Медину. Было бы интересно узнать, какие книжные древности его так заинтересовали, что он их покупал без промедления и отправлял посылками в Семипалатинск. Впрочем, о некоторых покупках можно догадаться по литературным источникам, на которые он ссылался позже, когда добавлял информацию в «Родословную тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» или писал «Три истины».

Кстати, в «Родословной...» все же содержатся кое-какие подробности о пребывании в Мекке. Хотя и касаются они некоего имущественного дела, летописные детали со временем становятся только ценнее. Мы строим настоящее на минувшем, имея о нем слабое представление. И только звучание забытых имен, переливы голосов ушедших предков, вместившие громадные отрезки истории, возвращают нашему настоящему утраченную поэзию. И в воображении оживают тесные улочки Мекки, каменные ступени соборной мечети, священная площадь и древняя Кааба, видевшая миллионы паломников за прошедшие тысячелетия.

Находясь у святынь Мекки, Шакарим, конечно, помнил, что по этим площадям проходил его знаменитый дед, прикасался к тем же камням,

которые сегодня притягивали горячей поверхностью и его. Сколько поколений, сколько великих личностей было на этой площади! А теперь, прорывая толщу веков, рядом с ними, рядом с тенью деда Кунанбая, стоял он, Шакарим.

Вот этот отрывок из «Родословной...»:

«Когда Кунанбай в 1873–1874 годах совершал хадж, он купил в Мекке для паломников-казахов гостиный дом, сопроводив покупку обрядом жертвоприношения. Сейчас его называют Малым домом. В настоящее время в нем живет бек Султан из Младшего жуза, кажется, образованный человек. Вообще-то хранителем дома покойный кажсы определил сопы Канатбая. Но он умер, в доме осталась его вдова, которая воспитывала племянницу. Так вот, за этого Султана вдова и выдала племянницу, сделав его управителем гостиного дома.

Совершая в 1905–1906 годах свой хадж, я видел этот дом. В него до меня вселились паломники. Не желая обидеть их, я снял другое жилье. Султан успел сообщить, что в настоящее время дом записан на имя Досжана-кажсы из Младшего жуза, а по какой причине, сам не знает.

Я решил пойти на следующий день к тарифу Мекки — высшему духовному лицу, чтобы по документам тридцатиоднолетней давности найти сведения о том, кому все же принадлежит дом. Предупредил об этом проводника. Но, к сожалению, занемог. Едва поправился, как младший проводник по имени Ибрагим Малуани объявил, что мы немедленно уходим. Пришлось уезжать.

Между тем покойный Такиани-кажсы говорил: «Хотя я первым покупал дом, паломники из Младшего жуза дали больше денег».

По этой ли причине дом оказался записанным за Досжаном-кажсы, либо передача собственности произошла в момент совершения обряда жертвоприношения, я так и не узнал.

После Кунанбая-кажсы из наших семей в Мекку ходил его родич Акберды, сын Жакыпа, здесь он и скончался. На его могиле я прочел заупокойную».

Кто умер в Мекке, тот и свят. В мусульманском мире считается, что принявший смерть во время хаджа попадает в рай. Поэтому понятно смирение, с которым Шакарим почтил могилу сородича.

К рассказу можно добавить, что служитель одной из мечетей в казахской степи хальфе Досжан был в Мекке в одно время с Кунанбаем. На него, надо полагать, и переписали гостиный дом в Мекке.

Жаль, что деликатная попытка Шакарима выяснить, кому и на каких основаниях принадлежит гостиный дом, не увенчалась успехом. Ведь он,

как прямой потомок Кунанбая, вполне мог претендовать на собственность. Мог переписать дом на себя. Не ради наживы, конечно, а хотя бы в память о Кунанбае. Но, видно, не судьба.

Паломники возвращались из Мекки в Россию тем же путем. Вот только задержались в Стамбуле почти на месяц — выше Шакарим говорил об этом. Их группу оставили на карантин в связи с кишечным заболеванием у нескольких лиц. Задержку поэт использовал сполна, вдоволь пообщавшись с обитавшими в Стамбуле образованными людьми со всех концов света.

Он вернулся в Семипалатинск в конце марта 1906 года. Сдал в канцелярию военного губернатора заграничный паспорт и тотчас отправился в Чингистау.

В родном краю его встречали как победителя.

Ахат вспоминал:

«Отец вернулся из Мекки ближе к лету, когда появилась зелень и земля начала просыхать. Мы на арбах выехали навстречу километров на пятнадцать. Встретили около аула Шаке. Из Мекки отец высылал в адрес Аниара большие посылки. Аниар передавал их из города в аул через рассыльных. Посылки складывали в доме. Когда мы спрашивали: «Что это?» — нам отвечали: «Это конфеты, присланные вашим отцом. Даст, когда сам приедет», — и мы очень радовались. И только когда отец по приезде открыл ящики, увидели, что они набиты книгами».

Шакарим сильно устал, однако никакого разочарования не чувствовал. Рассказывая родным о тяготах пути, видел в их глазах смесь ужаса и восторга, страха и восхищения. Они проезжали вместе с ним на поезде мимо белых полей и застывших в снегах лесов России. Плыли по морю на пароходе, денно и ночью ожидая нашествия болезней, мора, голода или кораблекрушения. Дни и ночи шли по раскаленным пескам Аравии, чтобы добраться до Мекки, трижды обогнуть Каабу и ощутить ничтожность всех человеческих бед перед величием Бога.

Но сам Шакарим никаких страхов не помнил. Думал только о счастливых мгновениях открытия мира.

Отныне ему ничего не стоило стряхнуть с себя пыль дорог, унять силу ветров, охватить мысленным взором иные миры. Его не пугали ни лютые зимы, которые еще предстояло пережить в одинокой степи, ни болезни мира, ни тоска одиночества, неотвратимо посещающая заточенного в темницу незнания любителя словесного творчества.

Приближение образа России

Вернувшись из Мекки, Шакарим скоро завершил работу над «Дубровским». Поэтический перевод получился красивым, легко читаемым, словно Пушкин писал исходный вариант не в прозе, а в стихах, как «Евгения Онегина», а Шакарим только переложил славянскую вязь русского гения на казахский поэтический язык.

Перевод повести «Дубровский» он задумал давно, лет десять назад. Приступил к нему в 1903 году, не закончил, оставил на потом. И вот теперь на каком-то душевном подъеме он создал интересное произведение, которое сам считал дастаном — поэмой.

Нетрудно понять, почему именно сейчас так споро пошла работа над переводом. Одним из самых ценных приобретений, сделанных в путешествии, стало новое восприятие русского языка, русской культуры, русской жизни, возникшее из тех ярких ощущений, которые сложились в поездке через Россию. Возможно, впечатления носили дорожный характер, недостаточный для глубокого погружения в национальную идентичность. Но и первичного потока информации оказалось немало для осмысления.

Как все же часто местопребывание добавляет нашим знаниям недостающую ясность восприятия мира. Раньше Шакарим представлял себе Россию не столько по облику чиновников, купцов и военных, проживавших в Семипалатинске, сколько по красочным описаниям русской жизни в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Толстого. У них находил отклик своим исканиям правды и справедливости. Книжные впечатления были по большей части упрощенны, хотя и образны, но это не главное. Шакарим напитал их своими грезами, и они забрали власть над ним. В его представлении возник некий идеал огромной страны с долгими зимними вечерами, золотом погожих осенних дней и благодатной летней прохладой исполинских лесов. Этот образ нес какую-то недоступную тайну, мучительное очарование.

И когда теперь он соприкоснулся с оригиналом, достиг недостижимых далей, про которые в степи знали только, в какой они стороне, живое восприятие, оказавшееся, как всегда, более полным, более ярким, опрокинуло прежние «литературные» представления.

Общительные, радушные люди, особый дух Руси, кипучая атмосфера городов, вокзалов, поездов, благодаря которым огромная страна, присутствовавшая прежде только в мыслях, заняла прочное место в памяти,

навсегда запала в сердце, зародила мечту. Шакариму страстно захотелось стать ближе к России, напитаться от нее бесконечной тяги к познанию, которой жили русские люди, приблизить к ней степь и всех казахов, чтобы и они ощутили пульс динамичной жизни.

Поэтическую оценку впечатлениям он дал позднее в «Жизни Забытого»:

*Если Россия — это мать,
То казахи детям под стать.
Пусть растут — чего желать?
Коль согласны на закорки.*

Именно это новое восприятие вкупе со стамбульскими и аравийскими впечатлениями воскресили желание жить и творить. Так, верно, бывает всякий раз, когда человек снова и снова осознает красоту вселенной.

Свежие впечатления открыли путь к живому восприятию повести Пушкина. Поместье Троекурова в селе Покровское или родовое имение Дубровских в Кистеневке перестали быть только географическими названиями.

Более того, огромный мир с его страстями, конфликтами, ненавистью и любовью, войнами и революциями вошел в миропонимание и ощущался теперь как очень близко соседствующая со степью территория. Все это нашло отражение в оригинальном слове переводчика, предварившем собственно перевод «Дубровского». В сущности, предисловие, написанное, видимо, несколько лет спустя после основной части, — самостоятельное произведение. В нем концепция гармонии, предустановленной как «божий дар», сочетается с признанием тирании прогресса, способной уничтожить «все живое».

*Пароход и паровоз, воздушный шар —
Это все как будто миру божий дар.
Наряду с прогрессом грозный динамит
Раздувает на земле моей пожар.*

*В этом мире убивать легко огнем,
Пушки, бомбы, сотворенные умом,
Все живое и за несколько минут
Уничтожат в дни войны в краю родном...*

Из переживаний о разумности окружающей действительности возникают думы о вечном, о творчестве и несокрушимой силе слова. К ним Шакарим подошел через некие реминисценции, собственное ощущение влияния других художников слова.

Как и в стихотворении «Бессмертное войско», поэтика которого утверждает слово, что бессмертием сильно своим, Шакарим утверждает парадигму слова как единственную сферу, позволяющую талантливой личности узурпировать «вечное»:

*Удается слово вечное не всем,
Без таланта ты останешься ни с чем.
И, быть может, есть на тысячи один,
По стихам его не спутаешь ни с кем.
Навои, кожа Хафиз и Физули,
Мудрость словом передать они смогли.
Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов —
Словно звезды человечества взошли...*

Наконец, заключая предисловие, автор анонсирует перевод, пригласив читателей к постижению слова русского поэта. Он допускает мысль о возможном неприятии иного образа жизни, но как истинный гуманист проповедует веру в то, что «поэзия живет семьей одной».

*То, что слушали до этого меня,
Сердцем и душою благодарен я.
Слово русского поэта постигайте —
Неизвестные познаете края.*

*Образ жизни, может быть, у них иной,
Но поэзия живет семьей одной...*

*А теперь я начинаю свой рассказ,
Может, с пользой кто послушает из вас,
Может, кто-то не дослушает, уйдет.
Ведь не каждому доступен звездный час.*

(Переводы Бахытжана Канаянова)

Творение Шакарима под названием «Рассказ о Дубровском» было опубликовано только в 1924 году в Семипалатинске (с небольшими изменениями и добавлениями), но стало любимым в казахской среде задолго до появления печатного издания. Казахский «Дубровский» передавался из уст в уста, как в лучшие времена кочевого общества, литературно-эстетические устои которого опирались на устное слово. Рукописный текст переписывался любителями поэзии и заучивался народными сказителями.

Идейное содержание повести, основанное на конфликте и противоборстве сил, примкнувших, с одной стороны, к помещику-самодуру Троекурову, с другой — к сыну старого Дубровского, «благородному» разбойнику Владимиру, поэтика тайны и перипетии невозможности счастья влюбленных героев, ненавистное для Маши замужество — все это объясняет исключительную общность явлений, волновавших как читателей Пушкина, так и читателей Шакарима. Иными словами, казахский поэт, создав прецедент диалога в культуре, диалога авторов-текстов-читателей, творил свою художественную максиму «благодаяние».

Свою причастность к творческому развитию общества Шакарим видел в сближении рассказов Льва Толстого и другой повести Пушкина — «Метель». Вел их параллельно. Как говорил сам, «молот в ступе переводы».

«Русские видят мир». Эта формула Абая как бы обосновывала высокую степень притяжения помыслов Шакарима к русской литературе, которая в иерархии его эстетических ценностей занимала едва ли не доминирующее положение.

Например, в стихотворении «Мулла других неверными зовет...» персоналии и мотивы русской литературы, выступающие в роли ведущих фигурантов народа Леса — «русских», программируют, по Шакариму, путь самореализации личности:

*Русских личностей не знает наш казах,
Потому насмешки сносит, пряча страх.
Не берет примеры с умных и умелых,
А к пройдохам тянется — и терпит крах...*

*Если б знал он Салтыкова и Толстого,
Да прочувствовал б их мысль и бездну слова,*

*Если б Гоголя и Пушкина воспринял —
То в лучах бы грелся света золотого.*

*Если б у таких, как Лермонтов, Некрасов,
Взяв примеры мудрости, понес бы в массы,
То невежества в народе было б меньше,
Стал бы ближе путь нам чистый и прекрасный.*

Считается, что Шакарим перевел три произведения Л. Н. Толстого. Два из них — «Ассирийский царь Асархадон» и «Три вопроса» — Толстой написал в 1903 году. «Мысль сказки про царя Асархадона, — пояснял он, — принадлежит не мне, а взята мною из сказки неизвестного автора, напечатанной в немецком журнале Theosophischer Wegweiser, в 5-м № 1903 года под заглавием «Das bist du».

Самокритичный автор сетовал в письме своему редактору, издателю и другу Черткову: «Сказки плохи. Но надо было освободиться от них». Шакарим, очевидно, считал иначе.

Третья сказка, пожалуй, и не сказка вовсе. Это известная историческая притча о царе Крезе и греческом мудреце Соло-не. Шакарим воссоздал ее в стихах, дав название: «Царь Криз» (именно так у него — Криз, а не Крез). И предварил в рукописи лаконичной надписью: «Из Л. Толстого».

Однако у Толстого — это легко проверить — никаких текстов ни о Крезе, ни о Солоне нет.

Так или иначе, в 1924 году Шакарим объединил эти три сказки еще с тремя китайскими легендами «Из ста восточных рассказов» — так они обозначены в рукописи — и дал общее название: «Шесть рассказов». Это заглавие тоже выведено в рукописи, переданной писателем сыну Ахату.

При жизни Шакарима ни один из рассказов-сказок не увидел свет. Все вместе они были опубликованы как «Шесть рассказов» только в 1988 году (Алма-Ата, издательство «Жазушы»).

Сомневаться в том, что именно автор объединил эти произведения, не приходится. Ибо Шакарим предпослал им поэтический комментарий в 1924 году, когда появилась надежда на публикацию. Вопросая предполагаемого читателя «Имеешь ли время прочесть шесть рассказов?» — поэт подчеркивает «скрытый смысл» предлагаемых назиданий. Не преминул он напомнить о местном стереотипе превосходства одного рода над другим:

*Бывало, мы поедом ели народ,
Страдал самый бедный, беспомощный род.
Мои дорогие, не будьте хвастливы,
На вас лишь надежда — пришел ваш черед.*

*Казах или русский — все люди равны,
Нельзя их делить, они в корне родны.
Долг совести — встать за людей обделенных.
Лишь пользу народу нести вы должны...*

А еще Шакарим приписал к переводу «Асархадона»: «Рассказ известного русского писателя Льва Толстого «Асархадон и Лаэли», переведенный на казахский язык в июле 1924 года».

Два вопроса. Во-первых, почему «переведенный в июле 1924 года»?

Логичнее предположить, что Шакарим перевел оба рассказа Толстого не позднее 1907 года, именно тогда, когда безраздельно увлекся его творчеством. Перевел, как говорится, по свежим следам, сразу после выпуска «Асархадона» в 1903 году московским издательством «Посредник».

Кстати, шакаримовский перевод соответствует именно этому варианту. В 1904 году сказка «Ассирийский царь Асархадон» была переиздана в новой редакции с сокращениями Льва Толстого. По этим сокращениям сразу видно, что Шакарим переводил по первому изданию 1903 года.

«Три вопроса» были переведены по книге «Три сказки», выпущенной в 1903 году. И очень похоже, что оба рассказа русского писателя, изданные в одном году, попали в руки Шакарима одновременно. И были переведены на казахский язык именно в 1907 году. Указание на 1924 год означает дату последних переделок, добавлений, изменений, которые Шакарим делал часто, возвращаясь к сочинениям спустя десятилетия.

Во-вторых, почему «Асархадон и Лаэли»? Ведь у Толстого — «Ассирийский царь Асархадон».

На этот вопрос ответить нетрудно: перед нами допустимые упрощения.

Шакарим строго следовал исходному тексту, лишь изредка позволяя себе сокращения. Сказка Толстого начинается так: «Ассирийский царь Асархадон завоевал царство царя Лаилиэ, разорил и сжег все города, жителей всех перегнал в свою землю, воинов перебил, самого же царя Лаилиэ посадил в клетку». Впечатленный историей кровожадного

Асархадона и мотивом его превращения в беспомощного Лаилиэ и последующим прозрением героя, Шакарим вынес имена в заглавие, чуть изменив их на казахский лад.

«Три вопроса» также были переведены в прозе. Только в финале Шакарим добавил четверостишие, исполненное в излюбленном стиле нравственного императива:

*Человечным будь! Клянись себе самому
Не чинить насилие и зло никому.
И с больших высот народ не угнетай.
Совесть, честь и честный труд — голова всему!*

Идея нравственного самосовершенствования, лежащая в основе почти всех, за малым исключением, произведений Толстого, волновала, словно близость моря, перекликаясь с неумолчными мыслями Шакарима о постижении истины.

В начале февраля 1907 года в Семипалатинске должны были пройти выборы во Вторую Государственную думу. Шакарим, как выборщик от Чингизской волости, обязан был участвовать в собрании.

Не без влияния Алихана Букейханова представители Семипалатинского областного комитета «Партии народной свободы» неожиданно выдвинули кандидатуру Шакарима Кудайбердиева в депутаты Госдумы. Трудно точно определить, когда Шакарим успел вступить в партию кадетов (возможно, и не вступал вовсе). Однако, взойдя на трибуну, он так же неожиданно отказался от высокого предложения, поблагодарив за оказанную честь.

Можно вспомнить о страстных призывах Шакарима к служению народу, о стихах, проникнутых высокой мыслью посвятить жизнь народному благу. Он неплохо знал русский язык. Ездил по России, совершил хадж в Мекку. Был в курсе проблем казахского общества. Поэтому понятна причина, по которой его выдвинули в Госдуму, где он мог бы поработать с пользой для казахского общества.

Но тогда почему он, по сути, мгновенно отказался от заманчивой перспективы стать депутатом Госдумы и послужить обществу? Какие страхи оттолкнули его от большой политики? Причина могла быть одна — занятость литературным творчеством.

Летом 1908 года Шакарим навестил в тюрьме в Семипалатинске Алихана Букейханова, который в очередной раз был арестован за

политическую деятельность. В 1915 году в статье в газете «Казах» Букейханов вспоминал: «Когда я отбывал тюремное заключение в Семипалатинске в 1908 году, Шакарим, Какитай, Турагул специально приехали в город, чтобы поддержать меня. Несколько дней мы хорошо проводили время. И позже, пока я еще был в тюрьме, приходили поздороваться. Эх, другие казахи недотягивают до них...»

Алихан сожалел, что, кроме Шакарима и братьев, никто не навещал его в тюрьме. Сожалел, конечно, о страхе народа перед властью, что для него означало недостаточную поддержку его идей в массах. В конечном счете этот фактор скажется в будущем, когда в 1919 году созданное Букейхановым правительство Алашорды окажется в изоляции в один из самых важных моментов казахской истории.

1907–1909 годы — это было время, когда Шакарим стал вникать в религиозно-философские принципы Толстого, принимая, как свою, его концепцию нравственного самосовершенствования. Ему казалось, что он видит свет истины. Толчком к познанию пути стало чтение трактата «Что такое искусство?». «Нет ничего более старого и избитого, чем наслаждение, и нет ничего более нового, как чувства, возникающие на религиозном сознании известного времени», — писал Толстой.

О, сколько раз говорил о том же Шакарим, призывая сородичей воздерживаться от пагубных страстей! И так же, как Толстой, считал, что именно религиозная одухотворенность ведет к постижению тайных движений человеческой души. Как и в произведениях позднего Толстого, у Шакарима «вероучитель» преобладал над «писателем», и назначением своего искусства он видел формирование религиозного сознания, а не начетничество и фарисейство, бытовавшие в родной среде.

Надо написать письмо Толстому, поделиться своими размышлениями о нравственных категориях, на которые навело чтение его произведений, — таково было решение Шакарима.

Теплой майской ночью 1909 года при свете масляной лампы он писал великому Толстому и уже не ощущал себя одиноким во Вселенной.

Творчество порой настолько сближает, что поневоле чудится, будто творцы и впрямь связаны невидимыми узами духовного родства.

Шакарим не мог знать, что в подобной ситуации французский студент Ромен Роллан в минуты полного духовного смятения написал Толстому письмо, в котором просил помочь найти путь к спасению. Роллан не ждал ответа, уверенный, что великий его адресат, невероятный труженик, загруженный работой сверх меры, не найдет времени для письма. Но однажды он получил послание из России — ответ Льва Толстого на

французском языке, на тридцати восьми страницах. Ромен Роллан испытал потрясение, которое предопределило его судьбу. Писатель может что-то изменить в жизни, если будет человечен до конца, даже в мелочах, если в любой момент будет готов помочь людям. Позже Ромен Роллан написал книгу о Махатме Ганди, поведав просвещенной Европе о той удивительной борьбе без насилия, которую организовал этот человек против одной из самых мощных держав мира — Британии. Издавая книгу, Роллан не знал, что когда-то в молодости и Ганди, безвестный адвокат, работавший на юге Африки в колонии Наталь, в минуты душевного разлада написал письмо Толстому. И тоже получил ответ, который оказал решающее воздействие на его судьбу. Ганди встал на путь служения добру с необыкновенным самоотречением и самоотдачей.

О чем писал Толстому Шакарим, доподлинно неизвестно, ибо в переписке Льва Николаевича Толстого, скрупулезно выстроенной последующими исследователями, ни писем Шакарима, ни ответов на них, к сожалению, нет.

Толстому писал, например, хорошо знакомый Шакариму Рахматулла Елькибаев, заведующий мусульманским детским приютом в Семипалатинске. И хотя его письмо и ответ писателя доступны современному читателю, ибо помещены в 78-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (М., 1928–1958) и не единожды тиражированы в казахстанской прессе, интересно перечитать толстовское послание в Семипалатинск еще раз. Итак, Толстой отвечал:

«Любезный брат Рахматулла Мингалиевич, я уже много лет назад предоставил всем право издания всех моих сочинений, написанных после 1881 года, также и переводов. Но очень рад случаю лично передать Вам это, не разрешение, а благодарность за Ваше в высшей степени приятное мне предложение. При этом случае посылаю Вам для Вашего выбора те из моих писаний, которые у меня под рукой. Что же касается до Вашего мнения о моем суждении об исламе, то хочется Вам сказать то, что истинная религия, по моему мнению, есть только одна. Вся эта истинная религия еще не открылась человечеству, но часть ее проявляется во всех исповеданиях. Весь прогресс человечества состоит в этом все большем и большем соединении всех в этой одной истинной религии и в все большем и большем уяснении ее. И потому всем любящим истину надо стараться отыскивать не различия в религиях и их недостатки, а их единство и достоинства. То, что я и стараюсь делать по отношению всех религий и также и по отношению хорошо мне известного ислама. Известна ли Вам составленная мною книга «Круг чтения»? Она отчасти удовлетворяет

этим требованиям. Я думаю, что перевод этой книги на арабский язык был бы не бесполезен.

Желаю Вам всего лучшего.

Лев Толстой

10 июня 1908 г.».

Было бы недостойно сомневаться в том, что Шакарим действительно писал Толстому. Ибо есть свидетельство Ахата, которому нет смысла придумывать переписку:

«В одном разговоре с отцом я сказал: «Вы и в стихах про Толстого, и просто в разговорах о нем очень высоко его оцениваете».

Отец отвечал: «Я и раньше Толстого высоко ценил. Я просил его ответить на три вопроса. Толстой дал мне на них очень ценные ответы. Они меня взволновали и остались в душе как поучительный урок.

Я составил перечень всех, какие знал, отрицательных черт человека. Испросил, какая из этих черт, известных нам, может сильнее всего задеть честь человека?»

Толстой на это ответил: «Все перечисленные Вами черты могут задеть честь и достоинство человека. Но, по-моему, есть одно положение, которое может особенно сильно задеть его честь. Это если человек, зная о деянии, которое может нанести вред окружающим лицам, обществу в целом, не может высказаться открыто, остерегаясь трех вещей. Первая — когда он очень богат и боится навредить своему богатству. Вторая — если он должностное лицо и боится лишиться должности, отстаивая справедливость. Третья — когда может быть наказан из-за высказанной правды».

Я также просил совета относительно написания объемных сочинений: «Намереваюсь приступить к созданию крупных произведений. Какой на это дадите совет?»

Толстой сказал: «Будь это произведение со множеством действующих лиц или короткий рассказ, прежде всего писатель должен проникнуться описываемыми действиями, причинами и следствиями событий, тайнами, переменами в обществе, словно сам во всем участвует. Ход событий для писателя должен быть ясен, как в зеркале, и глубоко прочувствован. В противном случае художественное произведение не получится убедительным и интересным. Писатель не должен забывать пословицу: «Шуба, скроенная по тени человека, не будет ладной». Сочинение, написанное со стороны, без вхождения внутрь, не сблизится с правдой и не получится интересным».

«Писатели, в том числе я, не могут критически оценить

положительные и отрицательные стороны своих произведений.

Каким способом можно выявить и исправить недостатки своего произведения?» — спросил я.

На мой третий вопрос Толстой дал такой ответ: «Одним из особых свойств писателя является умение увидеть недостатки своих произведений и исправить их. Это присуще не каждому. Есть такое выражение: «Ошибки других виднее». Но лучше всего, когда человек сам видит и исправляет свои недостатки. Природе человека присуще свойство, необходимое для исправления собственных ошибок. Оно заключено в кристально чистом сердце. Если человек каждое свое деяние, написанное слово сможет оценивать чистым сердцем, то оно своим тонким восприятием раскроет истину. Результаты умственных размышлений надо пропустить через сердечное сито. Человек, выработавший в себе способность доверять сердечным отголоскам, всегда может увидеть свои и чужие недостатки. Поэтому самый справедливый критик — это чистое сердце».

Такие советы дал Толстой, я считаю его учителем и уважаю его».

Ахат зафиксировал устный пересказ Шакаримом его переписки (или диалога) с Толстым. Поэтому очевидное несоответствие стилю русского писателя можно отнести на счет пересказа и перевода с одного языка на другой.

Возможно, правда состоит в том, что Шакарим действительно задавал вопросы Толстому. Мог даже отправить ему письмо. Но получил ли ответ?

Это одна из тех великих исследовательских загадок, которые влекут творцов на путь апостольского служения людям и питают дух.

Карамзин казахской степи

Весна 1909 года выдалась хлопотной. Мягкая зима способствовала увеличению поголовья скота. Пришлось немало потрудиться, чтобы сохранить молодняк.

А летом Шакарим завершил давно начатый стихотворный перевод повести Пушкина «Метель».

В отличие от перевода «Дубровского» «Метель» не была напечатана при жизни переводчика и предстала перед читателями лишь в 1936 году в журнале «Адебиет майданы» («Литературный фронт»), ответственным редактором которого был Сакен Сейфуллин.

Повестью «Метель» Шакарим завершил серию стихотворных переводов прозы Пушкина. На какое-то время вообще оставил переводы. Вероятно, ему хотелось сосредоточиться и упорядочить в себе навеянное произведениями Льва Толстого новое религиозное мироощущение.

О религиозности Шакарима можно сказать одно: он мусульманин. Но его вера в Бога выросла в степи, напиталась полынным духом тюркского кочевья и несла в себе элементы мирозерцания тенгрианцев. Потому его истинная вера — иман — включала не только религиозность, что подразумевает пассивное начало духовности. Активное проявление внутренней жизни Шакарима видно из его стремления к образованию. Он был одержим стремлением обрести все знания мира. Упорно называл познавательный процесс наукой, считая, что избранный путь самосовершенствования обязательно выведет на подлинно научную стезю. И верил, что посредством художественной правды, сокровенного слова искусства найдет путь к истине.

Духовную программу неустанно шлифовал всю жизнь. И даже в написанном на склоне лет стихотворении «Моя вера», которое, очевидно, было задумано как просветительно-нравственный манифест, звучат не только воинственные ноты, присущие обыкновенно носителю молодой религии мира, но и мотивы отчуждения. Это поэтически изложенная история обретения веры, что началась «после сорока» и длилась добрых «тридцать лет», когда удалось, вопреки «лени всей в родном краю», углубить свои познания в науках, в том числе — теологических. Лирический герой довольно критически относился к «наукам» «мулл, проворных лис». В раздумьях, как в условиях существующего уклада жизни преодолеть пагубное давление материального на духовное, Шакарим

прокламирует синкретизм религии и науки в культурном развитии общества. Однако поэт-мыслитель, прошедший длительный путь познания и реализующий себя как личность, наталкивается на неприятие окружающих:

*Но не верят люди мне,
В ясной, светлой тишине
Испаряется вовне
То, что в уши им вливаю.*

*«Я не знаю» — что за вера?
В мире хуже нет примера.*

Непросвещенность — общая черта многих обществ, но от ограниченности, инертности и апатии сородичей Шакарим впадал в отчаяние. Однако страдал даже не от непросвещенности, а от окружающего зла — невежества, зависти, алчности, жестокости. И верил, что от всех пороков может избавить просвещение. И в этой своей вере проявлял невероятное упорство.

Но еще невероятнее ясность мышления Шакарима, более характерная для естествоиспытателя, нежели для теолога и художника слова. Он, например, видел в смерти естественный биологический процесс. Не наделял ее вымыслами, превращая в тайну и бездну. Напротив, смерть в его понимании содержит не мистические основания, а разумную ясность — она придет к любому человеку рано или поздно. А потому его всеобъемлющий кругозор позволяет увидеть все то существенное, что позволительно назвать внутренним родством с живущими на земле:

*Пусть я умру, за мной идут потомки вслед,
Их много впереди ждет трудовых побед.
Пусть, вспомнив обо мне, они почтят мой прах,
Продолжат песнь мою — вот добрый им завет!*

(Перевод Всеволода Рождественского)

Летом 1909 года степь всколыхнуло очередное новшество российской администрации: власти решили выделить казахам по пятнадцать десятин

земли для возделывания. Цель прозрачна — приучить кочевников-скотоводов к земледелию. Но достижение ее было проблематично.

К тому времени переселение русских крестьян на окраины империи, в том числе в казахскую степь, достигло серьезных масштабов. Царское правительство таким путем надеялось разрешить проблемы аграрного вопроса в центре России. Переселение сопровождалось массовым изъятием у казахского населения под видом «излишков» лучших плодородных земель, в том числе обжитых. Только с 1906 по 1912 год было изъято свыше 17 миллионов десятин земли.

Переселенцы появились и в Чингистау. Например, близ Жидебая у реки Караул возник русский поселок в двадцать домов.

По закону от 9 июня 1909 года землеустройство в казахской степи поначалу производилось по двум нормам: переселенческой — по 15 десятин и кочевой — по 12 десятин. Но затем, желая стимулировать переход казахов на оседлость, уравнивали нормы: казахам предлагалось получать землю по переселенческой норме с «правом постоянного неотъемлемого владения землей». Однако для кочевого скотоводства требовалось земель несоизмеримо больше. Поэтому 15 десятин зависли во времени.

Зная Алихана Букейханова как сведущего человека в политических и юридических вопросах, Шакарим и Какитай написали ему письмо, в котором спрашивали: «Что посоветуешь? Родовые земли с рекой Караул, где мы перерезали пуповину и отстирывали вещи столетий, уходят русским мужикам. Говорят, берите земли по пятнадцать. Брать или не брать?»

Алихан отвечал: «Высунетесь, скажут, что потомки Кунанбая в роду Тобыкты — как палка в носу верблюда, с помощью которой удобно усмирять. Что бы ни происходило, оставайтесь с народом. Даже если кто-то согласится на пятнадцать, в посевы эти десятины не обратишь. Если казахи, глядя на потомков Кунанбая, вслед за ними станут рабами пятнадцати десятин, скотоводам будет нанесен вред».

Конечно, Шакарим и Какитай, задавая вопрос, переживали за весь род Тобыкты, социально-экономическое состояние которого не обещало отныне былого довольства. Их отказ принять 15 десятин как факт общественной значимости отметил Алихан Букейханов, писавший в газете «Казах»: «Потомки Кунанбая, считая, что надо прежде думать о народе, не пожелали перекраситься, отказались от 15 десятин и потеряли Караул. Я еще не видел в политике такого мужественного поступка от предводителей казахов».

Административные новшества откровенно угрожали традиционному укладу жизни казахов, сулили непредсказуемые перемены, демонстрируя

своевольное вторжение не только в хозяйственно-пастбищное пространство, но и культурно-историческое, морально-психологическое.

Но были в череде тревожных событий и радостные вести.

Осенью 1909 года в Санкт-Петербурге был наконец издан многострадальный сборник стихов Абая, рукопись которого три года назад доставил в столицу империи Какитай. Тысяча отпечатанных экземпляров прибыла в Семипалатинск в адрес Анияра Молдабаева. По тем временам для казахской земли это был немалый тираж.

Двести книг тут же отправили в Чингистау родным Абая, остальные пошли в продажу. «Стихи казахского акына Ибрагима Кунанбаева» — прочтя название книги, Шакарим ощутил волнение, какого не испытывал прежде. Никогда еще не доводилось держать в руках книгу автора, с которым связывали кровные, духовно-биографические, творческие узы.

И сладко, и горестно было держать в руках это издание. Типографский запах доносил печаль прожитых лет. Тоненькая книга, словно душа, словно огромное здание воспоминаний среди развалин мира. Каждое стихотворение вмещало, кажется, историю рода и всей нации.

Шакарим сразу оценил известные преимущества печатного слова, главное из которых — возможность говорить с большим количеством людей. И ощутил неодолимое желание издать собственные работы, в первую очередь готовые «Каноны мусульманства» и почти законченную «Родословную тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

Он был убежден, что имена обитателей прошлых столетий — это и есть связующие нити в ткани истории. Именно потому придавал особое значение своим многолетним записям, устным сведениям о деяниях предков, которые тщательно фиксировал с молодых лет.

«В родословной также содержатся сведения по объяснениям Абая, а также сведения, собранные по посланным им в разные роды письмам», — пояснял позже Шакарим. И становится ясно, что на последнем этапе работы сведения о казахских родах собирались не без участия, а то и под руководством Абая.

Сбор сведений о казахских родах, вероятно, был закончен еще до начала XX века. Потому что семипалатинский краевед Николай Коншин успел записать от Абая родоплеменную таблицу казахов Среднего жуза и опубликовать ее в 1900 году в книге «Памятные книжки Семипалатинской области на 1900 год» в разделе «Заметка о происхождении родов Средней Киргизской Орды». Между таблицей, которую предоставил Коншину Абай, и сведениями о казахах Среднего жуза в «Родословной...» Шакарима нет существенной разницы. Что и подтверждает участие Абая в сложной

работе, увенчавшейся написанием «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

В результате получилась не просто родословная казахов, а история нации с древнейших времен. Возможно, самое ценное в исследовании — убедительное доказательство тюркских корней казахов. Тюркский мир существует, чтобы войти в книгу истории человечества — так мог думать автор, готовя «Родословную...» к изданию. Чтобы прийти к заключительным выводам, ему пришлось проанализировать сведения китайских летописей, в основном по работам Николая Аристова «Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов...» (Живая старина. 1894. № 3, 4) и «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (Живая старина. 1896. № 3, 4).

«Тюркские народы не были одним большим родом, как, например, персы, — читаем в «Родословной...». — Разные племена объединялись, образуя союзы, или войной на многотысячные народы и либо захватывали их, либо, потерпев поражение, переходили на сторону победителя и уже с ним шли покорять другие народы, и так, перетекая из рода в род, назывались разными именами».

Автор повел казахскую историю от хунну (гуннов) и древних тюрков, наложил на нее Чингисханову ветвь, довел до образования в XV веке Казахского ханства.

В свое время Абай закончил свой трактат «Несколько слов о том, откуда произошли казахи» (1900) фразой: «Наши ханы, торе, — все происходили из династии Джучи». Шакарим продлил его исследование до современной эпохи, завершив масштабный исторический труд кратким обзором российского правления:

«Упразднение ханства, назначение нового правления ага-султанов, старшин было введено еще до Турсын-хана — в 1822 году. Начинается прямое подчинение казахов русским. В 1824 году в степи образуются отдельные округа, после этого первые пять лет казахи были свободны от налогов, затем стали платить из ста голов одну. Наконец, с объявлением указа 1868 года, казахи окончательно подчинились русским законам. Наши казахи всегда были кочевым народом, проводили жизнь на коне. Говорили: «Чем быть городом, лучше быть могилкой», «Кто начнет копать арык, тот умрет от голода». Презирали оседлую жизнь. «Пища мужчины в степи, на воле», — хвастаясь барымтой, говорили они и жили, не зная постоянства, просто, по-казахски».

Подключаясь сердцем и фактом к общей истории, сам автор верен

пределу корректности, что видно из начальной главы, посвященной родичам:

«По традиции, завещанной ханом Абулгази, автору «Родословной тюрков» следовало бы подробней остановиться на собственной персоне, но так как я не нахожу за собой поступков, достойных похвалы, напишу немного о нашем великом деде, покойном Кунанбае-кажсы».

Далее Шакарим привел некоторые подробности своей поездки в Мекку, тем самым доказывая, что существенно дорабатывал книгу уже после хаджа.

И как обойтись без стихов? Автор завершил книгу стихотворением «Максуд» («Цель работы»), в котором ретроспективно напомнил о задачах, поставленных в начале пути, и высказал надежду, что его труд сыграет в будущем роль путеводной книги для потомков:

*Хвала Аллаху, я без счета рад,
Что не пропал в неизвестности мой взгляд.
Я «Родословную казахов, тюрков...»
Закончил. С недостатками, но в лад...*

*Я ставил цель дать не одно звено,
Казахов прошлое еще темно.
Подумал, пусть казах, узнав о предках,
Прочтет мне вслед молитву заодно.*

*Но знай, не просто родословная она —
Для поисков, для мыслей рождена...*

И еще добавил в книгу написанное в двадцать пять лет, в пору первых погружений в казахскую историю, большое стихотворение «Дальние предки казахов», которое теперь, по сути, выглядело как краткое поэтическое переложение «Родословной...». Отдал в последний раз на переписку «Каноны мусульманства» и «Родословную...».

И по совету всеведущего Какитая осенью 1910 года послал рукописи обеих книг с нарочным в Оренбург, в тамошнюю типографию. Последовавшая переписка с хозяевами оренбургской типографии вселила надежду.

И в это время из России пришло известие, что 7 ноября 1910 года умер Лев Николаевич Толстой.

Шакарим, конечно, ничего не знал о последних письмах Толстого, об уходе его из своего дома в Ясной Поляне, но все понял абсолютно верно: на пути к истине, к Богу, к откровению, спасению и очеловечению медлить нельзя. В одиночество, которое способно одарить перерождением, нужно вступать через страдание, и Шакарим был готов к нему.

Он намерен был пойти тем же путем, только не усложняя мучительно выбор. Все должно быть просто и понятно окружающим. Но сначала нужно было издать написанные сочинения.

Наконец в 1911 году «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» и «Каноны мусульманства» вышли отдельными книгами на собственные средства автора в Оренбурге. Тираж «Родословной...» — 1000 экземпляров, «Канонов...» — 500 экземпляров. Половину тиража обеих книг автор оставил себе, чтобы раздарить родным и друзьям, половину отдал на продажу в магазины Семипалатинска. Это были первые произведения Шакарима, увидевшие свет.

«Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» — выдающаяся по содержанию книга — стала вообще самой ранней работой собственно по казахской истории. И Шакарима можно с полным основанием считать первым казахским историком, автором одной из лучших и актуальных книг по истории казахской государственности.

Оценка современников была восторженной. Миржакып Дулатов, яркий журналист, общественный деятель, объявил, что книга Шакарима — кровеносная система казахов. В своем панегирике величию труда Алихан Букейханов писал в 1913 году (газета «Казах», № 12 от 28 апреля, статья «Особое слово»):

«Никогда прежде родословная казахов не публиковалась в виде книги на казахском языке. Эта книга Шахкерима полезна тем, кто надумает искать своих предков по родословной казахов, — он найдет их в книге. Если отныне кто-то решится писать о родословной, ему нечего предпринимать шаги прежде, чем он не изучит труд Шахкерима.

Это отнюдь не простое занятие — написать сочинение, подобное «Родословной...» Шахкерима, в кочевой степи, где нет возможности подбирать книги.

Хотя сам автор говорит о недостатках, «Родословная...» должна быть на руках мулл, обучающих детей».

Еще позднее в той же газете начинающий писатель Жусипбек Аймауытов (1889–1931) под псевдонимом Желькек (Содействующий) опубликовал не менее лестную характеристику. В № 168 газеты «Казах» от 9 февраля 1916 года в статье «Аксакалу Шакариму» он писал:

«Почтенный Шакарим очень ответственно и серьезно отнесся к написанию своей «Родословной...» после глубинного изучения, размышления и сопоставления. В этой связи, думаю, не будет преувеличением назвать его казахским Карамзиным. Желаясь познакомиться с историей тюрков не сможет обойти эту книгу стороной».

Книга Шакарима о священных корнях заметно всколыхнула казахскую общественность, автору удалось породить невиданный интерес соотечественников к национальной истории. «Родословная...» и «Каноны мусульманства» вдохновили на творчество многих образованных людей, которые начали создавать работы по казахской истории. В Семипалатинске, Оренбурге, Омске появились талантливые исследователи, писавшие не только по национальной истории, но и по истории религиозных воззрений казахов.

Большая часть откликов и исследований публиковалась в газете «Казах», выходившей в 1913–1918 годах в Оренбурге. Бессменным главным редактором был Ахмет Байтурсынов. А также в новом журнале «Айкап», выходившем в 1911–1915 годах в Троицке. Эти издания создали первый прецедент диалога просвещенных представителей в целом неоднородной массы общества. Включился в обсуждение и Шакарим, решив использовать газетную площадь для сбора дальнейшей информации к «Родословной...». Мысль продолжить работу не покидала его, поэтому в газете «Казах» (№ 54 от 4 апреля 1915 года) он дал следующее сообщение:

«Вот что мне стало известно из публикации в номере 47 газеты «Казах», начинающейся словами Досмухамеда, сына Нильшибая-кажы, «Голодные, бесправные переселившиеся казахи». Оказывается, в Кызылкумской волости Жизакского уезда есть потомки наших аргынов, тобыктинцев. Кроме того, и на Сырдарье в Скобелевской волости уезда Ак-Мечеть есть аргыны. Нуждаясь в прояснении, потомками кого из предков аргынов или тобыктинцев являются эти наши братья, прошу о следующем. Читающие в тех краях газету «Казах», будь то аргыны, тобыктинцы или другие братья, оказали бы большую помощь, установив имена дедов, прадедов этих аргынов, тобыктинцев или имена самих старейшин с указанием имен отцов, написав их полный адрес, известив об этом или через газету «Казах», или письмом по почте.

Если мы получим такую информацию, то вышлем книгу о родословной потомков всех казахов и тюрков. Нас здесь семь тобыктинских волостей; две волости в Каркаралинском уезде, пять волостей в Семипалатинском уезде.

Если решите оказать помощь и написать письмо, мой адрес такой:

ст. Аркат, Семип. обл., киргизу Чингизской волости Шакариму Худайбердиеву».

Немного позднее, обеспокоенный растущим спросом на книгу «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», Шакарим писал в той же газете «Казах» от 15 октября 1915 года:

«Хотя «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» издана мною неполно, в 1000 экземплярах, она распространена. Если буду жив, хотел бы переиздать. Поэтому обращаюсь к тем, кто читал внимательно: возможно, есть неточности, ошибки. Прошу сообщить о них через газету «Казах». Найденные неточности должны быть доказательны, подтверждены данными ученых, знающих родословные. В противном случае просто сказать: «Мои доводы правильные» — не будет полновесно.

Конечно, все знают свой род, подрод. Неплохо было бы о каждом из них составить родословную, например о подродах Куандык, Суюндук, Атыгай, Карауыл и так далее. Начало сделано нами, далее продолжит тот, кто найдет информацию и, не откладывая, сообщит нам. Считаем обязанностью представителей каждого рода пополнить «Родословную...» Шакарима».

Пополнял народ «Родословную...» или нет, неизвестно. К сожалению, Шакариму не суждено было реализовать намерение о переиздании «Родословной...». Оно стало возможно лишь на заре новой независимости Казахстана, в 1991 году.

А в памятном 1911 году ему еще довелось потрудиться на благо общества.

В очередной — последний — раз пришлось быть волостным.

«В 1911 году в подроде Салпы рода Сыбана случился кровавый конфликт, — рассказывал Шакарим Ахату, — был убит человек, из-за чего не состоялись выборы. Поэтому вышестоящий орган заочно назначил меня туда волостным. Я пошел к уездному начальнику, заявил: «Я болен, не буду волостным». Ояз сказал: «Мы направляем тебя в надежде, что ты уладишь дела в тех местах. Как только закончишь, ты свободен».

Я поехал в начале лета в род Сыбан и приложил все усилия к тому, чтобы помирить враждующие стороны. В конце концов все сложилось, удалось уладить спор, помирить стороны. Заставил написать от имени народа рапорт оязу о том, что стороны помирились. Провел избрание волостным управителем одного человека, которого пожелали обе стороны. И сразу вернулся обратно.

Больше волостным я не был».

Шакарим обыденно говорит о случае, имеющем огромный смысл.

Дело здесь не только в том, что авторитет Шакарима и в российской администрации, и в среде казахов был так высок, что к нему, как некогда к Абаю, обращались за практической помощью в самых сложных случаях. Честность его, при всей самокритичности Шакарима, привычка подвергать критическому осмыслению грехи молодости и бичевать себя в стихах были уже явлением сознательным и легендарным в степной среде. Алихан Букейханов как-то написал в одной из статей, что нравственное кредо Шакарима выразимо поговоркой: «За правдивое слово душу отдам». Выдержка, рассудительность и железная воля стали непременными чертами характера этого необыкновенного человека, занятого не столь спасением собственной души, сколь сохранением духа народа.

«Разумный властен над своим языком» — этот афоризм Шакарима можно найти в его собрании «Значимых слов», что перекликается с моралью почитаемого им Конфуция: «Владеть собой настолько, чтобы уважать других, как самого себя, и поступать с ними, как мы желаем, чтобы с нами поступали, — вот что можно назвать учением о человеколюбии».

Так что Шакариму было несложно исполнять обязанности волостного или бия, улаживать споры, руководить людьми. Даже в Государственной думе депутатом ему было бы нетрудно работать и достойно представлять народ, если бы он не отказался от участия в выборах.

Но он не поехал в Санкт-Петербург. И в волостных не очень хотел задерживаться. И не только по причине солидного возраста. Пережив испытания властью в возрасте от двадцати до сорока лет, он позже поставил перед собой цели духовного смысла. Издание непревзойденной по сию пору «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» тому подтверждение.

Пять вопросов о вечном

Открытие читающему обществу казахского творца по имени Шакарим Кудайбердиев продолжилось в 1912 году: стали издаваться вслед за прозаическими произведениями поэтические вещи.

*Пиши и книгу, и в газеты,
Печатай, дай читать казахам —*

в подобных лирико-медитативных раздумьях (стихотворение «Возмущение и спокойствие») поэт излагал мечту реализовать свой творческий потенциал.

Глубоко органичную и естественную для казахского общества миссию просветителя Шакарим излагал метафорой «путем зерна и вод»:

*Зерно без вод расти не будет,
Дай влагу с творческим размахом.
На вкус попробуют пусть люди
И примут все слова без страха.*

В 1912 году в Семипалатинске заработала новая типография товарищества «Ярдамъ» (в переводе с татарского — «Помощь»), созданная братьями Султаном, Садыком и Хасаном Нигматуллиными. И теперь не было нужды печатать книги в далеком Оренбурге.

И вот весна 1912 года ознаменовалась выходом книг тиражом по тысяче экземпляров с поэмами «Калкаман и Мамыр» и «Енлик и Кебек».

Шакарим, пожалуй, самый плодовитый и бескорыстный автор того времени. В письме Сабиту Муканову (1931) он вспоминал: «Напечатанные на мои средства по 1000 экземпляров «Зеркало казахов», «Енлик и Кебек», «Калкаман и Мамыр» я раздал людям».

Это было в согласии с этикой Л. Н. Толстого: казахский подвижник не желал получать доходы с продажи своих литературных трудов.

А в сборник 1903 года «Зеркало казахов», в который вошли известные стихотворения, поэт добавил восемь произведений, написанных в философском ключе. Среди них — ставшие популярными в народе, переложенные на песни стихотворения «Жизнь», «Бессмертное войско» и

другие. Включил в сборник и четырнадцать стихов, посвященных Абаю. Почти все они были созданы сразу после смерти учителя. Шакарим (выше сказано об этом) дал им общее название: «Что наговорил себе после ухода Абая...».

Сборник поэт предварил стихотворением «К себе». Вот его фрагменты:

*В руке перо, в глазах слеза, но мысль ладна.
Продрог, весь вечер тянет с гор прохладой.
Себе кажусь заброшенной могилой.
Где вы, ушедших дней веселье и услада?*

.....

*И с бледным видом вопрошаю слезно,
Случилось что? — ответь себе серьезно.
Я вспомнил прошлое, и стало стыдно...*

Подобно тому как «тянет с гор прохладой», от мыслей лирического героя, с высоты прожитых лет взирающего окрест, «тянет» хладом воспоминаний. Отсюда сравнение себя с «заброшенной могилой», мотивы напрасных трудов и дней веселья и невозможность возвращения «на берег юности». Но эту интонацию «рыданий» («вопрошаю слезно») прерывает решительная концовка:

*Что ж, пятиться нельзя — вперед пойду я.
Зачем стоять на месте? Лучше — в центр событий!*

Книга стихов «Зеркало казахов» была напечатана в той же семипалатинской типографии «Ярдамь» тем же тиражом 1000 экземпляров.

Объем книги «Зеркало казахов» невелик — чуть больше пятидесяти страниц, но сборник удивлял и незаметно увлекал читателя своим многообразием. Отличающиеся и по настроению, и по психоделическому подтексту, расширяющему сознание, стихи неожиданно поражали панорамным масштабом. Сборник в целом оставлял непосредственное ощущение бесконечности времени и пространства. Он был поразительно похож на переменчивую степь, и это самое точное ощущение.

Хотя на первый взгляд сборник «Зеркало казахов» наполнен одними мучительными переживаниями и назиданиями, но в нем растворено

ощущение непоправимого одиночества и бесстрашного стоицизма. Горечь покаяния сменяется торжеством блестящей импровизации. Автор кажется беззащитным и одиноким, слово, отражая светлый лик счастья и темную сторону судьбы, — постоянным и вечным. «Зеркало казахов» письменно удостоверило наличие в кочевом обществе необычного, оригинального поэта со своим стилем — мыслителя и парадоксалиста.

После первого сборника поэт опубликовал небольшой книжкой более ранние стихи, написанные в восьмидесятые годы XIX века: «Возмущение и спокойствие», «Трудяга и расточитель», «Истинное и ложное», «Слово и дело», «Хвала и хула», «Критика и зависть» и другие.

В итоге после ухода Абая Шакарим по праву стал первым крупным казахским поэтом. Следом на поэтический олимп поднимались Султанмахмут Торайгыров, Магжан Жумабаев, Сакен Сейфуллин, Ильяс Жансугуров, Иса Байзаков. Потому можно говорить, что, несмотря на почтенный возраст, он стал лидером «новой волны» казахской литературы, в которой описательность уступила место философичности и интеллектуализму.

Выпустив в течение полутора лет выдающуюся историческую книгу, две прекрасные поэмы и великолепный сборник стихов, Шакарим продемонстрировал миру, что является разносторонним творцом. Но и это не все.

Шакарим чувствовал, что пора предпринять давно задуманный шаг и отдалиться от мирской суеты, иначе до конца жизни придется мучиться в безысходных попытках создать мало-мальски путную духовную систему.

Уйти в нечто подобное Оптиной пустыни, как поначалу пытался Лев Толстой, он не мог. Степь не могла предложить монастырскую жизнь — ее попросту не было. Оставалось создать ее самому. Ступить на этот путь можно было лишь самоотверженным усилием воли. Нет такого поступка, такой мысли, такого творения, которые не зависели бы от нашей воли, говорил немецкий философ Артур Шопенгауэр, работы которого на русском языке Шакарим в последнее время читал с особенным пристрастием. «Вся сущность человека — воля, и сам он — только проявление этой воли», — писал Шопенгауэр в знаменитом труде «Мир как воля и представление», день за днем настраивающем Шакарима на решительный поступок.

Пока же поэт, не в силах больше сдерживать мысль, написал и отослал в журнал «Айкап» небольшую, но важную для себя статью.

«Айкап» начал выходить в 1911 году в далеком Троицке на Южном Урале. Приходил в Семипалатинск с задержкой, но все равно был большой

радостью для просвещенных казахов. Главным редактором журнала был поэт и журналист Мухамеджан Сералин (1872–1929). Он и дал довольно необычное название своему детищу. Сокрушаясь, что у периодических изданий мало читателей, часто восклицал: «Ай кап!» («Ах как жаль!»). Так и назвал журнал.

Вот фрагмент заметки Шакарима «Прошу ответить на мои пять вопросов» (Айкап. 1912. № 5):

«Вопросы мои не обычные загадки, думаю, они одинаково важны для человека в обоих мирах. На ответы я прошу аргументов, почерпнутых из религиозных книг, хотелось бы, чтобы они были разумны и настолько убедительны, что останется принять их.»

Кто бы ни был отвечающий — казах или личность другой национальности, ответы должны быть на казахском языке, то есть нужен перевод на казахский. Употребляя арабские, персидские или русские слова, хорошо бы тоже дать перевод.

Прошу писать коротко, разборчиво и доступным языком либо через редакцию «Айкап», либо мне по указанному ниже адресу.

Не забудьте подписаться, дать свой адрес, так как, если будет на то Божья воля, я намерен издать материалы отдельной книгой. Думаю, мои вопросы принесут пользу народу. Если согласны со мной, надеюсь, не пожалеете семи копеек для ответа.

Вот мои пять вопросов.

- 1. Какую цель преследовал Аллах, когда создавал человека?*
- 2. Что для человека самое важное в жизни?*
- 3. Верите ли вы в то, что после смерти людей ожидают или наслаждение, или муки?*
- 4. Самый хороший человек — какой он?*
- 5. На ваш взгляд, с течением времени человеческое в человеке улучшается или вырождается?*

Как бы вы ни ответили, не забудьте привести доводы.

Шахарим Худайбердыоглы».

Можно представить, насколько изумлено было казахское интеллектуальное сообщество, прочитав вопросы. Откуда в сердце бескрайней степи мог появиться носитель подлинно философского мышления? Из какого кремня в благословенной юрте высекается та потаенная искра божественного, что в просторечии именуется талантом? По большому счету, ничего нового в таких вопросах, волновавших философов с античных времен, не было. И даже в том, что их задавал кочевник, одинаково хорошо управлявшийся с пером и курыком, можно

было найти что-то вроде веления времени. Поразительно другое: то, с какой легкостью Шакарим лаконично, всеохватно и талантливо формулировал основополагающие метафизические вопросы бытия. И это не праздное любопытство, а прояснение собственной мировоззренческой доктрины, которую он, по сути, непрерывно шлифовал в стихах, неизменно подвергая сомнению.

Вот ее аспекты по пяти пунктам, предложенным поэтом.

Первый вопрос. Зачем Аллах создал человека?

В том, что именно Аллах (Бог) создал человека, сомнений у Шакарима не было. Не только как верующий человек, но и как критически мыслящий исследователь, он выразил свою точку зрения письменно, впоследствии включив написанное в книгу «Три истины»:

«Если не иметь в виду Первосоздателя, то никакой здравый ум не будет оспаривать того, что все живое появляется, существует, видоизменяется по законам природы. Но мое сознание не принимает упорных утверждений о том, что все схожее друг с другом зародилось одно от другого, а потом видоизменялось.»

Когда наша земля не была еще пригодной для появления растений и животных, почва и вода, став единой массой, смешались со всем вокруг. Так были созданы условия для зарождения растений и животных, которые развивались схожими меж собой, отдаленно схожими или вовсе не схожими, в зависимости от соотношения земли, воды и воздуха. Чтобы убедиться в правоте моих слов, присмотритесь к тому, насколько схожи, отдаленно схожи или вовсе не похожи друг на друга растения, произрастающие рядом, — на солончаке ли, в зеленом овраге или на побережье реки, учтя такие факторы, как земля, вода и воздух.

Если верны умозаключения Дарвина и Менделя, то получается, что эти растения зародились друг от друга, а в последующем видоизменились. По-моему, хотя от лошади и осла может народиться мул, от двух лошадей мул не родится.

Вывод из моих слов таков: правда, что у всего на свете одни прародители. Правда и то, что, исходя от них, все меняется. Но нет такого, что все похожее происходит друг от друга, видоизменяясь. Схожие, в какой-то степени схожие или вовсе не схожие происходят в соответствии с заданными причинами.

Говорю так вовсе не из чувства стыда за того, кто произошел от обезьяны, напротив, есть причина порадоваться тому, что от плохого рождается хорошее.

Молодые люди, постигающие науки на русском языке, не осмыслив,

подойдя поверхностно, могут осудить меня за то, что я выступаю против Дарвина, которого сегодня вроде бы признает вся Европа. На это скажу: прочтите книгу германского ученого Дидвара Дортманна о дарвинизме, в которой он критикует учение Дарвина о происхождении видов и естественном отборе. Сравните и взвесьте Дарвина и Дидвара, а потом не будет поздно осудить меня».

Текст, достойный комментария потомков.

Но для почитателей Шакарима он важен как подтверждение его веры в то, что человека создал Аллах, а не естественный отбор.

Впрочем, для него это был уже не вопрос, он смотрел глубже: зачем Аллах создал человека? Ведь мог и не создать.

Кто-то из древних греков считал, что человек послан на землю Богом, чтобы через него осязать мир. По Шопенгауэру, «я» — это другие люди, любой другой — это «я». То есть мы — единое творение божества.

Шакариму легко было поверить во всемогущество Создателя. Ибо он уже как бы ощутил его: пером поэта водит рука Бога. А один из читателей «Родословной тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» или «Зеркала казахов» — сам Аллах. Может быть, он и создал человека, чтобы ему было что читать? Человек послан Аллахом, чтобы жить. Книги создаются, чтобы их читали. Следовательно, Аллах создавал человека из благих намерений. Но человек погряз в жестокости, алчности, коварстве и зле. Вправе ли мы, в таком случае, говорить о совершенстве божества? Шакарим предпочел остановиться на несовершенстве человека.

Много ли поэт получил ответов на вопросы, опубликованные в журнале «Айкап»? Неизвестно.

Как бы то ни было, однажды он решил сам прояснить тему, написав в 1915 году внушительное стихотворение-исследование «Что есть человек?»:

*Книжники стенают в текстах, в кои веки
Мыслью землю охватить стремясь, навеки
Чтоб исправить жизнь людей. Но мне ответьте,
Есть ли справедливость, совесть в человеке?*

*Или ходит он, чинимым злом довольный,
Тем, что поедом мы есть друг друга вольны?
Средь людей не мог найти я чистый разум,
Всю округу взглядом охватив неволью.*

Человек несовершенен. Шакарим не смог найти среди живущих чистого разумом индивида! Потому и вопрошал: что есть человек? И зачем Аллах создал его, если он так несовершенен?

Вроде бы с человеком все ясно, он приходит в этот мир, чтобы жить, мучаясь и страдая, мечтая о счастье или проклиная судьбу. В отчаянии он впадает в алчность, стяжательство, сластолюбие, предательство и прочие грехи. Но поэт полон сомнений. За его вопросом кроется все смутное и тайное, что несет в себе человек по воле Всевышнего. Бог дал ему разум. Чистый объект разума — истина. Стало быть, Бог создал человека, чтобы он познал истину. Но сколько людей ушли в мир иной, так ее и не познав! В чем только не искали истину — в религии, философии, любви, вере, науке, в Боге. Не исключено, что в этом и состоит тайный умысел Бога: человек должен разгадывать вечную загадку. В отчаянии Шакарим и адресовал вопрос читателям: зачем Аллах создал человека?

Второй вопрос в журнале «Айкап» из того же ряда: что в жизни самое важное? По сути, сводится к вопросу: в чем смысл жизни?

Среди тех, кто откликнулся на просьбу Шакарима, был Миржакып Дулатов, который опубликовал как-то статью «Зачем дана человеку жизнь?».

«Это непростой вопрос, привести на него обоснованные аргументы почти нельзя, — писал Миржакып. — Надо знать, в чем смысл жизни. Это верно. Во все века ответ искали выдающиеся умы человечества. Одни говорили, что надо жить для Бога, следовать его заветам, отречься от мирского, и тогда душа человека обретет покой, плоть избавится от страданий. Другие утверждали, что надо делать добро близким, родственникам, всему живому, вот для чего нужна жизнь.

Без сомнения, если человеку дана душа, дана жизнь в пространстве, смысл ее не в том, чтобы есть, пить, спать. Что тогда отличало бы его от животного?

Человеку дан разум, язык для общения. Потому жизнь человеку дана не для пустого времяпровождения.

Тогда в чем же смысл жизни? Думаю, на этот вопрос мы найдем ответы в словах мыслителей и мудрецов, живших до нас. Их речи многозначны и содержательны, мысли глубоки и широки. «Делай добро себе. Если пресытился, делай добро друзьям», — говорили они. В этих словах, я думаю, и заключен ответ на вопрос Шакарима — мирзы».

Шакарим ставил проблему шире. Говорил: «Жизнь — атрибут исчезающей души».

Не столь важно, к какой разновидности идеализма или материализма

он тяготел — разве в классификации дело? Гораздо важнее, что он рассуждал как поэт. Свято верил, что жизнь зависит от души, и жизнь прекращается, когда душа покидает тело.

«Душа может обрести тело, но плоть не создаст души», — утверждал Шакарим в написанном позднее стихотворении философского ряда «Я не нашел мастеровитого среди людей...». Задача поэта — хранить гармонию человеческой души. Поэт ищет смысл жизни, но боится его найти. Стремится оставаться в кругу созданных им образов, а не выдавать абсолютно верные решения.

Язык логики принадлежит науке, язык символов — поэзии. Шакарим владел обоими и опасался их конфликта. Вот и задумал переложить труд на читателей, задав вопрос: в чем смысл жизни?

Хотя, кажется, знал ответ. Во всяком случае, имел версии.

Вспомним, как он писал в стихотворении «Глупцы и звери» («Зеркало казахов»):

*Любить иль не любить имеешь право,
Используй разум и желанье здраво.
Создал тебя Творец для испытаний,
Он за тобою наблюдает величаво.*

Вновь о Боге, о Создателе, и это опять близко к истине.

Ведь если человек послан на землю Богом, то должно иметь место и какое-то предопределение — рок. А если все в жизни предопределено, то к чему слова, какая нужда ставить вопросы? В таком случае и вопрос Шакарима должен быть адресован ему, Аллаху: в чем смысл жизни, что в ней наиболее важно для человека? И тогда из глубин сознания придет ответ, как послание Бога: загадка жизни состоит в том, что она — лишь часть другой загадки, которая называется вечностью.

Возможно, это самый утешительный ответ на вопрос Шакарима.

Третий его вопрос вуалирует сомнение, которое вроде бы не подобает демонстрировать верующему человеку.

Верите ли в то, что после смерти нас ждут наслаждения или муки? — с серьезным видом вопрошал поэт, который в действительности не упускал случая поиронизировать на тему мулл, обещающих прихожанам сладкую жизнь в раю. Вот пример:

«В раю есть для влюбленных сад,

*Там юных дев фонтан услад
Блаженством вечным вас одарит», —
Так муллы наши говорят...*

*В аду ж не будет и огня,
Там ничего нет для меня...
Вот попадем туда к ним в гости,
Узнаем все в течение дня.*

*Блаженства негу одолев,
И муки адовы презрев,
Эх, муллы на соблазны падки,
Особенно на юных дев.*

На самом деле Шакарима волновало вовсе не то, куда мы попадем — в ад или рай. Он явно подразумевал другой вопрос: вообще есть ли жизнь после смерти?

*Рожденье, смерть — судьбы святая простота,
В середине — жизнь, а за краями — пустота.
Меж двух миров небытия — мираж,
Что именует жизнью чья-то щедрота.*

Это из стихотворения, написанного в двадцатые годы.

Он всю жизнь осторожно, видимо, чтобы не прослыть еретиком, вопрошал: существует ли потусторонний мир? Есть ли жизнь после кончины? Если есть, как она выглядит?

Вроде бы определился, что для поэта жизнь после смерти воплощается в стихах:

*Кану я, но будут жить стихи,
Молодые все запомнят до строки,
Кто-то с верой примет это, кто-то — нет,
Нет, не каждому стихи мои близки.*

(Перевод Бахытжаии Кананьянова)

Но все равно сомневался. Словно не мог понять, какая жизнь истинна: та, которую мы проживаем, или та, которая ждет на небесах? Сомнение лежит в основе познания. Древние смущали ум, наводя на мысль о вечном возвращении.

Платон вообще считал, что по окончании веков всемирная история повторится, родятся те же люди и повторят ту же судьбу, и он опять будет в Афинах излагать свое учение перед той же аудиторией.

И лишь Сократ решил для себя проблему с парадоксальной легкостью. «Хочу объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага, — говорил он собеседникам в «Федоне», перед тем как выпить яд цикуты по приговору афинского суда. — Те, кто подлинно преданы философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью... Знайте и помните, однако же, что я надеюсь прийти к добрым людям, хотя и не могу утверждать это со всей решительностью. Но что я предстану перед богами, самыми добрыми из владык, — знайте и помните, это я утверждаю без колебаний, решительнее, чем что бы то ни было в подобном роде! Так что никаких оснований для недовольства у меня нет, напротив, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных».

И Шакарим, подавляя в себе логическое умонастроение, предпочитал смутно верить в жизнь после смерти. Легко поддавался очарованию учения о переселении душ, прекрасно понимая высокую вероятность заблуждения.

Его крайне раздражал рациональный пассаж Шопенгауэра в книге «Мир как воля и представление»: «Формой проявления воли, то есть формой жизни или реальности, служит, собственно, только настоящее, не будущее и не прошлое: последние находятся только в понятии, существуют только в связи познания, поскольку оно следует закону основания. В прошедшем не жил ни один человек, и в будущем никогда не будет жить ни один. Только одно настоящее — форма всякой жизни, но зато оно — прочное достояние, которое никогда нельзя у нее отторгнуть».

Идея не нова. Предтечи — стоики. Красиво изрек Марк Аврелий: «Да живи ты хоть три тысячи лет, хоть тридцать тысяч, только помни, что человек никакой другой жизни не теряет, кроме той, которой жив; и не живет он лишь той, которую теряет... Все от века до века единообразно и вращается по кругу, и безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, двести или бесконечно долго».

Шакарим предпочел бы, наверное, мысль Оскара Уайльда о том, что в

любом человеке в каждый миг заключено все его прошедшее и грядущее. Он не мог принять доводы идеалистов. Не мог похоронить свои исторические работы. Писал историю казахов, явственно ощущая бесконечный временной ряд. А говорить, что существует лишь каждый прожитый миг и ничего более, означало, что нет связи между мгновениями, то есть нет истории. Это неверно, решил для себя раз и навсегда Шакарим. Жизнь не так призрачна и одномоментна, как полагают идеалисты. Прошлое неисчерпаемо, а будущее бесконечно. Значит, и жизнь после смерти есть! Гораздо досаднее то, что земная жизнь необратима, что когда-то навсегда перестанет биться сердце. Это скверно, но с этим ничего не поделаешь.

Поэзия — явление не научное, а божественное. И задача поэта — соединять волшебные мгновения прошлого и будущего, неся пищу душе, вечно жаждущей обрести устойчивость в настоящем мгновении.

Четвертый вопрос Шакарима — о хорошем, то есть идеальном человеке: какой он?

В стихотворении «Нет выше человека никого...» поэт обозначил некоторые критерии:

*Вот чем должен обладать настоящий человек:
Скромность, вежливость, любезность, честный труд навек.*

Однако о людях из реальной жизни, из окружающей действительности он невысокого мнения:

*Дьявольски завистливы, объаты ложью.
Все поймешь, когда узреть интриги сможешь.*

Это из стихотворения «Что есть человек?». Поэт разместил в нем целое исследование человеческих взаимоотношений, построенных на противостоянии:

*Разве у культурных, грамотных народов
Нет любви и жалости к людскому роду?
Или состраданья не было в помине,
Просто существуют как обман природы?*

*Внешне кажется такой народ приличным,
Но проверь его глубокой мыслью лично.
Ведь зверей и дураков учуять можно,
Только их повадки изучив отлично.*

*«Мы отныне мирные», — твердят порою.
Тут же, развязав войну, идут стеною.
Действуют обманом, бряцая оружием,
«Нет народа лучше», — хвастают собою...*

*Но подумай, люди все — родные братья,
И сражаются с какой, скажи мне, стати.
В диком состоянии живут народы
Почему? — отказываюсь понимать я.*

*Сверх того идет по тем же зверьим тропам
Просвещенный, кажется, народ Европы.*

Стихотворение, написанное в 1915 году, отражает, конечно, тягостные впечатления от Первой мировой войны, обернувшейся многомиллионными жертвами. Тем не менее общая оценка достойна частного внимания.

Начав с недостатков отдельного человека, Шакарим пришел к горестному заключению: мир человеческий плох. Он все еще тонет в своем древнем, зверином естестве.

Такой мир тем более нуждается в идеале, который мог бы послужить ориентиром на пути к нравственному исцелению. Но каким он должен быть?

Можно попытаться найти ответ в формате религии. Однако и здесь есть трудности. С точки зрения религии, понятное дело, идеальный человек должен быть истинным мусульманином. Но этого может оказаться недостаточно. Шакарим, поэтическая душа, рассуждая о вере, был полон сомнений, но в анализе предельно объективен. На свете есть множество религий, и ни одна из них не может претендовать на абсолютное превосходство, писал он в стихотворении «Религии»:

*В мире тьма религий свилась,
Ни одна не утвердилась.
Вызывают все тревогу,*

Коль их стало слишком много.

Впрочем, отмечая тьму религий, кажется, он знал путь к спасению. По Шакариму, пусть верующий «молится хоть двери», только искренним был бы в своей вере, в которой нет места насилию:

*Сердце чистое — путь Бога.
Зло же — дьявола дорога.
Сердце светлое пораньше
Ощути и действуй дальше.*

Поэт прав, все религии находятся в поиске и самоутверждении. Это движение нескончаемо, как нескончаем путь к совершенству. Точно так же и человек верующий должен постоянно стремиться к совершенству, очищая сердце и постигая Бога. На этом пути заблудшему уготовано прощение, но при некоторых условиях: он должен утишить страсти, обуздать вожделение, вообще практиковать умеренность. И такой богонравный и благонамеренный человек с чистым сердцем походит наконец-то на того «хорошего человека», о котором вопрошал Шакарим в журнале «Айкап».

Шакарим, мыслящий человек, чувствовал некоторую натянутость определений и понимал, что одними призывами невозможно заставить людей тотчас устремиться к идеалу. Значит, остается одно — самому пройти путь. Нужно очистить сердце и познать Бога. Достичь совершенства и дотянуться до идеала. И только тогда другие люди потянутся к истине, придут к подлинной вере.

Вот почему Шакарим, если бы его самого спросили, каким он видит идеал, подумал бы об Аллахе. Назвал бы, не исключено, поэта — существо доброй воли, потерявшееся среди людей с целью осчастливить мир. Вспомнил бы Абая. Но мыслил бы все равно об Аллахе.

Потому что помнил, как Абай писал в Слове тридцать восьмом:

«Аллах — это путь, а искренность и правдивость — враги зла... Не добиться истины, если в душе нет любви к ней. Человеческие знания добываются любовью к истине, жаждой открытия для себя природы и сути вещей. Это не божье всезнание. Любознательность и стремление к наукам дают человеку знания лишь соразмерные его рассудку. Но прежде всего надобно возлюбить Аллаха».

Пятый, последний вопрос анкеты также возвращает в конечном счете к

Богу и призывает к поступку. Как меняется со временем человеческое в человеке? — вопрошал Шакарим. Формулировка вопроса подразумевает ответ.

Все в человеке может меняться как в хорошую, так и в плохую сторону. Что в итоге перевесит и одержит верх, зависит от множества обстоятельств — личных, социальных, семейных, материальных, духовных. Независимо от результата, человеческое, по определению, включает в себя черно-белую аранжировку мира.

В жизни всегда можно найти примеры и духовного обнищания, и проявления выдающихся качеств. Стремиться, разумеется, нужно к лучшим образцам. Но полностью избавить человечество от дурных наклонностей невозможно. Причина кроется в людской природе — в человеческом, по терминологии Шакарима. Сам он был убежден в абсолютном значении духовных ценностей. Но беспокоило падение нравов. Пугало случившееся в казахском обществе на исходе XIX века и продолжившееся в XX веке нивелирование благородных качеств в людях, втянутых в погоню за наживой.

Именно предчувствие катастрофических перемен, влекущих слом привычного уклада жизни, заставило Шакарима обратиться к проблеме человеческого в человеке. Справедливость утрачивает смысл. Насилие возводится в ранг справедливости. Если так будет продолжаться и дальше, что останется человеческого в человеке?

Вот почему он беспокойно формулировал этот в общем-то несложный вопрос, задавая все тот же нравственный вектор: человек должен развивать в себе лучшие качества и стремиться к совершенству. При этом не терять человеческое, свою суть.

Однако поймут ли правильно сородичи? Умерят ли корыстные помыслы и инстинкты? Отправятся ли тотчас по указанному пути к истине?

По этой части у Шакарима были большие сомнения. Он ясно видел, что без самопожертвования, без решительного слома монотонного уклада жизни не будет никакого прорыва в звездный простор.

С одной стороны, он беспрестанно призывал в стихах к умеренности. Убеждал людей обуздать желания, сдерживать вожделения. То есть призывал к духовной аскезе, к самоотречению во имя Бога. Но это было практически невыполнимо в условиях обыденной жизни среди сородичей. Стало быть, необходимо отшельничество.

С другой стороны, дух творчества принуждал его самого, может быть, не к аскезе, но к удалению от мирской суеты. Чтобы сотворить великие

произведения искусства, нужно вырваться из обывательской атмосферы, подняться над обыденностью, оставить все привычное и будничное!

Сама степь с ее безлюдной ширью звала, казалось, в затворничество. И удивительно, что до Шакарима в Чингистау не было практики духовного уединения с целью очищения, преобразования и исцеления. Возможно, потому, что ни ислам, ни древняя тюркская вера в Бога Тенгри не требовали возведения монастырей. Возможно, и потому, что сам образ жизни кочевников был в какой-то мере отшельничеством, в значении странничества по необъятным степным просторам.

К Богу, к истине, к уединению Шакарима влекло сокровенное призвание. Но подтолкнул на единственный путь к бессмертию, наверное, не особенно чтимый им Шопенгауэр. Фрагменты его работ, выпущенные в виде книги на русском языке под названием «Новая философия», он читал весь последний год. «Человек — совершеннейшее проявление воли, — писал Шопенгауэр. — В человеке воля может достигнуть своего полного самосознания, ясного и исчерпывающего знания своей собственной сущности, как последняя отражается в целом мире. Если такая степень познания дана в действительности, то она порождает искусство».

Со всей решимостью, на которую только был способен, проявив волю, летом 1912 года Шакарим объявил родным, что намерен построить на жайляу в Чингистау дом и жить там в полном уединении и зимой, и летом, вдали от людей, посвятив жизнь творчеству. Объявление перепугало родных: зачем уходить в отдаленную часть степи, покидая обжитые места, когда домашние и без того стараются создать отцу семейства все условия для чтения и письма?

Он не стал пускаться в подробные разъяснения, подозревая, что лишь запутает встревоженных домочадцев. Сказал, что будет временами приезжать в родной аул. И вообще, никуда он, в сущности, не сбегает. Степь есть общий дом. А уединение в отдаленном урочище необходимо для осмысления некоторых положений веры. Стоило ему заговорить о вере, и домочадцы несколько поутихли.

Поразмыслив, старшие сыновья Суфиян, Гафур и Кабыш все же решили, что если так угодно мусульманской вере, то они не должны препятствовать желанию кажы постигать истину в уединении. Сыновья всегда поддерживали отца, свято верили в его божественную мудрость и мечтали быть похожими на него праведниками.

Труднее было с остальными родственниками — многочисленными братьями, сестрами, племянниками. Они осуждали долго, сбитые с толку отсутствием прецедента. Понадобилось время, исчисляемое годами, пока

родные не свыклись с его новой моделью бытия. После чего уже сами добавляли возвышенные черты к ореолу святости, которым к тому времени был окружен поэт.

Ахат описал первое отшельничество Шакарима, продлившееся более шести лет, коротко: *«Летом 1912 года отец поставил дом на жайляу Кен-Коньс, перезимовал в нем и остался жить. До самых снегов с ним были охотник-загонщик и повар. С наступлением зимы охота прекратилась, и он отправил охотника домой, оставшись вдвоем с поваром. Занимался чтением книг и письмом».*

Так началось беспримерное отшельничество поэта в казахской степи. Поваром при нем был Аупиш, друг сердечный с юных лет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
УХОД И ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

Психология и философия казахского отшельничества

Родные надеялись, что блажь, если не дурь, пройдет быстро и Шакарим скоро вернется в аул. Однако затворничество в Кен-Конысе, недалеко от реки Баканас, оказалось делом серьезным.

Привыкшие к многолетнему творческому состоянию поэта, с трепетом воспринимая новые стихи и поэмы, домочадцы свыклись с мыслью, что регулярный и достаточно упорядоченный процесс творения будет продолжаться всегда. И, видимо, упустили момент, когда Шакарим перестал принадлежать только семье, вступив в заговор с вечностью. А случилось это не в один миг, но готовилось в течение последних полутора десятка лет, когда поэт вынашивал доктрину самосовершенствования.

Мечтательность придавала свое очарование идее о совершенстве. Даже в своих чувственных увлечениях, питаемых какими-то конкретными грезами, поэт всегда стремился выделить в качестве основной мысли очень простую и прозрачную идею совершенства. Она прочно поселилась в нем после близкого знакомства с произведениями Льва Толстого. Ради этой идеи стоило жертвовать жизнью, если потребовалось бы. Ради этой нравственной максимы стоило жить.

После такого перерождения уже никакое богатство не манило Шакарима, как в молодые годы. А о своем назначении в этой жизни он стал думать после поездки в Мекку совершенно иначе, чем прежде. Он уже не мог смотреть на жизнь глазами обывателей, глазами большинства казахов. Отныне в душе окончательно поселилось равнодушие к мещанским идеалам. Он думал только о том, сможет ли пережить то предельное одиночество, которое необратимо предстояло освоить на пути к истине.

Думая об Абае, Мухаммеде или Будде, он все больше понимал, что их величие состоит не в таланте или человеческой исключительности, а в нечеловеческой самоотдаче, в готовности обойтись самым малым в жизни, в презрении к своим страданиям и лишениям.

Да, Абай не нищенствовал, но был одинок среди сородичей, как в пустыне. Призывая казахов восстать против мракобесия невежества, он чувствовал себя хуже нищего, который просит подаяние, ибо не было отклика его словам в окружающей среде.

Единственный выход из такого одиночества состоял в том, чтобы не сужать свою жизнь, замыкаясь в себе, чтобы еще больше открыть ее

простору, принять в нее весь мир. Таким путем шел Будда, им хотел пройти Толстой, но не успел. Однако каждый великий человек ступал, порой безотчетно, на этот путь, если осмеливался шагнуть в космос.

А теперь вот и Шакарим ступил на долгий путь очеловечения, путь к истине.

Как он отвечал своим злопыхателям, в его уходе от мира нет ни мотивов отречения от жены и детей, ни старческого безумия, ни поисков смерти. А были пример опрощения Толстого и мотивы презрения к дольнему миру. И желание изменить мерой оставшейся жизни своей, что уж «не так длинна», то нетленное, название чему — Истина:

*Говорят, что я отрекся от жены,
От родных, детей, что все поражены,
Что умру я, как Толстой, все говорят,
Что мозги бродягам старым не нужны.*

*Быть таким же, как Толстой, — мечта моя,
Не надейтесь, не терял рассудка я.
Нет, понять вы не способны мой секрет,
Шел не смерть искать в пустынные края.*

Шакарим давно понял, что его исконная участь — быть одиноким творцом, а не публицистом или депутатом.

Одухотворенный творческим примером Толстого, овладев новыми знаниями, он намерен был создать, по примеру Толстого, Будды, Абая, не просто великие произведения, но философскую систему. Знал, что придется пойти на самопожертвование, быть готовым к лишениям и страданиям. И он был готов. Наладив быт на зимовке в Кен-Коньсе, приступил к чтению философских работ и писанию. Это было началом нового периода в творчестве.

Чувствовал он себя в отшельничестве прекрасно. Первое время наслаждался свободой, писал стихи.

*Вот, ушел, лежу в степи под неба сводом.
Может, выйду на охоту пешим ходом.
Нравится мне в одиночестве быть гордом.
Понял рано я, что нам не быть народом,
Коль с врагом мы как жена, а с близким — ведьма,*

Месим лишь похлебку для себя всем родом.

Допускал, как видим, спорные суждения («нам, казахам, не быть народом»), остававшиеся, впрочем, таковыми и в другие эпохи.

Был немного горд тем, что его отшельничество — реализованная мечта Льва Толстого. Довольствовался в своем простом жилище малым, почти не испрашивая продукты из дома, из аула. Кормился охотой. Имел несколько овец, позже держал верблюдицу. Аскетизм, но не столь суровый, что было, помнится, совершенно чуждо Абаю. Рассуждая о тарикате, под которым он понимал духовное самосовершенствование путем строгой воздержанности и полного смирения, Абай писал в Слове тридцать восьмом:

«Если бы человечество для своего усовершенствования избрало тарикат — путь, указанный святыми, мир бы пришел в запустение. Кто бы тогда пас скот, кто бы остановил врага, кто бы шил одежду, кто бы сеял хлеб, добывал богатства земных недр? Разве, отказавшись от благ, дарованных Всевышним, мы не рискуем оказаться неучтивыми, неблагодарными и неблагодарными, впадая тем самым в тяжкий грех?!»

Так что Шакарим жил по Конфуцию, изречения которого были под рукой: «Достойный муж в еде не ищет сытости, в жилье не ищет удобства. Он усерден в делах и сдержан в речах».

Однако его внимание отвлекало необычайное, постоянно растущее внимание сородичей к его персоне. Людям важно было понять, что затевает кажы, к каким богоугодным делам они могут оказаться причастными через него. Кроме этого, им по-прежнему нужна была помощь Шакарима в решении споров, в чем он был безупречным авторитетом. Стоило ему удалиться из аула, как сородичи стали ощущать острую необходимость точного и справедливого решения в спорах, которое он всегда выносил с величавой сдержанностью и безыскусной простотой. Так что уединение, строго говоря, не было чистым отшельничеством. К поэту приезжали просители, иногда заглядывали к ужину родные, преодолев двадцать-тридцать километров до стоянки. А то и посылали человека с сердечной просьбой приехать в аул для решения серьезного конфликта.

И Шакарим седлал коня, приторачивал коржун к седлу, пристраивал к луке на всякий случай винчестер — давний подарок Абая. На коне он держался прямо, не ощущая почтенных своих лет. С ним выезжал и Аупиш. И они отправлялись по хребтам кратчайшим путем, известным одному Шакариму, до родового аула, который, как всегда, менял местонахождение

по сезону.

В «Жизни Забытого» поэт писал о том, что жил он «как анахорет», возведя дом в степи, что был подобен «могильному своду». Был он до такой степени «обижен на народ», что не мог оставаться далее в той среде, где, как он видел, стар и млад объединяются в партии, между которыми торжествуют вражда и ненависть.

О каких партийных распрях говорит Шакарим? О какой обиде заводит поэт речь, если до этого ясно говорил о том, что ушел в отшельничество по причинам духовным и творческим, а вовсе не из-за несовместимости с народом, который в косности своей внимал лишь «льстецов партийных хору».

Герои его стихов, обличающих «партийцев», — это легко угадываемые лица из числа сородичей, лицедеи, что партиями правят, «разнося заразные идеи».

В отличие от акимов, биев поэт готов принять «страдания народа». Но власти предержавшие «так освоили язык прохвостов, что завлечь доверчивых им просто».

Отстоящий от клановых и внутриродовых распрей Шакарим, которому не прощают его этические оценки личности сородича и гуманистический дух исторического пребывания казаха на бескрайних просторах Степи, с горечью признает:

*Я их тайны сразу раскрываю,
И они об этом тоже знают.
Обложили, роют волчьи ямы,
Все дороги мне перекрывают...*

Несколько временных возвращений в аул сильно повлияли на настроение поэта и довольно неожиданно изменили первоначальные представления о причинах ухода в отшельничество. Теперь Шакарим как бы имел право думать, что уединился в первую очередь из-за народных страданий, не в силах глядеть на то, как богачи, власть имущие, то есть бии и волостные, которых он именовал акимами, а также муллы и шаманы-баксы издеваются над неимущим населением.

Конечно, он ушел в отшельничество по причине духовных исканий. Но теперь это уже была причина как бы второго порядка.

Видимо, много наслушался поэт мнений и сплетен о себе, коль, вернувшись в Кен-Коныс, написал в раздражении такой стих:

*Говорят, что я отрекся от народа,
Говорят, что я безумен от природы,
Что познавший истину ума лишится,
Что он телом будет болен долги годы.*

Но и в этом оставленном обывательском обществе есть выход к народу: есть народ и есть слово поэта. И как бы одинок он ни был, но со своей правдой не народу противостоит, а миру носителей и сеятелей зла:

*Но я видеть не могу, как эгоисты,
Хвастуны, злодеи, мямли, скандалисты
Не скрывают от людей повадки волчьи,
А лишившись чести, вроде бы как чисты.*

*И сейчас вы дома, я — в степи, о Боже!
Я ушел, ни у кого не взяв добра, ну что же —
Нажитое в пятьдесят пять лет богатство
В одиночестве осмыслю, подытожусь.*

*А затем я правду расскажу народу,
Как вранье вливают в уши мимоходом
Богачи, шаманы, муллы-нечестивцы,
Как глумятся предводители над родом,*

*Как людей терзают, грабят хлестко,
Как по спинам сырых, кротких ходят плетки.
Эй, те сплетники, что на меня клеветают,
Ну а если с вами обойдутся жестко?..*

*И когда я сердцем понял боль людскую,
В мир зверей ушел я, в горы, в даль глухую,
Но ушел не от народа своего, поверьте,
А от тех, кто измывается втихую...*

Сам образ поэта-отшельника здесь романтический, хотя импрессионистически вскользь даны самохарактеристики «истощен и постарел».

*Истощен и постарел я, есть такое.
Но пылающему сердцу нет покоя!
Пусть поймут меня потомки чистым сердцем —
Я желание имею вот такое.*

*Это все, за похвалою не гонюсь я.
Защищать рвачей-акимов не возьмусь я.
И намерен я писать до самой смерти,
Старости и немощи, нет, не боюсь я!*

Образ Шакарима с его «пылающим сердцем», выступая контрастом на фоне презренных «рвачей-акимов», обращен к потомкам с «чистым сердцем». Его позиция, напроць лишенная меркантильных и тщеславных помыслов, есть указание пути и возможность выхода к правде жизни.

Обрисовать картину бытия в отшельничестве не так-то просто. Подробных описаний ни у Шакарима, ни у летописцев рода Тобыкты нет. Поэтому можно только воображать уединенную долину среди гор, на краю которой приютился одинокий двор, отгородившийся от мира чисто символической изгородью, вряд ли способной служить препятствием для волков и лис. Невысокий домик из саманного кирпича. Пристройка — хлев для скота.

И остается догадываться, какой силой воли обладал Шакарим, чтобы не просто выжить, а и редуцировать религиозно-философские искания своих духовных учителей в биографическую канву собственного бытия наедине с природой.

Свидетельствует Ахат Кудайбердиев, который чаще других сыновей навещал отца в отшельничестве:

«Я до сих пор не знаю казахов, которые так, как отец, исследовали бы и берегли природу. Некоторые его начинания были поразительны.

Не будет преувеличением сказать, что он был человеком, исследовавшим и оберегавшим все и вся, начиная с людей и животных, кончая неживой природой. Приведу некоторые примеры.

Однажды у него закончились чернила, он изготовил их, я видел это своими глазами. Он нашел верблюжьей колючку, вскипятил ее ветви, выделил осадок, добавил квасцы и получил чернила, которыми писал тексты.

В одной из долин Шакпака есть черные грязевые бассейны с желтоватыми налетами по краям. Очень глубокие, в два курыка глубиной.

Летом промерзает дно, а зимой леденеет все грязевое поле. Раньше сюда загоняли больной скот, а люди лечили грязями сыпь. Болезни проходили. Отец высушивал эту грязь, калил на огне, получал в остатке сернистое вещество, которое шло как лекарство.

— В горах между зимовками Жолболды и Ескитам есть возвышенность Бозбиик с каменным сигнальным сооружением — оба. На этом холме я нашел магнитный камень, — рассказывал отец. — Гора скорее всего представляет собою залежь железной руды. Как я это заметил? Однажды я ждал кочевье, поднявшись на холм. Присел рядом с каменным столбом. Разглядывая камни, составлявшие оба, увидел, что поверхность одного камня подернута красноватой пленкой окисления, характерной для железосодержащих руд. Когда я приблизил к нему компас, вмонтированный в мои часы, стрелка компаса стала поворачиваться. Стоило отойти от камня, стрелка возвращалась на свое место. Другие камни таким свойством не отличались. Видимо, на глубине есть железо, решил я.

Казахи обычно красят охрой деревянные элементы юрты — кереге, уyki, шанырак. В Шакпаке есть место, называемое Жосалы биик — Гора охры. Здесь и добывается охра. Однажды отец, заготовив дрова, ушел с другом Аупишем на этот холм, чтобы добыть еще и охры. Вернулись поздно вечером. Когда его спросили: «Почему припозднились?» — ответил: «Люди берут охру с поверхности. Но ее портят и ветер, и дождь, и солнце. Поэтому я брал с глубины. Пришлось копать землю». Действительно, добытая из глубины охра и цветом, и качеством выгодно отличалась от прежней, хорошо сохранялась на деревянных поверхностях.

Вот так отец все подвергал исследованию.

В моем шахматном наборе как-то потерялись некоторые фигуры. На жайляу отец повел меня на холм Буратиген, указал, где копать. Под землей обнаружили два вида туфа — серый и белый. Из этого камня я и вырезал недостающие шахматные фигуры, а также камни для игры в тогыз-кумалак. Мягкий туф удобен для такой работы.

Я рассказал о некоторых познаниях отца, чтобы люди могли бы ими пользоваться. А самому ему были более интересны наблюдения за зверьем».

К пятидесяти шести годам Шакарим сохранял отменное здоровье, живя в отшельничестве, по утрам делал привычную зарядку. Днем никогда не позволял себе лежать, спать, предпочитая хозяйственные дела, если не шла работа за письменным столом. По вечерам брал в руки домбру, напевал Аупишу новые песни на стихи, рожденные здесь, на зимовке.

Он не только перекладывал стихи на музыку, но еще писал о музыке — есть целый цикл таких стихов.

Вот причудливое по форме, учебное по содержанию, познавательное по смыслу, глубокое по познаниям стихотворение с «программным» названием «О сочиненных мною разных песнях»:

*Учись, если знаешь песни высоту.
С волной вздымаясь, не отступай,
Придай своему кораблю красоту.
Язык песни и кюя — звук,
Не поймешь — вина твоя, друг.
С детства ищи тайны нить.
А как поймешь, то к мелодии, знай,
Можешь сказ присоединить.*

*Из песни дивной льются
Звуки нежные, словно мед.
Тонкая душа ее поймет.
Чувства подчините песням, кюям,
Молодые, будьте страстны!
И любовь придет.*

*Не каждый вникает в тайну звука,
Многим хватает крика иль стука.
Не слышит «каменное ухо» —
Оно к песням и кюям глухо.
Поймет ли оно что-то, если
Песню Сирены исполнить сухо?*

*Гомер, явив нам пение Сирены,
Настроил размышлений лад волшебный
На шум и ярость моря, волн и пены
И ждал таких же песен сокровенных.*

*И я мелодии по-новому слагаю,
И каждой дать оценку предлагаю.
Подумал, если подойдут,
То пусть певцы их исполняют,
А если сквозь века пройдут*

Как память, значит, меня знают.

К этому сочинению о музыке Шакарим создал еще и музыку, превратив стих в песню. Сородичей в ней более всего поражала эрудиция автора, который, как можно понять из текста, был знаком с произведениями Гомера.

В действительности, Шакарим читал не только Гомера, но и Аристотеля, Платона, Сократа, Ибн Сину, Улугбека, Шопенгауэра, Канта, Байрона. Не говоря о русских писателях и поэтах Востока. Труды философов и поэтов он держал при себе в Кен-Конысе, изучая обычно по вечерам.

И через них вновь углубился в исследование мировых религий. Он издавна сличал их устои. Находил общее и вникал в различия.

В «Жизни Забытого» так описал изыскания в отшельничестве:

*Я невзнузданною мыслью
Перекрашенную веру
Проверял. Под здравым смыслом
Обнаружил много скверны.*

*Веры истинной не будет
Без разумных мыслей в людях.
Множество религий будят
Ум, но в нем не остаются.*

*И у всех одна основа,
Чуть подкрашена обнова.
Много верующих снова,
Заблудившись, не сойдутся...*

Сравнению религий он посвятил много стихов. Критический настрой в те годы брал верх, и поэт неизменно находил недостатки во всех, без исключения, мировых религиях, не говоря о конфессиях. Один пример:

*В наше время все религии плохи,
Ни одна не манит душу, все лихи.
Ложь берут за веру, и везде обман,*

А копнешь еще — отворотят грехи.

В тему объединяющей силы религий органично вписывается тема войны.

*Цель религий — нас, как братьев, всех свести,
Но оружие принуждает разбрестись.
И хотя в Коране, Библии все верно,
Коль нет чести — нет и ясного пути.*

Отсюда уточнение «в наше время» и шакаримовское намеренно резко и отстраненно звучащее — «все религии плохи». Одаренный религиозной духовностью поэт, однако, не может полностью отстраниться от своей эпохи — эпохи мировой войны и местечковых противостояний. Помня о читательской восприимчивости сородичей, посредством магии слов он стремится подчеркнуть, что «в Коране и Библии все верно». Но книги эти откроются только человеку «чести» и «ясного пути». Следовательно, Шакарим рассматривает образ человека в отношении к Всевышнему, будь то Бог или Аллах. Этот образ человека мыслился как обладающий разумной душой.

Основополагание души, ее тайное присутствие в человеке, формы связи с вещным миром, роль души в процессе познания — это объекты постоянного интереса Шакарима. Он неустанно углублялся в науку о душе — психологию. Формулировал вопросы и записывал ответы.

Поэтому очень интересно, что за учебник «Психология» попал ему в руки и какую тайну души поэт пытался раскрыть с его помощью. Ответ — возможно, неполный — дает статья Шакарима, опубликованная через шесть десятилетий после его ухода из жизни в журнале «Абай» (1994. № 9). Статье было придано заглавие «О бытие и душе», вероятно, не авторское. Вот в этой статье Шакарим и разбирал книгу «Психология», не указывая, к великому сожалению, кем и когда она была написана. Вскользь отметил, что книгу (или часть ее) перевел некто Камалулы. Как бы то ни было, получился философский трактат, начало которого гласило:

«Видя в наше время много замечательных открытий, установленных умами мыслителей, ученых, малограмотные люди вопрошают: «Эти ученые, открывшие чудеса, святые или шайтаны?»

Мы верим, что найдутся еще более поразительные изобретения.

Однако по сей день эти столь просвещенные ученые не знают истинно, кто они сами.

Разве не поразительно, что, обнаруживая невидимые глазу таинства природы, несвободный человек не осознает свою душу?

Если, не поняв, кто мы есть, станем читать научные книги наподобие трудов по психологии, исследующих бытие и дух, то не только не познаем тайну души, но, запутавшись, не зная, что нужно искать в книгах, будем блуждать впотьмах.

Мы расхваливаем книгу, как самую нужную в познании души, но она не раскрывает нам тайн, оказывается пустышкой, в которой одно слово противоречит другому.

Нужны доказательства?

Вот пример. Загляните в книгу по психологии, переведенную на казахский язык. На девятой странице написано: «Мысль о том, что растение обладает душой, для человека XX века — расплывчатое и неправдоподобное суждение». По нашему мнению, эти слова сами по себе — пустая болтовня. Спросите, почему? Такие слова происходят от незнания жизни растений, осознающих свое произрастание и чувствительность, от невладения сведениями о присущих живым существам свойствах, например о травах, поедающих мошек.

На 30-й странице говорится: «Природа сама приходит в движение, потому что природа — это необъятное единое целое, и вне его ничего существовать не может. Такое движение — особенность предметов. Предметы движутся за счет собственных сил».

А еще на 32-й странице: «Эта сила, неодолимая никакой мощностью, происходит из природы всех вместе взятых неуничтожимых вещей. Благодаря ей все предметы неотъемлемо существуют в этом мире».

И на 103-й странице: «В человеческом организме нет ненужных органов... Все их создала природа для выполнения определенных функций».

В принципе, слова понятны. Необъятные эти свойства давно осознаны душой. Спросите, почему? Согласно науке, никакое тело само по себе не движется. Для движения нужна причина. Причину же движения, описываемого здесь психологией, мы называем душой. Не тронутый объект не передвинется с одного места на другое, не вырастет, не изменится. Но если бы так было всегда, мир не зародился бы.

Однако на то и существует субстанция, которую мы называем не просто душой, но знающей, умелой душой. Почему? Во всем мире нет вещей ненужных, неупорядоченных. Все созданы с одной целью. И называть их бездушными, незнающими, слепыми — это просто

трескотня.

На той же 103-й странице: «Организм основывается на нервной системе».

На 104-й странице: «Если не будет нервной системы или она не будет функционировать, организм превратится в мертвый предмет и сгниет».

И эти суждения понятны. «Нервной системой» автор называет сосуды головного и спинного мозга, органы чувств. Вероятно, под душой он понимает именно органы чувств. Однако мы считаем, что это не так.

Сосуды головного и спинного мозга — словно световые накопители, электрические батареи — прибежище духа. Если они испортятся, то как бы исчезнет электрический заряд и душа покинет вместилище.

Мы не видим душу, не притрагиваемся к ней руками, поэтому слова о том, что души нет, не могут быть доказательством ее отсутствия».

И далее в таком же критическом ключе поэт-философ прошелся по книге, во многом противоречившей его сложившимся представлениям о душе и бытие. Можно по-разному относиться к его воззрениям. Можно и у Шакарима найти, в свою очередь, изъяны или, напротив, поддержать метафизические пристрастия. Но в любом случае это его собственные, рожденные напряженным умственным трудом искренние и выстраданные мысли. А потому их надо воспринимать так, как есть, — как свободное проявление индивидуальной воли.

Высказался Шакарим в трактате и на тему, как зарождалась жизнь. Судя по всему, автор книги «Психология» придерживался теории спонтанного, то есть случайного зарождения жизни на Земле. Шакарим возражал:

«Что значит — нет различия между живой и неживой природой? Вместо того чтобы заявлять, что в какой-то момент из неживого зародилось живое, не лучше ли привести доказательства справедливости утверждения, что в живых существах нет элементов, которых не было бы в неживой природе?»

Не имея возможности удостовериться в истинности подобных утверждений, иначе как чепухой назвать их мы не можем.

Разве в Париже на большом симпозиуме, после того как Пусе заявил, что пращуров живых существ могли произойти из неживых субстанций, Луи Пастер не прояснил ситуацию, приведя сильные доказательства в пользу того, что живое не могло произойти от неживого?»

Все же поразительны познания Шакарима.

Действительно, именно Луи Пастер поставил на тот момент точку в многовековом споре о самозарождении некоторых форм жизни, опытным

путем доказав его невозможность. Французский ученый кипятил в воде различные среды, в которых могли бы образоваться микроорганизмы. При дополнительном кипячении микроорганизмы и их споры погибали. Затем он установил, что прокипяченная питательная среда и в дальнейшем оставалась стерильной, в ней не обнаруживалось зарождения жизни, несмотря на то, что доступ воздуха был обеспечен. В результате ряда экспериментов Пастер как будто бы доказал справедливость теории биогенеза и вроде бы опроверг теорию спонтанного зарождения жизни. (Вроде бы — потому что впоследствии нашлось немало желающих опровергнуть Пастера.)

И Шакарим, находясь в Кен-Коньсе, знал об этих экспериментах! Писал со знанием дела о пастеризации и микробах, словно сам сидел за микроскопом и изучал мелких тварей.

И с высоты интеллектуальных обретений вновь подверг критике эволюционную теорию происхождения человека. «Не лучше ли все же говорить, что мы должны быть людьми, а не оставаться в роли обезьян?» — не без сарказма вопрошал он.

Тем не менее к человеческому роду у него все еще были большие претензии, вызванные духовно-душевым состоянием этого рода:

«Сколько бы мы ни хвалились, что человек — просвещенное существо, многие люди по сей день не вышли из детского или даже дикого состояния. Ну не могут сыны человеческие оставить злонамеренность и жить в мире и согласии как близкие люди, не обманывая, не грабя друг друга.

Мы бьем себя в грудь, хвастаясь, что мы — культурные, образованные личности XX века, однако на сегодня тело человеческое все еще не есть вместилище чистого разума. И как бы ни хотели мы идти честной дорогой, желая создать рай на земле, по всему миру найдется лишь несколько человек, способных наладить бесконфликтные отношения, но у них вряд ли получится что-то путное. Их заслугами воспользуется какой-нибудь проходимец, подобный волку, нацепившему баранью шкуру.

Короче, пока человек не познает со всей ясностью свою душу, он не поймет, кто он такой. А не поняв этого, будет чинить козни себе подобным, на словах отрицая зло, но не пропуская слова через сердце.

Можно говорить много слов, но это еще не значит, что человек верует. Если человек в вере, он не творит зло. Муллы, попы, другие религиозные служители ловят в свои силки обывателей, читая проповеди о дружбе, равенстве, братстве, и ничего более.

Человек только тогда встанет на путь истинный, когда познает благородство души».

Неожиданно в этой же статье Шакарим нашел место не только недостаткам современной жизни, но и неким светлым ее сторонам, сравнивая даже жизнь с раем. Впрочем, такой ход был вполне оправдан, ибо поэт возражал, и весьма диалектично, знаменитому заочному оппоненту, уже защищая, а не осуждая весь мир:

«Шопенгауэр говорил: «Мир — это ад, ничего хорошего в мире нет». Он написал книгу «Новая философия», которую в Европе возносят до небес. Мы в его новую философию не верим. Спросите, почему? А потому что мир — не ад, а рай. Богатств природы достаточно для всех живых существ. Но именно человек превращает рай в ад.

Не догадываясь об этом, Шопенгауэр наговаривает на все мироздание.

Если люди жили без злобы, в согласии друг с другом, пользуясь благами природы, никто не возражал бы, что мир — это рай».

Каждый крупный философ имеет свою оригинальную гносеологическую систему, и чаще всего доктрины мало коррелируют друг с другом, в чем нет ничего удивительного. Мир настолько разнообразен, что имеют право на существование самые разные его описания, порой прямо противоположные по исходным положениям. Но все вместе они дают целостную картину мира, которую невозможно описать одной краской, одной кистью, силами одного художника.

Вот почему совершенно естественным образом Шакарим критикует Шопенгауэра, не испытывая ни тени смущения перед великим именем.

Кроме книги «Психология» поэт раскритиковал в трактате книгу Баскина «Пространство мысли», переведенную на казахский язык, по словам Шакарима, неким Смагулулы.

Поэту, метафизику по складу мыслей, не понравилось утверждение автора, что в теле человека нет ничего такого, что называется душой. И что задумчивость, радость, уныние — производные тела.

«По этому поводу приведем пример, — писал Шакарим. — Раньше казахи натягивали на окна бараньи желудки вместо стекол. И что можно было увидеть в таком окне? И какая разница между кривым, мутным зеркалом и чистым, ровным зеркалом?

По большому счету, тело — это раб, а душа — хозяин. Или: тело — зеркало, а душа смотрится в него.

А тут, не зная с самого начала всего о душе, утверждая, что она как бы пристроилась по пути, автор, застряв в пяти окнах тела, глубоко не мысля, оставив где-то здравый смысл, преподносит душу — начало всех начал, разумную, созидающую душу, как связанного по рукам и ногам раба

тела. И считает, что может доказать всему свету, что душа — обыкновенная вещь.

Согласно нашим наблюдениям, есть две серьезные причины, по которым психологи утверждают подобное.

Первая: думая избавиться от блуждающих по свету скверных религий, они и постановили, что души как таковой нет. Даже бежали от собственной души. Но, как говорится, попали из огня да в полымя.

Другая болезнь. Огюст Конт (1798–1857) утверждал: «Не имея точных данных физики, не будем утруждать себя знанием метафизики. Будем считать истинным только то, что обнаруживается органами чувств».

Идеи Конта вылились в течение, названное позитивизмом. Увлеченные последователи утверждают, что не существует ничего, что не воспринимается пятью органами чувств.

Получается, что, заарканив самые светлые достоинства души — глубокий ум, невзнузданную мысль, словно глядя из казахского окна, затянутого бараньим желудком, они не сумели узреть даже свою душу».

Шакарим, надо отдать ему должное, выхватил самую существенную мысль Огюста Конта, принесшую тому, строго говоря, заслуженную славу.

Исходный тезис «позитивной философии» Конта — требование, чтобы наука ограничилась описанием внешнего облика явлений. Опираясь на этот тезис, Конт утверждал, что метафизика, учение о сущности явлений, должна быть отброшена. «Мы считаем безусловно недопустимым и бессмысленным искание так называемых причин, как первичных, так и конечных», — утверждал Конт.

Шакарим, который ставил перед собой именно первичные, то есть чисто метафизические вопросы о бытии и душе, конечно, был с этим не согласен.

Энциклопедические труды Конта были призваны на основе осмысления истории общества дать человечеству средство выхода из «метафизической», как говорил Конт, эпохи, полной социальных потрясений и не способной примирить прогресс и порядок. Он даже утверждал, что политические проблемы невозможно решить, если пролетарии не объединятся для переустройства общества.

Но Шакарим не проникся глубокими социальными идеями французского позитивиста, остановившись лишь на онтологических моментах. И это понятно. Социальное поле — казахское общество — еще не вызрело для активного соответствия социологическим идеям и не могло стимулировать восприятие. И трудно было ожидать от поэта интереса к

тому, что казалось чем-то далеким и отвлеченным.

Надо сказать, Шакарим не из праздного любопытства подвергал анализу книги по психологии и философии. Мысли, изложенные в статье, он намеревался в расширенном виде включить в свою книгу «Три истины». Некоторые ее фрагменты были уже готовы. К написанию основной части он собирался приступить как можно быстрее.

Более того, в трактате «О бытие и душе» он, можно сказать, анонсировал будущую книгу, завершив трактат замечательным текстом:

«Книга, написанная о душе, должна бы открыться только чистому разуму, когда ее читают и разбирают непредвзято, не уходя ни в религию, ни в науку. Тут не нужны никакие приспособления, ни машины, ни электричество. Я об этом подумал не сейчас. Это истина, установленная в поисках пользы от сынов человеческих, когда в течение вот уже тридцати лет, проведенных в думах, исканиях, я будто разбирал камни старых могил, словно ложкой черпал года, точно иглой копал колодец.

Такая личная истина не может быть похоронена раз и навсегда. Говорю это не из хвастовства. Пока люди ее примут полностью, меня-то уже не будет.

Материалисты, бывает, говорят: «Если истину, найденную разумом, не воспринимает хоть один из органов чувств, то это безжизненный вымысел».

На это я обычно отвечаю: какой вид искусства или науки ни возьмете, он создан разумом. Хоть один раз познав, что именно разум, не видя тела, но используя его возможности, раскрывал много раз тайны природы, вы уже не сможете не принимать его во внимание...

И какими бы вы ни были последователями Огюста Конта, не наговаривайте на религию, на шариат, рассуждая о вере. Не уподобляйтесь тем богословам и святым, которые готовы объявить неверным любого, кто находит в религии изъяны.

Веря глазам своим, не ограничивайтесь этим, распахните глаза души!»

Перед тем как закрыть последнюю страницу трактата, обратимся к письму Шакарима Сабиту Муканову, датированному 3 февраля 1931 года. Шакарим просил помочь опубликовать его произведения. Есть в письме такие слова:

«Полагая, что гуманизм и порядочность послужат с пользой для всех людей, прислушиваясь к внутреннему голосу, который вопрошал: почему не обнародуешь истину, которую нашел, тридцать лет копая иглой колодец, почему не опубликуешь? — я также подготовил короткое сочинение

«Тайна души, тайна природы».

О, мир! Покажет ли когда-нибудь мне свой перевод кто-либо из ученых мужей, взяв на себя труд осуществить хороший перевод на русский язык, чтобы эта вещь не только на казахском была опубликована? Или раньше будет опубликована на казахском языке?

Ежели умру, так и не услышав при жизни ни слова аргументированной критики, высказанной против, ни добрые пожелания грамотных мыслителей, умру несчастным.

Если «Тайна души, тайна природы» не будет опубликована, прошу поскорее вернуть ее мне. Вообще, если ничего не получится с публикацией, верните мне все рукописи».

Речь в письме идет о некоем сочинении «Тайна души, тайна природы», но такого произведения в наследии Шакарима нет. А есть похожий по описанию трактат «О бытие и душе», в котором автор тоже сетует, что тридцать лет «копал иглой колодец». Причем название трактату дали уже после кончины, забвения и реабилитации Шакарима. Так не об одном и том же сочинении идет речь?

Разобравшись с трактатом, весной 1915 года Шакарим сел, наконец, за написание книги «Три истины». Точнее, продолжил написание. Первые записи были сделаны более десяти лет назад. Существовали еще десятки набросков, сделанных по мере чтения книг философов, писателей, поэтов. Предстояло не только систематизировать записи, но и сформулировать собранные знания о душе, совести, смысле жизни. Прежде всего Шакарим сформулировал общую цель:

«С давних времен люди говорят о существовании двух жизненных путей. Одни считают, что душа продолжает жить, не исчезает, если даже умирает тело, поскольку, по их мнению, и после смерти есть жизнь. Она иная, вовсе не похожая на земную, потому, утверждают они, следует жить не только мирскими хлопотами, но и заботами, которые могли бы украсить последующую жизнь. Ее называют конечной, посмертной дорогой. А другие говорят, что все вещи в этом мире возникают самопроизвольно, сами по себе, и нет хозяина-творца, который создавал бы их на свой лад, и нет души, которая воскресает после смерти.

Установить, какой из этих путей является истинным, по-моему, — особый долг здравомыслящего человека. Ведь, если мы стремимся к подлинному человеческому счастью, необходимо знать — правда или нет, что существует хозяин-творец и некая посмертная жизнь. Если правда, надо побеспокоиться и о ней с тем, чтобы человек обрел это счастье, а если выдумка, надо, отбросив пустые страдания, всецело заняться делами

на этом свете. И как в таком случае исследовать достоверность того и другого пути?

Ясно одно, исследующий должен быть осведомленным в разных религиях и науках, знать, что по этому поводу высказывал тот или иной ученый».

И Шакарим продемонстрировал осведомленность во многих областях знаний, дав обзор воззрений на происхождение жизни с античных времен до современности. Описал идеи Пифагора, Эпикура, Демокрита. Не забыл европейских мыслителей и ученых Средневековья — Гассенди, Декарта, Ньютона, Линнея. Привел, например, аргументы ныне малоизвестных исследователей Литерия, Майена, Бюхнера.

Определил свою позицию:

«Есть особая необходимость стремления к познанию хозяина-творца всего сущего, который восхищает наш разум своим всемогуществом. Вопреки словам знаменитого Жан-Жака Руссо, я первоначально думал, что человек может добиться полноты и совершенства без веры в существование Всевышнего. Но впоследствии понял ошибочность своих представлений».

Далее написал обзор представлений о том, что такое душа. Привел разнообразные мнения деятелей, имена которых (возможно, искаженные) сегодня мало кто знает: Герман Шефлер, Уиршо, Стуамель, Дольн, Коддрс. Не забыл перенести в книгу свою критику позитивизма:

«Люди верят лишь чувственным восприятиям и ничему иному не верят и на основе глубокомысленных раздумий приходят к мысли, что только вера в чувственное восприятие может оградить от путаных мыслей и споров. Потому решили, идя по пути природы, что учение о тайнах, которые невозможно раскрыть (метафизика), будет только мешать рассудку.

К примеру, Огюст Конт придумал направление — позитивизм (истинное знание). Его выводы таковы: нет никакого смысла понапрасну заниматься недоступными нашему взору, другим чувствам явлениями и вещами, в реальности которых нас должны убедить исследования естественной физики. Но поскольку человек полон всяких наитий, наводящих на мысль о существовании сверхприродной силы, поскольку каждодневно раскрываются какие-то доселе неразгаданные тайны, а то, что недавно считалось абсолютно непознаваемым, теперь стало обычным и применяемым нами в повседневной жизни, — поэтому слова, подобные словам Конта, конечно же, не смогут заставить человека думать о некой силе, которая, по его представлениям, стоит над

природой. В настоящее время сотни ученых, взяв на вооружение такие науки, как магнетизм, спиритизм, телепатия, денно и ночью занимаются исследованием вопроса о душе».

Последнее, пожалуй, самое слабое в научном отношении место в книге, по-своему уникальной.

Шакарим с осторожностью, если не с почтением завел разговор о спиритизме, телепатии, магнетизме, возведя оккультные дисциплины в ранг науки. Подробно и весьма благожелательно описал различные спиритические чудеса, уделив им много места в книге. Конечно, понять его можно. Дело не в невежестве — кто только не верил тогда, верит и сейчас в мистику оккультных сфер. А уж душа кочевника, издревле отождествлявшего место обитания — степь — с Богом, всегда была открыта волшебству и чудесам.

Дело в другом. Оккультизм прямо обращается к душе, создавая иллюзию связи с нею живого человека. И Шакарим готов был принять на веру любые психологические построения и практики, лишь бы они опровергали приземленный позитивизм, пусть даже сомнительным путем.

«Основная цель всех слов этой книги — как-то выяснить, есть ли у высшего создателя разум и познания, исчезает ли душа после смерти. Вот и написал, сколько знал, о том, что говорят те, кто считает, что есть, и кто отрицает. Побольше написал о таких явлениях как магнетизм, спиритизм, телепатия, фахризм, лунатизм, сновидения, являющихся аргументами против тех, кто говорит, что души нет, — словно оправдывался Шакарим. — Написал не для того, чтобы порассказать интересные сказки, а чтобы показать, что представляет собой каждое из них».

Наверное, посчитал, что не слишком убедителен. Поэтому прибавил:

«Все чувства обманывают нас. К примеру, глаза по-разному могут передать то, что маревом дымится вдалеке. И ухо один и тот же голос может уподобить самым различным звучаниям, да и мысль воспринимает что-то по-своему, а на деле оно оказывается ошибочным. Нет у нас чувства, которое определяло бы все точно».

И резюмировал рассуждения о первопричине, к которым пришел еще десять лет назад, когда записал впервые, что первопричиной всего на свете является беспричинная причина — Первосоздатель:

«Безмерность познаний, изобретательности и всеислия этой беспричинной причины проявляется хотя бы в следующем. Все сущее в мире, каждая вещь бытия, если посмотреть, созданы не бесцельно, не без необходимости. Не надо далеко ходить, взять наши уши, нос, рот — все

имеет целесообразность. Или корни растений и деревьев, их сердцевина, кора, листья, соцветия — не сможем сказать, при научном подходе, что хоть одно из них бесцельно. О чем это говорит?

Подобный путь созидания, прокладываемый первопричиной, говорит о том, что ее познания, утонченность могущества — неисчерпаемы. Если все это создавалось бы ничего не чувствующей, слепой природой, откуда бы тогда взяться такой целенаправленности, познаниям, раскованности, гармонии, изяществу во всем, такому стремлению к совершенству?..

О мудрости и уме разумного, о мощи сильного, о виртуозности мастера мы судим по делам. На мой взгляд, то, что существует в мире, и то, что мы сами таковы, наметил Первосоздатель. О неизмеримости его познаний и мастерстве громогласно вещают ежесекундно:

*Расскажет нам мир и покажет
Глубинной тайны смысл.
Вниманья ему не окажет
Бездумная наша мысль.*

Кто же теперь, скажите, является основным хозяином всего? Конечно же, верховный творец.

Вот что следует учитывать, чтобы понимать значение слов: все существующие в мире вещи создает Всевышний. Вот что не могли понять и объяснить муллы старой религии, поскольку любая из религий слаба и неопытна в познании тайн происхождения всего сущего».

Написав основную часть книги «Три истины», Шакарим с большим удовольствием создал стихотворную версию, решив изложить свои воззрения в стихах. Дал им название «О бытие и душе», позже заимствованное для его рассмотренного выше трактата, посвященного анализу трудов по психологии и философии.

*Рядом острый меч всегда ты держал,
Для друзей своих цветком расцветал,
Воле и порывам мысль придавал,
Мысли словом трепетным выражал.*

*«Не душа сие», — твердят «знатоки»,
Верят им порой одни дураки,
Мыслей нет, но на беседу легки,*

*Душу разумом не сверят никак,
В догмах материализма узки,
Слов огульных вам навесят с тоски.*

*Существует изначально душа,
Разумом ее проверяй,
Разговорам не доверяй,
Чистый разум все поймет не спеша,
Ценность эту не утеряй...*

Таково лишь начало стихотворения «О бытие и душе», по объему соответствующего поэме, по содержанию — научному трактату. Цель стихотворения та же, что у «Трех истин»: показать, что душа первична в сравнении с плотью, а Первосоздатель причастен к зарождению всего из ничего.

Шакарим мог быть довольным всеми этими творениями. Хотя книга «Три истины» была еще не завершена: науку совести — личное изобретение — он присоединил к ней позже, более десяти лет спустя, когда, обремененный новыми знаниями, решился зафиксировать усовершенствованный дух.

Однако и без завершающей части «Три истины» — поразительное произведение. Оно не просто продемонстрировало триумф самосовершенствования и уникальную работоспособность поэта-отшельника. Из истории можно выудить неочевидное: затворничество часто способствовало творчеству, несмотря на известные издержки уединения. Примеры Лао Цзы, блаженного Августина, Ахмета Яссауи, святого Иеронима или Стивенсона не единичны. Гораздо более поразителен энциклопедический склад ума Шакарима. Книга являет совершенно немислимый для выходца из кочевого общества охват имен, биографий, фактов, духовных достижений.

Возможно, труд, подобный «Трем истинам», мог бы создать просвещенный житель Санкт-Петербурга, Парижа или Лондона. Но он не произвел бы столь же сильного впечатления. И не потому, что идеи или факты не отличались бы новизной. Просто в любом другом исполнении «Три истины» лишились бы аромата степи, самобытного духа и неукротимой жажды познания Истины, явленных одним из выходцев из ее лона. Что бы ни написал другой человек, даже подражая Шакариму, его сочинение недорого бы стоило, покуда в глубинах сердца своего не отыскал

бы он такие же чистые источники мудрости, озарения, из которых утолял жажду Шакарим.

*Если дороги тебе и скот и душа,
Ради души продай свой скот излюбленный!
Если ж нужна душа, но и Возлюбленная хороша,
Не жалея души, продай ее ради Возлюбленной!*

Так писал Шакарим, уже завершив «Три истины», именуя Возлюбленной, по суфийской традиции, Истину. В этом трое-частном явлении мира «скот, душа, Истина» поэт по свойственному ему воззрению ниспровергает материально-телесное и соединенную с ним особую нематериальную сущность, признавая тем самым самоценность Истины как вечного и неизменного начала. Только через постижение Истины можно познать Бога. Вот почему Возлюбленную он ставил выше накопления, богатства и даже души.

Именно в таком контексте следует понимать «Три истины». Не как земную правду, которая социальна, изменчива по отношению к справедливости, а как духовное состояние, как творение того естества, которое здесь и сейчас дается человеку Богом.

Лихая година

Нельзя сказать, что Шакарим ушел в затворничество совершенно безоглядно, жил в одиноком жилище в Кен-Конысе, забыв, какое время на дворе.

Пора революционных перемен близилась неумолимо. Вспышки народного недовольства, возникавшие в стремительно уплотняющемся времени, призывали поэта к участию в событиях.

Когда лидеры национального либерального движения А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов объявили о создании товарищества «Азамат» («Гражданин»), Шакарим вслед за Какитаем и Турагулом Кунанбаевыми, Каражаном Укибаевым, Магатом и Хасеном Акаевыми активно поддерживал его членскими взносами. Лозунгом азаматовцев был призыв «Проснись, казах!», заимствованный из заглавия выпущенной в 1909 году книги Миржакыпа Дулатова, в котором и было ставшее знаменитым стихотворение:

*Возвысь главу, проснись, казах, открой глаза!
Довольно в темноте жизнь проводить в слезах.
Земля ушла, ослабла вера, дела скверны.
Нельзя лежать сейчас, проснись, казах!*

Поэтический сборник «Проснись, казах!» был немедленно конфискован после выхода. Миржакып сумел переиздать его лишь в 1911 году.

Как и все крупные писатели того времени, Шакарим не мог пройти мимо публицистической деятельности. Он регулярно писал в газету «Казах», журнал «Айкап».

После появления первых номеров газеты «Казах», например, он не только послал в газету поздравление с выходом, но и поместил в ней такой отклик (№ 18 от 1913 года):

«Наш народ как ребенок: увидит новую вещь, устремляется к ней, бросив старую. После выхода газеты «Казах» я вижу опасность, как бы наши казахи не бросили журнал «Айкап». На всех киргизов и казахов один журнал и одна газета, это немного, нужно покупать оба издания! Скажу еще: не стоит увеличивать объем, количество, главное — чтобы то, что

есть, покупали и читали побольше людей. Думаю, сейчас нет нужды выпускать больше. Положение читателей и наше благосостояние ведь известны».

Порой он помещал в периодических изданиях серьезные работы.

Из других публикаций особо выделяется статья в газете «Казах» (№ 65 от 8 июня 1914 года) «О судах и судьях». Обладая огромным опытом работы судьей, бием, Шакарим писал:

«Даже если б мы не стали об этом говорить, все казахи знают, насколько неприемлемо бывает решение русского судьи в спорах казахов. Обычно казах не может поднять судебные расходы, сверх того бывает вынужден идти против традиционных обычаев, в результате множество проблем вырождаются в большой ущерб.

Что касается отправления суда, нельзя сказать, что у казахов не было старых путей-традиций. Есть протоптанная, потемневшая от времени дорога. Но эта дорога забыта. Причина во многом происходит от обращений к русским законам. Например, есть закон о выборах, но есть и взятки — удобно сделать бием близкого человека, в итоге им становится кто угодно и говорит, что захочет. Другая причина в том, что старинный свод законов не был записан и сохранен.

Однако многое из того свода законов пригодно в сегодняшней жизни. Раньше нормы жизни в большинстве опирались на тот свод. И если, проверив старинные законы, отобрав подходящие, подправив в соответствии с требованиями современной жизни, написать проект законов, для казахов не было бы более пригодного свода. К написанию его отыщутся несколько мудрецов и знатоков старого поколения и кое-кто помоложе в качестве советчиков. Остальные сколько б ни говорили, что знают все о казахах, до подлинных знаний неотягивают».

Снова приходится удивляться схожести суждений творцов, живших в разных концах казахской степи, а то и планеты, и даже в разные столетия.

Стоит помнить, что в 1864 году, за пятьдесят лет до Шакарима, другой казахский мыслитель, патриот, ученый Чокан Валиханов создал блистательный труд «Записки о судебной реформе», написанный, как считается, по заказу генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля.

Чокан, сообщая о результатах опроса кочевых казахов, писал: «Во всех округах первый ответ был один и тот же и выражался всеми собравшимися единодушно: «Суд биев и съездов их, — говорил народ, — существует у нас издавна и заключает в себе все начала мирового суда, предлагаемого ныне русским правительством. Суд этот, — продолжали собравшиеся

киргизы, — вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме». Это, очевидно, было решение народа, *en masse*, решение кругов».

По сути, и Чокан, и Шакарим говорили об одном и том же: нужно сохранить традиционную систему судопроизводства.

«Главное достоинство суда биев, по нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение бия основано на авторитете, и звание это есть как бы патент на судебную практику», — писал Чокан Валиханов. И в завершение работы предлагал: «Руководствуясь той истиной, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащита, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 года, а закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить».

Работу Валиханова внимательно изучали в Омске. Никто законы отменять не собирался, но суд биев, как и советовал Чокан, оставили. Более того, со временем число биев в составе суда увеличили. Генерал-губернатор Дюгамель Александр Осипович был человеком осторожным и предпочитал проводить имперскую политику в казахской степи умеренными методами, выступая против кардинальных перемен в системе управления. Потому другие важные предложения Валиханова, прежде всего по вопросам народного образования и налогообложения кочевых казахов, оставил без внимания.

А Шакарим в своей статье предлагал пойти дальше:

«По моему разумению, число биев надо сокращать. Их должно выбирать общество шарами, то есть голосованием.

Споры, по которым не могут вынести решение, нужно передавать в третейский суд.

Обе стороны должны заносить свои показания в книгу. Если они не договорятся через посредника, пусть соглашаются с решением выборного бия, которого для них определит жребий. За этим бием должно оставаться последнее слово. Требующие плату истцы должны оставлять средства на судебные издержки. Тяжбы могут затянуться, и это обычно служит причиной продолжения барымты.

Над всеми биями нужен еще один бий, который должен разбираться, когда бии не соглашаются друг с другом.

Если будет осуществляться надзор российским верховным судьей, он

должен устанавливать и устранять противоречия».

Несмотря на то что Шакарим писал на казахском языке, нельзя безоговорочно считать, что его текст остался без внимания. Газету «Казах», издававшуюся в Омске, центре Степного генерал-губернаторства, несомненно, изучали от корки до корки, а толмачи переводили объективно значимые и интересные статьи. И с предложениями казахского бия-поэта, вероятно, ознакомился генерал-губернатор Степного края Евгений Оттович Шмит, генерал от кавалерии. Однако приближались грозные события, и осуществлять начинания в степи, по соображениям чиновников, было бы неосмотрительно.

С позиций национального самосознания, думается, это не главное. Хотя соображения казахских мыслителей не встретили горячей поддержки в российской администрации, они суть свидетельство эволюции общественного сознания, локомотив которого — передовые умы общества. А публицистика — одна из цивилизованных и оперативных форм выражения.

А Шакарим еще дописал в статье чисто этнографические подробности, действующие, по его мнению, в пользу традиционного суда биев:

«Часть старого казахского свода законов соприкасается с шариадом. Ибо шариад никогда не был застывшим камнем. Он призывает меняться под соответствующую эпоху и действовать в согласии с временем. А в застывший камень его превращают неумные муллы. Можно привести примеры, как окостенелые сегодня правила шариада в иные эпохи вовсе не выглядели таковыми. Например, шариад говорит о свободе действий: если трудно — не делай, лучше измени.

В казахском наследии тоже есть поговорки со смыслом. Например: держащий коня да избавится от мук. Имеется в виду вот что. Если твой потерявшийся скот нашли у рачительного человека, предоставь ему право выбора. То есть если он вернет скот хозяину, довольствуясь тем, что отыщет продавшего ему скот, хозяин может забирать свое добро. Но если человек не отдаст лошадей и не захочет выкупать их на том основании, что уже заплатил, он может и не отдать лошадей, если хозяин, в свою очередь, не выкупит их.

Или говорят: в горе слабеют, на подарках торгуются. Тут вот что. Бывает, два близких друга, поссорившись, требуют вернуть свое. То, что отдавалось по дружбе, можно оспорить и вернуть, но то, что дарено в горе, не возвращается. Потому что в горе люди ближе.

Или вот еще: прибыль — от добычи, обида — из-за подарка. Имеется в виду шум, который поднимается, если не делятся захваченными в войне

или добытыми на охоте трофеями.

Вообще у казахов к любым спорным делам найдутся поговорки. Например:

- 1) Если биев двое, спорящих будет четверо.
- 2) Если разгорится тяжба, вцепятся в бия. Если взбесится собака, вцепится в хозяина.
- 3) Дело ясное посетит свидетель, дело без свидетеля посетит сомнение.
- 4) Чистота доказательств — как сомнение на шее.
- 5) В одном споре двух мнений быть не может, в одном деле две вины быть не могут.
- 6) Пока барымта не уляжется, тяжба не уладится.
- 7) Нашедший порадует, но заберет опознавший.
- 8) Примета сватовства — почет и уважение, примета зимовья — могильные сооружения.
- 9) У скота к забою рост — сам собою.
- 10) Барымтач не будет со скотом, догнавший его не будет рабом.
- 11) Не разорвав аркана, не быть свободным.
- 12) Плата за жизнь мужчины — шестьсот отборных лошадей, за жизнь женщины — вдвое меньше. (Иначе говоря, за мужчину — пятьдесят верблюдов. По шариату — сто верблюдов независимо от возраста и пола.)
- 13) Упавший сам — не раскается.
- 14) Дичь возьмет догнавший, обездоленного заберет униживший.
- 15) Конь узнает первого хозяина. (Некто отдал молодого коня, не подозревая о его качествах. Конь стал резвым скакуном, цена поднялась, за него бились покупатели, но тут появился первый хозяин. И пока он не скажет, что отказывается покупать, другие не могут взять коня.)
- 16) Грабитель прикипает к другу, вор — к напарнику.

Подобных поговорок много».

Вот такая была в исполнении Шакарима публицистика на злобу дня, на проблему синтеза традиционно-патриархального и нового административного.

Он очень переживал за судьбу зарождающейся казахстанской журналистики, живо откликаясь на актуальные вопросы, обсуждаемые в газетах и журналах. Когда, например, в том же 1914 году журнал «Айкап» и газета «Казах» развернули заочную дискуссию по вопросу религиозности казахов, грозившую перерасти в затяжную «войну», поэт откликнулся стихотворением «Журналистам газеты «Казах» и журнала «Айкап».

Призывая ради общего интереса бросить брань, сарказм и прочее, Шакарим иронически анализирует ситуацию:

*Что кричать, телом двигая,
Как женщина сварливая,
Мол, я вся справедливая.
Ну что за дешевая пьеса...*

По Шакариму, вражда газеты и журнала чревата не только расколом в стане журналистов и писателей, объединяющихся в разные партии, она вносит сумятицу и в народную среду.

Позже Шакарим посчитал нужным уточнить свою позицию в письме. Оно было опубликовано в журнале «Айкап» (1915. № 6) в виде статьи под названием «Словесный спор»:

«После всех предыдущих сомнительных текстов, обратившихся в пустые слова, в изданиях «Айкап» и «Казах» мы увидели возобновившуюся словесную перепалку по поводу прошедшего прошлым летом мусульманского съезда. К первой пустопорожней дискуссии мы написали небольшое стихотворное назидание, время прошло, спор не утих. С того момента, как началась дискуссия о мусульманском съезде, мы знали ее содержание от начала до конца, но не писали, ждали, пока она не закончится. Не закончилась. И теперь пишем, надеясь, что на пользу дела.

И журналисты «Айкап», и Алихан Букейханов в газете «Казах» подвергают мнения оппонентов постоянной критике, и это хорошо. Но разве годится писать с ехидцей, с нападками?

Я думаю, ирония и хула — орудия языка. Раны, нанесенные ими, не скоро заживают. Однако и запрет на иронию, сатиру не нанесет ли вреда, даже если противостоящие стороны, отвечая друг другу, задевают и взрослых, и молодых?

Когда два человека спорят не от чистого сердца, а просто как любящие друг друга близкие люди, разве правильно будет сопроводить их слова комментариями? Кто бы ни были эти двое спорящих, к ним нужно относиться деликатно.

Так вот, уважаемое общество! Мысли свои отдаю на ваш суд. Если ошибаюсь — скажите, не ошибаюсь — хвала Аллаху».

Призывая газету и журнал прекратить взаимные обвинения, Шакарим витиевато, в чисто восточном стиле сформулировал пожелание:

«Хотя ироничную ругань и порицают, но, чтобы кто-либо из

общества или из числа спорящих не сказал: «Как можно, не указывая на ошибки, поддерживать обе стороны, одобряя ругань, пусть ради защиты?» — выражу одну мысль...

«Слово сказанное — выпущенная пуля». Не надо брать в голову, что кто-то будет говорить, мол, вы проиграли. Другого-то пути нет. Насмешки порождают месть, месть порождает партии, партии разрушают единство народа. Это я знаю точно. Прибавьте к моим словам мнение народа. И не сочтите, что от вас требуют молчать.

Неотесанного не исправишь. Однако криком иль пикой — что исправишь».

Всего Шакарим опубликовал в газете «Казах» более двадцати статей.

А неприятная дискуссия между двумя периодическими изданиями со временем прекратилась, благодаря в том числе и Шакариму. Ибо почтение к поэту в то время стало всеобщим.

Можно смело утверждать, что Шакарим при жизни стал классиком. Кочевой народ именовал его «Вторым Абаем». Упомянуть его имя в публикациях стало у журналистов хорошим тоном.

Так, например, Алихан Букейханов в газете «Казах» в статье «Съезд мусульман» писал: «Как может не быть языка у пятимиллионного населения казахов, когда только в одном месте сконцентрированы такие поэты как Абай, Шакарим, Миржакып, Магжан».

В свой черед Миржакып Дулатов в статье «Об «Айкапе» рассуждал: «Если вниманию народа предпочтительнее «Казах», чем «Айкап», то это объясняется тем, как говорил аксакал Шакарим, что газета удивляет народ своей новизной. Это и является причиной некоторого охлаждения народа к журналу «Айкап».

А Беимбет Майлин в статье «Думаете ли вы об «Айкапе»?» рассказал о просьбе Шакарима и всего казахского народа к образованной казахской интеллигенции подписаться на «Казах» и «Айкап» и о том, что между этими изданиями достигнуто согласие и единство, к чему и призывал Шакарим.

Другой пример. Известный семиреченский бай и меценат Есенгул Маманов в статье «Открытое письмо гражданам» в газете «Казах» сообщал о проведении конкурса романов среди казахских писателей и поэтов. И обращался к Шакариму с просьбой принять участие в конкурсе в качестве члена жюри вместе с такими личностями, как Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов.

Наконец, известный журналист Сабыржан Габбасов (1889–1918) писал в том же журнале «Айкап» (1915. № 6):

«Нет людей, которые не знали бы Ибрагима-мирзу, то есть Абая. Это гениальный поэт, философ. Хотя при его жизни народ недостаточно оценил его талант, сегодня по нему тоскуют все. После ушедших из жизни Кунанбая-мирзы и Абая сегодня перед глазами публики предстает уважаемый аксакал Шакарим, сын Кудайберды. Когда берешь в руки книги этого человека и читаешь их, то невольно думаешь: каким же был дед аксакала-писателя, покойный Кунанбай-кажы, и каким же был его дядя Абай...

Уважаемый, почитаемый всеми Шакарим сегодня трудится пером во благо своего народа. Он — поучительный пример для тех, кто, довольствуясь серебряными уздечками да седлами, пьянея под непомерно толстым брюхом, при обращении к нему: «Кажы» — чуть не достает теменем до небес.

Да будет благословенна жизнь таких наших аксакалов, как Шакарим. Пусть обучающиеся молодые люди стремятся быть похожими на Шакарима».

А молодой Султанмахмут Торайгыров (1893–1920), особенно почитавший старшего собрата по перу, откликнулся стихами:

*У этого казаха цели высоки,
Прислушайся к словам его строки.
Не отделяй: казах, — но человечество
Помысли, коль суждения его близки.*

*Не думай про себя, что он простой казах,
Обманчивы одежда, обувь на ногах.
Нет меры, чтоб могли судить невежды.
Идите прочь! Не вам понять его размах.*

Позже, как бы в ответ, Шакарим упоминал в стихах Торайгырова. Но дружеское общение поэтов не получило развития. Талантливый Султанмахмут Торайгыров ушел из жизни непоправимо рано. А Шакарима все чаще приглашали в город на разнообразные мероприятия. Очень просили посетить вечера памяти Абая Назипа и Нургали Кульжановы. На первый вечер памяти Абая, состоявшийся 26 января 1914 года, Шакарим попасть не смог. Помешали сильные морозы, из-за которых ему не удалось выбраться из Чингистау. Но на второй вечер памяти Абая, который прошел 13 февраля 1915 года, он прибыл. В качестве зрителя. Одолеl верхом

непростой двухсоткилометровый путь из Чингистау в Семипалатинск по заснеженной степи ради общения с друзьями, музыкой, поэзией.

На сей раз это был благотворительный вечер. Сборы пошли в том числе и на финансирование обучения казахских юношей и девушек в российских университетах.

Культурная программа вечера была по тем временам уникальна. Исполнение песен и кюев сменялось чтением стихов Абая, Ибрая Алтынсарина. А какие были исполнители, какие поистине исторические имена: Жусипбек Аймауытов, Каныш Сатпаев, Райымжан Марсеков, Назипа и Нургали Кульжановы, знаменитый домбрист Мука Адильханулы, другие артисты.

В издававшейся в Томске газете «Сибирская жизнь» (№ 52 от 7 марта 1915 года) был опубликован большой отчет о мероприятии под названием «Киргизский вечер». Вот он в сокращении:

«В Семипалатинске по инициативе Н. С. Кульджановой местными киргизами был устроен литературно-вокально-музыкальный вечер на киргизском языке. Это была первая попытка устроить вечер исключительно для киргизов. Дружная работа увенчалась успехом. Зал был полон киргизами...

На сцене появляется Р. Марсеков, читает доклад о киргизской поэзии, затем на ту же тему говорит несколько слов Н. Кульджанова. Перед публикой раскрывается жизнь родного народа.

Начинается состязание в пении. Вот приехал певец-импровизатор Бржан из рода Аргын, издавелека, специально к известной певице Саре из рода Найман, и вызывает ее на состязание в искусстве сочинять и петь.

Т. Козбагарова, изображая поэтессу Сару, так поет, что публика не выдерживает и несколько раз прерывает ее аплодисментами.

Затем начинается чтение и пение нравочений и стихотворений киргизских поэтов Алтынсарина, Кунанбаева и других...

Поздно разъезжаются все по домам, оживленно толкуя о певце Капсалямове, как о лучшем певце, о начинающем, поющем с душой Бакбергенеове, о подающем большие надежды мальчике-певце Айджагулове и других, доставивших столько приятного. Особенно рады женщины, которым редко удается видеть друг друга, их довольно много, они оживленно говорят об устроительнице вечера киргизке Н. С. Кульджановой, являющейся для них примером.

Вечер дал 917 руб., из них 100 рублей пожертвованы Жахия-хажы Бейсекеевым. Для Семипалатинска это очень хороший сбор. Чистого сбора должно остаться рублей 650, половина из них поступит в пользу

подвижного мусульманского лазарета в Петрограде, половина в пользу учащихся киргизов».

Шакарим недолго пробыл в городе. Пообщался с родственниками, узнал последние новости. В России задули ветры перемен. Газеты доносили тревожные вести с фронтов мировой войны. Но еще более неприятными были сведения о волнениях в казахской степи. Они не печатались в газетах, но были у всех на устах. Так что поэт покидал город с нарастающим чувством тревоги.

Вступление России в Первую мировую войну отразилось на положении казахов, в первую очередь из-за увеличения размеров налогов. На казахское население были возложены «добровольные сборы», принудительная подписка на государственный заем и военный налог, всего около десяти различных видов сборов и пошлин.

Кое-где для нужд войны реквизировали одежду, скот и продовольствие. В некоторых уездах под видом помощи семьям мобилизованных была введена трудовая повинность. Казахи в качестве рабочей силы должны были пахать, сеять и убирать урожай в переселенческих деревнях.

Обычным делом стала принудительная мобилизация транспорта для подвозки хлеба к железнодорожным станциям. Семипалатинск в то время был крупным центром торговли, в первую очередь хлебом. Зерно скупалось главным образом в Томской губернии, отправлялось пароходами в европейскую часть России. Через Семипалатинск проходила четвертая часть товарооборота Сибири со Средней Азией.

Продолжалось изъятие земель у казахского населения.

Вот из-за таких нагрузок порой казахи, выступая против ограничения пределов кочевания, не выполняли требований волостных управителей и аульных старшин, отказываясь от уплаты налогов, податей, даже от сбора средств на нужды войны. Шакарим услышал про случаи угона лошадей у русских переселенцев, про то, как казахи сжигали сено и сенокосные участки. Но случаи сопротивления пока были единичными.

Вернулся он в Чингистау в раздумьях. Ощущение грядущего краха не покидало поэта. И оно только усилилось, когда весной 1915 года умер Какитай, его двоюродный брат. Шакарим очень любил Какитай, который был на десять лет моложе его, но близок и по духу, и по мировоззрению. Был Какитай бесконечно добр душой. Ко всем, без исключения, людям относился с участием, безотказно, как духовно сильная личность, устремлялся на помощь к родным по первому зову. Неспроста именно Какитай в 1908 году с непревзойденным упорством двигался из одного

города России в другой с рукописью стихов Абая, пока не добрался до Санкт-Петербурга, чтобы отдать в печать первый сборник учителя, родного дяди. Другой родственник давно бы оставил затею и вернулся домой, но Какитай мужественно преодолел мыслимые и немыслимые трудности, чтобы исполнить задуманное родными.

Скорбя о смерти брата, Шакарим писал одно за другим стихотворения, словно предчувствуя те апокалипсические потрясения, которые должны были произойти в ближайшие годы. Не случайно именно в ту пору — еще кровоточащей боли утраты — поэт предрекал сородичам тяжкую судьбу, о чем можно судить по стихотворению «Все еще несчастный казах». Всматриваясь в мрак окружающей действительности, Шакарим тосковал о том, что нет у казаха «возводимых им городов, и нет ученых сынов», нет у него «крепких основ» ни в искусстве, ни в знаниях, «с рыцарями тоже беда».

Сосредоточив свое внимание на проблемах национальной духовной жизни, Шакарим резко обличает ограниченный круг философии жизни общества, что определимо как бахвальство, безалаберность, безволие:

*Нет величья, сколь ни смотри,
Внешне — шик, но пусто внутри.
Кто бы пекся о молодых? —
Нет такой фигуры, не жди.*

*Глаз сметливых нет у него,
В рассужденьях нет своего.
У казаха в нынешний день
Имя есть, но нет его самого.*

*Все исправить времени нет,
Не оставлен даже просвет.
Столь безвольного, как казах,
Просто не видал белый свет.*

Исходный критический взгляд поэта обусловлен индивидуальным опытом собственной жизни и обеспокоенностью за судьбу совсем уж простого в своей беспросветности народа, живущего без рыцаря, лидера и воли к осмысленному существованию.

Сострадательное отношение к казахам было у Шакарима, можно

сказать, в крови. Доброту и милосердие он вобрал от родителей, неустанно прививал детям. Ахат писал:

«На всю жизнь запомнил случай, когда в 16 лет отец отругал меня.

Возле нашего большого аула было два озера: в одном — вода, в другом — одна грязь. Между этими озерами шла узкая дорога. Когда шли дожди, по ней из-за грязи невозможно было пройти.

И вот как-то я шел из долины и увидел на этой дороге старика, у которого верблюд, навьюченный двумя мешками зерна, увяз в грязи. Старик оставил мешки, а верблюда вывел на сухое место, потом вызволил один мешок, дотащил до верблюда. В этот момент я приблизился к нему, и старик попросил: «Сынок, я подниму мешок на верблюда, ты попридержи его, пока схожу за другим». Я пропустил его слова мимо ушей и пошел дальше. Добрался до большого аула. Чуть позже пошел в аул, вставший сегодня на речке Ший, увидел отца у рабочей юрты. Я хотел пройти к своей юрте, но отец окликнул: «Подойди сюда». Я вошел к нему и увидел старца, с которым давеча столкнулся. Отец спросил: «Ты не встречал сегодня этого аксакала?»»

Мне было мучительно трудно сказать: «Встречал», — потому что отец сильно ругался. «Кто тебя этому научил? Ты сам не будешь таким, как этот аксакал? Что это такое? Негодник!» Говорил еще другие слова, от которых мне было больно на душе, но не бил, не выражался. Он не знал в жизни скверных слов. Но лучше бы побил. Слова его холодом легли на сердце.

«Пусть это будет последняя твоя невнимательность», — сказал он напоследок».

Но все же Шакарим оказался в определенном смысле не прав, считая, что казахи совсем уж безвольны и непоправимо бездеятельны. В годы войны иностранные предприниматели, пользуясь бесправным положением рабочих, снижали заработную плату, в то время как цены на продукты постоянно росли. В итоге в июне 1915 года забастовали рабочие, в том числе казахи, экибастузских и карагандинских копей, Киргизского горнопромышленного акционерного общества, Спасского завода. А летом 1916 года рабочее движение охватило Риддерские рудники, нефтепромыслы Эмбы, Экибастузские, Байконурские угольные копи, Спасские медные рудники, Оренбургскую, Ташкентскую железные дороги.

И хотя тон в этих выступлениях задавали не казахи, подобные события в какой-то мере предопределили беспрецедентное по масштабам восстание казахов в 1916 году. Непосредственным поводом к восстанию стал царский указ от 25 июня 1916 года о мобилизации в армию на тыловые работы

«инородческого» мужского населения кочевых казахов, Средней Азии и частично Сибири в возрасте от девятнадцати до сорока трех лет. На фронт казахи, как и прежде, не призывались, но теперь планировалось использовать их на строительстве оборонительных сооружений и путей военных сообщений в районе действующей армии.

В начале июля почти во всех регионах степи начались стихийные выступления, вскоре переросшие в вооруженное восстание. Казахи принялись громить конторы волостных управителей, аульных старшин, составлявших списки на тыловые работы.

В обществе отношение к указу царя и восстанию было неоднозначным. Часть местных родовых воротил предпочла поддержать царский указ, поскольку власти освободили от мобилизации волостных управителей, имамов, мулл, бухгалтеров в учреждениях мелкого кредита, учащихся высших и средних учебных заведений, чиновников правительственных учреждений.

А вот лидеры либеральных демократов, объединившихся вокруг газеты «Казах», заняли достаточно разумную, умеренную позицию. Ахмет Байтурсынов, Алихан Букейханов, Миржакып Дулатов пытались убедить царскую администрацию не спешить с мобилизацией, провести подготовительные мероприятия. Одновременно призывали казахов не оказывать сопротивления выполнению указа, зная, что безоружный народ станет жертвой жестоких репрессий. В опубликованном ими в августе 1916 года письме-обращении «Гражданам Апаша» говорилось: «Отказаться от этого нельзя, власть нам этого не простит, она на законных основаниях применит карательные меры. В степь войдут войска, народ лишится покоя, одинаково пострадают и люди, и скот, нарушатся основы уклада... Военное положение для народа равносильно катастрофе».

Все так и случилось.

Народ к голосу просвещенных лидеров не прислушался. Восстание охватило всю казахскую степь.

В Семипалатинской области вооруженное сопротивление носило не столь ожесточенный характер, как в других регионах. К концу октября царские войска сломали сопротивление повстанцев в области, хотя борьба продолжалась, но в основном на промышленных предприятиях Семипалатинска, где бастовали рабочие.

Самые крупные выступления были в Тургае и Семиречье. Казахи в степи объединялись в отряды, вооружались пиками, охотничьими ружьями. 17 июля в этих краях было объявлено военное положение.

Восстание в Семиречье описано в выдающейся повести Мухтара

Ауэзова «Лихая година» (1928).

Для подавления восстания в Семиречье было направлено 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 3900 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Преследуемые царскими властями 300 тысяч казахов и кыргызов, или четвертая часть коренных жителей Семиречья, вынуждены были бежать в Китай.

А в это время восстание в Тургайской степи нарастало с каждым днем. Во главе восстания стояли Амангельды Иманов и Алиби Джангильдин. Численность повстанческих отрядов в пик восстания составляла около пятидесяти тысяч человек. Амангельды Иманову (1873–1919) удалось создать боеспособную военную структуру. Повстанцы держали в осаде город Тургай, атаковали в степи царские карательные корпуса. В ноябре 1916 года отряды отошли в район Бетпаккара и до февраля совершали партизанские рейды. Здесь и встретили Февральскую революцию. Только после свержения царизма восстание в Тургайской области прекратилось.

Относительно жертв восстания точных данных нет. Но их было много. Например, по одним только судебным приговорам, утвержденным генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля 1917 года было приговорено к смертной казни 347 человек, к каторжным работам — 168, к тюремному заключению — 129 человек, не считая расстрелянных без суда и следствия, погибших от рук карателей.

Царский дипломат С. В. Чиркин так отзывался о деятельности генерал-губернатора Куропаткина: «Назначение 22 июля 1916 года А. Н. Куропаткина главным начальником Туркестанского края нельзя было не признать крайне своевременным и удачным. Он любил туземцев, был доступен для них и внимательно входил во все их нужды, зная хорошо их быт. Менее чем через два месяца по прибытии в Ташкент рядом легких мер при посредстве преданных ему влиятельных туземцев он добился не только того, что вызванное вышеуказанными распоряжениями брожение среди населения прекратилось, но даже своевременно без ропота формировались этапные тыловые рабочие отряды и отправлялись на фронт».

В других регионах деятельность администрации была не менее жесткой.

Например, по документальным свидетельствам, военный губернатор Семиречья генерал Фольбаум, предвидя неминуемость восстания в Северном Кыргызстане, заблаговременно направил военные отряды на перевалы и заблокировал путь в Китай. Карательным войскам был дан приказ — никого не щадить. Хорошо вооруженные формирования не жалели никого, убивали детей, женщин, стариков, отбивали скот.

Практически все ущелья и перевалы были устланы трупами убитых людей и животных. В результате от голода и холода на горных перевалах погибли, по приблизительным данным, около 150 тысяч человек.

Газета «Манчестер гардиан» писала 28 ноября 1917 года:

«За сибирской черноземной зоной лежат степи Тургая, Акмолинска и Семиречья, где живут кочевые казахи и много сотен тысяч недавно прибывших русских крестьян. Последнее царское правительство приняло тактику заселения этого сухого степного региона колонистами с Украины... Что требовало отъема у кочевых казахов их лучших пастбищных земель. Это было сделано, и 2 миллиона казахов региона к 1916 году лишились примерно половины того, чем они владели 10 лет назад. Когда в придачу к этому царское правительство потребовало нести военную службу мусульманам Азии, это стало последней каплей. Кочевое население Центральной Азии восстало летом 1916 года, что привело к гражданской войне. Около 500 000 было убито и примерно миллион бежало в поисках убежища в Китай в начале 1917 года. Хотя Западная Европа слышала о массовых убийствах армян, массовые убийства центрально-азиатских мусульман, совершенных царскими властями, тщательно скрывались».

Доминик Ливен пишет в книге «Empire — The Russian Empire and its Rivals» (2000):

«В течение 10 лет до 1914 года 3 миллиона славянских иммигрантов хлынуло в казахский регион. Так называемое Степное уложение 1891 года открыло путь к лишению собственности кочевников, позволяющее коренному населению владеть лишь 40 акрами земли на душу, что значительно меньше того, что требовалось для сохранения кочевого образа жизни. Результатом стало восстание коренного населения 1916 года, еще одной причиной которого стала попытка режима мобилизовать казахов для трудовой службы на фронте. Восстание было сокрушено, более 200 тысяч казахов было убито, и много других бежало через границу в более отсталый китайский Туркестан, где колонисты еще не были такой большой проблемой».

Конец и восстанию казахов, и практике мобилизации степняков на тыловые работы положила Февральская революция. Она стала следствием неудач на фронте, гибели миллионов солдат, ухудшения условий жизни граждан Российской империи. В результате случившихся в Петрограде революционных событий февраля 1917 года в России установилось двоевластие Временного правительства и Петросовета. 2 марта (15 марта по старому стилю) царь Николай II отрекся от престола.

Шакарим, как и многие казахи, простодушно обрадовался свержению

царя. В первый момент думал только о том, что в жизни народа теперь наступят наконец перемены к лучшему. Все зло, которое несло десятилетиями российское администрирование, все то безмерное унижение, которое в последний год испытал казахский народ, попав под настоящий геноцид, в этот миг казалось облеченным именем царя. И его уход чудился поэту предвестником свободы и независимости для народа.

Был он в это время в степи около Баканаса, на своей отшельнической зимовке в Кен-Коньсе. Естественно, что оптимистическое ощущение происходящих событий не могло не отразиться в стихах, к примеру «Взошла заря свободы»:

*Свободы день встает. Казахи, мой народ,
Идите за людьми, узревшими восход,
За светлую зарей идет и солнце вслед,
Казахи, вам пора навеки сбросить гнет.*

*Прочь с корнем вырвем мы усобицы, раздор,
Отбросим навсегда ложь, сплетни, всякий сор,
Всю волю, мужество пора уже собрать,
По справедливости зажить всем с этих пор.*

*Всю душу дружно вы в свой вкладывайте труд,
Передовые пусть народы вас ведут,
Самовлюбленность вам и зависть ни к чему,
Пусть вас свободными, правдивыми зовут.*

*Пусть совесть прояснит твой разум, мой народ,
И светлое пускай над темным верх возьмет,
Как сердце доброе, пусть справедливый труд
В союзе с разумом всех к миру приведет.*

В стихотворении с таким подчеркнутым названием — «Взошла заря свободы», кроме лирического апофеоза торжества света над тьмой, эстетически значимы мотивы совести, проясняющие разум народа, при котором «люди все равны, и плохие только те, кто стал рабом мощны».

Самодовлеющий мотив зари, таким образом, это не декларативно-пафосное восприятие нового строя, а искреннее пожелание: «пусть в трудовой семье живут земли сыны».

Ровно восемь месяцев после смены самодержавия либерально-демократической властью прошли для казахского народа без потрясений, в благостной тиши.

Тобыктинская молодежь успела осуществить на жайляу Ойкудык постановку пьесы «Енлик и Кебек» молодого писателя Мухтара Ауэзова. Написал он пьесу, конечно, под впечатлением от одноименной поэмы Шакарима. Сам автор пьесы и руководил постановкой. Она была осуществлена по случаю выдачи замуж и проводов Акыш, внучки Абая. Артистами-любителями были внуки Абая и родственники автора пьесы, причем и женские роли, как в средневековых европейских театрах, исполнили аульные жигиты.

Шакарим хорошо знал юного Ауэзова, который в пору обучения в Семипалатинской учительской семинарии общался со сверстниками из клана Кунанбая.

Ахат, какое-то время тоже обучавшийся в учительской семинарии, писал:

«Отец любил молодежь, особенно образованную молодежь. Таких ребят, как Вилял Кунанбаев, Нугман Кунанбаев, Кутайба Ибрагимов, которые учились в семинарии, привечал особо, подолгу с ними разговаривал, они жили у нас по два-три дня. Я был еще маленьким, понимал не все, о чем говорили. А когда подрос, приезжали такие учащиеся, как Мухтар Ауэзов, Даниял Искаков. И они оставались на несколько дней, беседовали с отцом.

Мухтар все больше спрашивал о писателях и поэтах Востока. Отец, как знаток в этом, все объяснял. Однажды Мухтар спросил у отца, кто самый сильный из восточных поэтов. Отец сказал: «Они все мастера, писали красивые поэмы, были красноречивы. Их высоко ценили западные поэты и мыслители. Трудно сказать, кто лучше или хуже». И выделял Хафиза. Говорил: «Его стихи возникают из небытия». Называл Хафиза тонким мастером слова, читал его стихи, тут же переводил. Называл также интересными и содержательными рассказы шейха Саади, читал их. Знакомил с творчеством Навои, Фирдоуси.

Так происходило постоянно. Мухтар часто приходил и беседовал с отцом. Зимой писал отцу письма, передавал через меня, получал ответы на многие вопросы. Позднее Мухтар вспоминал: «В то время не было знатока литературы Востока лучше, чем Шакарим. Я полюбил восточную литературу благодаря учителю Шакариму!».

Несмотря на такое давнее знакомство, можно сказать, что именно с постановки пьесы «Енлик и Кебек» началось творческое общение двух

выдающихся творцов — молодого Ауэзова и умудренного жизнью Шакарима. Оба оказались вовлеченными в один исторический процесс, оба были участниками возрождения национального самоуправления и оба стали свидетелями катастрофического крушения кочевого уклада жизни.

Тревожное состояние ощущается во втором сочинении поэта, посвященном Февральской революции. В нем уже нет пафоса, которым наполнено стихотворение «Взошла заря свободы», нет и призывов идти за безымянными «людьми, узревшими восход». На их место пришли непростые раздумья.

Впрочем, название новому стихотворению поэт дал не менее пафосное — «Развевается знамя свободы». Умопостигаемое время, когда «вольницей катятся воды», навеивает поэту вопрос:

*Смогут ли наши казахи
К слитности выискать броды?*

Нет оптимистического упоения зорями свободы, ибо народ, как «в сирости бедный ребенок», может быть, и «преодолеет невзгоды»:

*Если он сам переможет,
Если Создатель поможет,
Если опять не стреножат.*

Мироощущение лирического героя, уловившего в стихийном знаке вольницы канун будущих «окаянных дней» (И. А. Бунин), не испытывает того апофеоза торжества света свободы, как в предыдущем стихотворении:

*Воля пришла на зимовье,
Больше ли стало угодий?
Что будет с русским сословьем? —
Важно не для обихода.*

*Нынче царизм не воскреснет.
Будет к нему интерес? Нет,
Роль Николая исчезнет —
Я не глумлюсь над уходом.*

*Русский народ не утихнет,
Лишь ненадолго затихнет.
Сколько интриг еще вспыхнет
В схватках в ближайшие годы...*

Последние события, сулившие грандиозные перемены в жизни казахского общества, требовали участия лучших сынов народа в созидании новой жизни. Поэтому Шакарим все чаще возвращался в родной аул у подножия Чингистау, оставался надолго, ожидая вестей из города.

Он внимательно следил по газетной информации за событиями в России. И, несмотря на неугасающую надежду, все же ощущал растущее беспокойство, начиная понимать, что установившаяся тишина — это всего лишь затишье перед бурей. Что главный удар стихии еще предстоит пережить.

Мечты и терзания Алашорды

Политические события в революционном 1917 году развивались стремительно. Временное правительство, сменившее после Февральской революции царское правительство, не спешило предоставлять самоуправление национальным окраинам, на которое так надеялись народы империи. Вообще, кажется, не собиралось решать национальный вопрос.

В такой ситуации логично было ожидать от местных национальных элит политических шагов в сторону обеспечения независимости, в крайнем случае, автономии в составе России для своих народов.

Поэтому неудивительно, что в марте и апреле 1917 года в разных регионах казахской степи были одновременно проведены областные съезды казахов. Причем выдвигаемые политические требования были разными, порой диаметрально противоположными. Например, Тургайский и Уральский съезды высказались за федеративную демократическую республику и отвергли ориентацию кадетов на установление конституционной монархии.

Отошли от кадетов и казахские либеральные демократы (Букейханов, Байтурсинов, Дулатов), но они поставили главной целью создание автономной казахской государственности в составе России (программа «Алаш»). Кадеты признавали только культурную автономию.

Принципиально выступая против насилия и кровопролития, алашцы тем не менее требовали: «Все ранее отобранные у казахов переселенцами земли должны быть возвращены обратно, и туземцы должны быть с землей в первую очередь». Так говорилось в программе «Алаш». Логика понятна. Потеря пастбищных угодий могла обернуться окончательной потерей традиционного способа хозяйствования. Как бы власти ни считали такое производство примитивным, оно тысячелетиями кормило кочевой народ, основой существования которого было кочевое скотоводство.

Однако радикальные формулировки могли предопределить конфронтацию в будущей расстановке политических сил.

С 27 апреля по 7 июня 1917 года прошел областной съезд и в Семипалатинске при участии более двухсот представителей из пяти уездов области — Семипалатинского, Павлодарского, Каркаралинского, Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов, а также двух представителей из соседнего Бийского уезда России.

Наряду с деятелями набирающего силу движения «Алаш» Раимжаном

Марсековым, Жакыпом Акбаевым, Халелом Габбасовым на съезде с размышлениями о будущем нации выступил и Шакарим Кудайбердиев.

Текст выступления Шакарима не сохранился для истории. Зато имеется восторженный стихотворный отклик Султанмахмута Торайгырова:

*Ах, как слушали на съезде мы в Семее
Мысли старца, не было его мудрее.
Если не считать обученных казахов,
Кто, кроме него, характером смелее?*

Проведение областных съездов открыло путь к Первому общеказахскому съезду. Он прошел с 21 по 26 июля 1917 года в Оренбурге.

Самым значительным результатом съезда стало создание партии «Алаш». Название «Алаш» Алихан Букейханов вынашивал давно. Еще в 1910 году в историческом очерке «Казахи» писал, что «имя мифического лица Алаша» было боевым кличем у казахов. В статье «История казахов» дал более развернутое объяснение: «Джучи хану было присвоено народное имя «Алаш». Это означает: Алаш — глава отечества» (Казах. 1913. № 7).

Одним из первых, кто ответил на вопрос «Что такое Алаш?», поставленный Букейхановым в статье «Особое слово» (Казах. 1913. № 12), оказался Шакарим. Иными словами, поэт изначально был прекрасно осведомлен о задачах движения, знал, что его лидеры ставят целью создание казахской автономии. Не отвергал эту идею, хотя и не приветствовал горячо, что свойственно его рассудительной натуре.

После оренбургского съезда был опубликован проект программы партии «Алаш». В качестве первоочередных задач были декларированы: всеобщее избирательное право, пропорциональное национальное представительство, демократическая Российская федеративная республика с президентом и законодательной Думой, равенство автономий, входящих в состав России, демократические свободы, отделение религии от государства, равноправие языков.

По сути, лозунг «Проснись, казах!» сменился на идею казахской автономии. Тем самым казахские интеллектуалы окончательно отмежевались от партии кадетов, поддерживавшей Временное правительство.

Очень быстро стали создаваться и областные организации партии «Алаш»: сначала в октябре 1917 года в Семипалатинске, затем в Омске и в начале ноября в Оренбурге. Председателем Семипалатинского областного

комитета был избран Халел Габбасов.

Вечером 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года в Петрограде холостой выстрел из носового орудия крейсера «Аврора» дал сигнал к захвату большевиками Зимнего дворца, в котором располагалось Временное правительство эсера Керенского. Произошла Октябрьская революция. Власть в России захватили большевики.

Лидеры партии «Алаш» Октябрьскую революцию восприняли негативно. Ахмет Байтурсынов (1873–1937) позднее, в 1919 году, писал: «Насколько казахам была понятна Февральская революция, настолько же непонятной была и Октябрьская социалистическая революция. Первая революция была правильно понята и с радостью встречена казахами, потому что, во-первых, она освободила их от гнета и насилий царского правительства, а во-вторых, подкрепила у них надежду осуществить свою заветную мечту — управлять самостоятельно. То, что вторая революция показалась казахам непонятной, объясняется просто: у казахов нет капитализма и классовой дифференциации, даже собственность у них не так разграничена, как у других народов. Наводила же ужас на казахов Октябрьская революция своими внешними проявлениями. На окраинах большевистское движение сопровождалось насилиями, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью, говоря короче, движение на окраинах часто представляло собой не революцию, а полнейшую анархию».

Схожее мнение лаконично высказал и Шакарим. Как обычно, поэтическим языком. В поэме «Жизнь Забытого» революционным событиям уделено значительное место. Будучи на поколение старше большинства окружающих, он внимательно следил за происходящими событиями:

*В шестьдесят заботы края
Снова на меня свалились.*

*Вырвался казах из рабства,
Вот нежданное богатство!
Словно дни свободы, братства
Солнечным дождем пролились.*

Вскоре после обращения, в особенности к молодым («Что лежать без дел, как вол, / Раз свободы знамя взвилось!? Русский нам ведь за отца,

Стыдно в роли подлеца / Нам лежать и ждать конца»), поэт не испытывает духа бодрости, как прежде. Ибо возник, как он видит, раздор двух партий — большевиков и меньшевиков. Постичь суть их разногласий нет возможности, поэтому, заявляет поэт, «надежды испарились».

*Большевик да меньшевик...
Партий двух раздор возник.
Что тут скажешь, я не вник
В то, как русские делились.*

*Хоть сказал, что русский вместо
Предка нам, и это лестно,
Лег я вновь на свое место,
Коль надежды испарились.*

Да, Шакарим, как и большинство казахов, вскоре охладел к идеалам Октябрьской революции, но за политическими событиями продолжал следить очень внимательно. Он обратил внимание на то, что среди казахов были и сторонники Октябрьской революции. Некоторые из них создали в Петропавловске партию «Уш жуз» («Три жуза»). В газете «Сарыарка» (1917. № 21) была помещена такая телеграмма: «Казахи, не удовлетворенные программой партии «Алаш», созданной А. Букейхановым, самостоятельно открыли социалистическую партию «Уш жуз». Партией этой руководили Колбай Тогысов, Мукан Айтпенев, Исхак Кабеков и другие лица. В «Уш жузе» было около тысячи членов, в том числе в Петропавловске — 200, в Омске — около 450 человек. Программа партии сводилась к созданию федерации. Ушжузовцы поддерживали большевиков. Словом, по идеологическим предпочтениям казахская элита оказалась разделенной.

Нов ноябре 1917 года на региональных выборах в Учредительное собрание партия «Алаш» получила большинство голосов и 43 депутатских места. Партия «Уш жуз» оказалась в проигрыше. Вообще, по количеству голосов, полученных на этих выборах (262 тысячи 404 голоса), «Алаш» заняла восьмое место среди полусотни партий, существовавших в России.

Лидеры партии «Алаш» придавали большое значение предстоящим выборам депутатов земств — сначала уездных, затем областных. Земства — выборные органы местного самоуправления в Российской империи — все еще имели важное политическое значение. (Они были ликвидированы

только в 1918 году декретом советского правительства.)

Букейханов и Дулатов в газете «Казах» призывали образованных казахов принять активное участие в земских выборах с целью взять в собственные руки земское правление в регионах.

В Семипалатинской области выборы в земства прошли в ноябре и декабре 1917 года. Активность казахского населения была значительно выше активности русских граждан. Об этом с понятным огорчением писал, к примеру, С. Возмитель в статье «О выборах гласных в Семипалатинское уездное земство» в газете «Дело»: «14 ноября в Уездном Комитете по ведению земства рассматривались результаты выборов по Семипалатинскому уезду. Стоя на страже крестьянских интересов, я громко заявляю о крахе русской части земства в этом уезде. Едва ли нас удовлетворят двое русских гласных на 38 киргиз...

Итак, товарищи, если мы посмотрим на будущее земство, где будет два русских представителя против почти сорока киргизских гласных, куда будут поступать наши жалобы и наши земские сборы, и откуда будут исходить хозяйственные и экономические распоряжения, я не знаю, смогут ли товарищи Богатырев и Парасочкин вдвоем достаточно отстоять интересы русского населения. Представители киргизы задумали пойти навстречу, но не слишком ли поздно?

Киргизское население совершенно отнеслось иначе. Они отложили всякие домашние обстоятельства, даже организовали транспорты для перевозки лиц, имеющих право участвовать в выборах. И в проведении земства оказались у них самые лучшие результаты. Прошли все образованные лучшие работники и даже на славу провели одну женщину».

Одна женщина — это Назипа Кульжанова, избранная в уездное земство в числе шести депутатов от города Семипалатинска. А в числе депутатов от пятого округа первым в списке шел «Худайбердин Шакарим, Чингизская волость».

Вообще С. Возмитель прав, в Семипалатинское уездное земство прошли лучшие люди, можно сказать, цвет казахской нации того времени.

Участие в земских выборах, возможно, помешало Шакариму попасть на Второй общеказахский съезд. Хотя он имел персональное приглашение.

Срочно провести следующий съезд лидеров партии «Алаш» побудили, конечно, октябрьские события в Петрограде. Время было дорогое. От того, какое направление примет государственное развитие, зависела судьба нации.

Второй общеказахский съезд прошел тоже в Оренбурге с 5 по 13 декабря 1917 года. От Семипалатинской области в нем приняли участие

Халел Габбасов, Алимхан Ермеков, Турагул Абайулы, Жумекен Оразалин, Ахмет Шагыров, Кабыш Бердалин, Ахметолла Барлыбаев. За подписью Алихана Букейханова были разосланы приглашения на съезд двадцати восьми самым авторитетным личностям. Среди них был и Шакарим. Но он в Оренбург не приехал.

На съезде обсуждались вопросы национальной автономии, создания милиции, Национального совета. С докладами выступили Алихан Букейханов, Хал ел Габбасов, Мустафа Чокай, Джанша Досмухамедов.

Главным результатом съезда, конечно, стало решение об образовании казахской автономии. В постановлении съезда декларировалось: «Назвать казахско-киргизскую автономию «Алаш», ее подземные и наземные богатства будут принадлежать Алашу. Создать Временный Национальный Совет. Назвать его Алашордой, место временной дислокации (расположения) Алашорды — Семипалатинск».

28 января 1918 года через газету «Сарыарка», выходившую в Семипалатинске, было официально объявлено об образовании национально-территориальной автономии Алаш и создании правительства Алашорда.

Предполагалось в дальнейшем утвердить конституцию автономии Всероссийским Учредительным собранием.

С 1918 по 1919 год Центральный и Семипалатинский областной комитеты Алашорды располагались в левобережной части Семипалатинска — в Жана-Семее. В те два памятных года левобережье именовалось недвусмысленно: город Алаш.

Автономия не означала полной государственной независимости. Алашевцы прекрасно понимали, что после векового господства Российской империи сразу получить независимость не удастся ни при какой расстановке сил. Но историческое решение партии «Алаш» о создании, по сути, основ нового государства вполне могло обернуться успехом, если бы не противодействие других политических сил, которые опирались на внушительные государственные ресурсы.

Главной противодействующей силой были большевики. После октябрьского восстания в Петрограде и установления советской власти в центральных районах России большевики стремились, во-первых, решить внутривластную задачу — устранить влияние меньшевиков и эсеров, во-вторых, распространить советскую власть на всю территорию теперь уже бывшей Российской империи.

Первого января 1918 года в Семипалатинске официально оформилась Семипалатинская партийная организация большевиков, открестившаяся от

меньшевиков. Большевики немедленно организовали отряд Красной гвардии. 28 января Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Высшую власть должен взять в свои руки Совет и на период до областного съезда избрать Временный областной комиссариат Российской Социалистической Федеративной Республики». Областной военный комиссар М. Шабанов с отрядом Красной гвардии установил контроль над важнейшими учреждениями Семипалатинска. Большевики взяли в свои руки вокзал, тюрьму, банк, почту, телеграф. В Затоне рабочие заняли кожевенный завод, судоремонтные мастерские, пристань.

Утром 17 февраля 1918 года горожане прочитали воззвание исполкома Совета: «Граждане Семипалатинска и области! Исполняя волю трудового революционного народа и области, Совет рабочих и солдатских депутатов с сего дня принял на себя всю власть по управлению городом, вошедшим в состав Российской Социалистической Федеративной Республики. Объявляя об этом, Совет призывает все учреждения, предприятия и всех граждан к подчинению Советской власти и к спокойному занятию каждого своей повседневной работой».

Правительство Алашорды не намерено было быстро сдать позиции. Срочно был поставлен под ружье отряд милиции Алашорды, который взял под контроль Заречную слободу (Жана-Семей).

Но большевики оказались расторопнее алашевцев. Орган издания Алашорды газета «Сарыарка» публиковала отчаянные строки: *«В какой бы ни было волости, в каком бы ни было городе не осталось ни одного места, не взятого большевистской властью. Создаются за советом совет, они все переворачивают, крушат и властвуют»* (1918. № 15).

Шакарим в эту зиму, приезжая из Чингистау, сразу попадал в контору Алашорды на левобережье.

Не забывал о литературных обязанностях. Сдал в журнал «Абай» перевод газели Хафиза, начинавшийся словами «Сопы молится чему-то...». Перевод был напечатан в третьем номере журнала за 1918 год.

С декабря он жил в «городе Алаш» безвыездно, почти до лета, участвуя в обсуждении проблем как полноправный член уездного земства. Много общался с людьми, видел, как непросто давалось казахам понимание происходивших перемен. На стороне советской власти было пока малое число казахов, преимущественно члены партии «Уш жуз» — в основном мелкие чиновники, кустари, учителя, фельдшеры. На страницах печати ушжузовцы нападали на алашевцев, те давали отпор в своих газетах.

Соперничество партий «Алаш» и «Уш жуз» не продлилось долго. К

июню 1918 года члены партии «Уш жуз» приняли сторону большевиков и партия распалась за ненадобностью.

Но вот противостояние Алашорды с советской властью продолжалось и в итоге оказалось смертельным для одной из сторон. Опасность можно было предугадать уже в начале 1918 года. Ничем хорошим не могло закончиться сосуществование Красной гвардии и алашординской милиции.

Молодой писатель Беимбет Майлин (1896–1937), сторонник правительства Алашорды, писал в статье «Первая жертва», опубликованной в газете «Сарыарка» 18 марта 1918 года:

«Согласно постановлению последнего общего казахско-киргизского съезда в Семипалатинске была организована конно-пешая милиция. На это в последнее время большевики стали смотреть косо и не раз заявляли: «Прекратите учения, сдайте винтовки». Наши милиционеры-защитники, имея в виду, что в их сердцах, кроме охраны народа, нет никаких злых намерений, прямо не возражали, но и своих учений не прекращали.

6 марта около 9 часов утра к нашим защитникам, проводившим учения без оружия, подошли 10–15 солдат и безо всякой причины произвели два винтовочных выстрела. Пули никого не задели. Когда некоторые жигиты, услышав выстрелы, бросились бежать, начальник милиции, учащийся учительской семинарии Казы Нурмухамбетулы, не сдвинувшись с места, смело крикнул, чтобы остановить суматоху: «Куда убегаете? Лучше примем безвинную смерть, всех не уничтожат!»

Между тем прозвучали частые выстрелы, пули попали и в самого Казы, и в его коня. Пуля угодила прямо в сердце жигита. Юноша ангельской души скончался прямо на месте.

Товарищи покойного плакали навзрыд, обнимая его голову, вскрикивая в горе».

Казы Нурмухамбетулы, казах из рода Сыбан, стал первой жертвой в противостоянии движения «Алаш» с советской властью. Первой, но далеко не последней. Молодой человек поступил в Семипалатинскую учительскую гимназию в 1915 году, должен был окончить ее в 1919 году. Пока же вместе с друзьями записался в алашординскую милицию, даже возглавил ее. Похороны Казы Нурмухамбетулы состоялись 7 марта. Когда покойный был погребен и была прочитана молитва, первым с речью выступил Шакарим. Ее воспроизвел в той же статье Беимбет Майлин.

«Народ! Вы знаете, кто здесь лежит? — говорил Шакарим. — Это первый из граждан Алаша, который пожертвовал жизнью ради своего народа. Не говорите, что он умер, нет, он не умер. Он свою любовь к нации проявил не на словах, а на деле. Говорил при этом: «Нынешние и будущие

граждане, ратующие за свой народ, защищайте его, как я».

Покойного и звали Казы. Имя его — Казы — означает бий, судья. И он, как бий, сказал свое веское слово.

Дорогой мой Казы, не жалея о своей смерти! Ты исполнил долг. Ты занимаешь особое место и перед народом, и перед Богом.

Образованные люди! Молодежь! Не забывайте этого своего товарища. Теперь тяготы его семьи на ваших плечах. У него остался, говорят, как свет его очей, годовалый сын. Воспитать и выучить его — непреложный долг всех алашцев. И вы тоже не падайте духом перед случившимся. Я только сегодня убедился, что Всевышний дал Алашу настоящего сына. Я уже не надеялся в шестьдесят лет увидеть такого гражданина, который готов пожертвовать жизнью за свой народ. Увидел. Теперь без сожаления могу умереть хоть сегодня.

Дорогой Казыжан. Прости, если мы не оценили тебя по достоинству. Прощай! Пусть будет светла твоя могила».

Правительство Алашорды давно поняло, с каким грозным противником приходится иметь дело. Большевистский Совет рабочих и солдатских депутатов не считал Алашорду серьезной организацией и намеревался, накопив силы, покончить с самопровозглашенной автономией Алаш. До поры до времени большевики все же сосуществовали с Алашордой, не забывая оказывать давление. Пока это давление обернулось убийством Казы Нурмухамбетулы.

Лидеры Алашорды, реально оценивая силы большевиков, успели заявить о признании советской власти. И предпринимали попытки наладить связь с центральной властью, чтобы начать переговоры о предоставлении казахскому народу автономии в составе России. Например, 2 апреля 1918 года Халел Габбасов из Семипалатинска вышел на прямую связь с Лениным и Сталиным, вел переговоры с Москвой по телеграфу. Но советское правительство не торопилось признавать правительство Алашорды, оттягивая решение вопроса. Назревало крупное контрреволюционное движение, и советской власти приходилось думать о сохранении завоеванных в октябре 1917 года полномочий.

Тем временем местная большевистская власть в Семипалатинске решила ужесточить режим деятельности оппозиционных партий, включая партию «Алаш». В начале марта 1918 года Временный комиссариат Российской республики запретил сначала издание эсеро-меньшевистской газеты «Свободная речь» и кадетской газеты «Дело», затем была запрещена газета «Казах».

Очень хотелось большевикам закрыть и газету «Сарыарка», основной

на тот момент орган издания партии «Алаш». Но ее редактор Халел Габбасов был членом Совдепа, и большевики, дабы не испортить отношения с казахскими представителями, оставили вопрос о закрытии газеты на будущее. Только в середине мая было принято решение о закрытии газет «Сарыарка», «Слово народа» и журнала «Абай».

Впоследствии, когда власть захватили белогвардейцы, закрытые издания возобновили свою деятельность и выходили непрерывно до декабря 1919 года.

Несмотря на давление со стороны Совдепа, правительство Алашорды за время их «мирного» сосуществования провернуло немало дел, стараясь поступать как подлинно народная власть. Успешно действовали комитеты уездных и областного земств, которые находились под контролем Алашорды. Они решали проблемы просвещения, здравоохранения, животноводства, продовольственного обеспечения, судебной системы, социального обеспечения, административного управления.

На проходившем в апреле 1918 года первом чрезвычайном собрании Семипалатинского областного земства рассматривались как наиболее важные вопросы создания административного правления и судебной системы. В результате председателем областного казахского суда был избран Муқыш Боштаев, заместителем председателя — Иманбек Тарабаев, членами суда — Шакарим Кудайбердин, Смахан Бокейханов, а в качестве кандидатов были избраны Андамасов и Темиржанов.

Среди участников движения «Алаш» Шакарим был самым старшим по возрасту, обладал непререкаемым авторитетом в народе. Поэтому его избрание в состав суда Алашорды, а фактически в состав правительства Алашорды, было не случайным. В соответствии со своими представлениями о будущем казахского народа, о чести и обязанностях перед народом, Шакарим не стал отказываться от введения в состав суда Алашорды. Хотя по некоторым вопросам был не согласен с программой партии «Алаш».

Например, по отношению к русским переселенцам. Как и большинство казахов, он был недоволен царской политикой заселения лучших земель казахской степи переселенцами, прекрасно представляя, какой катастрофой может обернуться для миллионов жителей степи потеря пастбищ для скота, по сути, единственного источника пищи. Однако понимал, что речь идет о живых людях, что переселение совершено, это факт, который вот так просто, росчерком пера, не изменить. Говорил («Жизнь Забытого»): «Нет во мне националиста, / С предпочтениями — все чисто».

А в журнале «Абай» (1918. № 3) в рецензии на статью с характерным названием «Национализм» одного из алашординцев М. Турганбаева, человека с достаточно глубокими познаниями, Шакарим так обосновал свои принципы:

«Национализм может породить культуру, но не может породить чистого сердца. Чистое сердце есть совесть (любовь, милость, справедливость ко всему сущему), что по-казахски означает — принимать всех людей как братьев, сострадать и быть справедливым. Как здесь сказано, не может победить человечность, пока не станет больше чистых сердец».

Как бы то ни было, теперь поэт находился в самом центре событий в Семипалатинской области. Сразу принялся налаживать работу областного суда. Опубликовал, например, в газете «Сарыарка» 21 апреля 1918 года открытое письмо «Всем казахским гражданам Семипалатинской области»:

«Нынешняя власть утвердила казахский суд.

Отныне, какие ни возникнут между казахами большие или малые споры, их будет рассматривать казахский суд. Ранее дела рассматривал русский суд. Все те дела, по которым не вынесено решение, будут переданы в казахский суд.

По этой причине всем казахам Семипалатинской области следует принять во внимание следующее:

1. Подающий жалобу должен четко писать место жительства — свое, ответчика и свидетелей, а также указывать название волости. Иначе будет неизвестно, куда посылать вызов, и дело останется без рассмотрения.

2. В случае денежных или имущественных споров необходимо произвести оценку и указать размер претензий. В противном случае такое заявление рассматриваться не будет.

3. Нужно прекратить практику ложных обвинений, лжесвидетельств, бытовавших в прежнем суде. Потому что казахский суд такие ложные действия не будет оставлять без наказания. Причем наказание будет суровым. Например, один человек, давший в марте в суде ложные показания, до сих пор находится в заключении по решению суда.

Суд не станет принимать заявления с уверениями: «Больше лгать не буду, зла творить не буду». Отныне не будут восприниматься слова о том, что кто-то не знал правила казахского суда.

Прочитавшие это письмо в газете должны не только сами все уяснить, но и разъяснить другим. Сколько бы ни применялось хитрости, казахский суд способен все обнаружить.

*Член Семипалатинского областного суда
Шакарим».*

Документ очень точно характеризует принципы и мировоззрение Шакарима как судьи и как человека.

На тот момент на левобережье, в городе Алаш, собрались, по сути, все деятели национального возрождения, вложившие столько сил в продвижение национальной идеи — создания автономного казахского государства.

Рядом с Шакаримом трудились в Алашорде молодые литераторы, ставшие выдающимися творцами: Магжан Жумабаев, Жусипбек Аймауытов, Султанмахмут Торайгыров, Мухтар Ауэзов, Ильяс Жансугуров, Беимбет Майлин, Амре Кашаубаев, Иса Байзаков. В Алашорде состояли Кокбай Жанатайулы — ученик Абая, Турагул — сын Абая, брат Шакарима.

Возглавляли Алашорду просвещенные люди, совершенно новые персонажи казахской истории — интеллектуалы, профессионалы, жертвенные личности: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсинов, Миржакып Дулатов, Халел Габбасов, Мухаметжан Тынышпаев, Халел Досмухамедов, Алихан Ермеков, Ельдес Омаров, Жакып Акбаев, Биахмет Сарсенов, Райымжан Марсеков, Ахметжан Козыбагаров, Маннан Турганбаев, Абиkey Сатбаев, Билял Сулеев, Нургали и Назипа Кульжановы, другие деятели.

В феврале 1918 года белая армия при поддержке финансовых и промышленных кругов США, Англии, Франции, Японии начала вооруженную борьбу против советской власти. К весне военные действия приняли общенациональный масштаб. Началась Гражданская война, которая продлилась до октября 1922 года.

При этом большевики провозглашали своей целью построение бесклассового коммунистического общества как в России, так и в Европе путем активной поддержки «мировой революции». Белые провозглашали созыв нового Учредительного собрания с передачей на его усмотрение решения вопроса о политическом устройстве России.

Составной частью Гражданской войны стала вооруженная борьба национальных окраин бывшей Российской империи за независимость. Попытки провозглашения независимости вызывали отпор как со стороны белых, сражавшихся за «единую и неделимую Россию», так и со стороны красных, видевших в росте национального самосознания угрозу завоеваниям революции.

До прихода в Семипалатинск белых правительство Алашорды было

знакомо только с активным противодействием большевиков.

25 мая началось наступление Чехословацкого корпуса по всей линии Транссибирской железной дороги от Поволжья до Приморья. В начале июня белочехи (так называли объединенные отряды белой армии) захватили последовательно Петропавловск, Павлодар, Омск.

10 июня органы советской власти Семипалатинска приняли решение об эвакуации. 11 июня эшелон с отрядом Красной гвардии вместе с советскими работниками, общей численностью семьсот человек, покинул город.

Во второй половине дня правительство Алашорды полностью установило свою власть на левобережье.

На следующий день прибыли части белой армии, заявив о приоритете своей власти. Алашординцы не возражали, по-прежнему надеясь в будущем получить автономию в составе России. В тот момент и белогвардейцы не возражали против хозяйственного управления Алашорды в городе и области, поскольку сражения с большевиками поглощали все их силы.

12 июня алашординцы, в числе которых был Шакарим как член Национального совета, приняли на заседании несколько постановлений. Жусипбек Аймауытов на страницах журнала «Абай» писал: «В городе Алаш собралось руководство казахов, которое подняло дело Алашорды и принялось за свою работу. Нынешняя цель Алашорды — собрать воедино казахский народ, создать автономию. На пути к этой цели создается милиция Алашорды».

Газета «Сибирская речь» добавила некоторые подробности о формировании казахского военного отряда милиции: «В Семипалатинск прибыли из степи киргизские отряды. Примерно в шесть часов вечера они вошли в город. Им была устроена торжественная встреча на площади перед Никольской церковью. С поздравлениями выступил представитель Временного сибирского правительства Давыдов. Во время встречи на площадь вышел известный национальный деятель А. Букейханов. В его честь конные по предложению подполковника Тохтамышева прокричали: «Алла!» На белых флагах были лозунги: «Да здравствует всероссийское и сибирское собрание курултая!», «Да здравствуют честные сыны Отечества!».

Так сложился альянс правительства Алашорды и Временного сибирского правительства, которым руководил адмирал Колчак.

Отношения между союзниками не были безупречными. Однако именно это время, когда Семипалатинскую область контролировали белые,

оказалось самым благоприятным для правительства Алашорды. Оно получило наконец возможность почти беспрепятственно осуществлять административную деятельность.

Были восстановлены печатные издания, закрытые при большевиках. На первый план вышла работа всех земских комитетов уездов и области. Включился в работу и казахский суд Алашорды.

Шакарим писал в «Жизни Забытого»:

*Белые Семей обжили,
Суд казахов разрешили,
И меня избрать решили
В суд заочно — так сложилось.*

*Но устои белых пали,
Город части красных взяли.
Я вернулся, раз уж звали,
С верой чистой в справедливость.*

В двух строфах поэт уместил целую историю сложных взаимоотношений как с правительством Алашорды, так и с представителями белогвардейцев. Жизнь до ухода белых состояла из невольных метаний, выхода из состава суда, чуть ли не принудительных возвращений.

Суд Алашорды, в который поэт был избран перед приходом белых, оказался под полным контролем представителей Временного сибирского правительства. В частности, белогвардейцы сами решали, кого из осужденных судьями Алашорды отправить в тюрьму, а кого отпустить. Чаще просто отменяли решения, на что и сетовал Шакарим. Естественно, поэту такое насилие над свободной волей не нравилось.

Вдобавок и деятели партии «Алаш» стремились осуществлять генеральное руководство, словно взяв пример с большевиков. В условиях военного времени меры, возможно, были оправданными. Но Шакарим не воспринимал никакую диктатуру, кроме диктатуры нравственного по своим высоким моральным принципам закона. Потому и возникло убеждение, определившее суть проблемной ситуации, когда нравственность стремятся подчинить законам классовой борьбы: «Партия — само злодейство, / Для людей — как лицедейство».

По воспоминаниям Ахата, Шакарим очень переживал и в сентябре

1918 года с горечью признался:

«Я зря стараюсь. Руководители и не собираются людей делать народом. Как всегда распри! Все тот же карьеризм. Эгоизм. Та же клановость, не собираются расставаться с партиями! Чтобы защитить народ, поддержать справедливого — нет такого. Бедному народу кроме несчастий, сыплющихся на голову, ничего не дано. Я увидел, что на них надеяться нечего. А ведь это самые образованные люди. Я поверил в то, что они поведут народ по пути справедливости. Ошибся!»

Шакарим придерживался старинного народного принципа: «Если не будет справедливого суда, народ будет больным».

Однако он все более убеждался, что в справедливом суде отныне нужды нет.

Читая потрепанную книжку с речениями Конфуция, которая была всегда под рукой, он нашел то место, что припомнилось, когда он начал перебирать в памяти деяния партии «Алаш»: «Если естество в человеке одолеет культуру — получится дикарь. Если культура одолеет естество — получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может быть достойным мужем».

Шакарим задумался: А много ли осталось сейчас в Алашорде достойных мужей — по Конфуцию? «Когда ты видишь доброго человека, старайся превзойти его; когда видишь дурного — изучи свое сердце».

Это верно, по мысли Шакарима, изучить свое сердце: оно должно биться в унисон с сердцем народа, чтобы ты не забывал о его нуждах.

Итак, Шакарим принял решение вернуться в Чингистау. Сослался на болезнь. Он и выглядел больным, настолько сильно повлияли переживания последних дней. И получить справку о болезни от врача было нетрудно.

В Алашорде ему не поверили. Однако для него это был единственно правильный выход. В конечном счете он поступил как поэт. Предошущение бессмысленности борьбы было сильным. Кровавая Гражданская война не оставляла надежд на осуществление мечты алашцев.

Автономия поэтической мысли

Вернувшись в Чингистау, Шакарим недолго пробыл в ауле. Дух свободы в уединенной обители гнал дальше, в Кен-Коныс.

Поэту важно было в момент душевного смятения оказаться в спасительной тиши отшельничества, остаться наедине с мыслями, чтобы обрести уверенность, душевную гармонию и равновесие. Потому и стремился в степь, в сердце Чингистау, в Кен-Коныс под смутный покров мириад звезд, где провел столько времени в счастливых интеллектуальных бдениях.

Его поэтические опыты обнаруживают особое состояние неуспокоенности, большей частью протекающее в атмосфере творчества, свободы и печали. Это был реализм жизни с ее повседневными заботами (опять вдвоем с Аупишем в трудных условиях готовились к зиме) и реалиями ухода от жизни окружающей действительности (с кровавыми зорями «окаянных дней»):

*Нет тишины и нет прозренья,
И нет ни дня без размышленья.
Печалюсь, кровь в себе глотая,
И ночью нет успокоенья.*

*В раздумьях день я провожаю,
Зари восход с пером встречаю,
Глазами в строки книг впиваясь,
Остатки сил в глуши теряю.*

Ему было тяжело этой осенью в Кен-Конысе.

Он ушел из Алашорды только тогда, когда почувствовал, что насилие, совершаемое над духом, становится невыносимым. Алашорда так и не добилась автономии для казахов. Изначально слово «автономия» означает — своезаконие. В случае Алашорды не сработали ни внешние, ни внутренние факторы. Метрополия не признала свободы народа, а общество не сподобилось, точнее, просто не успело сотворить новые законы бытия.

И тогда Шакарим, по сути, создал свою автономию — духа, мысли. Создал нечто, производимое на собственных основаниях, на своих законах.

Этой зимой он написал стихотворение, которое озаглавил: «Прощай, мой народ».

Но получилось не прощание, а определение позиций. Прежде чем вновь уйти «в свой мир идей», поэт-философ обращается к той до-текстовой реальности, в которой оказался после свершившегося октябрьского переворота 1917 года. Ту реальность моделируют образные мотивы: «заря свободы», сулившая обновление жизни, «дела», что незаладились у всех, «народ», что продолжает пребывать в «темноте». В возникшей теперь под его пером «круговерти мысли» разочарованный герой сознает: «Я точно с мужеством расстался»:

*Бродишь, мысль моя, где-то бродишь,
Издали на меня смотришь.
Кто там, смерть рядом с тобою?
Под мелодии песнь заводишь,
Что за цель тебя увлекла?*

Совмещая разные хронотопы — революционного «там» и отшельнического «здесь», — поэт вновь и вновь возвращается к нравственным императивам деятелей, как он определяет, «лихолетья». В его выстраданной скрижали прочитываются следующие заповеди: искушение «вначале» соперничества и хвастовства, обретение навыков честного пути, неискушение умов легкостью лозунгов, утверждение культуры труда.

Холодной зимой 1918/19 года он вновь вступил на путь постижения Истины. В его случае постижение Истины означало непрерывное творение. Творение и есть бытие. А бытие и есть свобода.

Ахат зафиксировал собственно бытие:

«Зимой 1918 года отец отправил обратно в аул находившегося с ним близкого друга Аупиша из рода Керей, с которым был дружен с четырнадцати лет. И остался один.

Когда прибыл Аупиш, в ауле все переполошились. Пришлось ему рассказать, почему он вернулся. Однажды отец попросил его научить доить верблюда. «Зачем вам это? Испачкаетесь молоком», — отговаривал Аупиш. Но пришлось научить. После этого отец и объявил: «Возвращайся домой, я останусь один». — «Не уйду!» — возразил друг. Тогда отец сказал: «Нет, Аупиш, ты должен меня понять. Я знаю, что ты готов разделить все мои радости и горести. Если искренне меня жалеешь,

отправляйся домой. Я занял все твое время, держал несколько лет при себе. Конечно, знаю, ты на это не обижаешься. Однако ограничивать человеческую свободу — все равно что держать в рабстве. Я сейчас птицу не стреляю. Мне осталось только закончить начатые тексты. Еду себе буду готовить сам. У меня еще хватает сил принести воды, развести огонь, задать сена коню и верблюду. Если меня понимаешь, ты должен вернуться».

Верному соратнику поэт посвятил большое стихотворение «Только Аупиш, друг мой, рядом».

Именно из стихотворения, проникнутого уважением и благодарностью к терпеливому, понимающему, честному другу, становится понятно, что оба — и Шакарим, и Аупиш — были людьми из настоящей жизни. Оба — классическая правда. Классическая в том смысле, что жили они в традиционной морали и дышали атмосферой высокой нравственности, которую выносили прадеды, выпестовали эпосы, сохранили в речах бии, перенесли этические принципы в степные законы.

И потому в их уединенном жилище не было фальши.

Когда появилась фальшь в казахской жизни? Возможно, тогда, когда в степь пришли деньги, когда старинные, проверенные многовековой историей законы стали меняться на новые кодексы и уложения, диктуемые не природой, а посторонней культурой, какой бы высокой она ни была.

Написав много добрых слов в адрес друга, Шакарим добавил пояснения, которые важны как реминисценции:

*Аупиш еще растил скотину баям,
Давал еду их ненасытным стаям.
«Мой долг — быть честным» — так считали оба —
Аупиш и дядя Том, не веря раю.*

Соединив образы разных культур — эпохи своего личного бытия и иноязычной литературы, — Шакарим продолжает параллели:

*Глазам мерещится эпоха рабства.
Назвать рабом живого — святотатство!
Но если честно, чем Аупиш отличен
От дяди Тома? Больше ли богатства?*

Ну, разве что на рынок бросят Тома,

Иль голову снесут мечом весомым.

Уже на уровне личностного осмысления образа рыцаря своего отшельничества, Аупиша, поэт ассоциирует мотивы его несвободы с рабской неволей:

*Так я ж свободу не даю Аупишу!
Вот и отправил, чтобы был он дома...*

Сравнение с героем известного романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» напоминает об интересах Шакарима. Этой зимой он задумал перевести на казахский язык сильно впечатлившую его книгу о судьбе рабов в Америке.

После отъезда Аупиша он раскрыл русское издание «Хижины дяди Тома», углубился в чтение и принялся за перевод.

Весной 1919 года Шакарим получил от сына Кабыша, который добрался до его отшельнического жилища, чтобы проведать отца, странное, если не сказать неприятное, известие о том, что Алашорда объявила Шакариму бойкот.

В этом словечке казахам чудился намек на что-то неприличное. Родственники долго думали, сообщать или нет поэту новость, просочившуюся из газет. Местные журналисты писали как о сенсации о желании некоторых лиц запретить поэту печататься в алашординских изданиях, называя акцию модным словом «бойкот», видимо, по примеру непримиримых русских революционеров.

Шакарим реагировал на бойкот холодно. Зная о сложностях в общественной деятельности Шакарима, родственники как могли поддерживали поэта, даже в эти дни вновь выдвинули его на должность судьи, несмотря на бойкот.

В Центре документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, в городе Семее, имеется документ от 29 июля 1919 года за подписью управителя Чингизской волости в правление Семипалатинского уездного земства — список лиц с правом на должность народного судьи по Чингизской волости на 1920 год. В этом списке значится: «Худайбердин Шакарим, 60 лет, грамотный, аул № 2». В конце концов бойкот не получил большого распространения. В Алашорде, видимо, быстро поняли глупость этой затеи и остановили кампанию травли поэта.

Тем более что ситуация в Гражданской войне изменилась. И было уже не до сведения счетов. Осенью 1919 года войска Восточного фронта Красной армии вошли в Западную Сибирь и Казахстан. Белые отступали.

В ноябре красные взяли Павлодар, Камень, станции Рубцовка и Аул. Несмотря на скопление больших сил, колчаковцы не надеялись удержаться в Семипалатинске. Начальник местного отделения контрразведки белых в докладе от 5 ноября 1919 года писал: «В обыкновенной войне можно было бы надеяться, что такая «крепость», как семипалатинская, сыграет известную роль, но в войне гражданской — это, пожалуй, предположить трудно. Мы не можем быть уверенными в надежности тыла по отношению к фронту. Нельзя с уверенностью сказать, что повстанческие вспышки невозможны на противоположной стороне Иртыша, тем более что там находится большевистски настроенная воинская часть — железнодорожный батальон».

Из города началось бегство чиновников Временного сибирского правительства, семей офицеров, купцов, промышленников.

Организованный большевиками подпольный центр вечером 30 ноября поднял в городе восстание. Утром 1 декабря Семипалатинск был освобожден от белых. Командир белогвардейского корпуса сообщал телеграммой атаману Анненкову: «Все части восстали, остались в Семипалатинске, отошли со мной до пятидесяти офицеров».

Власть в городе перешла к Военно-революционному комитету.

Алашординцы, как и все казахи, в боевых действиях участия не принимали, считая Гражданскую войну сугубо российским конфликтом.

10 декабря в Семипалатинск вошли передовые части регулярной Красной армии. Не задерживаясь долго в городе, они развернули наступление на Усть-Каменогорск, Зайсан и Сергиополь. К концу марта 1920 года остатки белогвардейских частей ушли в Китай. Семипалатинская и Семиреченская области полностью перешли под власть Советов.

Гражданская война в России продолжалась до октября 1922 года. Следствием ее стало тяжелое экономическое положение государства. Но самым страшным последствием были миллионы оборванных человеческих жизней.

Казахи к установлению советской власти отнеслись настороженно, что было естественно в ситуации непрерывных революционных перемен. Газета «Степная правда» писала 25 декабря 1919 года: «Среди мусульманского населения замечается полная солидарность и согласованность в работе с рабоче-крестьянским правительством Советской России. Угнетаемое и разоряемое бывшими колчаковскими

приспешниками мусульманское население теперь ясно видит, кто его искренние друзья и кто враги».

Несколько иначе описал взаимоотношения с новой властью Шакарим в «Жизни Забытого»:

*Красных было много смелых,
Шли по пять бойцов умелых:
«Сдать оружие от белых!» —
Так трясти казахов стали.*

*Некоторые наглели,
Забирали, что хотели.
Жалуешься — лишь зверели.
Множество нам бед наслали.*

*Из казахов лучших вроде
Выбрали во власть.
<...>
Искренними притворились,
На словах лишь подчинились,
Шкурою овцы накрылись,
Мысли при себе держали.*

*Партия не отставала,
Всех прохвостов привечала,
Молодых в себя вбирала,
К сплетням быстро привыкали.*

Поэт критичен, но вместе с тем взвешен в оценках. Упомянул о бесчинствах в первые дни прихода красных. Однако объективно заметил, что после подавления очагов сопротивления жизнь стала налаживаться: «Тучи сразу разогнались».

Большинство казахов не торопились радоваться советской власти, но лучших вроде бы продвигали во власть, говорит Шакарим. Это правда. Партия большевиков применяла на национальных окраинах гибкую тактику привлечения в партию лиц коренной национальности. Едва провозгласив власть Советов в Семипалатинской области, большевики стали создавать мусульманские, казахские секции при областном и уездных

парткомах.

Так было везде. Итогом кампании стало вступление свыше пяти тысяч казахов в коммунистическую партию большевиков в первые три года советской власти.

К слову, тактику вовлечения казахов в свои ряды большевики эффективно применяли и в отношении Алашорды. Еще 10 июля 1919 года Лениным было подписано «Временное положение Совета Народных Комиссаров о Революционном комитете по управлению Киргизским краем». В его состав был введен Ахмет Байтурсынов.

А после изгнания белогвардейцев из Семипалатинска инициатива создания властных структур быстро перешла от казахской культурной элиты к большевистской партии. Новая власть приступила к ликвидации управленческих структур Алашорды. Были закрыты газеты «Сарыарка», «Алаш», журнал «Абай», который редактировали Мухтар Ауэзов и Жусипбек Аймауытов.

Затем 5 марта 1920 года решением Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем было ликвидировано правительство Западного отделения Алашорды.

Состоялось заседание Ревкома, на котором отсутствовал Ахмет Байтурсынов. В принятом протоколе говорилось: «Опубликовать населению в газетах, что никакого договора между Ревкомом и Алашордой не было, а условия перехода алашординцев указаны в ответе Ревкома от 21 января за № 253, то есть личная неприкосновенность и амнистия за прежние их деяния сохраняет силу».

Из документа можно понять, что алашординцы пытались договориться с советской властью и готовы были пойти на слияние с Ревкомом. Но партия большевиков была уже так сильна, что не нуждалась в альянсах.

Алихан Букейханов в тот момент был, по сути, нейтрализован, находясь в составе Ревкома. От переговоров он был отстранен.

Ревком разъяснял: «Впредь до общекиргизского съезда, который созывается в июле месяце 1920 года и который единственный может выбрать законное советское правительство всей Киргизии, — Киргизские области управляются Ревкомом, назначаемым Советом Народных Комиссаров РСФСР. И поэтому слияние Алашорды с Ревкомом возможно только таким образом, что Совет Народных Комиссаров включает некоторых членов Алашорды в состав Военревкома Киргизии».

К осени 1920 года правительство Алашорды практически перестало существовать. Прекратила деятельность и партия «Алаш».

Многие члены правительства Алашорды присоединились к

большевикам, воспользовавшись амнистией, объявленной специальным решением ЦИК РСФСР. Но, несмотря на соглашения, никто из них не избежал репрессий, последовавших в ближайшие десятилетия.

Таким образом, партии «Алаш», представителям казахской культурной элиты не удалось реализовать идею автономии, которая тогда еще могла открыть путь к государственной независимости. Шанс был. Однако сказался ряд причин — объективных и субъективных, по которым независимость в тот момент не состоялась. Партия «Алаш» объединяла в основном узкий круг интеллектуалов. Казахское общество, большинство которого составляли безграмотные степняки, не спешило поддержать идеи лидеров партии о справедливости, гуманизме и независимости. Это, скорее, объективный фактор. В свою очередь, деятелям партии «Алаш» не удалось политически закрепить интересы нации. Они могли воздействовать на массы только через управленческую верхушку на волостном уровне. К середине 1918 года Алашорда оказалась под влиянием примкнувших зажиточных слоев общества. Состоятельные казахи воспринимали автономию как расширение и упрочение своей власти. К тому же в самой партии «Алаш» существовали разногласия между тремя фракциями: Семипалатинской, Западной (Уральской) и Туркестанской. Это субъективные факторы.

Окончательно народ разочаровался, когда постановлением Алашорды от 11 июня 1918 года был объявлен покибиточный сбор по 100 рублей, независимо от достатка владельцев. Тем самым партия «Алаш» отошла от заявленного в программе принципа взимания налогов по степени имущественного состояния: богатый платит больше, бедный — меньше.

И главный, конечно, объективный фактор — категорическое нежелание российского руководства предоставлять автономию. Все окраины бывшей Российской империи должны были, по представлениям большевистских лидеров, участвовать в социалистическом строительстве. В составе единого государства.

Нарком национальностей Иосиф Сталин в телеграмме от 7 апреля 1918 года на имя Алиби Джангильдина объяснял: «Буржуазно-националистические группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в оружие закабаления своих собственных масс».

У Алашорды не было ни материальных, ни финансовых, ни военных ресурсов, чтобы противостоять воле центра.

В течение двух лет — с декабря 1917-го по осень 1919 года, пока существовало правительство Алашорды, казахи жили в режиме ожидания: будет ли у них собственное государство?

Трудно утверждать, что эти два года у них уже было полноценное государство. Если говорить о классических признаках государственности, то у автономии Алаш не было конституции, собственной денежной системы, вооруженных сил. Не были согласованы границы с соседями. Понятно, в России шла Гражданская война. Однако по ее окончании в любом случае пришлось бы решать вопрос суверенитета — признания другими государствами. Советская Россия Алашорду не признала еще до окончания войны.

Несмотря на все это движение «Алаш» оказало огромное влияние на самосознание нации, подняв упавшее знамя свободы униженного народа. Историческое значение Алашорды состоит в том, что она на многие годы вперед запрограммировала казахскую государственность, которая должна была состояться рано или поздно, причем с большим исполнением признаков государственности.

Лидеры партии «Алаш» устремились к самой высокой цели, которая сияла в мечте, — к независимости народа, не считаясь с собственными интересами. Это были жертвенные личности, рожденные на изломе эпох, подлинные герои народа. К их числу, безусловно, надо относить и Шакарима, фактически члена Алашорды, несмотря на его уход осенью 1918 года и неуместный бойкот недоброжелателей.

В течение 1920–1924 годов партия большевиков завершила объединение казахских земель в единое автономное государственное образование, вроде бы реализовав идею алашцев о казахской автономии. В августе 1920 года в казахской степи была провозглашена Киргизская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе РСФСР со столицей в Оренбурге. В апреле 1925 года Киргизская АССР была переименована в Казахскую АССР — лишь этим актом была исправлена историческая путаница в именовании народа. Столица была перенесена из Оренбурга в Кызыл-Орду. Однако провозглашенная автономия была, конечно, не совсем казахской и имела мало общего с автономией, предлагавшейся движением «Алаш». Управление республикой отныне велось под контролем Москвы, и никаких признаков независимого государства не наблюдалось.

Шакарим все это время не писал, как другие казахские поэты, стихи, прославлявшие советский строй. Его не вдохновили белые, но не радовали и большевики, пугавшие население «красным» террором.

Он вообще не имел привычки восхвалять режимы и правителей. Написанное после Февральской революции стихотворение «Взошла заря свободы» так и осталось единственным восторженным панегириком в его

творчестве. Тогда поэт искренне поверил в наступление свободы для казахов. Действительность опровергла надежды. В одном из стихотворений 1919 года поэт утверждение советской власти сравнил с дворцом, построенным на песке:

*Возведенный на песке,
Дом их — как на волоске.
Стоит ли потомков баев
Умолять помочь в тоске?*

Этот образ дома-государства соткан у Шакарима из взаимодействия личного и общего. Мифологема государства будущего как метафора грозы (в тексте «мираж»), как обещание воли, которая, однако, «прячется во мгле», имеет далеко не притягательную силу:

*Жизни дом, он — на земле.
Дом надежды — в мираже,
Там, на озере далеком,
Воля прячется во мгле.*

*Кто под куполом зеленым
Стал доподлинно свободным?
В этой брэнной жизни вряд ли
Сможешь стать по правде вольным.*

Шакарим предвидит грядущую трагедию, отсюда его ситуативная этика мудрой печали терпения:

*Не грусти, не порти честь,
Будь доволен тем, что есть.
Знай: нам так и не открылся
Путь к свободе, но он есть.*

Когда поэт вернулся в родной аул, где его авторитет знаменитого кажы по-прежнему был непоколебим, поток гостей, просителей, сородичей, нуждающихся в помощи, не иссякал. В 1920 году у Шакарима гостил даже

немецкий врач, ученый, профессор Макс Кучинский, который с разрешения советского правительства совершал ознакомительную поездку по казахской степи.

Кроме русского переводчика Кучинского сопровождал казах Кошке Кеменгеров, учившийся на врача. Молодой человек хорошо знал Мухтара Ауэзова, поэтому первым делом отправился с гостями в Борли, в его родной аул.

Мухтар Ауэзов в 1919 году вступил в коммунистическую партию, с октября 1919 года состоял в подпольной организации, боровшейся против Колчака. Уже в декабре, после прихода красных, занимал должность заведующего инородческим подотделом управления областного Ревкома. И теперь был членом губернского исполнительного комитета, важным чиновником новой власти.

Макс Кучинский выразил желание пообщаться с кем-то из казахов, многое повидавших в жизни. Мухтар Ауэзов повез гостя к учителю, старшему своему товарищу по творчеству, — Шакариму.

Кучинский много расспрашивал Шакарима о традиционной культуре, о казахских поэтах и видах народного устного творчества. Переводил с казахского на русский в основном Мухтар Ауэзов. Узнав о философских изысканиях старца, Кучинский долго пытал поэта о прочитанных им книгах, интересовался мировоззренческими взглядами и отношением к известным философам.

На праздник Курбан-айт специально для гостя устроили скачки — байгу, даже посадили его на иноходца. Потом продемонстрировали жестокую конную игру — кокпар, устроили соревнования борцов. Вечером гость слушал исполняемые на домбре и скрипке казахские и русские мелодии, делал записи, карандашные зарисовки. Он был благодарен за прием и получил огромное удовольствие. Днем ходили по гостям в соседние дома, купались в речке, пили кумыс. Кучинский удивлялся, как много мяса и кумыса усваивал организм казахов, говорил, что одного блюда мяса, съедаемого казахами за ужином, хватило бы немецкой семье на целый месяц. Впоследствии он подробно описал казахскую кухню, дав ей оценку с точки зрения ученого-медика.

По словам Ахата, на прощание немецкий ученый сказал Шакариму: «Я счастлив, что встретился и беседовал с вами. Считаю вас истинным ученым, мыслителем степи! Как вернусь домой, даст Бог, напишу книгу о жизни в степи. Если будет возможность, приеду еще. Хочу выучить казахский язык, а вы научитесь немецкому. И тогда мы поговорим без переводчика».

Вернувшись на родину, Макс Кучинский написал и издал книгу «Степь и ее обитатели». А Мухтар Ауэзов, уезжая, пообещал помочь поэту опубликовать его произведения. Для начала забрал рукопись поэмы «Лейли и Меджнун». Молодой деятель, литературный талант которого Шакарим оценивал очень высоко, слово сдержал. Правда, политическая карьера Ауэзова в тот момент достигла апогея. Он стал членом ЦИК Казахской автономии, был делегатом IX Всероссийского съезда Советов, который проходил в Москве в декабре 1921 года. Но осенью 1922 года двадцатипятилетний Мухтар Ауэзов оставил крупный государственный пост в Оренбурге и поступил вольнослушателем в Среднеазиатский Туркестанский университет в Ташкенте.

И только тогда он смог опубликовать поэму «Лейли и Меджнун» Шакарима. Она выходила в Ташкенте по частям в номерах 2–5 и 6–8 журнала «Шолпан» в течение 1922–1923 годов. Поэма была напечатана, как и написана, в арабской графике. Однако Шакарим был сильно недоволен публикацией из-за многочисленных типографских ошибок.

В конкретных исторических условиях, когда правящая партия навязывала народу готовые решения и общие правила, Шакарим писал стихи и продолжал задаваться как коренными вопросами бытия, так и метафизическими: какой теперь будет жизнь? как вести себя человеку в условиях несвободы? каким образом можно сохранить совесть и честь? Адресовал эти экзистенциальные вопросы новому поколению:

*Нравится ль вам этот мир самим?
Что могло создать его таким?*

Какая тайна заключена во мраке Вселенной? Брошу в океан пылинку соли, на сколько частей разделится она? Сколько лет пахнет резеда? — вопрошал он в стихотворении «Измеряя мрак и свет». В поисках ответа писал цикл великолепных стихов, датированных 1922 годом и озаглавленных «Думы на вершине горы»:

*Взойдя на пики Чингистау, стою себе.
Как хорошо на высях думать о судьбе.
Безмолвно пожелаю им спокойной ночи,
Уходит день, опять приходит ночь к тебе.*

И только холодными зимними вечерами в одиночестве зимовья иногда начинал ощущать свои года, которые, отзываясь болью в суставах, усугубляли духовно-душевные переживания поэта. В такие тоскливые минуты писал он печальные строки:

*Блаженство моих безгорестных дней,
Блаженство моих беспечальных ночей,
Пользы от вас никакой.
Шесть десятков мои отсчитали года,
И уже голова моя стала седа,
Где найду я покой?*

*И обречен я слезы лить,
И опьянен я без вина,
Судьба погасит мой огонь,
И мне могила уж видна.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
НАУКА СОВЕСТИ

Последнее хорошее место

Летом 1923 года поэт получил письмо от редактора газеты «Казак тип» («Казахский язык»), который, помимо прочего, приглашал уважаемого писателя присылать статьи в газету.

Шакарим возобновил активную публицистическую деятельность, прерванную «бойкотом» Алашорды. Например, в 1924 году опубликовал в газете «Казахский язык» две превосходные статьи, касающиеся проблем литературоведения: «Обращение к редактору газеты» (№ 3 (412) от 31 января 1924 года) и «Критика и критика критики» (№ 26 (425) от 4 марта 1924 года).

«Читаю казахские газеты и журналы с тех пор, как они начали выходить, хотя не удается читать все номера, — писал Шакарим. — Всегда обращал внимание на критические тексты образованных казахских личностей, подвергающих пристрастному исследованию тексты других авторов».

Он и прежде, сравнивая в стихах цели литературы с устремленными вывесь пиками минаретов, призывал поставить критику на более высокий научный уровень. Вот почему он посчитал целесообразным обратиться к притче:

«Известный древнетюркский поэт Физули сказал однажды: «О Господи! От трех негодяев сбереги мою поэзию! Во-первых, спаси от человека, не смыслящего ничего в поэзии, — он не сможет отличить хороших стихов от плохих. Во-вторых, спаси от завистника — такой человек способен удачное стихотворение назвать плохим, вывернув наизнанку истинное содержание. В-третьих, спаси от безответственных писак — они способны перевернуть авторское слово»...

Опираясь на «притчевую» эстетику литературоведения, Шакарим посетовал в качестве примера на неудачную журнальную публикацию своего творения:

«Подобная история случилась с моей поэмой «Лейли и Меджнун», опубликованной в журнале «Шолпан», издающемся в Ташкенте. Количество опечаток и описок настолько велико, что только их исправление составило бы отдельную книгу».

В статье «Критика и критика критики» в самый сумеречный, пожалуй, период казахской литературы поэт рассуждал о критике честной, аргументированной. Справедливая, лишённая злобных нападок критика

способна содействовать развитию литературы:

«Думаю, если писать или делать что-то ради сиюминутного признания, по-настоящему искреннего ничего не получится. Я вообще не мыслю о том, чтобы увековечить свое имя при жизни или донести до потомков. Все просто. Как бы вы ни отвергали хвалу или хулу, ваши речи и деяния попадут в обсуждение по законам природы. И пока критики не дадут оценку вашим выступлениям, читатели не успокоятся. Поэтому, что бы вы ни делали, правильнее творить не ради почестей, а для пользы большинства и ради избавления литературы от вреда.

На вопрос: «Кто может стать критиком?» — отвечу: каждый волен говорить, а значит, каждый может свободно критиковать. Однако по-настоящему честный критик должен быть лишен болезненного чувства противоречия, ему не подобает иметь скверный характер. Здравый рассудок! — никто не будет возражать против его критики. Если его нет сегодня, то пусть хотя бы у грядущего поколения будут открыты глаза чистого разума.

Вывод: и критики, и критикуемые, и заступники должны выступать с чистым сердцем, правы они или не правы. Иначе, если будут продолжать — кто издевки и насмешки, кто самовосхваления, а кто завистливые выпады, — то нам останется только говорить безнадежно казахам: «Да пусть простят вам грехи».

Контакты с печатными изданиями принесли конкретную пользу. Благодаря переписке с редакторами газет «Степная правда» и «Казахский язык», в июле 1924 года был издан давний труд Шакарима — «Рассказ о Дубровском», поэтический перевод повести Пушкина.

Один из рукописных вариантов перевода, ходивший по рукам, попал в ту пору в руки членов семипалатинской губернской комиссии, инспектирующей казахские печатные издания. Председатель комиссии Шаймардан Токжигитов, члены комиссии Имам Алимбетов и Сабит Донентаев писали в предисловии к «Рассказу о Дубровском»: «Оказывается, это произведение создано давно, но автор смог распространить ее в народе только в рукописном варианте. Одна из таких рукописей попала в руки комиссии. Выяснив, чье это произведение, мы взяли у самого писателя настоящую рукопись, перевели на современный шрифт и отдали в издательство».

Шакарим обрадовался, конечно, изданию «Рассказа о Дубровском» и начал готовить к печати другие давно законченные вещи.

Между тем летом 1924 года Шакарим нежданно-негаданно лишился своего одинокого жилища в Кен-Конысе. Как ни старался он не иметь

контактов с новой властью, не считая ее безгрешной, и не вступать с ней в открытую конфронтацию, все же советская власть добралась до его угодий.

Земли на жайляу Кен-Коныс были отданы русским крестьянам для выращивания пшеницы. Возвращаться туда Шакарим не захотел. Летом жил в своем родном ауле на жайляу в Баканасе. Общался с родными, баловал внуков.

Камиля Капыркызы, дочь Гафура, вспоминала: «Дедушка мой очень любил детей, всегда опекал нас. Проснувшись утром, вся детвора аула бежала к юрте деда. Наевшись у него сушеной смородины и земляники, довольные, бежали по домам».

Здесь его застал неутомимый Мухтар Ауэзов, который успел после учебы в Ташкенте поступить в октябре 1923 года на филологическое отделение Петроградского государственного университета (с января 1924 года — Ленинградский университет). Но после первого курса, по настоянию органов просвещения Казахстана, он вернулся в Семипалатинск и стал преподавать в Семипалатинском педагогическом техникуме казахскую литературу, теорию и историю литературы.

И вот летом 1924 года Мухтар со своим юным другом Аль-кеем Маргуланом приехал погостить к Шакариму в Баканас.

Спустя полвека академик Алькей Маргулан (1904–1985), выдающийся казахский ученый-археолог, востоковед, историк, литературовед, вспоминал:

«Когда в 1924 году я в первый раз поехал в Чингистау, жизнь людей тех мест со своей необычной культурой показалась мне совершенно особенной. И старшие, и молодые глубоки умом, необычайно учтивы, не позволяют себе возбужденную болтовню. Говорят со сдержанным достоинством. Когда собирается внимающая публика, знаменитые старцы простирают окрест волнующие душу слова, сдержанно растекаясь сказаниями, пробуждающими мысль, погружают слушателя в думы сложными речитативами, иногда посреди разговора приводя цитаты известных мыслителей».

Таких «знаменитых старцев» в Чингистау было тогда не так много. Вообще говоря, был один — Шакарим, имя которого в пору запрета Маргулан произнести не мог. Вряд ли кто, кроме Шакарима, цитировал тогда известных мыслителей.

Писатель Алексей Брагин в воспоминаниях о Мухтаре Ауэзове привел следующие слова писателя: «Позднее, уже в студенческие годы, когда меня сознательно заинтересовала жизнь казахского поэта Абая, я встречал людей, хорошо знавших героя моего романа».

Ауэзов говорил о Шакариме — нелепо было бы сомневаться в этом. Во всяком случае, в тот год он уже занимался подготовкой к изданию первого полного собрания сочинений Абая. Собирал не публиковавшиеся стихи, сверял тексты, общался с теми, кто был рядом с Абаем. Шакарим помогал молодому ученому, нисколько не смущаясь разницей в возрасте. Проводил с Мухтаром целые дни за текстами, восстанавливая стихи учителя. Наверное, именно этим летом Ауэзов задумался о художественном произведении об Абае, потому что в течение последующих нескольких лет неизменно приезжал в Чингистау, встречался с Шакаримом и вел с ним долгие беседы о великом поэте.

Как всегда, Шакарим много писал. В том числе, например, сочинил стихотворение, которому дал в каком-то безысходно тоскливом состоянии символическое название — «Ноль». Лексема «ноль» в тексте стихотворения не повторяется, поэтому сначала обратимся к символике числа «ноль». Это древнейший (еще со времен Вавилона) знак. Пифагор, труды которого Шакарим изучал, рассматривал знак «ноль» как прародителя единицы, содержащего в себе все сущее. Ноль — это пустота, тайна, ничто, но также и вечность, всеобщность, потенция, порождающая промежуток времени.

Что же представляет собой стихотворение поэта, озаглавленное им символом не-числа и построенное на поэтике противопоставления? Оно начинается с обращения к перу, которое олицетворяет мотивы задушевного родства. Другие «действующие» персонажи переживаний лирического героя — «друзья», которые являют собой «вражий круг»:

*Перо — ты родич мой и задушевный друг.
Недавние друзья сомкнули вражий круг,
Не смотрят на меня, улыбки ни одной,
И тот, кто ростом мал, стал великаном вдруг.*

В исповеди мыслящего героя перо символизирует творческое действие на статику сомкнутого враждебного окружения. По исламской религиозной символике, орудие письма — это первая вещь, созданная из света. Поэтому неудивительно, что в стихотворении далее возникает образ лампы, несущей животворность бытия или, напротив, горькую неизбывность тьмы:

*Так лампа, зажжена, нам щедро дарит свет,
Которым освещен наш угол и согрет,*

*Но если на ветру огонь ее погас
Иль сломана она — в ней проку больше нет.*

Попытки Шакарима возжечь своим пером свет истины, чтобы человек, отпавший от мудрости разума и милосердия, мог задуматься о подлинном смысле бытия, пока не внушали оптимизма:

*Я б не хотел, грустя, тех осуждать людей,
Чей так изменчив нрав по сущности своей.
Попробуй с фонарем пройти весь бренный мир —
Нет чистых в нем сердец — и станет жить грустней.*

(Перевод Всеволода Рождественского)

Таким образом, поэтика заглавия «ноль» маркирует сущность той действительности, которая стала порождением эпохи безвременья, эпохи между настоящим, исповедующим вражду и ненависть, и светлым будущим, обещанным большевиками.

В конце февраля 1925 года в двери зимовий постучалась беда.

Тяжело заболел старший сын Шакарима Суфиян. В апреле ему должно было исполниться пятьдесят лет. Вызванный из города врач определил чахотку. Шакарим и без лекаря уже знал диагноз. Он мог надеяться только на врачебное искусство. Однако чуда не произошло. После двух месяцев мучительной болезни Суфиян скончался, оставив в сиротстве пятерых детей. Заботу о внуках поначалу принял на себя Шакарим.

Но позже, когда несколько улеглось горе, он вновь задумался об уединении.

«Когда справедливости нет, уйдите от мира», — говорил Конфуций. Древний китайский философ словно жил в одном ритме с Шакаримом. «Когда в стране справедливость, стыдно быть бедным и ничтожным. Когда справедливости нет, стыдно быть богатым и знатным», — говорил Конфуций.

Ни слава, ни почести, ни богатство уже не могли привлекать Шакарима. Одна страсть переполняла душу, занимала ум, заставляла учащенно биться сердце — сочинительство. Желание было так огромно, замыслы так велики, что слова, казалось, сами слагались в строки. И Шакарим мечтал вновь оказаться в уединении, чтобы в пустынной дали, в

спокойной межгорной тиши собирать «ягоды-слова» с кустов плодоносного древа-разума и переводить их в рифмованные строки на чистом листе бумаге.

Писал в стихотворении «Прощальное слово»:

*Смерть — не сожаленье для меня.
То, что я держал в руках, храня:
Одиночество — вот мечта моя!*

И тогда он собрался во второе свое отшельничество, ставшее мученически-легендарным.

На сей раз выбрал для строительства уединенного жилища самое подходящее, как ему казалось, место — урочище Карабулак. Это были родовые земли. Он говорил себе, что имеет полное право ставить жилище в любом месте территории, принадлежавшей семье. Однако смутно представлял, что новая власть, культивируя иные взгляды на собственность, способна лишить прав на родовые земли.

Летом 1925 года вместе с сыновьями Кабышем и Ахатом он сложил из саманного кирпича скромный дом у подножия одного из холмов в Карабулаке. За жилищем на многие годы закрепилось название Саяткора — «Охотничий двор».

Он и занимался на просторах родных долин охотой, чтобы пополнять запасы еды, пока позволяла погода. Добывал гусей, реже — уток. Если удавалось, стрелял косуль, архаров. Ахат вспоминал, как однажды он погнался верхом за подбитой лисой. Отец шел следом пешком. Подбитый корсак забрался в яму. Шакарим обложил яму со всех сторон валунами и ушел. Вернулся через два дня. Лиса к этому времени прорыла новый ход почти до поверхности. Шакарим просто схватил ее руками. Таким вот грамотным он был охотником.

Аргынбек Ахметжанов, друг Ахата, оставил описание дома в Саяткоре, где был летом на каникулах: «Жилище Шакарима, сделанное по собственному проекту кажы, имело особое строение. Две комнаты дома обогревались снизу через пол. Печь тоже была сложена по проекту кажы. Вдоль стен обеих комнат стояли шкафы с книгами. В первой комнате был низкий каменный стол, за которым он работал. Место, где он сидел, подогревалось от печи. Сидеть можно было поджав ноги. Стульями или скамьями он не пользовался».

Пока строили в Карабулаке дом, родные доставили из города первый

номер журнала «Тан» («Рассвет»), главным редактором которого был Мухтар Ауэзов. Журнал начал выходить с апреля. Ауэзов поместил в нем свои первые рассказы, восхитившие Шакарима художественной интонацией, индивидуально-личностным взглядом начинающего литератора на мир.

Поэт тотчас написал несколько посвящений журналу «Тан». В одном из них обращался непосредственно к редактору:

*Для дитя своего
Средств не пожалей,
Пусть читают его
Много разных людей.*

*Ты мыслитель большой,
Ты талант, видит Бог:
Жизнь украсить душой —
Несомненный твой долг...*

Получилось напутствие молодому писателю на долгий творческий путь. Точно так же в 1889 году благословил его, Шакарима, Абай, правда, не восторженным панегириком, а сдержанной критикой:

*Молю тебя, мой умный младший брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.*

Вскоре в отстроенный Саяткора прибыли первые гости — члены мелиоративной экспедиции при Семипалатинском губернском земельном управлении. Видимо, в губернском исполкоме Шакарим твердо считался просвещенным, авторитетным, знающим русский язык местным жителем, с которым можно посоветоваться и получить необходимые сведения. Во всяком случае, участники мелиоративной экспедиции воспользовались не только гостеприимством поэта, но и его многолетними наблюдениями.

Делегация была большой. Кроме начальника экспедиции Андрея Самохвалова, ее членов Николая Смысловского, Александра Овечкина, Виктора Бочкарева, были сопровождающие лица — помощники,

переводчик, проводник.

Шакарим рассказал мелиораторам о водной системе Чингистау, перечислил реки, объяснил, как проходят водоразделы. Даже выехал с исследователями в горы и показал, откуда берут начало некоторые речки Чингистау.

Гости делали снимки. На одном из них оказался запечатленным Шакарим. Это общего плана фотография уходящего вдаль межгорья. На левом склоне в отдалении стоит прямо, с непокрытой головой, пожилой казах в длиннополой куртке. Окладистая седая борода, густые брови, орлиный взор. В руках — шапка. Смотрит в объектив. Это Шакарим. Фотография была обнаружена в Центре документации новейшей истории в Семее в 2009 году.

Под фотографией — отпечатанная на машинке подпись: «т. № 37. Хребет Чингиз. Верховья речек. На переднем плане каз. поэт и писатель Шакарим Кудайбердин».

Довольные мелиораторы, собрав необходимые сведения, вскоре уехали.

Но следом стали наезжать другие гости. У кого-то были дела к старцу. Однако чаще к кажы приезжали, считая себя обязанными почтить вниманием святого человека, знаменитого поэта, чингистауского мудреца. Наведывались друзья поэта. Добрался как-то в гости славный казахский поэт Иса Байзаков с веселыми друзьями.

Ближе к осени 1925 года приехали даже тобыктинские комсомольцы.

Один из первых комсомольских активистов в Чингистау Садык Касиманов (родился в 1904 году) писал в воспоминаниях:

«Со мной были Ботабай Арыстанбайулы из рода Мамай и курсант Совпартшколы Кенжетилеу Дуланбеков из рода Бокенши. Что скрывать, мы, комсомольцы того времени, ненавидели ходжей, мулл, кажы, баев, обзывали их, смеялись над ними. Правда, до конца не понимали, по какой причине. Но Шакарима уважали за мудрость. Мы называли его «вторым Абаем».

Когда пришли, Шакарим сидел перед небольшим домом и кормил беркута. На плечи была накинута доха из шкуры жеребенка. Мы с почтением приветствовали его.

Кажы встретил нас очень тепло, как давних знакомых. Усадил беркута на подставку в тени дерева. Помыл руки и пригласил в дом.

Внутри убранство было простым. С правой стороны — постель кажы прямо на полу. У дальней стены — два сундучка. Посредине комнаты — низкий круглый столик.

Наливая кумыс, кажы смотрел добрым взглядом и, словно помнил нас, да немножко подзабыл, расспрашивал, кто мы и чем занимаемся.

Узнав, откуда родом Кенжетилеу, сказал:

— Жигиты из Бокенши у нас артисты, щеголи, себя не перетруждают, очень красноречивы. В народе, я слышал, говорят: «У этих русских не хватает ума: столько установили столбов для телеграмм, потратили уйму денег. Просто поставили бы между Аркатом и Семеем десяток парней из Бокенши, все новости в один миг доставляли бы».

Мы посмеялись.

Шестидесятилетний поэт не избегал идеологических разговоров, которые, понятное дело, интересовали комсомольцев.

— Вы счастливые люди, — говорил Шакарим, — не то что мы, жили, когда кругом была неопределенность, не знали, откуда выйти, куда идти в бедственное время.

— Кажы, да вы, оказывается, настоящий коммунист, — вставил здесь слово мемуарист Садык Касиманов.

Шакарим рассмеялся.

— Сейчас некоторые неслучайно заговаривают, что пророк Мухаммед был коммунистом. Ни пророк, ни муллы, ни кажы не могут быть коммунистами. Даже если захотят, не смогут. Это новое дело для нового человека.

В конце беседы он несколько раз повторил:

— Не бросайте учебу. Нужно учиться дальше. Позже поймете, как это важно».

Вот так осенью 1925 года началось второе отшельничество Шакарима.

Жить одному, в принципе, было нетрудно. Кочевники генетически свыкаются с одиночеством в огромном степном пространстве. Такая жизнь порой невыносима, но она в крови казахов. Как другие народы околдованы океаном, у кромки которого родились, так и казахи проникнуты пространством бескрайней степи, потому что выросли в ее колыбели.

Шакарим в Саяткара много писал. Осенью первым делом закончил наконец трагедию «Адиль и Мария». Шакарим называл свое необычное произведение романом, но, пожалуй, при всем уважении к автору романом в классическом понимании его не назовешь. И хотя в этом произведении действие развивается на протяжении довольно длительного времени, однако по объему оно не очень велико. Местами автор вводит структурные элементы, свойственные пьесе, — внушительные диалоги, отдельно выписанные монологи. Это и была бы пьеса, если бы не замечательные лирические пейзажные описания, потрясающие психологические и

философские заметки.

Сюжет очень занимателен, хотя современный читатель может посчитать его чисто шекспировскую коллизию банальной. Однако не надо забывать, когда эта вещь была написана. Казахская проза только-только появилась на свет. Талантливые авторы писали рассказы, повести, романы, полагаясь лишь на свои познания. Национальных аналогов не существовало. Зато примером служила вся мировая литература. Казахским писателям было на что опираться. И они создавали вещи настолько самобытные, что они и сегодня остаются непревзойденными культурными достижениями, почти исчерпывающе описывающими свою эпоху.

Действие происходит в 1910 году в одном из аулов у подножия Чингистау. Он, могучий и древний Чингистау, неременный свидетель событий, помнил о первой встрече Адиля и Марии. Уже тогда он заметил любовь в глазах четырнадцатилетней девушки.

«Ясная Луна на небе, увидев воссоединение влюбленных Адиля и Марии, безмолвно делится с древним Чингистау: «О Аксакал! Как они желанны друг другу! Будто прежде ни у кого не было такого свидания. Будто их не пугает даже смерть в объятиях друг друга...» Древний Чингистау, оторвавшись от глубоких раздумий, звонко рассмеялся прозрачными водами рек, сверкающими в лунном свете: «Но ты же ничего не видела. Дело было днем, поэтому ты не могла этого видеть».

Адиль и Мария благословлены родителями, но в силу человеческой зависти обречены на гибель. Корыстный брат девушки решает выдать ее замуж за Еркимбека, сына богатого наместника. Но другой добрый брат девушки помогает Марии бежать к Адилю. С помощью друзей они скрываются в горах. Но такая жизнь их угнетает, и они возвращаются в аул. Адиля оговаривают, обвиняют в воровстве, которого он не совершал, ссылают в другой уезд, где он тяжело заболевает. Некто рассказывает Еркимбеку о болезни Адиля, и тот распространяет слух о его смерти. Еркимбек угрожает: если Мария не выйдет за него, будет уничтожен весь ее аул, все родственники. Мария готова принять смерть, нежели стать женой ненавистного Еркимбека. В это самое время появляется выздоровевший Адиль. В неравной схватке он получает смертельную рану от пули Еркимбека. Мария бросается к мужу, Еркимбек силой отрывает ее от Адиля. Мария пытается саблей нанести удар врагу, но Еркимбек опережает женщину и убивает ее.

В столкновении братьев, по Шакариму, предстает мир, в котором родственные чувства могут обернуться коварством. А благородное чувство любви и верности для молодых людей неотрывно от понятий чести и

достоинства.

Основное качество произведения Шакарима — красота и образное богатство казахского языка. У него даже отрицательный персонаж наделен выразительным слогом. Еркимбек говорит подельнику: *«Да ладно, прекрати, Шешенбай. Как говорил Абай, для дворняжки любая мертвечина тоже добыча. Ты, как увидишь девушку, все поражаешься ее красоте».*

Или вот другой пример поэтичного описания состояния природы и состояния души героя. Когда урядники арестовывают Адиля, он видит тучи, внезапно появившиеся в осеннем небе:

«В этот момент со стороны Чингистау появилось тоскливое черное облако, поднялся темный ураган, дождь перешел в снег. Когда выезжали из аула, Адиль заметил, как ветер погнал куст перекати-поля и занес в колодец. Увидев это, он подумал о тюрьме: «Как одиноко без родных! Ах, как безжалостна жизнь!».

А при описании жизни казахского аула Шакарим добавляет натуралистические штрихи, какие невозможно придумать никакому постороннему сказителю:

«Из аула вышли голые ребятишки. Они закрыли уши ладошками и стали раздражать голосам ягнят, овец. Они кричали то во весь голос, то приглушали крики. Громкие звуки сменялись глухими, а ребятишки, похлопывая себя по голым бокам, все пошли впереди ягнят.

Из крайней бедной юрты вышел старик, опираясь на палку, приблизился и стал покрикивать на овец: «Ишайт, шайт!»

И вот в это самое время ты, древний Чингистау, опустил свою тень, как с пояса темный платок, на людей, собравшихся у твоего подножия. А из юрты, словно узнав о твоей кончине, вышел старый, дряхлый старец, бросил свою шапку и стал собирать овец».

В этой зримой картине степного вечера, наполненного звуками и жестами всего живого, предстают не только люди — млад и стар, но и вечная гора, опускающая сумеречную свою тень на своды жилищ. Эта гармоническая слаженность мира для автора очень важна: кто из окружающих его молодых современников равен миру и его гармонии.

Но Шакарим в этом произведении напрочь лишен морализаторства. Не было у него попыток представить события, по литературной моде, как отражение классовой борьбы или показать через злодеяния Еркимбека порочность «новых» казахов. Конечно, борьба людей и мотивы жестокого противоборства сполна представлены в «Адиле и Марии», но не это главное для поэта. Он обрисовывал жизнь как художник, позиционируя ее красоту в самой горькой драме возвышенных чувств.

К великому сожалению, «трагический роман» «Адиль и Мария», эта своеобразная литературная матрица жизни, не дошел в печатном виде до современников автора. Несомненно, он существовал в рукописных копиях, но их было слишком мало.

В конце 1925 года Мухтар Ауэзов опять уехал доучиваться в Ленинград, и без него журнал «Тан» вскоре был закрыт как «националистический». А самому Шакариму так и не удалось найти средства на издание книги. Открытие романа было отложено на шестьдесят три года.

Поразительное дело, Шакариму было шестьдесят шесть лет, когда он начал жить в одиночестве в Саяткора, однако наступил один из самых продуктивных творческих этапов его жизни. Еще более поразительно, что он творил в пору, когда над степью собирались грозовые облака. Советская власть, все более подчиняя людей своим требованиям, становилась неотвратимой угрозой традиционному способу хозяйствования казахов. Мир кочевья шел к своему апокалипсису.

И в этот момент поэт стал трудиться более истово, чем когда-либо прежде. Писал непрерывно, отсылал статьи в газеты, стихи в журналы. Дописал прозаическое сочинение «Адиль и Мария», работал над автобиографической «Жизнью Забытого» и завершал трактат «Три истины».

Он бросился в стихию творчества как в последний долгий бой с непомерным злом. И писал из чувства долга. Долга перед народом, перед степью, перед своей землей. Он обязан был писать. Или уйти, как Лев Толстой.

Он постоянно мыслил образом и личностью Толстого, все более понимая, что уход в Саяткора — это и есть толстовский путь в пустынь, дорога к самому себе. И он всего себя отдал этому чувству. Толстой, его любимый Толстой говорил, что, не оставив в чернильнице куска мяса с кровью, ничего не напишешь. Шакарим сжигал себя на костре чувств, в пламени переживаний, в огне страданий ради всех людей в степи, ради человечества. Его активный труд сочинительства как позиция противостояния обстоятельствам, творимым силами зла, стал сознательным выбором последнего периода жизни.

Тропюю, ведущей к смерти

Следуя устоявшейся привычке доводить начатое дело до конца, зимой 1925/26 года Шакарим закончил перевод «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. К переводу приступил еще в конце 1918 года, когда после многолетней помощи своего друга Аупиша на зимовке в Кен-Конысе внезапно озаботился его социальным статусом.

Поводом к беспокойству и прозрению послужило именно знакомство с романом Бичер-Стоу, написанным ею почти сто лет назад, в 1852 году. Он был переведен на русский язык и публиковался в качестве приложения к журналу «Современник» еще в 1858 году. Многие годы демократические круги России рассматривали роман о рабстве в Америке как косвенное опровержение крепостничества в России.

Шакарим использовал наемный труд, по сути, всю сознательную жизнь. И его определенно смущала несвобода, в которой неизбежно оказывался наемный рабочий, как бы доброжелательно к нему ни относились работодатели.

«Хижина дяди Тома» окончательно ниспровергла представления о незыблемости деления кочевого общества на баев и их работников. О социальной революции поэт, конечно, не помышлял, но посчитал себя чуть ли не рабовладельцем, угнетающим Аупиша в Кен-Конысе. Он немедленно отправил тогда Аупиша домой, материально вознаградив за верную дружбу и многолетнее служение. И приступил к переводу так впечатлившей его «Хижины дяди Тома». Но завершил только сейчас, в середине 1920-х годов.

Говорить что-либо о работе Шакарима сложно, ибо перевод «Хижины дяди Тома» считается утерянным. Поэт упомянул о нем в письме Сабиту Муканову в 1931 году:

«Перевод романа «Адиль и Мария», наверное, в Алма-Ате у Бакдаулета Кудайбердыулы, который переехал туда на работу. Его адрес: Алма-Ата, улица Лепсинская, № 63. У него же, вероятно, и выполненный мною перевод на казахский «Хижины дяди Тома» американки Бичер Стоу о жизни рабов. Он взял их с разрешением на печатание. Обе эти вещи один наш юноша переложил на стихи. Если найдете их, буду согласен, чтобы вы напечатали мои прозаические вещи. По поводу их стихотворных переложений решайте сами».

К сожалению, ни упомянутые переводы, ни их стихотворные варианты не были найдены.

Среди других произведений, созданных в Саяткора, выделяются стихи с элементами суфийской образности. Поэту, конечно, хотелось под конец жизни упорядочить религиозные воззрения, о которых писал многократно и прежде в потоке стихов. Цель оставалась все той же — постижение истины и исследование божественной тайны, то есть тайны души, которая неведома внешнему миру.

В стихотворении «На истинном пути страданий нет...» Шакарим утверждает, используя распространенный символ — глаза (очи), мотивы духовного горения:

*Чтоб душу разглядеть, глаза раскрой.
Чтоб истину узреть за разговором,
Нам не разрешено, мой дорогой,
Бродить с пустым или бездумным взором...*

Поэт, как и подобает истинному творцу, не проводил границ между философским и религиозным мышлением. И, может быть, именно по этой причине почти все поэтические замыслы в эти годы осуществлялись в рамках суфийской эстетики, открывшей для него новые приемы выражения. Шакарим ощущал близость к суфийской культуре, которая признавала существование Бога и бессмертие души. Потому и носит стихотворение «На истинном пути страданий нет...» программный характер:

*Сумей сначала душу распознать,
Настрой на звук повышенного спроса.
И если хочешь истину познать,
Задай себе три основных вопроса.*

Итак, познание души — символа духовной, нетелесной сущности человеческой личности — должно, по мысли поэта, предшествовать познанию истины. Но и последнее невозможно до тех пор, пока человек не решит для себя «три основных вопроса»:

*Чем станем после смерти, не спеша?
Откуда мы, от нас какая польза?
Мой разум — зеркало, а «Я» — душа,*

И все исчезнет так, бездушной скользью?

Но как, на что влияет пустота?

И может ли исчезнуть все, что было?

Как видим, истина в качестве гносеологического понятия связана с архетипом пути, олицетворяющим движение в неведомое, которое, в свою очередь, атрибутировано образом «пустота». То есть возможное исчезновение всего «что было» — это и выход из круга существования, полное отсутствие, и состояние безличного духовного просветления.

С другой стороны, стихотворение содержит символические элементы суфийской эстетики:

*На истинном пути страданий нет,
Так дай вина, хочу я стать веселым.
Печаль и радость — все один момент,
Нет постоянства в бытие тяжелом.*

*Страданиям легко — прийти, уйти.
Грустишь? И что, не можешь стать бодрее?
Не ускользай от ясного пути,
Ставь тверже ногу, двигайся быстрее.*

*Мне жаль, я так и не пришел в мечеть,
Но муллы, сопы не хулите строго.
Ногам понравилось плясать, лететь
Поистине свободною дорогой.*

Вино здесь — суфийский символ. Слова «вино», «возлюбленная», «виночерпий», «питейный дом» с давних пор входили в словарь образов любого поэта-суфия. Упоминание вина, символа божественного напитка, имело трансцендентный смысл. Поэты использовали образ вина в качестве метафоры упоенности божественным поминанием, а образ виночерпия стал отсылкой к Богу. При этом суфии не обязательно пили вино.

Шакарим спиртное, кстати, не потреблял вовсе, в степи его просто не было. Но, погруженный в суфийскую эстетику, писал и о вине, и о виночерпии, и о возлюбленной — «Жар», которая в суфийской поэзии —

Бог:

*От разума благая весть вспорхнула
В тот день, когда зажегся свет надежды.
Возлюбленная, пожалев, взглянула,
Своим лучом мои лаская вежды.*

*А веру старую огню предал я,
Когда я веру истинную принял.
Свою возлюбленную отыскал я
В тот день, когда я истину воспринял.*

Отличительной чертой стихов нового цикла «Иманым» («Моя вера») стало неперемное включение элементов суфийской образности. А открывался цикл, как оказалось, именно стихотворением «На истинном пути страданий нет...».

Изложению этических принципов поэт предпослал личное мнение по поводу установившихся в степи взаимоотношений с мусульманским богословием. Ничего неожиданного в этом нет. Он давно имел критический взгляд на деятельность служителей мечети. К вере, к истинной вере обращался как к святыне. А вот ханжеское отношение мулл к канонам ислама вызывало резкое неприятие. Утверждая путь познания Истины, Шакарим не мог оставаться равнодушным к подрыву устоев веры. Религиозная практика служителей мечети направлена «ради выгоды и хвастовства». Застарелые догмы их «перекрашенной веры» порождает типичный образ «слепца с потухшим разумом во взоре».

Цикл «Иманым» включил двадцать восемь стихотворений философской лирики. Весь цикл — ясное подтверждение приверженности поэта идеалам справедливости, чести, совести. Стихи сборника явили Шакарима поистине поэтом мира. А ведь было ему почти семьдесят лет. И в таком почтенном возрасте он не просто создал один из лучших своих сборников, но и обращался к эстетике символизма.

Все двадцать восемь стихотворений сохранились в личном архиве Ильяса Жансугурова (1894–1938), казахского поэта. С 1928 года он работал в газете, а в 1932 году возглавил комиссию по созданию Союза писателей. В 1934 году был избран первым председателем Союза писателей Казахстана.

Возможно, именно в этот период в руки Жансугурова, главного, по

должности, писателя республики, попали стихи Шакарима, составившие сборник «Иманым», на котором автор своей рукой вывел: «Написано в 70 лет».

Шакарим жил в глухой степи, среди гор массива Чингистау. А горы — это не просто географическая высь, но и духовная высота и центр мира, место соприкосновения неба и земли. В случае сознательного выбора Шакарима горы предстают как символ подъема, постоянства его устремлений и освобождения от суеты сует окружающего общества. У него, взыскующего Истины поэта-странника, был исторический пример. Таков историко-биографический путь героя-пророка, постоянно уходившего в окрестности горы Хира, его откровения о земле, которую Всевышний создал единственной, одной для всех живущих, и о человеке, который сам представлял чудо, сотворенное «из небольшого комочка глины». До звезд — рукой подать. Можно узреть Вселенную и попытаться мысленно дотянуться до Бога.

И он писал, имея в виду свое духовное одиночество:

*Я — сирота, сам перерезал пуповину,
Пещеры тесной свод с трудом раздвинул.
Когда поймешь, как я страдал в тяжелых муках,
Тогда увидишь жизни всей моей картину.*

Как известно, с древнейших времен образ пещеры ассоциировался с материнской утробой, началом и средоточием жизни. Отсюда шакаримовское иносказание «перерезал пуповину». Античные философы смотрели на пещеру как на метафору всего материального мира. По Платону, человеческий разум как бы заключен в пещеру. В поэтике Шакарима освобожденный человеческий разум способен, как воображение и дух, постичь мир.

Стихотворение «Когда шагнул за сорок лет...» — блистательный аналог дантовского «Ада». Шакарим вместе с провожатым прошел по галерее человеческих типажей, являющих все известные пороки.

Данте начинал «Божественную комедию» так:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу...*

(Перевод Михаила Лозинского)

Шакарим, возможно, и не читал Данте. Но, как и великий флорентиец, жил на рубеже старого и нового времени, когда мир переживал не мнимо апокалипсическое, а действительно апокалипсическое состояние. Стихотворение Шакарима начинается с того, что в сорокалетнем возрасте он осознал свое место в мире и последующие годы сознательно посвятил новому пути — «разума», «свободы», «имана» (истинной веры). Потому начинал стихотворение так:

*Когда шагнул за сорок, сразу
Сердечным другом стал мне разум.
А дальше тридцать лет свободы
Иман — мой друг и светоч разом.*

*И мысленно окинул взором
Весь мир. Занялся переводом.
Но свет Возлюбленной под сводом
Кладбищных плит узреть я смею.*

*От жара плит так ярко стало,
И мне красавица сказала:
«Не говори, что знаешь мало,
Трудись, и буду я твоею».*

Пройдя очищение через божественную энергию огня, герой способен совершить мистико-символический путь, чтобы узреть несовершенство мира:

*В огне Возлюбленной сгорая,
В чаду, как уголь, истлевая,
Я вздрогнул, сердце разрывая,
Чтоб нечисть выбросить скорее.*

*Исполнил Бог свою поруку,
Почистив сердце, скинув муку.*

*Сказала: «Дай мне крепче руку».
«Куда идем?» — поднялся с нею.*

*«Возьму людские сотворенья,
Их веру, честь и вождельня,
И что едят, и намеренья —
Все обнажу и миф развею».*

О чем это стихотворение? Объяснить мир образом падшего человека и возродить его, напомнив ему, сотворенному по Божьему соизволению, что он способен к совершенствованию. По типу своего поэтико-реалистического мышления Шакарим создал образ, который в колебании между материально-земным и духовно-небесным предпочитает последнее.

Поэт путешествует с Возлюбленной на этот мировой смотр внутреннего облика духовных, сановных, должностных лиц: мулл, попов, лжесуфиев (сопы), царей, биев, богачей, торговцев, ростовщиков. Он проходит по всему ряду так же, как Данте с Вергилием проходили круги Ада, встречаясь с сонмом грешников. Далее в стихотворении Шакарима божество препарирует образы, являя потрясенному взору лирического героя тьму низких людских качеств.

В мире литературно-этических представлений Шакарима особое место занимает творчество Хафиза, сочинения которого он переводил урывками начиная с 1918 года. Одна из самых известных газелей Хафиза в переложении Шакарима была помещена в журнале «Абай» (1918. № 3):

*Сопы молится чему-то,
Что он может знать иль видеть?
Что б ни говорил кому-то
Обо мне, я — не в обиде...*

Эта газель на русском языке известна была еще в переводе Г. Р. Державина:

*Откуда знать тебе, хаджа, чем наша радость рождена.
О, как в догадках ты убог, как клевета твоя скучна!..*

Шакарим предпослал своему переводу пояснение:

«В те далекие времена в Персии жил выдающийся ученый, суфий, поэт Кожжа Хафиз. Для того чтобы познакомить с его воззрениями казахскую молодежь, я решил перевести этот стих.

Шакарим».

Глубочайшее уважение к Хафизу выразилось даже в том, что своих внуков, детей дочери Жакиш, Шакарим назвал Кожакапан (1921), Кожагапез (1924), Кожанияз (1928).

И вот теперь в Саяткора он перевел девять других лучших газелей Хафиза, в том числе знаменитую:

*Когда красавицу Ширази своим кумиром избери,
За родинку ее отдам я и Самарканд и Бухару...*

На русском языке текст Шакарима звучит примерно так:

*Когда ее красивый взгляд
Пленит внимание мое,
И Бухару, и Самарканд
Отдам за родинку ее...*

Переводов этой газели на русский язык существует много. Переводил ли Шакарим с фарси (а этот язык был ему подвластен), с азербайджанского (турецкого) или с русского языка, неизвестно. Можно только заметить, что его переводы очень близки к русским аналогам. Конечно, Шакарима увлекла красивая легенда, овеявшая это стихотворение.

Последние годы жизни Хафиза (1325–1390) пришлось, как известно, на время правления Шаха Мансура Музаффариды. Предание гласит, что во время пребывания в Ширазе грозный Тимур потребовал Хафиза к себе, посчитав начальные строки его газели оскорблением. Об этом повествует автор известной «Антологии поэтов» Доулатшах Самарканди (XV век):

«Рассказывают, что в те времена, когда Тимур завоевал Фарс и убил Шаха Мансура, Ходжа Хафиз был еще жив. Тимур послал кого-то из своих приближенных с требованием привести его. Когда тот явился, Тимур сказал: «Я завоевал полмира своим блистающим мечом, я разрушил тысячи

селений, чтобы украсить Самарканд и Бухару, престольные города моего отечества. А ты, ничтожный человечешко, готов их продать за родинку какой-то ширазской тюрчанки, ведь сказано у тебя: 'Когда ширазскую тюрчанку своим кумиром изберу, за родинку ее вручу я ей Самарканд и Бухару». Хафиз поклонился и молвил: «О повелитель мира! Взгляни, до чего меня довела моя расточительность» (Хафиз явился на аудиенцию в рубище дервиша). Тимуру понравился остроумный ответ. Сменив гнев на милость, он обласкал поэта».

По другой версии, Хафиз говорил Тимуру: «О повелитель! Тебе неправильно донесли, я писал не «Самарканд и Бухара», а «се манд канд-е до хурмара» (три манда сахара и две хурмы)».

Такова легенда, но на самом деле во время нападения Тимура на Шираз встреча состояться не могла, поскольку Хафиз умер за четыре года до прихода Тимура.

Цельность духовного мира, что проявилась в приобщении к поэзии Хафиза, возможно, осталась незамеченной родными и почитателями Шакарима. Но облик святости одинокого отшельника неизменно одухотворял прибывших к нему людей.

Среди них были гости издалека.

Ахат писал:

«Приблизительно в 1925 году к нам в аул на жайляу Карабулак приехал из Ленинграда русский гражданин Филистров. Он окончил филологический факультет в Ленинграде. Рядом с ним — молодой казах, учащийся вуза.

Этот Филистров исследовал обычаи и традиции казахов.

Они пробыли у нас около недели. Долго беседовали с отцом, расспрашивая о разных обычаях казахов — о выданье девушки, о верованиях, о том, с какими обычаями связаны названия посуды, седел, предметов домашнего обихода. А также спрашивали о древней исторической литературе казахов.

Сфотографировал отца отдельно и с охотничьей птицей.

По возвращении домой Филистров опубликовал книгу об этнографии казахов и прислал один экземпляр отцу».

Очень похоже, что на сей раз Ахат ошибся в написании фамилии гостя и в дате его приезда. Сотрудник музея Абая в Жидебае Марат Абдешов в 2002 году написал в семипалатинской газете об одном своем предположении. В статье Б. Х. Кармышевой «Изучение этнографических народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы. Полевые исследования Ф. А. Фиельструппа» в «Очерках истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (Труды института этнографии имени

Миклухо-Маклая. 1988. Т. 114) Марат Абдешев обнаружил фотографию пожилого казаха в малахае с беркутом на вытянутой руке. Подпись гласит: «Охотник с беркутом. Казахи. Бывший Семипалатинский у. 1927». По мнению работника музея, на фотографии изображен именно Шакарим. Автор фотографии — русский ученый-этнограф Федор Артурович Фиельструп, который в 1927 году работал в составе экспедиции Академии наук республики по Семипалатинскому округу. Сотрудник Ленинградского русского музея Фиельструп руководил этнографической частью экспедиции. Именно он записал у Шакарима сведения для книги по этнографии. В книге есть пометка: «По словам уважаемого человека Семипалатинского уезда Шакарима Кудайбердиева...»

Тогда же были сделаны два снимка поэта. Один, с беркутом, вошел в статью Кармышевой. Другой, одиночный снимок, не найден. Следовательно, «русский гражданин Филистров» у Ахата — это Федор Артурович Фиельструп. И приезжал он не «приблизительно в 1925 году», а в 1927 году.

Несколько утомленный частыми визитами, чувствуя порой непомерную усталость, семидесятилетний Шакарим весной и летом 1928 года подводил итоги жизни. В нравственно-философской рефлексии поэта нередко звучали присущие его творчеству покаянные нотки. Не имеющий сил верить в свое предназначение поэт-мыслитель суров в своей характеристике:

*Дом жизни возвести хотел я,
Разрушив тысячи домов,
Лишь кирпичи собрать успел я,
Но все промокло до основ.*

*Не замечал в себе коварства,
Взимая плату, как палач,
Искал я для души лекарство,
Бездомных обращал я в плач...*

Возможно, в силу возраста Шакарим болезненно относился не только к неприятным воспоминаниям, но и ко всем комментариям, которые «любезно» доносили до него прибывавшие посетители.

Пишут и ошибки множат,

*Мол, изрек вон тот святоша.
Не подменяют правду ложью!
Яд тебе не нужен этот.*

Написано в семьдесят лет. Ум чистый, светлый. Стих четкий, ясный, в то же время задиристый, горячий, даже по-мальчишески задорный.

Он требовал от сородичей внимания не столько к себе, сколько к своим творениям: прочтите, вникните, поймите!

Да, он подводил итоги, но при этом давал отпор тем комментаторам, которые все еще критиковали и образ жизни его, и необычное для того времени мировоззрение:

*Если вдруг, как я, родится
У казахов сын, чтоб слиться
С Истиной и к ней стремиться, —
Будет добрая примета.*

Моделируя смысло-жизненную доминанту казахов могуществом Истины, Шакарим сам стал жить в согласии с проповедуемой концепцией. Он не находит нравственного оправдания тем нелепостям, которыми в изобилии окружили его самого:

*Муллы нас жалеют, верно,
Говорят, что муж я скверный,
Нарекли меня «неверным»,
Сами слепы, зависть гложет.*

*И без них родня ругает,
Будто я их обличаю.
Сами, что творят, не знают,
Грязь в делах их не тревожит.*

*Видно, всем кажусь я знатным,
Верят, что я был богатым,
Сторонясь бесед «превратных»,
Молодежь бежит, о божье!*

Но не нотки мученичества, а боль духовного сиротства водит рукой этого убежденного приверженца истины. Своим карандашом — как орудием созидания — он пытается активно воздействовать на статику злонравно-невежественного окружения, однако:

*Все ушли, лишь я остался.
Чем я вам не показался?
Что я брал? В чем не признался?
Вот — лишь карандаш, бумага.*

Сам Шакарим считал себя мужественным человеком, который на охоте в горах всегда умел «являть отвагу». Обнажая человеческие пороки, огорчаясь ими, он пытается понять: «Я или они не правы? / Можно ли узнать здесь правду?»

Идеи поэта об ином пути человека вынашивались не в тиши кабинета, а в практической жизни народа. В раздумьях о причинах и следствиях неприятия его философии нравственного бытия Шакарим приходит к выводу: «все же я не не прав», ибо «они», люди, живут привычно, а его «язык — как яд», только «возбуждает всю ватагу».

Сообразуясь с обстоятельствами, нравственно безупречный герой-одиночка сознается в своем бессилии:

*В цели копий воткну я,
Мненья ваши соберу я,
И куда потом пойду я?
Нет здесь места бедолаге.*

Неудивительно, что в таких условиях поэт отдается философии пессимизма и тоски. И завершение своего пути деятельного сопротивления злу связывает с могилой:

*От мучений избавляла,
Многих от тоски спасала,
Ты, могила, всех глотала.
Вход и мне открой в полшага.*

Но ему еще предстояло пережить самые тяжелые испытания в жизни.

В декабре 1927 года в Москве состоялся XV съезд ВКП(б), известный как съезд коллективизации. Согласно его решениям, за короткие сроки, к весне 1932 года, надо было создать крепкое сельское хозяйство в стране. Был указан путь: преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы — колхозы с «экспроприацией эксплуататорских хозяйств».

Казахам-скотоводам, быт которых держался исключительно на индивидуальном хозяйстве, такое решение грозило полным уничтожением основ существования.

Идея экспроприации проистекала из самой природы государства с его отстаиванием классовых интересов. По воспоминаниям первого председателя Кирвоенревкома С. Пестковского, еще весной 1919 года Владимир Ленин, отвечая на вопрос казахстанцев — делегатов VIII съезда РКП(б) — каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле, прямо напутствовал: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота».

В Казахстане проводником идеи коллективизации был Филипп Голощекин (Шая Ицкович), ставший первым секретарем Казкрайкома в сентябре 1925 года. Профессиональный революционер Голощекин сразу после прибытия в Кзыл-Орду заявил, что советской власти в ауле нет, а есть господство баев. Вскоре он провозгласил свою главную идею: «Я утверждаю, что в нашем ауле нужно пройтись с «Малым Октябрем». Экономические условия в ауле надо изменить. Нужно помочь бедноте в классовой борьбе против бая, и, если это гражданская война, мы за нее».

Чтобы подвести теоретическое обоснование под последовавшие репрессии, Голощекин характеризовал кочевой образ жизни казахов как бытовую привычку, от которой легко отучить при помощи определенных мер. Говорил, что процесс перевода кочевников к оседлости не может осуществляться без жертв, что сокращение поголовья скота при переходе на более высокий уровень общественного развития — объективная закономерность.

В ноябре 1927 года VI казахстанская партконференция под руководством Голощекина обсудила вопрос об экспроприации баев. Партийцы посчитали возможным «допустить изъятие у крупных баев части скота и инвентаря». 13 декабря 1927 года была образована комиссия для разработки проекта закона о конфискации хозяйств крупных баев. После рассмотрения и уточнения на бюро Казкрайкома он был одобрен ЦК ВКП(б) и ВЦИКом.

Представители власти немедленно приступили к реализации плана. В марте 1928 года полномочный представитель ОГПУ в Казахстане Каширин докладывал в ОГПУ СССР: «Перед экспроприацией я решил изъять в губерниях виднейший, влиятельнейший, экономически и политически сильный буржуазно-националистический элемент: крупных родовиков-баев, то есть соль земли, с тем, чтобы обезвредить кампанию по экспроприации от безусловно возможных политических осложнений. Так что подготовительная работа должна идти лихорадочным темпом к большим политическим операциям, а вся тяжесть этой кампании ляжет на наши плечи».

Наконец, 27 августа 1928 года на заседании Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров республики было принято постановление «О конфискации байских хозяйств». В дополнение через две недели было принято еще одно постановление: «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего и феодального байства».

Были назначены уполномоченные по проведению конфискации в округах республики. В аулы направили свыше тысячи уполномоченных. Кроме них в комиссиях содействия работало 4700 человек.

Началась кампания конфискации, по сути, массового ограбления кочевых казахов, лишения их основного средства поддержания жизни в степи — скота.

Творения чистого разума в полшаге от бездны

Конечно, конфискация имущества проводилась не только в Казахстане, но и во всем Советском государстве. Однако именно в Казахстане она привела к наиболее сокрушительному результату — гибели почти трети казахов от голода.

Согласно постановлению от 27 августа 1928 года, конфискации и отправке в ссылку подлежали «крупные баи». К их числу в кочевых районах относились лица, чье имущество превышало (в эквиваленте) 400 голов крупного рогатого скота, в оседлых районах — свыше 150 голов. Чтобы придать кампании народный характер, организаторы вовлекли в нее казахскую бедноту. Активисты перегоняли конфискованный скот в районные центры, входили в вооруженную охрану.

Несоответствие количества конфискованного скота заранее составленному по каждому району плану считалось преступлением против советской власти. Напуганные активисты под разными предлогами отбирали скот у всех близких и дальних родственников, попавших в списки под конфискацию. Наиболее часто использовался такой прием. Чтобы довести количество скота в хозяйстве до требуемых 150 голов, объявляли несколько родственных семей совладельцами, объединяли их скот, получая искомое количество голов. И угоняли весь скот в район.

О том, как проходила конфискация в Чингистау, рассказал Ахат, сын Шакарима:

«В 1928 году вышло постановление о конфискации имущества крупных баев, в прошлом «угнетателей народа», а также разбогатевшей «белой кости», местных воротил. Это решение имело несколько положений. В частности, конфискации подлежали те, кто имел много скота, происходил из знатного рода, когда-то был волостным или бием, обижал и угнетал простой народ, кто держал батраков и наживался их трудом. Всех положений я не запомнил.

Потребовалось, чтобы среди них был кто-то из внуков Кунанбая, даже если не хватало скота. Главное, Кунанбай был и «белой костью», и волостным, и ага-султаном. В связи с этим решили подвергнуть конфискации и выслать Шакарима.

Человека, подлежащего конфискации, полагалось обсудить на собрании народа. Наш аул подчинялся аулсовету «Каражартас». На собрании аулсовета и должны были обсудить Шакарима.

Выступил высокий чин из Семипалатинска Коянбаев. Выступили еще несколько человек. Все поднимали вопрос: подлежит ли Шакарим конфискации?

«Шакарим действительно внук Кунанбая, — говорили выступающие. — Правда и то, что он был волостным. Но никогда не слышали и не видели, чтобы он угнетал людей, кого-то эксплуатировал. Если есть в этом народе честный человек, то это Шакарим».

«Если нам решать, мы будем против его конфискации», — говорили они.

Я запомнил речь жигита Кулжабека: «Я работал у Шакарима. Хоть и смотрел за скотом, был как член семьи. Он не обижал меня, не обсчитывал». Его слова повторили и другие.

Когда голосовали, только три-четыре человека подняли руки за конфискациию.

В итоге собрание полностью оправдало Шакарима».

Можно удивляться, но огромный вклад Шакарима в казахскую культуру остался совершенно незамеченным новыми властями. Значение имело только байское, а значит, вражеское, происхождение. Его книги, стихи, поэмы были легко вынесены за скобки. Они не имели никакой ценности в классовой борьбе, которая была провозглашена определяющим фактором общественного развития. Прежние зажиточные сословия, объявленные классовыми врагами, подлежали уничтожению.

В казахской степи такими классовыми врагами стали султаны, их потомки, бии, волостные, родовая знать, все их ближайшие родственники. Новых хозяев жизни нисколько не смущало то обстоятельство, что зажиточные люди, именуемые баями, веками осуществляли управление кочевым обществом, обеспечивая устойчивость родовой структуры. Их полагалось «ликвидировать как класс».

Несмотря на решение аулсовета «Каражартас» не подвергать Шакарима конфискации, советская власть от поэта не отставала. Его решили обсудить теперь на собрании другого аулсовета — «Актобе». Поэт поехал в «Актобе». Но и на этом собрании многие проголосовали против конфискации.

В третий раз решили обсудить знаменитого поэта-кажы уже на собрании дальнего аулсовета «Кундызды». Большинство его членов были из рода Мырза. Раньше Шакарим был у них волостным один срок. И на собрании в «Кундызды» род Мырза встал на сторону поэта. «Вот где я убедился в истинности слов отца, что честного человека народ всегда поддержит», — писал Ахат.

Однако на этом преследование не закончилось. Теперь дело Шакарима решили рассмотреть на собрании рабочих Затона в Семипалатинске. Пришлось семидесятилетнему поэту поздней осенью ехать в город.

На заводском собрании ему предъявили весьма серьезные по тем временам обвинения. Хоть скота у него немного, говорили организаторы, но по другим пунктам он полностью подпадает под конфискацию: был волостным, совершил хадж, держал скотников и эксплуатировал их труд, был членом Алашорды. К тому же он внук Кунанбая, который был старшим султаном. По рассказу ответственного работника Алтыбаева, участника собрания, за Шакарима вступились рабочие.

— Он не причинял никому вреда. Мы не можем сказать, что Шакарим тот человек, которого нужно подвергнуть конфискации, — говорили они.

Слово взял один пожилой человек.

— Да, Шакарим был волостным. Однако честнее его не было волостных, это народу известно! — заявил он. — Шакарим нанимал работников. Но было ли хоть одно заявление, что он эксплуатирует их труд? Совершил хадж, но разве это повод? Кто только тогда не ходил в хадж. А разве можно говорить, что дед его был правителем, и за это теперь наказывать? Помнит или нет кто из присутствующих рабочих, а я своими глазами видел, как Шакарим принимал справедливое решение. Когда действовал суд Алашорды, именно он дал свободу дочери Бельгибая, которая полюбила учителя и вопреки родовым обычаям решила построить семью по любви, а не по калыму. Разве не так, товарищи?

Товарищи шумно выразили одобрение.

— Так что если мы поддерживаем справедливые действия партии и правительства, то нам нельзя присоединяться к требованию о конфискации Шакарима.

В итоге и в Затоне никто не голосовал за конфискацию.

В конечном счете лично Шакарима, благодаря его безупречной репутации, конфискация миновала. Впрочем, отбирать у него было нечего, скота он фактически не держал. Но могли выслать.

Потому что некоторых родственников Шакарима уже сослали на юг. Судьба их была незавидна.

А ссылали тогда семипалатинцев в Сырдарьинский округ, сырдарьинцев и семиреченцев — в Уральск, уральских — в Семиречье. Акмолинцев выселяли в Гурьев, гурьевцев — в Петропавловск, петропавловцев и павлодарцев — в Актюбинск, актюбинцев — в Каркаралы, каркаралинцев — в Кустанай, кустанайцев — в Семипалатинск. Вся эта процедура насильственного переселения казахов стала началом

невиданной трагедии всего советского народа.

В 1928 году в Чингистау сначала подвергли конфискации и затем выслали семнадцать человек с семьями. Потом еще троих: Мусатая Молдабаева и членов Алашорды Халела Габбасова, Турагула Ибрагимова, сына Абая. Об этом свидетельствует документ:

«В соответствии с решениями собрания бедноты и батрачества и других трудящихся масс аулов, районной бедняцко-батрацкой конфискации, районной комиссии по проведению Декрета Казахского Правительства от 27 августа сего года, в виду их усиленного ходатайства — выдвинуть перед правительством дополнительному включению в список выселяемых по Чингизскому району: 1. Халиля Габбасова, 2. Турагула Ибрагимова (он же Кунанбаев), 3. Мусатая Молдабаева, характеризуемых как известные руководители группировок, хотя первые два из них имеют незначительное количество скота, а последний, бывший волуправитель, находится в административной ссылке в Рубцовском округе Сибирского края. Настоящее решение окружной комиссии по телеграфу предоставить на рассмотрение КазЦИКа».

Мусатая Молдабаев, бывший волостной управитель, как «социально опасный элемент» был выслан в Рубцовский округ.

Турагул, двоюродный брат, духовный единомышленник Шакарима, пользовался огромным уважением среди сородичей. По количеству скота он не попадал под действие постановления, но и его осудили за «разжигание родовой вражды и контрреволюционную деятельность». Вместе с многочисленной семьей он был выслан в Сырдарьинский округ.

Протокол № 27 от 19 ноября 1928 года:

«В соответствии с решением Окр. ком. от 8 окт., протоколом № 14, телеграммой К. ЦИК НР16881\5 выселить Ибрагимова (он же Кунанбаев) с членами семьи: первая жена Сихбжамал — 53 лет, сын Жебраил — 25 лет, сын Зубаиыр — 23 лет, сноха Рахия — 18 лет, сноха Канагат — 25 лет, сын Алпарыстан — 5 лет, внук Кенесары — 3 лет; с конфискацией 36,9 голов (в переводе на крупн.), дома в 6–7 комнат с надворными постройками и шестиканатной кибитки, 1 ковра, и с оставлением Ибрагимову и его семье 16 голов крупного скота (7 лошадей, 6 жеребят, 2 взрослых верблюда и 25 баранов)».

Турагул скончался в Чимкенте в 1934 году. Могила его затерялась.

Но и тем тобыктинцам, кто не был подвергнут ссылке, грозила беда. Самым страшным для казахов во всей кампании конфискации было лишение скота. Поначалу скот отбирали только у объявленных баями степняков. Затем отбирали у их родственников. Забирали все подчистую.

Лишенные средств к существованию люди отправлялись в ссылку, оставшиеся расселялись в родственных аулах. Затем активисты стали отнимать скот у всех остальных в соответствии с новыми нормами налогов. Не сдавших норму отдавали под суд.

В Чингистау конфискованный скот сгоняли в Карауыл и держали в больших загонах в нескольких километрах от села. И днем и ночью над степью разносилось отчаянное ржание лошадей, мычание недоенных коров, блеяние тысяч овец. Вооруженные активисты отгоняли степняков, умолявших допустить к скотине, чтобы хотя бы подоить, дать воды. Какое-то количество скота так и погибло в загонах близ Карауыла.

Часть скота передали коллективным хозяйствам. Однако переданных лошадей и коров не всегда хватало, чтобы придать мелким бедняцким хозяйствам статус самостоятельных хозяйств. Да и управлять хозяйством беднякам было еще непривычно. Получив по несколько голов скота, мелкие хозяйства так и не смогли в короткие сроки увеличить его поголовье. В конце концов беднота вернулась к своему прежнему социальному статусу, продав или зарезав полученный скот.

Зимой начался массовый забой оставшегося конфискованного скота. Поступило распоряжение отправить мясо российскому пролетариату. Под нож шли тысячи и тысячи лошадей, коров, овец.

Повозок и ездовых лошадей было мало. Поэтому все мясо, полученное в результате конфискации, отправить в Семипалатинск так не удалось. Огромные свалки туш животных гнили всю весну в степи. В итоге от народного имущества осталась гора костей.

Шакарим понимал всю опасность ситуации, видел, как власть вовлекала в сферу своего влияния обывателей и вербовала из них на службу наиболее активных, а потом через них проводила в кочевую среду решения, самым разрушительным образом менявшие не только традиционный уклад жизни казахов, но и их сознание, порождая страх, ненависть, угодничество, желание выслужиться ценой доноительства и административного ража.

Попытка активных исполнителей указаний власти применить репрессии к популярному в народе кажы, не имевшему прямого влияния на общественное мнение, но возвышавшемуся над Чингистау как духовное светило, пока не удалась. Однако Шакарим знал, что власть от него не отстанет, ей нужно было подчинение всех жителей территорий, что противоречило его понятию «родная земля».

Поэтому неудивительно, что, избавившись от преследований, он сразу ушел в Саяткара. Не бежал от власти — от нее скрыться в известном всем отшельническом жилище знаменитому поэту-философу было невозможно.

Но он имел сокровенный план по достройке собственной философской системы, много лет возводимой им в пространстве, близком к небесам. В Саяткора он проводил отныне все свое время, стараясь общаться только с родными, помогая им сохранить остатки порушенных хозяйств.

На самом деле посетителей стало еще больше, чем прежде. Теперь в Саяткора стремились попасть разумные люди, обеспокоенные масштабами надвигающейся катастрофы. Они надеялись услышать от кажи советы и прогнозы, которые были неутешительны.

Чем занимался поэт в уединении на восьмом десятке лет?

Не в силах противостоять силе власти, рушившей материальные и духовные устои кочевого общества, поэт вернулся в затворничество, чтобы возобновить литературные занятия, завершить этико-философские эссе и трактаты, начатые в последние годы.

В октябре 1806 года, когда прусские войска, разгромленные армией Наполеона, уходили из Йены, французские солдаты высаживали прикладами дверь дома Гёте, которому было пятьдесят семь лет, угрожая его жизни. Чем в ту пору был занят Гёте? А он сидел в тот момент над трактатами китайских мудрецов, восточной мудростью и персидскими стихами.

Только в работе над словом Шакарим мог чувствовать себя свободным гражданином мира, чья духовная культура повелевает творить для вечности. В той непостижимой умом действительности был дописан цикл рассказов и стихов, которым поэт дал название «Сад подснежников».

Некоторые из восемнадцати стихов были написаны по следам последних горестных событий, за реальностью которых возникает переход к области широких обобщений:

*Разве можно рубить сгоряча?
Плач родимых разносит беда.
Средь казахов рубка с плеча
Неразумной считалась всегда...*

Остальные стихи, раскрывая воззрения поэта-философа о разуме, душе и вере, последовательно выводили предполагаемого читателя на ту почву, которую много лет культивировал автор и где теперь произрастало древо разума:

Ах, как зацвел ароматный подснежник!

*Сад принесет этот много удач,
Ум расшевелит у юношей нежный.
Надо им много усвоить задач...*

Прозаическое содержание цикла «Сад подснежников» состоит из одиннадцати небольших рассказов — «величиной с ладонь». По сути, это притчи, созданные по мотивам восточных сказаний. Шакарим использовал, например, известный сюжет из «Тысячи и одной ночи» о знаменитом щедром человеке по имени Хатим-ат Таи. Поэт назвал его на казахский лад — Атымтай. По арабскому преданию, Хатим-ат Таи велел своей матери продать его в рабство и на полученные деньги купить двух верблюдов, чтобы зарезать их и накормить гостей. У Шакарима щедрость и великодушные Атымтая направлены конкретно на бедняков. Накормив городских нищих и сирот, Атымтай устремился в степь, где встретил некоего плохо одетого человека, которого позвал в город на благотворительную акцию. Бедняк возразил, что честному человеку, способному и привыкшему своим трудом содержать семью, благотворительность не нужна, она скорее может его испортить. И добавил, что сегодня он собрал достаточно хвороста для своей семьи, теперь собирает вон для того хромого старика, нуждающегося в помощи.

«Как бы Атымтай, накормив здорового человека, не сделал его просителем, — сказал этот бедняк. — Лучше пусть поможет обездоленным сиротам. Атымтай может оказывать щедрость, раздавая скот, а я своим трудом, своим потом стараюсь быть щедрым. Пусть сам решит, кто из нас более милосерден».

По бедняку, «щедрость» раздаваемой милостыни, если не подкреплена своим потом и трудом во имя умножения этого блага, — скоротечна. Иными словами, в притче Шакарима две особенности добра — милостыня и труд, — что сохраняются на протяжении веков, далеко не равнозначны. И в философии милосердия только кажутся сходными.

Шакарим полагал обязательным для себя дописать эти достаточно простые рассказы, считая их ключевыми как в своей самостоятельной этической системе, так и в эстетической концепции мироздания.

В притче про ловца птиц он писал:

«Как подушка, вышитая из шелка, приятна для лица, как искусно приготовленное вкусное яство приятно для сердца, так и мелодичные, красивые слова, употребляемые поэтами, как майские цветы, выражают радость нетерпеливой молодежи, обрисовывая глубокие тайны

драгоценной жизни. Поэты рисуют жизненные невзгоды, которые, подобно лютым декабрьским морозам, убивают цветущие розы, иссушают на корню стебли, превращают розовые лица в сморщенные желтые пустышки. Если слова, выражающие радость и печаль, соответствуют настроению, передают точно состояние души, то что может сравниться с ними в этом мире? Если красота лица — подарок тела, то красота голоса и слова — подарок души. И конечно, подарок души гораздо важнее красоты лица. Это бесспорно. Но красоту лица понимает всякий, а красоту слова и стиха понимают очень немногие».

По сути, это те же раздумья о душе и теле, о бессмертном духовном начале в человеке.

Наверное, самая важная мысль, ради которой Шакарим и сел за «Сад подснежников», содержится в другой притче: о влюбленном, который погасил свет, когда в комнату вошла возлюбленная.

«— Почему ты потушил свет? — спросила женщина.

— Увидев твое сияние, подумал, что ко мне вошло солнце, — ответил он. — Зачем лампа, когда светит солнце?»

Это всего лишь парадокс, игра слов, из которой Шакарим сделал не менее отвлеченный вывод: «Только одному из тысячи дано умение отречься от дурных привычек и подчиниться велению разума».

А саму мысль сформулировал в самом начале притчи:

«У человека есть две потребности: телесная и душевная. Постоянная забота о себе, самолюбие, тщеславие — это потребности тела. Совесть, стремление честно трудиться — потребность души. Тот, у кого преобладает первая потребность, ради наживы, корысти и славы готов пойти на любые злодеяния. Второй не ищет ничего, кроме бескорыстного труда и благих поступков. Он не может причинять зло, ненавидеть людей.

Зная это, можно назвать истоки зловерности, хвастовства человека. Так бывает, когда он с малых лет по неопытности увлекается нарядами да весельем, со временем пристрастившись к этому. Если человек привыкает смотреть на дьявола влюбленными глазами, то вскоре он принимает его за доброго ангела, привязывается, как к драгоценной возлюбленной, а от истинной красоты бежит, как от змеи или ядовитого жука, не способный оценить свои действия».

Совесть и труд, доминанта духовного над телесным — таковы позиции, ради утверждения которых, в сущности, писался «Сад подснежников».

К «Саду...» хронологически и содержательно примыкают «Три

истины», которые дописывались летом 1929 года.

Излагая свои мысли о совести как самой высшей ценности, Шакарим связывает свое представление о совести с таинством души человека и его духа. У животных тоже есть душа, но нет у них духа, чтобы, подобно человеку, жить тем, что называется «духовными ценностями». Во главу последних Шакарим ставит «человеческую скромность, справедливость, доброту в их единстве» и обобщает их мусульманским словом «уждан», русским — «совесть».

«Уждан — совесть. Что это такое? Кто ее создает? Некоторые, отвечая, говорят, что ее прибежище — человечность, честь. По-моему, они все равно говорят о совести, — рассуждает Шакарим и продолжает: — Я тоже задавался вопросом, откуда происходит уждан — совесть, и казалось, что ответа нет. Но все же, на мой взгляд, совесть — есть желание, потребность души. Это потому, что душа является такой же сущностью, которая никогда не исчезает, не поддается порче, а с каждым разом все более совершенствуется, идет к возвышению. И ей требуется особого рода причинность для быстрого возвышения. К примеру, требуется чистота тела, чистота и полнота нравов, помыслов и дел. И одной из ее первейших потребностей должна быть именно совесть. Она потребна не только для существующей, но и последующей жизни...»

Книга «Три истины» — факт феноменальный, уникальный и неповторимый. Поэт отразил в ней произошедшую в нем эволюцию сознания, зафиксировал усовершенствованный в вере свой дух. И обнаружил при этом такие источники озарения, глубинная мудрость коих не каждому дана.

Ключевой вопрос всей философской системы Шакарима, как видно, о душе. Он говорил о ней в сорок лет, исследовал ее состояние и свойства в пятьдесят лет, опроверг все отрицания существования души в шестьдесят.

И теперь, на склоне лет, все-таки продолжал рассуждать о душе и о жизни после смерти. Не затем, чтобы докопаться, куда душа уходит после смерти. Он четко установил для себя, что на вопросы метафизики, выходящие за пределы познания, не может быть рационального ответа. Истина состоит не в получении ответов, а в их постановке, не в достижении конечной цели, а в движении к ней, не в прямом доказательстве великой теоремы, а в ее обосновании.

Вот почему на вершине жизни поэт-философ мог быть уверен, что у него есть свое доказательство существования души и жизни после смерти. Оно, по Шакариму, в вере. И не просто в вере, а в истинной вере. Если ты

веришь в существование души и в жизнь после смерти, значит, в тебе есть уждан — совесть. И, умирая, ты пребудешь во блаженстве, ибо, веруя и совершенствуясь, познаешь истину.

Шакарим рассуждал в «Трех истинах» как подлинный служитель духа: *«Удивляюсь тем, кто говорит, что нет души и нет жизни после смерти. Чья же мысль подсказывает им эти слова? Сегодня, когда обнаруживаются ясные, как солнце, доказательства того, что душа существует и не исчезает после смерти человека, разумно ли оставаться столь непоколебимым в своих понятиях, уподобляясь муллам, которые не могут выбраться из привычных заблуждений религии?»*

Один человек, восприняв разумом, искренне верит в то, что душа после смерти не только не исчезает, а становится еще чище и возвышенней. В понимании же другого — если умирает человек, то навсегда исчезает и его душа. Теперь предположим, что они оба оказались при смерти, причем оба знают об этом и находятся в полном сознании. В каком тогда расположении духа, с какой мыслью они уйдут из жизни? Наверное, верящий в то, что душа после смерти очищается и возвышается, умирая, пребывает в некоем блаженстве, а верящий в ее исчезновение оставляет этот мир с чувством досады, думая, что лучше бы все пропало разом. Кроме того, человек, уверовавший в то, что уждан, совесть, есть потребность души, испытывает угрызения, страдает от того, что когда-то в своей жизни совершил какое-то зло. И, наоборот, радуется, вспоминая о своих добрых деяниях. А если у человека нет такой веры и он считает, что совесть пригодна лишь для видимости, для человеческой личины, то он скорее всего не видит и особой разницы между добром и злом.

В таких случаях, вероятно, остается лишь находить способ заметить следы, ибо сердце человека, так и не поверившего в дальнейшую жизнь души, в то, что уждан, совесть, и душа — это одинаково необходимая опора для обеих жизней, не смогут очистить ни одна наука, никакое искусство, ни один путь и никакой закон.

Но если человек в полной мере уверует в посмертную жизнь души и в то, что совесть — это ее первейшая потребность, тогда ничто не сможет сделать его сердце черным. Потому единственный путь, который бы роднил людей, как братьев, открывая им возможность жить в добре и в этом, и другом мире, — это вроде бы религиозный путь.

Некоторые верующие обречены на мучения из-за убожества своего знания религии, из-за своей лености, тогда как у творца есть знания, и есть своеобразная жизнь души после смерти. И ничто не обеднит

человеческую душу, если ее, как в этой, так и в последующей жизни питает и одухотворяет уждан — совесть.

Собственно, это и есть та самая крепкая опора для духовного возвышения, именно то, что я называю тремя истинами».

Наверное, это одно из самых неуязвимых доказательств существования души, а также веры в жизнь после смерти. Потому что оно чисто интуитивное, исполненное поэзией души и не содержит морализаторства. Но Шакариму хочется не просто внимать, но и следовать за ним.

Жестокие события последних лет заставили Шакарима еще более усомниться в нравственной безупречности мира.

«Какими благими усилиями можно исправить человеческую природу? Что предпринять, чтобы человечество научилось жить в мире?» — такими далеко не риторическими вопросами поэт-философ актуализирует свои духовно-душевные идеалы.

К весне 1930 года он дал окончательное, более развернутое обоснование своих принципов в эссе «За семьдесят два года»:

«По моему разумению, основой для улучшения жизни человека, проживания всех людей в согласии должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце. Вот три качества, которые должны властвовать над всем. Без них не обрести в жизни мира и согласия.

Безусловно, человек должен учиться, набираться знаний. Без знаний, без наук он не будет искусен. Нет ничего невозможного, если обретенные знания и умения будут использованы в честном труде для освоения несметных природных богатств. Все достижения человеческого разума должны быть направлены на нужды и интересы человечества.

Милосердие, любовь, доброжелательность, честность исходят от чистого, бескорыстного сердца.

А разумный человек чести не станет чинить зло, беды другим, ему чужды пустое бахвальство и эгоизм.

Можно не сомневаться: имея такие качества, люди обретут благополучие и будут жить в согласии».

Бескорыстное сердце, честный труд, совестливый разум — вот те три истины в парадигме этики Шакарима, к которым он пришел сознательно, обдуманно, после мучительных поисков и жизненных потрясений. И именно их предлагал теперь людям, сородичам, всему человечеству в качестве средства спасения от безумств, ведущих к уничтожению человеком человека:

«Серьезным препятствием могут оказаться те зловредные качества, которые стали настолько привычны, что люди приняли их за правило. Это вождение, себялюбие, хвастовство. Причем эти пороки могут породить бесконечную вереницу злодеяний, таких как насилие, ложь, властолюбие, стяжательство, жестокость, кровожадность.

Нужно неустанно искать пути избавления от этих пороков.

Прежде всего, надо приучить всех людей к честному труду. Для этого необходимо избирать правителями бескорыстных людей, которые должны подготовить справедливые и гуманные законы, по которым к управлению будут привлекаться местные кадры, молодежь. Их надо обучать, им необходимо дать образование.

Но всего этого недостаточно для изживания вредных привычек. Наряду с честным трудом, образованием, нужно ввести «науку совести». Об этой науке должны позаботиться ученые, умные люди. Они должны разработать ее как научную дисциплину. Нужно воспитывать в людях чувство высокой порядочности, самоуважения, что помогло бы изжить животные инстинкты. Если удастся искоренить пагубные вождения, остальное изменить легко...»

Как видно, шакаримовский статус полномочий правителей, порядок деятельности должностных лиц и интеллектуализм ученых людей в сочетании с концепцией «наука совести» призваны возродить предустановленную гармонию человеческой природы.

С полным основанием заговорив о собственном изобретении — науке совести, Шакарим объявил ее методологией чистый разум, объектом исследования — человеческую душу, целью новой науки — избавление человека и человечества от пороков.

Духовная мощь Шакарима была так высока, что его считали одним из тех, кому ведома истина. Но он не собирался представлять себя мессией, святым человеком. Не говорил громогласно: «Я знаю все, идите ко мне».

Однако к нему все равно шли. Ибо высокая нравственность, утвержденная в «Трех истинах», явственно ощущалась в его личности, мышлении, поступках. Он жил именно так, как должны были жить описываемые им люди будущего, воспринявшие три истины. Жил вроде бы вдали от людей, но никогда от них не отдалялся. Поэтому всегда оказывался рядом с народом в трудные времена. И нес с собой бездну свободы, духовности, красоты и естественности.

Рассказов о визитах к кажи в Саяткара не так много. Один из них оставил сын Каримкула Кабыш.

Зимовал Каримкул, друг Шакарима, не очень далеко, в Байкошкаре. И

его сын вместе с сыном Шакарима, тоже Кабышем, как-то навестил кажи.

«В самый лютый мороз, в страшную пургу вместе с Кабышем, сыном Шакарима, мы приехали в Саяткора и ввалились в дом с коржином, полным подарков, — рассказывал Кабыш Каримкулулы (1907–1970), в будущем знаток и исполнитель песен Шакарима, хранитель его творчества. — Шакарим входил, выходил, затопил печь, сварил мясо, угостил чаем, подоил верблюдицу. Его домик стоял меж двух гор, здесь было потише. Пол дома был покрыт узорным войлочным ковром, поверх разостланы одеяла, подушки. На столе — исписанные листы бумаги. Много сложенных в стопки книг. На стене — гармонь, домбра, сабызгы (флейта), дробовик, кожаный патронташ, шокпар (деревянная дубинка), нож в чехле, камчи, серебряный кисет, одежда.

Возле печи на шкуре жеребенка лежала собака тазы. Из угла с шеста на нас пугливо поглядывал из-под колпачка беркут. В смежном с домом сарае стояла лошадь на привязи».

По описанию домашней обстановки можно понять, что Шакарим и в преклонном возрасте не утратил вкуса к жизни.

Гость вспоминал далее, что Шакарим обратился к сыну с просьбой переложить в песню печаль, засевшую в голове. И его сын, талантливый поэт, взяв в руки домбру, стал импровизировать. То была горестная песнь о страшной беде, обрушившейся на народ, о том, как лишались люди хозяйств, скота и уходили в ссылку на чужбину, в другие края.

Тем временем советская власть торжественно сообщала о победных результатах кампании конфискации и коллективизации. Согласно официальным данным, если в 1928 году в Казахстане было коллективизировано 2 процента всех хозяйств, то уже на 1 апреля 1930 года — 50,5 процента, а к октябрю 1931 года — около 65 процентов. А ряд «маяков» колхозного движения перекрыл и эти показатели. Так, в Уральском и Петропавловском округах на это время в колхозах числилось 70 процентов имеющихся хозяйств. К началу осени 1931 года в республике в 78 районах из 122 коллективизацией было охвачено от 70 до 100 процентов дворов.

Однако в реальности ситуация была тяжелая. В целях осуществления политики Центра создавались скотоводческие городки, в которые переселялись жители аулов с большой территории. Это приводило к тому, что скот, собранный в одном месте, начал гибнуть от бескормицы и недостатка пастбищ. И уже в 1929 году конфискации дала о себе знать первыми признаками нехватки продовольствия. С трудом пережив зиму, народ едва сводил концы с концами.

В последний момент перед катастрофой Шакарим мог бы спастись от надвигавшихся бед. Летом 1929 года в Чингистау на его имя неожиданно пришло письмо из Алма-Аты, подписанное членом правительства Казахстана Оразом Исаевым, председателем Совнаркома Казахстана Тураром Рыскуловым, другими политиками. В письме содержалось предложение Шакариму переехать на работу в Алма-Ату.

Рассказывает Ахат:

«Увидев, что письмо в районе вскрывали и снова заклеили, я тоже открыл и прочел. Письмо было написано от имени О. Исаева, Т. Рыскулова и еще нескольких руководителей. Отца звали в Алма-Ату работать в историческом отделе. Спрашивали, сколько родных есть в Карауыле, как далеко живете от железной дороги. Если согласны приехать, ответьте письмом, будут высланы деньги. Решение о вашей работе в департаменте исторических исследований принято, — говорилось в письме.

Когда я прочитал это домашним, все очень радовались. Решили готовиться к переезду. Я отправился к отцу в Саяткора, где он был один.

Приехал к ночи. Поздоровался, дал письмо. Сказал, как обрадовались родные и что они готовы к переезду.

— Обрадовались своему переезду или тому, что я поеду? Смотрю, вы все уже решили, — сказал отец и стал читать письмо.

Потом задумался. Видя его замешательство, я спросил:

— Вы не хотите ехать? Но разве это правильно? Вы же видите, какие сейчас времена.

Он немного изменился в лице.

— Я уже говорил тебе, другим, что меня мало кто понимает. Похоже, это правда, до моих переживаний никому дела нет, — сказал он.

Я вспомнил его слова: «Рассудок и мысли мои имеют свое место, но даже тело не знает в точности, где. Откуда ж друзья могут знать мои секреты?»

Усталый, обиженный в душе на отца, я лег.

Спустя время отец сказал:

— Ладно, давай сядем вместе, поьем чай, потом я скажу, о чем думаю.

Мы пили чай.

— И ты, и другие неправильно решили, — сказал отец. — Вы думали, что будет легче и вам, и мне, если я поеду туда. Родственники полагают, что так можно избавиться от нагрянувших трудностей, спасти жизни. Но вы не думаете о будущем, а видите только сегодняшний день. Так узко мыслить нельзя, сын мой! Это время еще не утряслось. Будущее впереди.

Ладно, допустим, я стану исследовать историю. При этом, если буду честно приводить известные мне исторические факты, они пойдут вразрез с нынешним временем. И что мне скажут? Ваши исследования не подходят к настоящему времени, пишите иначе? А если я точную историю, известную мне, стану переворачивать, приводя в соответствие с нынешней эпохой, то кем я буду? Ты можешь сказать, что в будущем исследователи не будут искать правду? Безусловно, будут. Правда истории не погибает. И тогда кем я окажусь перед историей, перед честными людьми? Получится, не однажды, а дважды погибну. Или же мне ехать, чтобы вас спасти, содержать в здравии жену, детей? Нет, это не так! Ваше благополучие — в ваших руках. Если быть по-настоящему честными, жить без злобы, то к белому черное не пристанет. И без меня справитесь. Учитесь жить честным трудом. И потом, думаешь, те личности, которые приглашают меня, будут вечно сидеть на своих местах? В конце концов правда восторжествует. Однако путь к правде не будет простым, это дорога с множеством препятствий. Вы же не терпеливы к нынешним трудностям, а говорите о будущем, не предвидя его. Если б я был молод, другое дело. А теперь я в двух шагах от смерти. Вы уж не обижайтесь на меня за то, что не поехал».

Это было еще не все, что хотел сказать кажи. Ахат провел с отцом в его уединенном жилище два дня. Помогал по хозяйству.

На прощание Шакарим произнес монолог о себе, как бы подводя итоги жизни. Ахат запомнил все крепко:

— Ты на меня сердись, что я не поехал в Алма-Ату. Вы все обижаетесь, не зная, о чем я думаю, как провел жизнь, в каком времени жил. А жил в страшном бурене, в кровавой круговерти, в темной ночи, под ударами молний, под струями горестных дождей, словно лодка без паруса на море. Что у меня было за окружение? Что я видел? Всего этого вы не знаете! А окружали меня ссоры, скандалы, обман, воровство, избиения, невежество, чванство знати, хвастовство, деление на партии, шакалья ненасытность, лень, драки — вот моя жизнь, вот что я видел. В схватках, разборательствах с ними я и провел жизнь. Но не ради себя одного бился. Если б думал о своем спокойствии, давно был бы богатым, тщеславным карьеристом, провел бы жизнь в благодати, добившись звания сильного, влиятельного лица. Честь, гуманизм мешают этому. Я родился человеком, сохраню звание человека! Решил, что буду трудиться на благо большинства народа, будущих поколений. Буду примером потомкам, оставлю свой след. Пусть имя мое не затеряется, внесу хоть малый вклад в историю — так мыслил я. Чем продавать совесть ради спокойствия и

карьеру, лучше заступлюсь за честь низов, буду просвещать народ, писать для всех людей о том, что видел, что знаю. Невежеству глаза открою, дойду до разума потомков, — вот что решил для себя.

Но то, о чем говорю, — заветные свои мечты так и не смог осуществить, не хватило сил. Жестокие времена. Жестокие, неумолимые, тупоголовые, безжалостные правители, карьеристы. Болтливые, близорукие прохвосты, проныры, грязные обманщики-сопы, взяточники-управители не позволили осуществить задуманное. Я остался один.

Желая сберечь думы свои и честь, сохранить в чистоте свое имя, я ушел в уединение. И знаете ли вы все, какую цель я преследовал? А намеревался я оставшуюся жизнь провести в исследованиях, в творчестве. Хотел записать мысли, сохранить для потомков. Писал не для своего времени, а для человека будущего. Фундамент человечества — это не только ныне живущие, но и люди будущего. Время не идет вспять, течет только вперед. Жизнь всегда обновляется. Если жизнь обновляется, то и человек очищается. Ничто не исчезает без следа, а, изменившись, возвращается. История вечна. Она берет из прошлого все чистое и полезное. И новое время возьмет из истории все чистое и полезное. Очищенная огнем история, драгоценная, как алмаз, должна стать краеугольным камнем нового времени. Вот я и хотел найти отломанную часть этого краеугольного камня и присовокупить его к истории. Кроме этих поисков в жизни у меня ничего не осталось, сынок. Надеюсь, теперь поймешь».

Несомненно, абсолютно характерные для Шакарима слова.

Тот неистребимый романтизм, которым пронизаны многие его стихи, присутствует и в этой речи. Поэт говорит о том, каким в идеале должен быть мир, и сообщает о своем желании продолжать попытки изменить его, чтобы привести в соответствие с идеалом.

Много было в человеческой истории проектов создания идеального общества — от идеального государства Платона, «Утопии» Томаса Мора, города Солнца Томмазо Кампанеллы до коммунистического общества — незыблемого идеала коммунистов. Однако ни один из них не был реализован, цель — идеальное общество — не была достигнута.

Наверное, это правильно, ибо подлинный идеал недостижим, как некая асимптота приближения. Но оригинальные, живые, интересные проекты идеального общества всегда стимулировали человеческую мысль, давали толчок общественному развитию. И в этом смысле проект Шакарима — отнюдь не наивная попытка изменить мир, а самая настоящая философская система, нацеленная на преобразование духа. Ибо поэт, подобно великим

гуманистам прошлого, героически подкрепляя свои идеи следованием собственным рекомендациям, был обречен на святое самопожертвование.

Крушение казахского кочевья

Конфискация имущества «крупных баев», проведенная в 1928–1929 годах, оказалась всего лишь предвестницей массового отъема имущества у остального населения. Последовавшее лишение кочевых казахов скота поставило все население казахской степи в безысходное положение.

По первоначальному плану в Казахстане предполагалось подвергнуть конфискации имущества и скота около 700 хозяйств «крупных баев-скотовладельцев». Согласно документам, скот был конфискован у 696 хозяйств. Однако на деле это цифра гораздо выше. Конфискации с самого начала подвергались не только крупные скотовладельцы, но и середняки, замеченные в нелояльности властям.

Завершив первый этап, в 1929 году советская власть объявила о новых изъятиях. По всей стране в рамках хлебозаготовительной кампании в колхозах отбирались запасы зерна, включая семенной фонд. На скотоводческие районы Казахстана также накладывались обязательства сдавать зерно, и казахи были вынуждены для выполнения плана менять оставшийся после конфискации скот на зерно.

В начале 1930 года было объявлено о новой масштабной кампании по дополнительной заготовке мяса и шерсти. На каждую юрту были наложены нормы сдачи шерсти и костей скота. Это вновь привело к массовому забою скота. Зимой большое количество стриженных овец погибло от холода.

Владельцев хозяйств, не сумевших сдать нужное количество шерсти и костей (в подтверждение забоя), отправляли в тюрьму до суда. Напуганные казахи забивали последнюю скотину, сдирали шерсть с меховых шуб, вынимали ее из меховых одеял, одежды, чтобы насобирать положенную норму. Но и этого оказывалось недостаточно.

1 февраля 1930 года Гафур, старший из здравствующих детей Шакарима, был арестован за невыполнение норм сдачи мяса, шерсти и костей. С ним забрали в тюрьму и сына Баязита. Имущество и скот конфисковали.

Следом был арестован Шакарим. Его вызвали из Саяткора, при нем вывезли из семейного хозяйства, управляться с которым в отсутствие кажы помогали младшие сыновья Ахат и Зият, весь немногочисленный скот, почти все имущество. Конфисковали и винчестер, подаренный Абаем. Самого кажы посадили под замок в Карауыле, как и сына с внуком.

Через несколько дней с подпиской о невыезде Шакарим был отпущен.

А Гафур и Баязит были конвоированы в Семипалатинск и посажены в тюрьму до трагического дня 6 июля. Шакарим рассказал обо всем в скорбной балладе, написанной в Саяткора после всех страшных событий года. Она стала горестной хроникой жизни самого старца и его родных:

*Тысяча девятьсот тридцатый,
Февраль — как вестник крылатый,
Огонь — на сердце, в нем и пребуду.
Шестое июля — день скорбный,
Стал для меня ночью черной.
До кончины его не забуду.
Забрали первого числа Гафура,
С ним — сына, к его прицепив фигуре,
Мол, пойдешь за отцом повсюду.
Скот, имущество отобрали,
Обоих в тюрьму отослали,
Нет жалости к нашему люду.
И меня седьмого забрали,
Дом, скот, скарб — все вчистую угнали.
До самой смерти будет худо.
Десятого меня отпустили,
Чтоб был дома, бумагу пришили,
Пока решенья не добудут.*

Шакарим не принял советскую власть с самого ее воцарения в казахской степи, быстро обнаружив критическим взглядом ее основные недостатки — фанатичное следование одной, пусть благородной, идее, воинственную нетерпимость к иному мнению. Он не принял идеи социализма не из-за некоторой ее утопичности — она-то как раз ему нравилась. Не принял из-за разрушительного характера политики большевиков, без колебаний уничтожавших людей, если они не подчинялись решениям больших и малых вождей.

Свободно мыслящего, всегда предельно критически настроенного творца можно было легко вычислить в любой обывательской среде. Антагонизм советской власти и духовной культуры Шакарима был заложен в их природе. Поэтому репрессий великий кажы не смог бы избежать в любом случае.

Этого не случилось на первой волне конфискации осенью 1928 года.

Этого не произошло в 1929 году, когда разрушалась традиционная казахская система хозяйствования. Но в 1930 году конфискации имущества и скота не удалось избежать никому. Шакарим, его сын Гафур, внук Баязит оказались одними из многочисленных жертв массового террора.

Дело заключенных Гафура и Баязита в Семипалатинской тюрьме почему-то не двигалось. Гордый, свободолюбивый, непокорный Гафур, унаследовавший от отца чувство собственного достоинства, очень тяжело переносил заключение. Физическую несвободу воспринимал как подавление свободы духа.

В тюрьму еду носили двоюродный брат Медеухан и его жена Газиза. Она вспоминала:

«Гафур был очень сдержанным человеком. Характер у него был тяжелый. Когда мы приносили еду в тюрьму, обычно все заключенные выглядывали в окна. А вот Гафур никогда не выглядывал. Мы с Медеуханом брали на руки наших детей Камрана и Алимхана и кричали: «Гафур-ага! С вами пришли поздороваться дети». Услышав детские голоса, сын кажсы наконец выглядывал в окно. Вот так мы в последний раз увидели Гафура живым».

Воспоминания Газизы сохранила в памяти и записала впоследствии дочь Гафура Камиля. Было ей в 1930 году двенадцать лет. Она хорошо помнила, как Шакарим приезжал к ним домой проведать, поддержать родных, оказать помощь в трудную минуту.

«Это было время, когда мой отец Гафур и старший брат Баязит сидели в тюрьме, — рассказывала Камиля. — Подъехал пожилой человек, видимо охотник, на руке его сидел беркут. На голове — лисья шапка, на плечах — доха из мерлушки, выглядел он очень красиво, торжественно. Но лицо было несколько изможденное, он казался чем-то огорченным. По обычаю, моя мать Макей не показала на глаза свекру. Приготовленную ею еду подала соседка. Расстелили дастархан, гостя хорошо приняли.

Переночевав, дед попрощался, погладил нас по голове, сел, озабоченный, на коня. И пока он не исчез за холмами, мы смотрели вслед. Рядом со мной стояла мать, кутаясь в платок.

Наш сосед привел ребенка и, приговаривая: «Будь как дедушка-кажсы, сынок», по поверью поваял его на том месте, где сидел мой дед».

В мае 1930 года получил повестку в суд и Ахат. Его обвиняли в неуплате налогов в виде шерсти и зерна. Перед тем как отправиться в тюрьму, ему довелось в последний раз увидеть Шакарима.

«В конце февраля мы узнали, что отец заболел. Военные, искавшие в степи беглых, ночевали у него. Оказывается, когда они пришли, отец уже

сильно болел, — писал в воспоминаниях Ахат. — Солдаты разогрели нетопленный дом. Жители ближних аулов не могли добраться сюда из-за гололеда. Солдаты вернулись с трудом, лошади сильно поранили ноги. Их начальник Пле-мянов передал нам, что кто-то должен поехать туда.

После этого сообщения я попросил у соседа хорошего коня. Я знал, что не смогу проехать напрямик из-за больших сугробов, поэтому ехал по хребтам. Таким образом с трудом добрался на закате до аула Орынбасара в Кен-Коньесе.

У коня стерлись копыта. Аксакал Орынбасар сказал, что пару раз собирался к моему отцу, но из-за того, что и у его лошадей сбивались ноги, возвращался. Сказал еще, что в предгорьях Шакпака много снега и льда.

Я переночевал у аксакала, а утром он показал мне дорогу.

Действительно, около Шакпака было много снега. Лошадь не могла идти — ноги ее дрожали и кровоточили. Я слез и повел ее за повод. К обеду добрался до родника Керуен, дал отдохнуть коню. С большим трудом перевалил через хребет Шакпак к закату. Сел верхом и поскакал в сторону дома отца.

Послышалось ржание отцовского коня, которого он называл — Конырат (Серый конь). Моя лошадь устремилась на голос. Я подъехал к дому. Он был окружен изгородью. Фыркал Конырат, больше ничего не было слышно. У меня забилося сердце, к горлу подкатил ком. Мелькнула ужасная мысль, что отец, может быть, умер. Калитка была закрыта так, что я не смог открыть. У меня не хватало духа постучаться в окошко. Стемнело, начинался буран. Я подошел к окошку. Если он живой, там должен гореть свет. Но в доме было темно, света не было. Я заплакал. Вокруг ни души. Я стоял ошеломленный. В голову лезли страшные мысли...»

Шакарим, к счастью, не умер. В ту минуту, когда Ахат поверил было в самое худшее, хозяин взял спички и зажег лампу. Обрадованный сын постучал в окно. Отец, держа лампу, узнал его, впустил в дом.

Шакарим рассказал, что действительно три дня сильно болел, не поднимался. Пришли сотрудники ОГПУ (те самые, которых Ахат именовал солдатами), заготовили дрова, разогрели печь, задали сено лошади.

Ахат затопил печь, помог приготовить еду.

«Когда пили чай, я заметил висевшие на гвозде бумаги над кроватью отца, — продолжал рассказ Ахат. — Он увидел, что я смотрю на исписанные листы, взял их и прочитал. Текст был адресован людям, проживавшим по соседству в Байкошкаре. «Если умру, не увозите далеко, похороните меня в этом дворе. Всем передайте большой привет», —

говорилось в письме. Позже он переложил текст в большое стихотворение.

Я смотрел на отца, и мне вдруг стало сильно жаль его. Седые, как снег, волосы и борода, похудевшее лицо, покрытое морщинами, напоминали безлюдный холм, покрытый снегом. Он был похож на одинокого старика, оставшего от своих. Хотелось бы знать, что таило в себе это сердце, какие желания, мечты, мысли владели им. Но ни в облике, ни в манере сидеть, ни во внешности невозможно было почувствовать и разглядеть эту внутреннюю тайну.

Я решил для себя, что надо уговорить отца переехать в аул. Он не должен умирать в безлюдной степи, пусть будет дома...»

Ночью отец с сыном долго говорили о тяжелом положении людей, о тех, кого отправляли в тюрьму за неуплату налогов. Говорили о неотвратимой угрозе голода.

На следующий день Ахат прибрал в доме, во дворе. Взял на себя присмотр за лошадьми. А Шакарим, едва придя в себя, написал стихи, которые известны как поэма «Коньрат» и посвящение любимцу — коню, которого взял жеребенком, сам растил, поставил под седло.

Это был очень красивый серый конь. Высокий, с сильными прямыми ногами, сверкающими глазами, с черным хвостом. Он был привязан к Шакариму, никогда не оставлял его одного.

Посвящение коню — популярный жанр в казахской поэзии. Есть, например, замечательное описание коня у Абая:

*С густою челкой, с ухом, как тростник,
С высокой шеей, взгляд раскос и дик.
С загривком мощным, с гривой, словно шелк,
С зашейной ямой, чей размер велик...*

(Перевод Ауэзхана Кодера)

Вот и Шакарим увековечил своего коня в стихах, правда, не описанием его достоинств, а обращением к нему «мой брат» как к собеседнику и посланнику. Он просил коня донести, сторонясь преград, «весть о главном»:

*Айганше скажи желанной,
Что смерть творит свое дело,*

*Что леденеет все тело,
Уходит ее избранник.*

*Если ж Гульнар моя раньше
Спросит, скажи... впрочем, дальше...
Есть же Кабыш, Зият, Ахат —
Сказать им-то сможешь все, брат?..*

Прощальные нотки, печальное настроение поэмы, конечно, навеяны внезапной болезнью. Чтобы жить в одиночестве в степи, несомненно, нужно иметь отменное здоровье и храброе сердце. Можно только поражаться, откуда черпал силы Шакарим в семьдесят лет, но это был единственный случай серьезного заболевания в почти двадцатилетнем уединении в сердце Чингистау.

Здесь, в Саяткара, немного позже Шакарим дописал поэму «Жизнь Забытого».

Финал автобиографической поэмы легендарного «Забытого» воплотил его уникальное суммарное Слово. Прожив свою семидесятилетнюю жизнь как неустанное восхождение в житейском отношении (от двадцати до сорока лет), совершив паломничество в святые места культуры (сорока восьми лет), атрибутируя в трудах своих «все то духовное богатство, которое оставили нам предки» (Л. Н. Толстой), чингистауский отшельник уместает свой «уход» в антитезу образных противопоставлений. Его жизнь «с простым укладом» в мире внешнего воспринимается «сущим адом».

Между тем его внутренний мир преисполнен переживаниями о неполноте знаний («Много знаний не добрал я»). Поэтически изложив историю своей духовной свободы («Вдумайтесь, ведь я свободен, / От страданий всех избытый»), Шакарим моделирует будущую историю забвения потомками, что, к сожалению, соответствует его посмертной судьбе:

*В сердце месть хранить не буду,
Не страшны мне пересуды,
Даже если станет худо...*

*Здесь друзей, врагов не жду я,
От печалей не бегу я,
Наслаждений не ищу я*

В тишине, безумец скрытый.

*Чтобы ввысь душа взлетела,
Чтоб земля укрыла тело,
Чтоб народ забыл несмелый,
Имя дал себе: «Забытый».*

Наступила весна. Ахат стал уговаривать отца переехать в аул, объясняя свою настойчивость беспокойством за его здоровье. Напомнил, что народу приходится теперь трудно, что сам он тоже находится под следствием.

Шакарим вроде бы согласился. Стали готовиться к отъезду. Но в этот момент привезли повестку, в которой Ахату было предписано явиться в суд 29 мая.

Из воспоминаний Ахата:

«Чтобы отец не беспокоился, я рассказал ему о суде.

— Зимой следователь вызывал меня один раз. Тогда я познакомился со своим делом. Думаю, меня скоро освободят.

Отец рассмеялся:

— Откуда ты можешь знать?

Я сказал:

— Меня обвиняют в неуплате налога по мясу, шерсти, денег за семенную пшеницу. А по правде, я не должен отчитываться, куда дел свой скот. И еще, налог должен учитывать количество скота. А у меня не хватит скота, чтобы расплатиться даже по выписанному мне аульным советом налогу. Наложили бездумно. Недостающий скот я не продал на базаре, а сдал, как они приказали, в кооперацию, есть справка. Часть съели, часть пустили на одежду. Поэтому меня не должны судить.

Отец сказал:

— Сынок, ты узко мыслишь, этого надо всегда остерегаться. По моему, на сей раз тебя засудят. Время сейчас беспокойное. Тебя смоеет волной. Это временно. Самое главное — пережить бурю. Как ее перенести? Как пройти, чтобы не сломаться и остаться честным? Это временный поток, неверный шаг назад, ошибочное отступление. Страдают такие, как ты, люди. Только выдержав страдания в этом отступлении, поняв положение дел, человек сможет пройти вперед, не изменяя честному пути. Человек, не думающий о будущем, идущий на разные уловки и ухищрения, нечистый на руку, продающий совесть, очернивший невинного, становится презренным. Сторонись этого! Жди

другого времени, улучшения и просветления, не забывая, что честь неустребима! Когда на человека наваливается беда, он думает, что дальше незачем жить. Но это — бессилие, незнание законов жизни, потеря самого себя. Жизнь со временем меняется, улучшается. Общество тоже. Человек ошибается, если печалится раньше, чем на него наваливаются трудности. В таком случае он не видит будущего, теряет свое счастье. Человек набирается опыта из прошлого. Если он заглянет в прошлое, сравнит со своей жизнью, то ясно увидит, что ожидает его впереди, — так закончил речь отец».

Шакарим пошел провожать сына. Подъехали к реке Барлыбай, она вышла из берегов, бурлила и пенилась. Вода приходилась лошади выше груди. Перед тем как переправляться, Ахат выслушал последнее наставление.

«Отец сказал:

— Выражу два пожелания, запомни навсегда. Среди моих детей ты был самым вспыльчивым, не слушал, что говорили, злился. Причина, по большому счету, в том, что ты вырос на руках Мауен. Она делала все, что ты требовал. Никому не позволяла слова сказать против тебя. Рядом с Мауен ты никого не слушал, делал, что хотел, был шалуном. Казахи говорят: «Злость — враг, а разум — друг, так к разуму и прибавляй разум». Даже зная, что в злости нет ничего хорошего, человек не может отвыкнуть от нее, потому что она превращается в привычку. Привычка — часть тебя. Но сильный человек легко победит вредные привычки. Кто следит за собой, может исправить свои недостатки. Я прошу у тебя — избавься от вспыльчивости, раздражительности и злопамятности, которые есть у тебя, сынок!

А второе пожелание всегда держи в голове, вникни в него, храни в сердце. С человеком может случиться всякое. Ради того, чтобы жить, он может поставить другого человека в тяжелое положение. Сторонись того, чтобы предать кого-то, принести его в жертву, думая только о том, чтобы остаться живым, здоровым или избавиться от мучений! Это путь не человека, а животного. Чем так жить, лучше умереть. Поступивший так человек не одного себя лишит достоинства, он очернит и опозорит честь отца и матери. Плохому человеку всегда ведь говорят: «Свинья, что ли, тебя воспитала?» И кого свиньей называют?

Если продашь человека, тебя проклянут духи предков или я сам, если буду жив!

Говорю об этом вот почему. Я уже сказал, что подобное вполне может случиться. Так не теряй имя человека! Это мое последнее

пожелание».

Это был последний разговор сына с отцом.

Ахат был арестован в день суда, 29 мая, за мясо и шерсть, которые якобы недодал государству. Вышел из семипалатинской тюрьмы только в 1932 году. Спасаясь от репрессий, уехал на юг, учительствовал в южных областях республики. В 1937 году был арестован как сын врага народа и отправлен в Сибирь. И только в 1939 году был освобожден из Бурлага (Буреинского железнодорожного исправительно-трудового лагеря).

А тем временем лишённые средств к существованию, охваченные ужасом, голодные жители казахской степи метались в привычных пределах существования, не зная, что теперь предпринять.

То в одном районе, то в другом вспыхивали очаги гнева. Весной 1930 года волнениями были охвачены почти все регионы Средней Азии и Казахской АССР. Отдельные всполохи превратились в массовые проявления недовольства в Семипалатинском и Алма-Атинском округах. Сотрудники ГПУ действовали решительно, быстро подавляя начавшиеся волнения. Так было весной 1930 года в Абралинском, Чингистауском, Чубартауском районах. Недовольные аулы окружались со всех сторон сотрудниками ОГПУ. Дальше чекисты действовали по обстоятельствам: арестовывали, отнимали имущество, убивали, отправляли под суд «тройки» ОГПУ — внесудебного органа, изобретенного властью: три человека имели право приговаривать к любой мере уголовного наказания, в том числе к расстрелу.

В период с 1922 по 1933 год за сопротивление властям и попытки скрыть шерсть, мясо, зерно от заготовок было осуждено более 33 тысяч человек.

В числе осужденных должен был быть и сорокасемилетний Гафур. Но он так и не дождался решения суда. По словам работников семипалатинской тюрьмы, 6 июля 1930 года Гафур перерезал себе горло и умер. Это весьма подозрительная версия, но подтвердить или опровергнуть ее трудно ввиду отсутствия каких-либо свидетельств.

Шакарим приехать на похороны не успел. Ему ничего не оставалось, как поверить в версию властей о самоубийстве. В трагической балладе, посвященной сыну, он писал:

*Пять месяцев в тюрьме прошло,
Шестое июля подошло.
Гафур вдруг принял смерть героя.
«Я невиновен! — как отрезал. —*

*Я жертва», — и себя зарезал,
Не соглашаясь быть изгоем!
Душа его ушла к Аллаху,
Шахидом стал мой сын без страха,
Ложь не приняв чужого строя.*

Весь год после смерти сына Шакарим провел в трауре. Посвящал ему стихи, видел во сне, горестно оплакивая вечерами и ночами, как тридцать пять лет назад Абай оплакивал безутешно сына Абдрахмана.

*Не знаю, с горя иль на деле,
А может, колдуны напели,
Про сына, что сегодня здесь он.
Пришел к моей каморке тесной.
Все прошлое пред нами встало,
Нас будто смерть не разлучала,
Он здесь с улыбкою чудесной...
Гафур, родной мой, дорогой!
Я здесь обобран, пуст, нагой,
И плачу горестно над бездной...*

Смерть Гафура стала трагедией для семьи Шакарима. Но прошла незамеченной на фоне сплошных страданий, накрывших кочевое общество. Голод, холод, болезни пришли в каждую казахскую семью. Смерть стала делом заурядным. Казахское кочевье подошло к последней своей стоянке.

Восстание в Чингистау

Наступил 1931 год. Это сейчас может показаться, что год тянулся бесконечно, как столетие. Но для Шакарима дни летели быстро, как действие трагедии, которое всегда ведет к смерти.

Последняя зима в жизни поэта была тяжелой, он провел ее, верный своим принципам, в Саяткора. Перебивался остатками съестных припасов, голодал, сильно исхудал. В январе он получил письмо от писателя Сабита Муканова (1900–1973), главного редактора Казахского государственного издательства. Коллега выражал желание помочь с изданием его трудов, просил выслать рукописи для публикации. Поэт охотно откликнулся на просьбу. Печатание произведений было делом хлопотным, до сих пор он издавал книги почти всегда за свои деньги.

Конечно, можно сказать, что он счастливый творец по сравнению с Абаем, при жизни которого были напечатаны лишь несколько его стихов. Шакарим же издавал поэмы, поэтические переводы, стихи отдельными книгами, сборниками, публиковал и в периодических изданиях, напечатал историческую книгу. Но все же большая часть стихов оставалась неопубликованной. Хотелось напечатать и прозаические сочинения. При советской власти издавать книги по своему желанию за свои деньги было уже невозможно, кажи знал об этом. Издательства и типографии были взяты под полный контроль власти, нужно было разрешение политических руководителей. Вот почему он обрадовался предложению Сабита Муканова, который по должности имел, надо полагать, возможность напечатать его произведения.

Отобрал часть неопубликованных вещей, написал письмо, фрагменты которого уже приводились. Получилось краткое подведение итогов творческой деятельности.

«Дорогой друг Сабит!

Только сейчас получил Ваше письмо, написанное 11 декабря. Пищу второпях, чтобы отправить это письмо с человеком, отбывающим в Аягуз. Высылаю малую толику из того, что имею на руках. Это: «Сад подснежников», «Сказ о Нартайлаке», «Молодость и старость», «Написанное в 32 года», «Как я спорил и проиграл юноше». Поскольку у меня нет средств, денег, отправляю с припиской, что почтовые расходы Вы оплатите сами.

Напечатанные ранее на мои средства 1000 экземпляров «Зеркало

казахов», «Енлик и Кебек», «Калкаман и Мамыр» я раздал людям.

На днях нашел утерянную часть «Родословной...». Поскольку в прежнем издании были опечатки, пропущенные слова, сейчас, посадив за дело детей, занимаюсь переписыванием и исправлениями...

У меня есть роман «Сказ о подлинном счастье», который следовало бы переделать в пьесу. Хоть он и существует, отправить не могу, переписав черновой вариант, поскольку он для постороннего глаза не читаем.

Кроме того, несколько лет назад в Семипалатинске была напечатана переведенная мною на казахский язык в стихах повесть Пушкина «Дубровский». Рукопись осталась дома, поэтому не могу переслать ее с человеком.

Помимо этого, у меня есть другие переводы и стихи. Я их не выпускал, во-первых, из-за того, что плотно со временем, во-вторых, как полагал, власть, обвиняя в «увлечении вопросом объективного рассуждения», не разрешит печатать стихи, которые с сорока пяти лет стали писаться мною с философским уклоном. Да и распространять в народе их было трудно, потому что они были о тайне души, тайне создания, о том, что все в мире несовершенно, а также о религии...

Еще одна просьба. Не могли бы Вы в случае публикации любой моей вещи выслать по пятьдесят экземпляров каждой за счет издательства. Чтобы оставить память детям, друзьям.

Будет правильно, если все они будут опубликованы под именем «Мутылган» («Забытый»).

Добавлю, что некоторые мои стихи не ложатся под музыку старинных казахских стихов-жыров. Для каждого есть своя, придуманная мною, мелодия (мотив). Мелодию в письме объяснить невозможно. А чтобы самому приехать разъяснить, мешает темнота кое-кого из местных органов власти, отсутствие денег на руках да личной свободы.

...Если ничего не получится с публикацией, верните мне все рукописи.

Прощайте! Будьте счастливы.

Мутылган (Шакарим Кудайбердыулы)».

Письмо датировано 3 февраля 1931 года.

3 декабря 1969 года, спустя десять лет после реабилитации поэта, в Институте литературы и искусств имени Мухтара Ауэзова состоялась встреча по поводу издания сочинений Шакарима. Присутствовали Сабит Муканов, Габит Мусрепов, Абдильда Тажибаев, Муслим Базарбаев, Ыскак Дуйсенбаев, Серик Кирабаев, Абдижамил Нурпеисов, другие поэты и писатели. Сабит Муканов гордо объявил собранию: «Шакарим никому из

казахов не писал писем, одному мне прислал письмо. Это письмо у меня, в нем он привел много своих мнений — каких придерживается принципов, чем занят, когда были написаны его сочинения. В письме много ценного. Оно как обзор писательского пути».

Однако тогда, в 1931 году, получив письмо от Кажы, ничего из посланного ему Сабит Муканов так и не издал. Как и предполагал Шакарим, власть не могла допустить печатание суждений, не укладывающихся в рамки новой советской идеологии.

Весна 1931 года принесла небывалый голод в казахскую степь. Голодные люди поедали дикий лук, голубей, кошек. В Алма-Ату, столицу Казахской АССР с 1927 года, стали поступать сведения о голоде, однако местные власти игнорировали их и лишь ужесточали административный нажим. Казахам запрещалось покидать свои аулы. Всех, кто снимался с мест, квалифицировали как «банду». Сотрудники ОГПУ и милиционеры догоняли ослушников и поступали с ними как с «бандой». То есть обкладывали со всех сторон и стреляли в безоружных людей, принуждая сдаться.

Никогда прежде за всю историю народ не лишался в одночасье скота в таком массовом порядке. Бывали бескормицы, случались засухи, нападали враги, изгоняли с мест постоянного кочевания. Но всегда при таких напастях народ имел возможность восстановить поголовье скота, вернуть утраченное благоденствие и кочевую вольницу.

На сей раз скот отбирали полностью. Отбирали вооруженные представители власти. Отбирали у той самой бедноты, защищать интересы которой клялись, отвоевывая власть у буржуазии в 1917 году. Восстанавливать скот в личных хозяйствах не позволяли, проводя, если требовалось, повторные конфискации. Было позволено выращивать зерно и держать скот только в коллективных хозяйствах, куда сгоняли остатки конфискованного скота из окрестных аулов. Но подняться такие хозяйства не смогли.

Разваливался и преуспевавший прежде кооператив в Баканасе. Архама Искакова сняли с поста главы кооператива как классового врага, потомка бывшего старшего султана Кунанбая. Жители, побросав бесперспективное земледелие, пытались кормиться охотой. Обеспокоенный Шакарим предостерегал от увлечения охотой, считая, что это скорее забава, а в голодную пору надо всеми способами стараться удержать хозяйство. Сам охотник, он прекрасно понимал, что охотой весь народ прокормить невозможно. И надеялся, что, наладив хотя бы коллективные хозяйства, можно предотвратить катастрофу.

Он опять стал появляться в Баканасе, но его советы уже не могли спасти дело, начатое Архамом.

Местная жительница Укыш Козбаева вспоминала в 1988 году:

«В 1931 году мы переехали в Баканас, заняли дом Архама. А они уехали в Карауыл. Муж Башер работал в магазине, я была кухаркой. В это время кажы часто приезжал в Баканас. Давал в стирку вещи, просил сготовить баурсаки. Просил: «Мои дорогие, мне нужны баурсаки не из кислого теста, они плесневеют, а из пресного». Два раза просить меня не надо было. Он радовался как ребенок, давал благословение».

Рассказ другой жительницы, Зияды Сарбасовой:

«В то время в местности Жанибек стоял большой аул. Большинство жителей были из рода Кокше. Когда Шакарим приезжал в аул и проходил мимо юрты, мы, женщины, смотрели на него только украдкой из-за полога двери. Разве можно было в то время показаться на глаза такому святому человеку? Мы даже близко не подходили.

То ли из-за траура по кажы, то ли времена наступили такие ужасные, но после его смерти всю массу народа настигло бедствие.

Казахи говорят: цыпленок прячется в себе, сокол прячется в гнезде. Народ, осевший в начале двадцатых годов в большом поселке Баканас, после наступления голода разбрелся, куда глаза глядят... Созданные под руководством Мухтара Ауэзова и Архама Искакова оросительные каналы для полива, ветряная мельница, кооперативное имущество — все оказалось никому не нужным. Народ умирал с голоду.

Говори, не говори, ничего теперь не изменишь, но пусть такой «конец света» минует будущие поколения».

В начале лета 1931 года в Чингистау приехал Елтай Ерназаров (1887–1945), председатель Центрального исполнительного комитета Казахской АССР. По рангу Ерназаров был вторым руководящим лицом в республике после партийного лидера Голощекина. Понятно, что высокопоставленный чиновник совершал поездку по регионам, в которых в прошлом году прошли волнения, чтобы создать хотя бы видимость порядка. Узнав о его приезде, Шакарим покинул Саяткара, специально приехал в Карауыл, чтобы увидеться с государственным чиновником.

Об этой встрече рассказал Аюбай Кенесарин:

«Я был свидетелем, как Шакарим зашел к Ерназарову и вышел после продолжительной беседы с ним.

Дело было летом 1931 года. Специально для Елтая на берегу реки Карауыл поставили несколько юрт. Милиционеры охраняли юрту, в которой находился Елтай. Людей с просьбами, заявлениями было очень много.

Большинство, не получив дозволения зайти, прождали весь день. А вот известный певец Агашаяк сумел проскочить и вышел радостный с известием, что ему вернут корову.

В какой-то момент из юрты Елтая вышел и Шакарим и обратился к ожидавшим людям: «Довольно долго я говорил о том, что народ, лишенный скота, начал голодать. Не согласился. Не похож он на руководителя, способного решать проблемы. Можете не стараться зря заходить к нему», — сказал он.

Сел на коня и уехал».

Речь поэта не могла пройти мимо ушей республиканского начальства, которое не только чутко улавливало политический ветер перемен, но и прислушивалось к доносам многочисленных активистов.

Существовало еще и обобщенное партийное мнение. Советские работники, конечно, имели информацию обо всех стихах, поэмах, высказываниях вольнолюбивого и независимого кажы. Нет сомнений, они еще помнили, как после Октябрьской революции Шакарим писал в стихотворении «Когда появился на свет от матери...»:

*Свободного сейчас нет человека,
В эпоху полной диктатуры власти.
Еще покажут все кошмары века,
И жизнь добавит ужасы и страсти.*

Предсказание поэта начало сбываться давно. За ним так и закрепились репутация поэта-пророка, который видит в этой жизни то, что неведомо другим, а также имеет возможность заглянуть в отдаленное будущее.

Мог ли он промолчать, как все обыватели, не говорить обидные для руководителя республики слова? Вряд ли. Изменить себе поэт уже не мог.

Вернувшись в Саяткара, он записал финал эссе «Зеркало подлинного счастья» — так, как он сложился в голове после разговора с Ерназаровым:

«...Открыв глаза, я увидел человека с суровым выражением лица, в белоснежном одеянии, который поддерживал мою голову.

«Аксакал, взгляни еще раз в зеркало. Но смотри не на свое отражение и не на тех, кто вблизи, а обрати внимание на мужа с женой с двумя детьми», — сказал он.

Снова глянул я и увидел в зеркале богатых и знатных, юношей, детей, играющих в альчики, а дальше, в глубине, сидели муж с женой, рядом с ними дети, которых они целовали, миловали, баловали. Дети тоже

обнимали их, отвечали лаской родителям.

И тогда суровый человек в белом одеянии сказал:

«Аксакал, подлинным счастьем является любовь родителей к детям и непорочное сердце детей, которых видишь в самой глубине зеркала. Эта любовь и чистое сердце были даны и тебе. И если б ты, сохранив их в себе, не забывая об этом, творил бы любовь и справедливость, принимая всех людей как родных, как своих детей, то это и было бы подлинное счастье.

Те тревоги и испытания, что выпали тебе в поисках счастья, подобны усилиям охотника, преследующего добычу, или уловкам торговца, ищущего быструю наживу. Ты свою любовь и чистое сердце разменял по пути на ложные ценности. И отныне все, что осталось тебе в жизни, — крепко об этом помнить. Что толку в сожалениях! Теперь молись же, молись!» — сказал он, и я опять лишился чувств».

Нет, не мог Шакарим идти на соглашения с властью, потакать ей в античеловеческой политике или молчать, когда народу грозило полное уничтожение. Потому что он вовсе не утратил любовь и чистое сердце, не разменял свое стремление к истине на спокойную жизнь, мирские блага и ложные устремления. Теперь все немногие отпущенные ему дни жизни он обязан прожить честно! — это творец и имел в виду, завершая эссе.

О несгибаемости, бескомпромиссности, твердости духа семидесятитрехлетнего поэта свидетельствует стихотворение, написанное сразу по возвращении в Саяткора после встречи с председателем ЦИКа Ерназаровым:

*С вершин озираю весь свет.
Давно мне за семьдесят лет.
Один охраняю долины,
Ведь друга со мной рядом нет.*

*Вот я, одинокий старик.
Снегами всю степь завалило,
Путь тесен, неясная сила
Печаль мою в горе излила,
Меня ожидает могила.
Ты слышишь отчаянный крик?*

*Свободю не дорожат
Сородичи, век наш ужат.
А власти на жалобы глухи,*

Без счета бумаги лежат.

*Со мной председатель-казак
Беседовал. Жалкий размах.
Ну как можно выбрать такого —
Ни чувств, ни рассудка в глазах?!*

*Не может решать ничего.
Народ не поймет его просто.
Слетит он с высокого поста.*

Это стихотворение стало известно многим. В народе его повторяли наизусть, передавали друг другу, из семьи в семью, из аула в аул.

Устами Шакарима говорил народ, говорила правда.

Шакарим говорил от имени народа.

Стихотворение, разумеется, стало известно и властям. Конечно, было расценено как провокаторское, подрывающее авторитет советской власти.

Известный пример. Осип Мандельштам в 1933 году написал стихотворную инвективу против Сталина:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.*

*Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища...*

Мандельштам не собирался отдавать стихотворение в печать, оно сохранилось в памяти десятка современников, но хватило и этого. В мае 1934 года он был арестован, сослан в Воронеж. В 1938 году, приговоренный к новому сроку в Колымские лагеря, он скончался в больнице пересыльного лагеря во Владивостоке.

Шакарим не боялся репрессий, не страшился ареста. Он просто об этом не думал. Жил так, как повелевала честь, как предписывали

собственные моральные законы. И теперь ему оставалось принять с достоинством ту неизбежность, которая неотвратимо накатывалась на Чингистау, как жестокий снежный ураган в степи.

В июне 1931 года в Чингистауский район на должность начальника районного отделения ОГПУ был назначен оперуполномоченный Абзал Карасартов (1906–1979), уроженец Баянаула. Молодой, деятельный чекист избрал главным объектом своего внимания именно Шакарима. Видевшие нового начальника жители рассказывали, что это был крепкого сложения, очень сурового вида смуглый молодой человек, обычно восседавший на коне с маузером в руках, с белой повязкой вокруг головы.

Стаж работы Абзала Карасартова в органах составлял всего девять месяцев. До этого он временно исполнял обязанности начальника райотдела ОГПУ в Павлодарском округе. Получил благодарность за «разоблачение антисоветской организации». Видимо, это был хваткий, надежный работник, поскольку его перевели, опять же временно, в беспокойный Чингистауский район.

В известном разговоре, записанном на магнитофонную ленту, между ученым Евнеем Букетовым и Абзалом Карасартовым, состоявшемся в 1978 году, есть такой фрагмент:

«Карасартов. Меня вызвали в Семипалатинск. В обл-отделе сказали: «Вас решили направить в Чингистауский район. Там положение не очень хорошее. Отовсюду повылезали банды. Народ, глядя на них, похоже, тоже готов подняться. Это родина Шакарима Кудайбергенова, племянника Абая. Шакарим, можно сказать, известен не только в Казахстане, но и во всем мире. У него есть авторитет, он пользуется уважением. Поэтому тебе такое поручение: ты должен найти его и побеседовать. Надо узнать его мнение...» Так я оказался в Чингистау.

Букетов. Как звали начальника ОблГПУ, давшего вам поручение?

Карасартов. Это был русский человек по фамилии Панов, старше меня. Его заместитель Волков. Когда я по их поручению прибыл в Чингистау, начальником райотдела до меня был человек по фамилии Юдин. Он передал мне все дела».

Жестокость Карасартова сразу стала притчей во языцех. Всех сотрудников райотдела ОГПУ он отправил в Чингистау ловить «банды», то есть казахов, покинувших аулы в поисках пропитания. По его указанию чекисты, увидев беглецов, могли сразу открывать огонь.

Расспросив местных жителей о Шакариме, Карасартов с удивлением обнаружил, что к старцу в Чингистау народ поголовно относится как к святому. Это его насторожило. Праведники, святые угодники, чудотворцы,

пророки наряду с религиозными лидерами числились главными врагами советской власти. Сотрудники ОГПУ получили от Карасартова указание контролировать Саяткора, отдаленное жилище Шакарима.

И однажды кажи, вернувшись из аула в Карабулак, обнаружил, что уединенный его дом, запертый на замок, вскрыт. Два человека, забравшись внутрь, съели припасы, покормились маслом.

Этот эпизод был описан поэтом, как всегда, в стихотворной форме в объемном сочинении под общим заглавием «В уединенном жилище».

Удивляясь, кто мог забраться в дом, он решил выяснить, охотники или иные гости побывали у него дома:

*Я пошел за этими двумя по следу
И настиг двоих из ГПУ к обеду.
— Вот связной от беглых! — и меня схватили,
Повезли с собою, празднуя победу.
В Баканас меня вот так препроводили,
Про арест начальству доложили.*

По ходу стихотворного рассказа Шакарим создает притчу. По дороге в Баканас его конвоиры увидели двух баранов. Приняв их за архаров, застрелили. «Вот так и меня, — говорил кажи, — приняли за беглого, хотя я просто одинокий поэт».

В Баканасе под арестом Шакарим пробыл один день. Следователь из города, русский, спрашивал: «Что вы за человек? Почему ведете такой странный образ жизни?» Шакарим отвечал, что живет в уединении не из враждебного отношения к кому-то, а из расположенности к творческим занятиям. Напомнил, что и Лев Толстой стремился к подобному уединению на закате жизни.

Образованный следователь был поражен неожиданно раскрывшимся перед ним вдохновенным обликом благонравного старца, забравшегося в сердце диких гор в святом стремлении к познанию истины. Командир чекистов, похоже, в самом деле узрел какую-то внутреннюю близость казахского аксакала к великому русскому писателю. Он немедленно освободил поэта.

Шакарим дописал притчу:

*Так ягненку целым удалось остаться.
Эпизод случайным может показаться.*

*Истинной свободы нет у человека —
Это в самом деле правдой может стать.*

Его отпустили из-за отсутствия улик. Связь с голодными, отчаявшимися беглецами, выступавшими против власти, подтверждена не была.

Хотя какая-то связь была. Разрозненные группы плохо вооруженных жигитов, лишенных возможности пасти скот и кормить семьи, прятались в предгорьях Чингистау, теснимые отрядами ГПУ. Ими владело отчаяние. Наиболее авторитетные беглецы приходили в Саяткора к знаменитому какжы советоваться, как поступать дальше.

По утверждению Бекена Исабаева, многолетнего сотрудника музея Мухтара Ауэзова в Борли, Шакарим говорил им:

«Вы хотите свалить советскую власть в Карауыле, но люди вас не поддержат. Они видят, что эта власть глубоко пустила корни. Даже если убрать ее в Карауыле, центральная власть не падет. И она уничтожит народ, который пойдет за вами. По этой причине будем считать, что вы ко мне не приходили, я ничего не слышал. Придете еще раз, сдам в ГПУ».

Так говорил Шакарим или не так, но он точно знал, что чекисты взялись за него основательно.

Карасартов, по словам очевидцев, был недоволен решением городского следователя отпустить поэта. И неожиданно приехал к Шакариму в Саяткора сам. Если верить его признанию Букетову в довольно одиозном интервью, это был плановый визит.

Какжы принял его со спутниками спокойно. Познакомился, накормил, побеседовал, оставил ночевать.

Странная это была встреча. Разговор шел вроде бы ни о чем. Серьезных тем гость с хозяином не обсуждали. Карасартов говорил, что он сам поэт. Старался подобрать доверительный тон. Однако Шакарим чувствовал скрытую опасность в этом человеке, видел, что он прибыл с какой-то тайной целью, но какой — пока определить не мог.

Карасартов был гостем. И Шакарим не мог думать о нем плохо. Он всегда стремился расположить людей не то чтобы к себе, а к истине. И потому никого не боялся, был сильнее и выше любого злодея. Обладал такой духовной силой, что мог принимать даже подобного сомнительного посетителя.

После этого случая Карасартов стал регулярно вызывать Шакарима в

райотдел ОГПУ. То, что Кажы разменял восьмой десяток лет, для чекиста не имело значения. Впрочем, старец выглядел хорошо, и у молодого Карасартова не возникало мысли, что ему, может быть, трудно преодолевать верхом сорок километров от Саяткора до Карауыла.

Шакарим приезжал на эти встречи спокойно, разговаривал степенно, с достоинством. Это опять были беседы «ни о чем». Изредка начальник райотдела занимался мягкой агитацией, но «давить», настаивать не спешил. Кажы в ответ не любезничал и даже ни разу не улыбнулся, о чем Карасартов сокрушался в разговоре с Букетовым.

Улыбаться ему было незачем. Он уже знал, что парень скор на расправу.

Конечно, демонстративные встречи чекистов с поэтом очень были похожи на лжевербовку в целях компрометации перед населением — есть такая стандартная разработка спецслужб. Подтверждением этой версии могут служить показания сотрудников ОГПУ, которые хранятся в архиве Комитета национальной безопасности (КНБ) Республики Казахстан. В свое время они были переданы в комиссию по изучению творчества и биографии Шакарима, которая была создана в 1963 году в Алма-Ате. Руководителем комиссии был поэт Хамит Ергалиев.

Вот, например, протокол допроса от 23 января 1958 года бывшего заместителя начальника Чингистауского райотдела ОГПУ Абдраима Шарибаева. Он сообщал: «Шакарим очень часто ночами приезжал к нам в райотдел, разговаривал с Карасартовым и после бесед уезжал к себе на зимовку... Я лично, как заместитель начальника ОГПУ, Шакарима не принимал, но по специфике работы в наших органах знал, почему приезжал Шакарим в отдел».

Бывший оперуполномоченный Чингистауского райотдела ОГПУ Еспай Беккожин, 11 января 1958 года: «Помню, в 1931 году в горах Чингиса мы встретили Шакарима. Карасартов и Шакарим между собой о чем-то разговаривали около 30 минут. Затем мы все уехали в село Кара-Аул, а Шакарим уехал в направлении своей зимовки Каранай-Шакпак».

Зейнель Оспанов, бывший военный инспектор Чингистауского райотделения милиции, 15 января 1958 года: «Шакарима Кудайбердиева я хорошо знал и неоднократно водил его в здание ОГПУ. Шакарим часто приезжал верхом в ОГПУ, уезжал поздно. Были случаи — Карасартов посылал за ним работников ОГПУ».

Активность Карасартова могла означать только одно: чекисты твердо решили использовать Шакарима для усмирения народа, доведенного до отчаяния голодом. Каким конкретно способом они собирались это сделать,

пока оставалось неизвестным.

Однако ситуация менялась стремительно. В конце августа — начале сентября произошли события, возможно, существенно изменившие первоначальный план Карасартова.

Положение народа тем временем продолжало оставаться безвыходным. В отдаленных аулах люди, давно не имея еды, по сути, запертые в своих дворах милиционерами и сотрудниками ОГПУ, уже умирали от голода. А налоговые уполномоченные в сопровождении нарядов милиции продолжали чистить хозяйства. Налетали в аулы, где жили должники, не выполнявшие нормы сдачи зерна, шерсти, костей, забирали последнюю лошадь или корову. У одного человека из бедноты в ауле на реке Шатан (на месте современного села Саржал) налоговики забрали единственную дойную корову. Несчастный хозяин поднял крик, сбежались родственники, схватились с незваными гостями. В результате были убиты оба налоговых агента.

Власти немедленно приступили к карательной операции, объявив, как обычно, зачинщиков бандитами, а всех жителей мятежного аула «бандой». Милиционеры и сотрудники ГПУ расстреливали и арестовывали жителей аула, не разбираясь, кто участвовал в убийстве мытарей, а кто — нет.

И тогда жители Чингистау, придя в ярость после этой расправы, решили подняться против советской власти. Выступления произошли одновременно в трех районах — Чингистауском, Абралинском, Чубартауском.

Восстание в Чингистау началось в ночь на 3 сентября 1931 года в колхозе, который стоял на месте нынешнего аула Кокбай около Баканаса. Восставшие, в числе которых был сын Шакарима Зият, схватили и расстреляли молодого учителя Рамазана Абишулы с женой Рапиш. Учителя не без оснований посчитали шпионом ОГПУ. Был он писарем у Карасартова, когда тот работал в Бескарагайском районе. Карасартов и привез его в Баканас в качестве учителя.

Сохранилось свидетельство главного организатора восстания в Чингистау Бердеша Азимбайулы (1885–1965), внука Танирберды, то есть потомка Кунанбая.

Бердеш (имя при рождении — Фирдоуси) был заметной фигурой в роду Тобыкты, но не пользовался благосклонностью Шакарима-кажы, который не одобрял некоторых его жестких действий в отношении сородичей. Однако Бердеш был одним из тех личностей, которые реально лишились богатства в результате кампании конфискации, и у него были основания сражаться против власти.

В 1958 году Бердеш вернулся из Китая в Карауыл. Дал показания, которые в 1963 году были переданы в комиссию Хамита Ергалиева.

Рассуждения Бердеша публиковались, например, в семипалатинской газете «Уш анык» («Три истины». 1991. № 3). В частности, он говорил: «Когда мы поднялись всем аулом, ко мне доставили учителя из колхоза Койтас. При обыске за голенищем сапога у него нашли письмо к Карасартову: «Бердеш, сын Азимбая, идет на вас с 500 всадниками». Рамазана мы расстреляли из-за этого».

Свидетельство важное, потому что позже в убийстве учителя и его жены чекисты обвинили Шакарима. Никакого отношения к этому убийству он, конечно, не имел.

Утром 3 сентября более 200 человек восставших из Баканаса пополнились сотней людей из Чингистау. Несмотря на воинственный настрой, оружия у них практически не было. Тем не менее голодные, доведенные до отчаяния люди двинулись на Карауыл. Встретили в трех километрах от Карауыла возвращавшегося к себе начальника Рабоче-крестьянской инспекции Олжабая Шалабаева. Ненавистного главного районного налоговика тут же убили. Один из самых активных повстанцев, Касымбек Солтабаев из рода Бокенши, забрал красавца коня-иноходца Олжабая. После этого вошли в Карауыл.

Райотдел ОГПУ был извещен о восстании, чекисты были готовы к бою. Им помогал тайно прибывший накануне из города отряд военных с пулеметом.

На что рассчитывали безоружные восставшие? Конечно, рассудочности в действиях голодных людей было мало. Ими двигало только отчаяние.

Увидев толпу, военные открыли огонь из укрытия по нападавшим. Безоружный народ бросился бежать, теряя убитых и раненых. Следом понесся конный отряд чекистов во главе с Абзалом Карасартовым. Погибло около 50 повстанцев. Многих взяли в плен.

Кто-то из арестованных рассказал в райотделе, что восставшие ходили за советом к Шакариму. Тотчас чекисты распространили слух, что именно Шакарим 3 сентября благословил восставших на захват Карауыла. Даже назывались имена тех, кто был при этом у Шакарима: Бердеш, Зият, Касымбек Солтабаев, Мухтар Дутбаев, сын Кульбадан, дочери Абая.

Эта версия в тот момент, надо полагать, и стала основной для начальника райотдела ОГПУ Абзала Карасартова. Спустя сорок пять лет он говорил Евнею Букетову о Шакариме: «Я делал этому человеку только хорошее. Надеялся, что у него будет больше доверия. Но он ничего этого не

принял. В итоге третьего сентября он собрал народ семи-восьми аулов Чингистау от одного края до другого, всех привел в райцентр и устроил нападение».

Нет смысла подозревать Карасартова в лицемерии. Нужно четко понимать, что он был продуктом эпохи, нужным человеком в новой структуре власти. Для Карасартова существовала только советская власть, все недовольные — это ее враги, их надо уничтожать! Голод, людские страдания его волновали мало. На пути к коммунизму такие жертвы неизбежны, этими проблемами должен заниматься кто-то другой, а его дело — карать! Он мог бы легко убрать поэта с дороги, как убирал других: убивал, арестовывал, отправлял в тюрьмы, в лагеря. Но начальство объяснило, что Шакарим «известен не только в Казахстане, но и во всем мире», то есть с ним нужно было действовать аккуратно. Да, он враг советской власти, на этот счет у Карасартова никаких сомнений не возникало. Значит, подлежит уничтожению. Однако над уничтожением знаменитого поэта приходилось мудрить. Нужно было сделать так, чтобы никто не мог усомниться в правильности содеянного им.

Начальник райотдела ОГПУ тщательно обдумывал свои действия с момента прибытия в Чингистау. Но окончательный план сложился в голове Карасартова только после восстания. Нет никаких сомнений, причинами восстания в Чингистау были, с одной стороны, страшный голод, нищета народа, с другой — жестокость власти, обрекавшей людей на смерть. Тем не менее руководители Чингистауского района причины народного гнева стали искать в ненависти к советской власти отдельных лиц, прежде всего Шакарима. Принялись повсюду распространять слух о том, что организатором восстания был именно Шакарим.

Вскоре эта весть дошла и до него самого в Саяткора. Что ему было делать?

Кажы сделал то, что сделал бы любой честный человек. Он искренне осуждал восставших, считая бессмысленными многочисленные жертвы. И поехал в Карауыл, чтобы встретиться с Карасартовым. Встреча прошла без последствий. Удобный момент для расправы еще не наступил. Бывший фельдъегерь ОГПУ Айтмырза Тунликбаев 10 января 1958 года сообщал: «Карасартов говорил Шакариму о том, чтобы он вел разъяснительную работу среди казахов. Шакарим ответил, что он об этом уже говорил участникам восстания, но его не слушают. Я помню, Шакарим сказал: «Мой сын Зият и тот меня не послушал».

Кажы беспрепятственно вернулся в Саяткора. Однако ситуация сильно удручала его. Ничем хорошим обвинительный настрой Карасартова не мог

кончиться, старец прекрасно это понимал. Действительно, с каждым днем в народе все больше и больше распространялась молва о том, что восстанием руководил Шакарим.

Самое удивительное, эта весть вдохновляла народ гораздо больше, нежели сам кажы. И люди вслед за сотрудниками ГПУ стали называть народное выступление не иначе как «восстание Шакарима».

Чекисты между тем активно взялись за поиски восставших в горах Чингистау. Стали проводить рейды, отыскивая скрывавшиеся в ущельях «банды». Сын поэта Зият, племянник Бердеш окончательно решили уходить в Китай. В Чингистау им грозила смерть. Если бы они попали в руки чекистов, расстрел им был гарантирован.

Они вновь пришли к Шакариму в Саяткора и снова предложили идти с ними, но поэт опять отказался. Надеялся, что, возможно, все образуется, надо только потерпеть какое-то время. На всякий случай он дней десять скрывался от чекистов в Баканасе.

Очевидно, предосторожность не была лишней. Чекисты наведались в Саяткора, но поэта не нашли. После этого Карасартов официально объявил, что Шакарим скрывается от властей. Так написал и в рапорте в областное управление ОГПУ. Если скрывается, значит — член «банды», более того, Шакарим, вероятно, организатор восстания. Начальник райотдела приписал, что поэт способствовал развалу кооператива в Баканасе, а также подозревается в организации убийства учителя Рамазана Абишулы и его жены.

Отправив рапорт, Карасартов знал, что будет делать дальше.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
СВЕТ ЗАБЫТОГО

Душа бессмертная поэта

К концу сентября поэт вернулся в Саяткора.

Но ГПУ не собиралось делать поблажек восставшим. Неумолимо, настойчиво и неуклонно сотрудники органов пробирались по лощинам и межгорьям Чингистау, выискивая и находя мятежников.

Бердеш, Зият, другие родственники Шакарима окончательно решили уходить за границу — в Китай. Поэт уже не отговаривал их, но уходить с ними не желал решительно. Свой отказ обосновал так: «Здесь родился, здесь и умру. Не хватало еще, будут говорить, что какой-то старый казах из Чингистау пошел в Китай, чтобы там и умереть».

Утром 2 сентября Зият пробрался в Саяткора и предупредил отца, что завтра они с Бердешем, его братьями, другими беглецами уходят в Китай. Шакарим разволновался, стал давать советы, просил быть осторожным, всплакнул. Долго не хотел отпускать младшего сына, поил чаем, кормил сушеным мясом. Но задерживаться было опасно, в любую минуту могли появиться чекисты. Отец попросил, чтобы Зият заехал утром: он решил переписать и отдать ему часть своих рукописей, за которые сильно опасался, зная, что в настоящее время напечатаны они не будут. Другую часть рукописей он намеревался схоронить под камнями у ближнего холма, поскольку был уверен, что его арестуют, как только станет известно, что его сын отправился за кордон.

Шакарим вывел из сарая коня. Любимый Конырат — самое надежное средство передвижения в дальней дороге: проведет через опасные тропы, уйдет от любой погони. Он отдал коня сыну. Так ему будет спокойнее. Зият ушел. Впоследствии, уже в Синьцзяне, он напишет поэму «Конырат» — о коне, которого отдал отец.

А Шакарим сел за переписывание стихов. Просматривал рукописи, стихи и отбирал наиболее важные. Привычный труд сильно взволновал его. Он читал стихотворения одно за другим и всякий раз становился таким, каким был в ту пору, когда писал те или иные строки. Ощущал тот же зной или ту же прохладу, что охватывала тогда, и заново переживал всю свою жизнь.

Многие годы поэт искренне верил, что стихами можно наставить людей на путь истинный, исправить руководителей, а всех казахов привести к единству. Но вот уже конец жизни, а просветления сердец, о чем мечтал еще Абай, не происходит.

Он взял в руки очередной лист, прочел несколько строк:

*В давнее время жил Коркыт,
Он потомками позабыт,
Я мотивы его напую,
Смысл которых от многих сокрыт.*

Это было начатое в прошлом году и отставленное стихотворение, которому поэт дал название «Мелодии Коркыта». Очень нравилась ему старинная тюркская легенда о Коркыте, искателе бессмертия и сочинителе волшебной музыки, основанной на имитации звуков природы и бывшей, по существу, попыткой гармонизировать мир.

«Разгадай его, не грусти», — взывал лирический герой, приглашая мыслимого слушателя преодолеть «порог» беспамятства. Последующие строки стиха касаются «биографического» сюжета Коркыта:

*Как кобыз Коркыта стонал!
Нет земель, где бы он не бывал,
Песней грустною жизнь рисовал,
Да и песни ей посвящал,
Их печальный, гневный мотив.*

По поверью, Коркыт увидел во сне людей, рывших ему могилу. Желая спастись от смерти, он ушел далеко из родных мест, но вновь увидел людей, рывших землю. «Чья это могила?» — спросил он. И услышал: «Это могила Коркыта».

И куда бы он ни шел, везде встречал свою могилу.

Тогда понял он, что от смерти не уйти. И вернулся на берега Сырдарьи, где день и ночь стал играть горестные мелодии на кобызе, который смастерил из лопатки своего верблюда Желмая.

Нравственно-психологическое состояние Шакарима эпохи братоубийственной борьбы 1920-х годов соотносимо с пространственно-временным измерением переживаний легендарного Коркыта. На него уже легла тень смерти, а он соотносит свое творческое кредо с тем рядом бессмертия, что и Коркыт: «мысли — песня — душа». Когда во тьме земля не видна была, свет творился в мудрой музыке Небес. Так и поэт пытался подняться над бездной порушенной обители. Чтобы музыка, что

символизировала происхождение самой жизни, и история Коркыта, что стала знаком творческой сущности, могли нести свет прозрения:

*Благость звуков разлилась во мне.
Мыслям песни нравится строй,
И душа находит покой.*

*Но такой мотив молодым
Не по нраву. Где же им знать,
Что в нем мнится таинства дым
Старикам. Младым не понять
Суть его со смыслом седым.*

Имя «Коркыт» означает в том числе: «наводящий страх». И мотив бегства от смерти — это нежелание мириться с самой смертью.

По легенде, усталость сломила Коркыта, и он заснул. Ядовитая змея ужалила его. Оставленный на могиле Коркыта кобыз долгое время сам по себе издавал жалобные звуки.

В последнюю ночь ухода-бегства родных Шакарим понимает, что ему обязательно нужно дописать стихотворение. Он призывает внимающих его стихам «разумных друзей» сосредоточиться на «правде»:

*Много есть несчастных людей.
Есть и мрази, им бы скорей
Загонять людей, как зверей,
Нет существ коварней и злей,
Пусть они не ходят ко мне.*

*На лжецов опасных гляжу,
Как нас кормят ядом, скажу,
Подло всем связали глаза.
Правду я до вас довожу.*

Помня, что в тюркской символике образ змеи олицетворяет сокровенное знание, поэт представляет Коркыта, ужаленного змеей, как поводыря, который обрел вечное знание:

*Зеркало без ржавчин и дыр,
Расскажи, где истины ширь,
Польза где? И в праведный путь
Поведи меня, поводырь.*

Символично обращение к зеркалу, что предстает «без ржавчин и дыр». В лирико-философском исповедании Шакарима зеркало, являя положительные атрибуты, было связано с аллегориями света, правды, самопознания, истины.

Теперь он сильнее любых преследователей. Надо будет собрать вещи, подготовить рукописи и выехать с Зиятом и другими. Они пойдут на восток, к далекой границе. А он вернется в Карауыл, соберет оставшиеся рукописи и спрячет в надежном месте.

Вскоре из лоцины показались всадники. Как и предполагал кажы, сын Зият приехал не один, с ним были остальные беглецы.

Бердеш вспоминал: «К Шакариму мы приехали утром. Он не принял мой привет. Такой был кажы — если разочаровывался в ком-то, то разговором не достаивал. Посмотрел на меня искоса, пока я сходил с лошади. Он был один, приготовил нам чай. Решил выйти с нами, поехать к семье, чтобы забрать свои труды и книги...»

За чаем говорили о том, каким лучше идти маршрутом. Шакарим подробно изложил свои соображения. До границы путь неблизкий — более пятисот километров. Важно пройти безопасными тропами. Он отдал Зияту пачку бумаг, завернутых в полотенце, — копии сочинений.

Бердеш настоял на том, чтобы оставить поэту лошадь убитого налогового Олжабая Шалабаева. Предлагал и раньше, о чем потом вспоминал так: «Скакуна через месяц после восстания я отвел к Шакариму. Тогда же предлагал перевести его через границу в Китай. Он не согласился. И лошадь не взял. Надеюсь, что передумает, я все же оставил ему скакуна».

В этот раз поэт неожиданно согласился взять коня. Подумал, что будет удобно добраться на нем до Карауыла. Объявил, что сдаст иноходца в ГПУ, поскольку держать его у себя небезопасно.

Оседлав иноходца, Шакарим приторочил к седлу старое ружье. Конфискованный винчестер, подаренный Абаем, так и остался в ГПУ. Подперев камнем дверь жилища, он сел в седло и тронул коня вслед за остальными.

Карасартов, благодаря осведомителям, знал, что именно 3 октября группа Бердеша будет уходить из Чингистау в сторону китайской границы.

И, как он надеялся, с ними будет Шакарим. В Китай он не пойдет, чекист об этом уже знал от доносчиков. Но предполагал, что каковы поедет с остальными проводить сына.

Впоследствии он пытался доказать, что в день убийства поэта не был на месте происшествия. Однако все свидетельства подтверждают, что именно он руководил операцией. Происшедшие события можно восстановить по сведениям очевидцев. Они не всегда совпадают в деталях, но в целом дают однозначную картину случившейся драмы.

Бердеш Кунанбаев: «Я, мой брат Манекеш, Зият, Сапа и Мухтар выехали с Шакаримом. Около ключа помолились. Шакарим сказал, что поедет на гору посмотреть, нет ли кого из людей поблизости. За ним увязался пятнадцатилетний Манекеш. Минут через десять-пятнадцать, услышали два выстрела. Тут же Манекеш подъехал к нам и сказал, что Шакарима убили. Мы стали убежать».

В материалах комиссии Хамита Ергалиева сохранился другой рассказ Бердеша Кунанбаева: «Утро. День начинался пасмурно. Только двинулись в путь — раздались выстрелы. Мы притаились. Шакарим сказал: «Наверное, это тот отряд, что преследует банду. Я подойду к ним, встречу и объясню, зачем мы здесь». И двинулся к ним. Только выехал, как раздались два выстрела. Мы сразу поняли, что Шакен убит. Подумали, если уж его убили, то нас точно не пощадят. И подались через китайскую границу».

А теперь — свидетельства людей, находившихся по другую сторону баррикады.

Айтмырза Тунликбаев: «Пасмурное осеннее утро. На земле изморозь. На страже стоял башкир Халитов, он сказал нам, что смутно видел группу вооруженных всадников, двигавшихся в направлении к нам с той стороны гор. Карасартов принял их за банду и дал приказ стрелять. Услышав выстрелы, всадники приостановились. В это время один из них отделился от толпы и пошел к нам, размахивая руками, как бы давая знак, что безоружен. Когда он приблизился, все узнали в нем Шакарима. Однако приказа прекратить стрельбу не было, поэтому Халитов еще пару раз выстрелил. Шакарим выпустил поводья и упал с лошади. Лошадь также была тяжело ранена. Шакарим уже ничего не смог нам сказать. Мы, верховые, кто на верблюдах, кто на лошади, окружили его и постояли в молчании. Спутники Шакарима как будто растворились в воздухе».

Абдраим Шарибаев: «Карасартов из засады выстрелил в лошадь, лошадь упала. Второй выстрел. Пуля попала в плечо всадника. Мы подбежали к нему и узнали Кудайбердыева Шакарима. Он произнес сидя: «Не трогайте меня, я пригожусь советской власти». Но Халитов,

прикомандированный из областного управления ОГПУ, в моем присутствии выстрелил в Шакарима и убил его. Было проведено расследование обл-управлением. Карасартов уговаривал меня, чтобы я показал, что Шакарима убили в момент перестрелки, что он стрелял в работников ОГПУ. Но этого не было. Шакарим был хорошим охотником, снайпером, он бы мог всех нас перестрелять».

Зейнель Оспанов: «Прошел слух о том, что Шакарим, как авторитетная личность среди баев, благословил банды восставших идти на село Кара-Аул. В связи с этим мы и разыскивали его... Около него лежала лошадь гнедой масти, иноходец, принадлежащий Шалабаеву Олжабаю. При Шакариме была винтовка «винчестер». Когда я увидел эту винтовку, был удивлен. Я возил пакет начальнику областного управления ОГПУ тов. Бак в село Тайлак Абралинского района, где Бак был в командировке. Там этот винчестер мне дал работник ОГПУ Юрьев. По возвращении из командировки эту винтовку я сдал в Чингистауское отделение ГПУ».

Итак, утром 3 октября группа беглецов в сопровождении Шакарима наткнулась на засаду. Чекисты открыли стрельбу. Шакарим выехал вперед, чтобы остановить их. Все еще был уверен, что в него стрелять не будут. Но выстрелили два раза. Прицельно. Одна пуля попала в лошадь, другая — поэту в плечо.

Стреляли Халитов, оперуполномоченный из Семипалатинска, и скорее всего Карасартов. Шакарим упал. Его окружили чекисты и милиционеры. В присутствии такого внушительного числа людей башкир Халитов выстрелил поэту в сердце. Шакарим был убит.

Безусловно, стрелять без приказа Халитов не мог. Приказать мог только один человек — начальник Абзал Карасартов. Или Халитов уже имел приказ — от областного начальства. Ведь он был прикомандирован из областного управления ОГПУ, об этом знали все.

По приказу Карасартова к мертвому поэту подложили винчестер, до этого хранившийся в райотделе.

Сомнений в том, что это было спланированное убийство, — нет. Карасартов мог теперь написать в рапорте, что чекисты убили руководителя Чингистауского восстания Шакарима Кудайбердиева, который выступил против советской власти. Что он с винчестером в руках на лошади, доставшейся ему от убитого Шалабаева, стрелял в представителей законной власти. Его рапорт лег в основу обвинения Шакарима в антисоветской деятельности и дальнейшего полного запрета, наложенного на его имя и творчество.

В карасартовском обвинении много нестыковок, легко обнаруженных

исследователями биографии поэта. В частности, многие замечают, что если бы Шакарим стрелял в чекистов, то спокойно убил бы многих, поскольку на охоте без труда попадал с одной руки в дичь. Известно, что Шакарим вообще никогда не стрелял в людей.

Айтмырза Тунликбаев:

«По приказу люди сообща начали снимать с умершего старца оружие и одежду. Волчий тулуп, тымак (шапка), сапоги, узорный бешмет, штаны — все было снято. Окровавленный старец остался в белом исподнем лежать на заиндевелой земле.

Начальник прикрикнул на меня:

— А ты почему ничего не взял?

— А что мне осталось? — оскорбился я.

— Вот его самого и возьми! Вези его в Баканас, — приказал он мне.

Я спустился с верблюда, взял с него подстилку из войлока, закатал в нее тело, привязал к горбам верблюда. Сам сел на него, и мы поехали в Баканас».

Разгром

Тело Шакарима чекисты привезли в Баканас. По приказу начальника, то есть все того же неумолимого Карасартова, в центр аула согнали местный люд. Для устрашения, надо полагать.

Жительница Баканаса Укыш Козбаева вспоминала: «Когда привезли тело старца, завернутое в кошму и уложенное поперек верблюда, я чуть сознание не потеряла. Оплакивать покойника не разрешили. Мужчины сняли тело, положили на камыши. Лошадь под ним, оказывается, тоже была подстрелена. Ее зарезали, мясо привезли с собой. Сами его полностью и съели, пока не уехали».

В разговоре с Евнеем Букетовым в 1978 году Абзал Карасартов красочно расписывал свою речь перед народом. Надо понимать, что чекист пошел на этот разговор с одной целью — показать, что он действовал ради советской власти, уничтожал ее врагов, а не добродетельных граждан, и потому чист перед государством и собственной совестью.

«Карасартов. Назавтра собрали жителей Баканаса и Байкошкара, положили тело Шакарима на специально сооруженный деревянный постамент, и потом я держал речь: «Вот перед вами Шакарим, в прошлом уважаемый в народе аксакал, богоискатель, побывавший в Мекке и Медине, и поэт, написавший поэму «Енлик и Кебек», желая опорочить род найманов. Видите, до какого он теперь дошел состояния! Погиб в перестрелке».

Букетов. Вы сказали, что он выступал против советской власти?

Карасартов. Конечно. Я сказал: «Вот перед вами лежит Шакарим, выступавший против советской власти с оружием в руках и других подстрекавший к тому же. На его совести пролитая множеством людей кровь». И показал на тело. Иначе бы не поверили. Заявили бы: «Шакарим если и умрет, то только своей смертью».

Букетов. И не подумали бы, что он может быть сражен пулей?

Карасартов. Точно. Вот такой это был человек... Потом я распорядился, чтобы его похоронили там же. А где именно — знают Шалабаев, милиционер Баймашев и другие.

Букетов. Говорили, что вы сбросили тело Шакарима в колодезь. Потом его, мол, оттуда достали какие-то люди и похоронили как подобает... Есть такие разговоры в здешних местах.

Карасартов. Пустые разговоры. Я не знаю, где именно они его

похоронили. Лично меня при этом не было. Так что не могу сказать, где место погребения...

Букетов. А там, значит, вы выступили перед людьми и ушли?

Карасартов. Нет, Шакарима хоронили в моем присутствии.

Букетов. В вашем присутствии?

Карасартов. Повторяю: я не знаю, где именно его похоронили. Так как лично не ходил туда. На похоронах распорядился Шалабаев. Он повел к месту захоронения аксакалов из народа и у них на глазах предал его земле».

Лукавые слова Карасартова опровергаются свидетельскими показаниями очевидцев.

Шакарим не был большим поклонником советской власти и никогда не скрывал негативного отношения к ней, не боялся выражать суждения в стихах, не осторожничал в высказываниях. Однако считать его врагом власти, готовым идти против нее с оружием в руках, было бы преувеличением. Не шел с оружием он против советской власти, как утверждал Карасартов. Не участвовал в перестрелке. И уж точно на его совести не было «пролитой множеством людей крови».

Не говорил правду Карасартов даже о погребении. Знал прекрасно, что тело Шакарима на самом деле бросили в иссохший колодец на окраине аула, потому что подчиненные исполняли только то, что приказывал он. Один из членов его отряда, Марат Тунликбаев (однофамилец Айтмырзы), говорил: «Командир наш Абзал Карасартов. Что он скажет — закон. Скажет лежать — ляжем, скажет стрелять — стрельнем».

Сказал Карасартов бросить тело в колодец — бросили. Знал Карасартов, что это не по-людски, потому и юлил в разговоре с Букетовым.

Но были свидетели. Видел, как тело Шакарима бросили в колодец, Кабыш, сын Каримкула. Помнила и Укыш Козбаева: «Дед Жетибай сказал: «Человек мертв. Давайте мы сами предадим его земле». Но начальник не разрешил. Под утро, пока народ спал, тело кажы отнесли к берегу реки Баканас. Там, на правом берегу, бросили в высохший колодец. Поспешно, кое-как забросали ветками, камнями и землей, чтобы только прикрыть».

Карасартов делал то, что предписывали исполнять его собственные начальники: запугать народ так, чтобы он под страхом смерти не высовывался из аулов, не смел возражать против политики советской власти. Самое сильное средство устрашения — это, конечно, человеческая смерть. И сотрудникам ОГПУ была дана команда не скупиться на жертвоприношения, уничтожать всех «врагов советской власти».

Смертей было слишком много, угроза для жизни была абсолютно реальной, и народ смирился. Уходя из Баканаса, Карасартов объявил

населению через подручных: если кто-то приблизится к колодцу, в который брошено тело Шакарима, его ждет смерть. Страх смерти был настолько велик, что в следующие тридцать лет никто так и не подходил близко к колодцу. Люди боялись сказать о том, что знают, чье это захоронение.

Свою роль сыграл, конечно, и самый страшный эпизод в казахской истории, который произошел в эти годы. В степи случилась массовая гибель людей от голода. Каждый день приносил известия о жертвах.

В октябре из семипалатинской тюрьмы выпустили, наконец, Баязита, сына Гафура. Он отсидел год и восемь месяцев. Голодный, измученный, подавленный, он пошел пешком в Чингистау. По дороге узнал об убийстве Шакарима, своего деда. Умирали от голода другие родные. Холодными ночами Баязит не мог найти пристанища. Мерз, страдал от голода, не ел дней шесть. Так и не добравшись до родных, ночуя в заброшенных кошарах, не в силах терпеть муки, он перерезал себе горло. Кто-то из родных похоронил Баязита близ зимовья Мауен.

Осенью 1931 года в Семипалатинске умерли от голода сын и дочь Ахата. Его сына Руха сильно любил Шакарим. В поэме «Конырат» писал: «Мой светлоголовый шалун Рух скучает ли обо мне?»

Тем временем, расстреляв без суда и следствия поэта, Карасартов принялся за уничтожение памяти о нем. Для него творческое наследие поэта не имело никакого значения, все затмевала слепая вера, что все не согласные с большевиками — это враги советской власти.

В райотдел ОГПУ были свезены вещи Шакарима из жилища в Саяткора. Оперуполномоченные провели обыск в его ауле, обшарили юрты родных, изымали бумаги с текстами поэта, его книги и рукописи. Отобрав что-то из конфискованных бумаг, Карасартов распорядился сжечь остальное. Сжигать поручили истопнику конторы ОГПУ в Карауыле, которого все звали Шаукемом. Настоящее его имя — Оразгали Бакашов (1904–1977). Был Шаукем немой от рождения. Видимо, поэтому его и взяли на работу в контору, посчитав, что он не разболтает секреты. Случайно увидев среди бумаг, предназначенных к сжиганию, фотографию Шакарима, Шаукем спрятал ее за пазухой. Все остальное был вынужден предать огню. Дома Шаукем отдал фотографию поэта на хранение матери. Она спрятала фото среди одежды. Так была сохранена фотография Шакарима, долгое время остававшаяся единственным известным изображением поэта и переданная его сыну Ахату в 1950-е годы.

Шакарим сфотографировался осенью 1905 года перед поездкой в Мекку. Было несколько таких фотопортретов, которые поэт раздарил родным и друзьям. На фото, спасенном Шаукемом, есть надпись в арабской

графике: «На добрую память Абусагиту Халел оглы Махмудову. Шакарим Кудайбердыулы, И января 1912 года». Указанная дата — скорее всего время, когда фотография была подарена. Ахат сохранил фотографию до благословенных дней, когда имя и творчество поэта были реабилитированы.

Выполнив свою черную работу, Карасартов спешно покинул Чингистау.

Первым отозвали в Семипалатинск, в областное управление ОГПУ, другого палача поэта — Халитова.

В декабре 1931 года Карасартов был переведен в Жарминский райотдел ОГПУ. В его анкете работника НКВД имеются такие записи: «Находясь в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, участвовал в боях против банд Шакаримова и Кудайбердиева в Чингиставском районе»; «Получил премию (костюм) от Жар-минского РО ОГПУ за успешную ликвидацию банды».

И тогда Айганша сказала: «Довольно плакать. Мир никогда не держался только на одном человеке. Мы прожили вместе хорошую жизнь. Не знали горести, не переживали, что надеть, что у нас на столе. Наверное, пришло время плохому. Нечего печалиться! Все хорошее от Аллаха мы видели, настала пора готовиться к худшему».

Почти всех родных Шакарима оперативники ГПУ посадили в местный лагерь, который Карасартов устроил близ Карауыла. Его так и называли: лагерь Абзала. Вместе с родственниками поэта в лагере было много других заключенных. Кормили плохо. Постоянно допрашивали.

Выпускать начали весной. Первым из родных поэта вышел сын Кабыш. В голодную пору он стал жить подальше от людей, чтобы не подвергать семью опасности. Поставил юрту на реке Ший в Жидебае. Летом 1932 года у него обострилась болезнь, и он умер в степи в полном одиночестве.

Гульнар, младшая дочь Шакарима и Айганши, едва не лишилась жизни, решив в лагере выпить яд, чтобы избавиться от мук. Ее спасла дочь Абая Кульбадан, отпоив молоком. Выйдя из лагеря, Гульнар сумела добраться до Алма-Аты. Жила в колхозе имени Калинина в Илийском районе Алма-Атинской области. Муж ее умер в Великую Отечественную войну. Гульнар умерла в 1970 году.

Айганша, любимая женщина Шакарима, провела в лагере почти год. Вышла истощенная, разбитая, больная в конце лета 1932 года. Сразу отправилась в город, надеясь найти дочерей. Но их там уже не было. Айганша остановилась в доме Дуйсенби из подрода Ырзыкбай. В этом доме и умерла от голода.

Ее старшая дочь Жаким проживала с мужем Кабиболлой Махмутовым и детьми в Семипалатинске. После смерти Шакарима их всех арестовали как родственников «бандита и врага народа» и посадили в городскую тюрьму. Тауфик Досаев, сын Кабиболлы и Жаким, писал в воспоминаниях: «Отец с матерью и тремя детьми ожидали в тюрьме решения своей участи. В то время Гариполла, сын Мусабая-кажы, работал на большой должности в Алма-Ате. Он прислал бумагу о том, что дело Кабиболлы и его семьи будет решаться в Алма-Ате. В декабре 1931 года всю семью отправили поездом в Алма-Ату в «красном вагоне» в сопровождении двух охранников. Между тем Гариполла подговорил своего друга Улугбека, который работал милиционером в Аягузе, снять с поезда Кабиболлу с семьей под тем предлогом, что их дело будет опять рассматриваться в Семипалатинске».

Милиционер Улугбек исполнил просьбу. Снял семью с поезда, посадил в сани и переправил в Урджар. Оттуда до границы с Китаем рукой подать. Но как раз в ту пору граница была на замке, перебежчиков расстреливали без разговоров. В тот год семья осталась в Урджаре. У Жаким и Кабиболлы было четверо сыновей, троим Шакарим дал имена в честь ходжи Хафиза. Двое из них — Кожанияз и Кожагапез — умерли от голода в Урджаре в 1932 году.

В 1933 году начался массовый исход голодного народа в Китай. Семья Кабиболлы смогла пешком перейти границу.

«В марте 1933 года родился я, уже в Китае» — так завершал рассказ Тауфик Досаев. Там, в Китае, Жаким с семьей встретил ее брат Зият, который уже работал начальником отдела культуры в департаменте просвещения района. Он помог им устроиться.

Сам Зият не избежал репрессий даже на китайской земле. В 1937 году его тесть Сейтказы Нуртайулы, известный хранитель казахских культурных ценностей, был схвачен чекистами как «враг народа». С ним вместе пропал и Зият. Он был убит в 1938 году.

Не только родных Шакарима, но и его друзей, людей, хорошо знавших его, подвергали репрессиям. Мансур Гылым-байулы рассказывал: «Через два-три дня после убийства Шакарима мой отец Керимбай, младший брат Гылымбая, привез тревожное известие о том, что вышел приказ схватить «прихвостней кажы». Гылымбай в ту же ночь, захватив с собой дочь и сына, двинулся к Аягузу, оттуда, продав лошадь и телегу, — в Талды-Курган. Тогда я и родился».

О том, как разметало голодное, страшное время родных Шакарима, можно судить по рассказу Камили Капыркызы, дочери Гафура:

«Я училась во втором классе в Аркалыке у тети Лябибы, когда из ГПУ

поступило указание отправить всех родственников Шакарима в Карауыл. Бабушку Айганшу и тетю Гульнар отправили другим транспортом. Всех нас доставили в Карауыл.

Меня с матерью заперли в холодном, темном помещении. Ночью в кромешной тьме с визгом носились крысы, пугая нас до смерти. Мы так и не уснули. У меня до сих пор перед глазами болезненное лицо матери, которая прижимала к груди мешок с крохами пищи в страхе, что она может достаться крысам.

Спустя два дня кто-то из важных родственников тайком освободил нас с матерью, отвез в Каскабулак. Оттуда мы на верблюде, помню, перебрались в Семипалатинск к тете Райхан, дочери Шаке. Ее муж Жамшибай был деятельным человеком. Многие бежавшие с родных земель потомки Кудайберды воспользовались помощью этой семьи. Здесь в то голодное время были Медеухан, сын Ырзыкбая, с семьей, Сагила, жена Ахата, с детьми, Гульнар, Мукиш (Муслима), мать Кожакапана. Из нас только Медеухан-ага мог что-то делать. Он возил в Алейск сшитые варежки, мыло, спички, чтобы обменять на хлеб.

Мне трудно передать, как мы выжили в ту зиму. Ни еды, ни работы не было. Меня отдали то ли в интернат, то ли в детдом. Плохо помню, чему обучались, что делали. Лежали на нарах, мерзли, ждали целыми днями женщину, которая растапливала печь.

У человека от голода, оказывается, становится плохо с памятью. Я почти ничего не запомнила. Те, кто дожили до лета и имели еще силы, уходили в Сибирь. Остальной народ, в основном из аулов, в поисках еды тянулся к базару в Семипалатинске. Мы тоже пошли на базар. Множество народа лежало там, не в силах открыть глаза от голода, изнеможения. Увидев у торговки на руках булочки, кто-то вырвал их из рук, стал поедать. Его начали бить всем, что было под рукой. У меня до сих пор перед глазами, как этого человека пинали ногами.

Вся родня Шакарима пошла по миру. Никто ничего не знал друг о друге».

В тот год так умирали многие. На двухсоткилометровой дороге от Чингистау до Семипалатинска лежали неубранные трупы.

Жители аулов искали спасение в городах. Сотрудники ОГПУ встречали их в степи, заворачивали обратно. Во многих аулах людей просто не выпускали из домов местные активисты, милиционеры, оперуполномоченные. Они умирали семьями, лежа в ветхих юртах, в пустынных домах за закрытыми дверями.

Невиданное доселе: озверевшие от голода безумцы ели чужих детей.

Какой-то замерзавший человек убил зимой в степи Аупиша, друга сердечного Шакарима, забрав его верблюда.

Камиля Капыркызы:

«Люди сдавали детей в детдом и уезжали в Сибирь. Моя мать тоже подалась в Сибирь с тетей Нагимой. Меня оставила у знакомых. Но «знакомая тетя» вскоре сообщила, что я должна уйти. После уроков мне некуда было идти, я плакала. Девочка-татарка, пожалев, повела к себе домой. Пока не перевелась в училище, я жила у них...

Машим, жена дяди Кабыша, сдала дочь Капияш, мою ровесницу, в детский дом. Сама уехала к родным в Аягуз, там и умерла от голода. Океш, жена Баязита, умерла в доме своего брата Алимкожи. Сам Алимкожа был осужден. Судьба его единственной дочери мне неизвестна...

Вот так уходили из жизни родные моего деда Шакарима, видевшие его при жизни. Я перечисляю их судьбы, чтобы показать, что после его смерти уничтожали не только его стихи, но и родных. Когда ж мне избавиться от горечи, заполнявшей меня, как не сейчас? Ведь жили мы и в такие дни, полные печали, считая их жизнью. Пусть люди знают, что остались еще потомки Шакарима».

В результате голода в казахской степи с 1931 по 1933 год, по ряду данных, погибли от голода два миллиона казахов, или половина всего казахского населения на тот момент. Погибли еще 200–250 тысяч казахстанцев других национальностей.

Около миллиона человек откочевали, ушли в годы голода за пределы Казахстана, из них 616 тысяч безвозвратно. Ушли в Китай, Монголию, Ирак и Афганистан. Ушли в соседние республики — в Россию, Узбекистан, Туркмению.

Некоторые исследователи называют меньшее количество людей, погибших от голода, — 1 миллион 750 тысяч человек. Слабое утешение. В любом случае число умерших в голодные годы невообразимо.

Подавленный страшной бедой, казахский народ почти не заметил, как лишился интеллектуальной элиты. В 1930-х годах были обвинены в различных политических и уголовных преступлениях сотни образованных политиков, творческих людей, общественных деятелей. Все они были брошены в тюрьмы. Многие были расстреляны, обвиненные в измене родине или, как Шакарим, в выступлениях против советской власти. Остальные были отправлены в сталинские лагеря, где тоже находили смерть.

Были расстреляны, отправлены в лагеря, умерли там от болезней все, за малым исключением, члены партии «Алаш» и правительства Алашорды.

Остались живы единицы, лишь несколько алашординцев эмигрировали.

Лидер партии «Алаш» Алихан Букейханов, брат и единомышленник Шакарима, был арестован еще осенью 1922 года. Но тогда его доставили под конвоем в Москву и поселили в отдельной квартире в бывшем доме графа Шереметьева в центре Москвы. Под благовидным предлогом использования обширных знаний Алихана Букейханова, известного краеведа, власть изолировала его от народа и от Алашорды. Отправив Букейханова в пятьдесят семь лет на пенсию, еще десять лет держали его, по сути, под домашним арестом. В июле 1937 года Алихан Букейханов был арестован в московской квартире, где провел последние 15 лет жизни, и заключен в Бутырскую тюрьму. Спустя два месяца, 27 сентября, военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Алихана Букейханова к высшей мере наказания как «японского шпиона», и в тот же день он был расстрелян.

Ахмет Байтурсинов, один из основателей легендарной партии «Алаш», первый нарком просвещения республики, был арестован в июне 1929 года как государственный преступник и отправлен в Москву. Ему предъявили обвинения в том, что он якобы пытался наладить связи с Мустафой Чокаем, чтобы осуществить план отделения Казахстана от России. В 1931 году Байтурсинов был сослан в Архангельскую область. В 1934 году благодаря вмешательству Максима Горького и его жены, а также Международного Красного Креста Байтурсинова освободили и он вернулся в Казахстан. Но в 1937 году его снова арестовали. Держали в камере № 7 следственной тюрьмы НКВД в Алма-Ате. 8 декабря 1937 года Ахмет Байтурсинов был расстрелян.

Другой лидер партии «Алаш», журналист, писатель, публицист Миржакып Дулатов, был арестован в 1928 году, сидел в следственной тюрьме два года. На допросах в ответ на обвинение в национализме Дулатов говорил: «Ради будущего своего народа я обязан делать все возможное. Если заблуждаюсь, то вместе с народом. Рано или поздно истина восторжествует». Миржакыпа Дулатова объявили «врагом народа», сослали на стройки Беломорско-Балтийского канала в Кемь, в Соловецкий лагерь, где он и умер 5 октября 1935 года.

Были уничтожены почти все деятели Алашорды. Репрессированы 4297 членов партии «Алаш».

Всего в Казахстане службой ОГПУ — НКВД были «разоблачены» 183 организации с общим числом «агентов» 3720 человек. С 1920 по 1953 год было подвергнуто политическим репрессиям около 110 тысяч человек.

Кстати, в списки жертв сталинских репрессий попал и Карасартов,

палач Шакарима. По сведениям ДКНБ РК по Карагандинской области, Абзал Карасартов был арестован 8 января 1938 года УНКВД по Карагандинской области. Правда, уже 9 января дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Как пишется в этой справке, Карасартов был реабилитирован.

А имя Шакарима, одного из членов правительства Алашорды, на долгие годы попало под запрет. Упоминание о поэте расценивалось как почитание «врага народа».

Например, Ныгмет Магауияулы, один из тех, кто хорошо знал сочинения Шакарима, помнил такой эпизод. Когда Мухтар Ауэзов приезжал на родину Абая, рядом всегда были друзья. Одним из них был Ныгмет: «Обычно Мухтар Ауэзов, приехав в аул, не уставал носиться верхом. Однажды он попросил прочесть наизусть поэму «Нартайлак и Айсулу». И сказал: «Если кто-то будет спрашивать, говори, что ее написал сын поэта Кабыш».

Мухтар Ауэзов знал, что говорил. За упоминание имени Шакарима в лучшем случае могли снять с работы, в худшем — сослать в лагерь.

В роду Тобыкты так и повелось в дальнейшем приписывать произведения Шакарима Кабышу.

Родным Шакарима оставалось верить, что придет время, когда имя его и творчество вернутся из забвения и станут известны народу.

Камиля Капыркызы: «Тогда голубеющий вдали Чингистау казался мне самым страшным местом на свете. Помню, я говорила себе со слезами на глазах: «Не дай бог вернуться в эти места, если только удастся выжить». Иногда, находясь вдали, вспоминала родную землю и своих родных, но возвращаться туда мужества не хватало. Ибо в памяти вновь и вновь всплывал страшный образ Чингистау. Бывая в Абайском районе, заезжала только в Жидебай, чтобы посетить могилы Абая и Шакарима. Оттуда до Караула рукой подать, но я уезжала напрямиком обратно, в Талды-Курганскую область. Продолжала верить, что ужаснее Чингистау нет на этом свете ничего».

Хроника реабилитации

В годы сталинского режима ни о какой реабилитации имени и творчества Шакарима речи быть не могло.

Благодаря стараниям Абзала Карасартова, представители власти безоговорочно считали поэта врагом советской власти. Имя его не произносилось вслух, стихи его и поэмы не упоминались нигде. Всякий, кто нарушал этот запрет, мог очень быстро оказаться «врагом народа» со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вот почему Мухтар Ауэзов, один из немногих алашординцев, избежавший смерти, но не избежавший репрессий, в романе «Путь Абая» не мог назвать Шакарима настоящим именем, дав ему псевдоним «Шубар».

Ауэзов, несомненно, мог много интересного написать о Шакариме. В октябре 1930 года, попав на целый год в тюрьму, он там начал разрабатывать тему «Поэты школы Абая». Ауэзов вышел из тюрьмы, но в эту пору Шакарима убили и объявили врагом советской власти. Ауэзов был вынужден уничтожить свой труд.

В 1939 году Ахат Кудайбердиев вернулся из сибирской ссылки, из Бурлага. И первым делом обратился к Мухтару Ауэзову с вопросом о рукописях своего отца. Ауэзов ответил, что они находятся в фонде Академии наук.

Ахат несколько раз переписывал их. Готовил рукописи для издания отдельной книгой в 1936, 1959, 1960 годах. Но ждать печатных книг пришлось долго. Надежда на то, что это произойдет, возрождалась всякий раз, когда имя отца появлялось на страницах печати. Такие случаи малочисленны, но они были.

Упомянул имя Шакарима Каюм (Кайым) Мухамедханов. И поплатился.

В 1951 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Литературная школа Абая». А уже через несколько месяцев, 1 декабря 1951 года, был арестован. Кропотливая работа по сбору наследия Абая и его поэтического окружения, в которое входил Шакарим, была названа отходом от марксизма и проявлением буржуазного национализма.

Мухамедхан Сейткулов, отец Каюма, был расстрелян как враг народа в 1937 году. И вот теперь сам Каюм Мухамедханов был осужден на 25 лет лишения свободы по печально известной 58-й статье о контрреволюционной деятельности.

Каюма отправили в Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь). В декабре 1954 года приговор (не без помощи писателя Александра Фадеева) был отменен, а узник — реабилитирован. Но на свободе Каюм Мухамедханов оказался лишь в 1955 году.

После смерти Сталина появилась надежда на реабилитацию Шакарима. Его родные, близкие стали писать письма в КГБ.

Каюм Мухамедханов не только читал своим студентам лекции о творчестве Шакарима, но и обращался с письмом в Семипалатинский обком партии с ходатайством о его реабилитации.

Появились запросы из руководящих органов. На один из них дал ответ писатель Габит Мусрепов, включив в него достаточно убедительный обзор творчества поэта (текст приводится в сокращении):

«ЦК КП Казахстана, товарищу Рахманову А.

На ваш вопрос о поэте Шакариме Худайбердиеве сообщаем: известный поэт конца XIX и первых трех десятилетий XX века Шакарим Худайбердиев — выходец из крупной феодальной семьи (его отец был старшим сыном ага-султана Кунанбая). Оставшись сиротой, он с семи лет воспитывался в доме великого поэта Абая Кунанбаева, что во многом способствовало развитию таланта Шакарима и оказало большое влияние на направление его творчества. Рано овладев арабской грамотой, под благотворным руководством Абая Шакарим Худайбердиев усердно изучает творчество восточных поэтов и русских классиков и вскоре становится одним из образованных людей своего времени. Наряду со стихами, он пишет трактаты по этике, религии и истории казахского народа.

В своих стихах Ш. Худайбердиев воспекает честность, гуманность, справедливость, призывает к овладению знаниями, обличает жадных баев, невежественных мулл, чванливых чиновников...

Им созданы широко известные поэмы «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек», «Нартайлак и Айсулу» и повесть «Адиль и Мария». В поэме «Енлик и Кебек» поэт впервые в казахской литературе рисует образ женщины, которая смело заявляет о своем праве на счастье и активно борется за свою свободу, бросает вызов старым обычаям. Стройность композиции, образность языка, новизна трактовки традиционной темы, обрисовка характеров главных героев особо выделяют эту поэму как шаг вперед в развитии жанра поэмы в казахской литературе.

Ш. Худайбердиев был горячим поклонником, популяризатором классической литературы. Он перевел на казахский язык повесть А. С. Пушкина «Дубровский» и его рассказ «Метель». Переведенные стихами, оба эти произведения в свое время пользовались большой популярностью

среди читателей. Шакарим перевел некоторые произведения Л. Н. Толстого, а также произведения ряда восточных поэтов — Физули, Хожа Хафиза и др. Несколько особняком стоит поэма «Лейли и Меджнун», Шакарим считал ее переводом из Физули. На самом деле это не простой перевод и даже не переложение сюжетов, ранее бытовавших у восточных народов под названием «Назира», а скорее оригинальная поэма на известный сюжет «Лейли и Меджнун»...

Разумеется, в мировоззрении поэта встречаются противоречия, ограниченности, обусловленные сложной эпохой, в которой он жил и творил. Эти слабости особенно ясно видны в его философских, публицистических работах. Ш. Худайбердиев оставался на позициях просветительства, гуманизма, и это получило свое отражение в его художественных произведениях. Считаем, что сектор литературы Академии наук Казахской ССР должен внимательно изучить творчество Ш. Худайбердиева, подготовить к изданию его лучшие произведения, а также принять меры к тому, чтобы его творчество вошло в курс истории литературы для вузов и средних школ.

Лучшие произведения Ш. Худайбердиева заслуживают того, чтобы стать достоянием широкого круга читателей.

Секретарь правления Союза писателей Казахстана
Г. Мусрепов».

В результате прокуратура Семипалатинской области произвела проверку и не нашла никаких подтверждений антисоветской деятельности Шакарима. 19 февраля 1958 года заместитель прокурора области Гришков вынес заключение: считать недоказанной вину Шакарима Кудайбердиева в участии в контрреволюционном восстании и в связи с этим реабилитировать его.

Это заключение было подтверждено постановлением Прокуратуры СССР от 28 ноября 1958 года. В полученном Ахатом, единственным оставшимся в живых сыном поэта, письме из Прокуратуры СССР говорилось: «...Дело по обвинению Кудайбердиева Шакарима полностью прекращено за недоказанностью обвинения».

Казалось бы, правда восторжествовала! Теперь за упоминание имени поэта не могли угрожать тюрьмой, можно было печатать и читать его стихи. Ахат получил официальный доступ к его рукописям. По закону о реабилитации следовало требовать восстановления прав родных Шакарима.

Однако не тут-то было.

В начале 1959 года во втором номере газеты «Казак адебиети»

(«Казахская литература») была помещена подборка из восьми стихотворений Шакарима, а рядом — его фотография, та самая, спасенная истопником Шаукеном.

И в этот момент за дело взялся Карасартов. Был он уже не тем молодым, ретивым служакой, палившим из маузера по голодным людям, но его демагогия носила все тот же характер. Он продолжал пугать чиновников нашествием врагов советской власти и делал это, как и прежде, «в интересах советской власти, будучи преданным ей без остатка».

За день до публикации стихов Шакарима в газете «Казак адебиети» Карасартов позвонил главному редактору, поэту Абдильде Тажибаеву, и заявил о недопустимости публикации стихов алашординца. Стихи Шакарима все же были напечатаны. И тогда Карасартов через знакомых ему партийных руководителей, все так же пугая тенью алашординцев, добился освобождения Абдильды Тажибаева от должности главного редактора.

Поэт Жубан Молдагалиев, выступая в декабре 1969 года на заседании в Институте литературы и искусства Академии наук Казахской ССР, говорил: «Произведения Шакарима я читал, но сказать, что мне приходилось изучать их специально, не могу. В 1959 году в журнале «Жулдыз», где я был главным редактором, собирались опубликовать 400–500 строк из какой-нибудь его поэмы. Остановились на «Енлик и Кебек». Но тут появилась публикация в «Казак адебиети». Она породила нездоровые толки. Благодаря усилиям некоторых товарищей шумиха приняла скандальный характер, и это заставило нас отказаться от задуманного. Нашлись и такие, кто вопрошал: «А почему же тогда остается под запретом М. Жумабаев?» Кое-кто даже воспользовался сложившейся ситуацией. Несмотря на это, мы валили вину на партийное руководство».

Демарша Карасартова оказалось достаточно, чтобы другие издания побоялись печатать стихи опального поэта.

Наследие Шакарима, с которого был снят запрет, опять стало кочевать из одного сейфа идеологических начальников в другой.

Поэт Хамит Ергалиев, столкнувшись с этим явлением, говорил о Карасартове: «Следуя в течение многих лет неотступной тенью за поэтом, он убил его не один раз, а дважды. Если бы он не совершил того поступка, что сделал в 1959 году, его бы схватили за шиворот, призвали к ответу. А духовное наследие поэта стало бы народным достоянием еще тридцать лет назад. Карасартов мастерски использовал ту психологию, что была рождена во времена сталинизма».

О том, как повели себя советские идеологические работники после

контратаки Карасартова, говорилось на том же заседании в Институте литературы и искусства.

Утебай Канахин: «Как только я начал работать инструктором ЦК Компартии Казахстана, возник вопрос о Шакариме. Имя это было мне давно знакомо. Создали комиссию, в состав которой вошли Таир Жароков (председатель), Хамит Ергалиев и Жекен Жумаханов. Она незамедлительно приступила к делу. Покойный Жумаханов, земляк Абая, кстати, знал наизусть многие произведения Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердиева. К этому времени были уже оправданы полностью Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин и Ильяс Джансугуров и готовились к печати собрания их сочинений. Короче говоря, работы было много. Вдохновленные достижениями последних лет, мы взялись за проверку достоверности порочащих имя Шакарима материалов, анонимок и писем. Факты, изложенные в них, в большинстве своем оказались ложными или извращенными. Такой вывод и вносился в заключение комиссии. Были подготовлены к изданию два тома произведений Шакарима. Когда дело уже подходило к концу, секретарь по идеологии Нурымбек Джандильдин своей властью приостановил его. Вскоре, в 1966 году, я был освобожден от должности заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации. Ситуация осложнялась все больше, и поэтому не оставалось ничего другого, как уйти по собственному желанию».

Абилмажин Жумабаев: «В 1963 году я был принят на должность инструктора. Мне на глаза сразу попала зеленая папка, в которой находилось заключение комиссии на девятнадцати страницах. Естественно, я тут же внимательно ознакомился с материалами о Шакариме. Выяснилось, что население Абайского района дало секретарям своего обкома, как депутатам, наказ решить окончательно вопрос о судьбе поэта. Я обратился по этому поводу к Джандильдину. Ответ был такой: «Давайте тогда вынесем этот вопрос на бюро». Посоветовавшись, решили заручиться согласием 13 членов бюро. Это и было сделано. Но момент принятия окончательного решения все никак не наступал. Как-то в 1968 году в Казахском государственном университете состоялось собрание представителей столичной интеллигенции. На этой встрече завязалась острая дискуссия, и кто-то из присутствующих позволил себе произнести имя Магжана Жумабаева. Об этом было доложено секретарю по идеологии Саттару Имашеву в весьма пристрастной манере. Тот разгневался и положил конец разговорам о судьбе литературного наследия Шакарима. По его распоряжению все, что касалось поэта, было сдано в архив».

Тем не менее реабилитация должна была состояться.

В 1961 году Ахат Кудайбердиев, воспользовавшись объявленной прокуратурой реабилитацией, перезахоронил наконец останки отца. Со слов Кабыша Каримкулулы Ахат знал точно, где искать останки.

Ахат писал:

«26 июля 1961 года я приехал в Баканас. На следующий день стал раскапывать колодец, в котором лежали останки отца. В этот день я прокопал чуть больше метра. Потому что я не взял никого в помощь, копал один. Боялся, если кто-то будет рядом, может поторопиться и повредить кости.

28 июля я собрал все кости. Поврежденными от пуль ранения были только две кости. Одна пуля повредила правую берцовую кость, вторая прошла через середину грудной клетки и сломала правую часть позвоночника...

Останки привезли в район. 8 августа они были захоронены в Жидебае около могилы Абая. Районные начальники дали машины, обеспечили всем необходимым. На похороны ушло около шести баранов, 240 рублей. Присутствовало более ста человек. Собрались все жители совхоза «Абай», пришли и из других совхозов. Когда привезли останки, плакали все. Кроме слез на глазах, была и радость на лицах».

В 1962 году молодой поэт Олжас Сулейменов написал посвящение Шакариму:

*Вблизи Чингизских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами;
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.
И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы,
Цветы желтеют грустно,
Как отрава...
Вблизи Чингизских гор его могила.*

В августе 1962 года в Абайском районе Семипалатинской области была создана комиссия под руководством первого секретаря райкома партии Карима Нурбаева по изучению жизни и литературного наследия Шакарима. В состав комиссии вошли девять человек, хорошо знавшие историю края, в том числе: Батташ Сыдыков, Камен Оразалин, Балтакай Толганбаев, Сактай Бигозин, Аргынбек Ахметжанов, Асемхан Слямханов,

Динислам Жанузаков.

В течение четырех месяцев члены комиссии за протоколировали показания около тридцати человек, записали свидетельства тридцати человек, видевших Шакарима. В том числе были опрошены сотрудники Карасартова: Зейнель Оспанов, Айтмырза Тунликбаев, Мауткан Баймышев, Балтакай Толганбаев. Все как один говорили: «Шакарим не имел связи ни с какими бандитами. Он не враг». Заключение комиссии было направлено в областной и республиканский комитеты партии, а также в Институт литературы и искусства имени Мухтара Ауэзова.

В 1963 году и в Алма-Ате была создана писательская комиссия Хамита Ергалиева. В ее состав вошли Таир Жароков, Жекен Жумаханов, Мырзабек Дуйсенов, Утебай Канахин, Саду Машаков. Цель комиссии была та же — исследование литературного творчества Шакарима. Мнение комиссии Хамита Ергалиева совпадало с заключением комиссии Карима Нурбаева: Шакарим не враг советской власти, его творчество нужно немедленно возвращать народу.

Однако этого опять не произошло.

В августе 1964 года Ахат с помощью Каюма Мухамедханова составил письмо на имя первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева с просьбой о помощи в издании художественного наследия Шакарима. В письме говорилось:

«Сложилась такая ситуация, когда никто прямо не возражает против необходимости издания и изучения Шакарима, но по существу ничего и не делается, чтобы вернуть казахскому народу произведения Шакарима, в течение многих лет умышленно замалчиваемые, но тем не менее оставшиеся в народной памяти... И сегодня, после XXII съезда КПСС, было бы вопиющей несправедливостью, чтобы имя одного из выдающихся представителей нашей культуры все еще по инерции продолжало замалчиваться».

Но и это не помогло.

Карасартов продолжал пугать партийных руководителей подрывом устоев советской власти. И успешно находил среди них единомышленников. Более того, в ход пошли анонимные письма.

Например, в мае 1968 года в адрес первого секретаря ЦК компартии Казахстана Динмухамеда Кунаева поступило письмо, в котором говорилось:

«Мы слышали, что казахская Академия наук собирается издавать книги Шакарима Кудайбердыулы... Однако мы ведь знаем, что именно Шакарим и Дулатов собрали на митинг по случаю смерти Кази

Нурмагамбетова 2000 человек, где он проклинал советскую власть, оплакивая умершего. Он спутался с партией «Алаш». В 1918 году они собрали вооруженное войско в 4–5 тысяч человек, сражались против семипалатинских большевиков, дошли до Барнаула, и в этих боях он был знаменосцем, об этом знает весь народ. Мы знаем, что в 1931 году, совершив жертвоприношение, подняв белое знамя, он организовал восстание против советской власти, под его началом отрубили голову начальнику районной РНИ Олжабаю, убили комсомольца-учителя Рамазана с женой. Знаем, что он организовал нападение 360 человек на районное помещение компартии и райсовета, когда убили коммунистов и комсомольцев, разграбили банк и кооператив».

Много чего придумали авторы (или автор) анонимного письма, не обращая ровным счетом никакого внимания на то, что Шакарим, Миржакып Дулатов, другие члены партии «Алаш» уже реабилитированы. Писали, намеренно искажая факты, трактуя их в лживой форме. Например, утверждая, что Шакарим присваивал себе стихи Абая и Магауии, а у Мухтара Ауэзова литературное наследие Шакарима вызывало отвращение. Все это вкупе с утверждением, что Шакарим со знаменем в руках на боевом коне вел многотысячное войско на Барнаул, могло произвести впечатление.

«Приносим Вам извинения, ибо не можем назвать свои имена. Но заверяем Вас в том, что если состоится партийное и всеобщее обсуждение, мы их обнародуем» — так завершали письмо «доброжелатели».

И только в 1978 году наметился перелом.

В тот год в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» были опубликованы стихотворения Шакарима в переводе на русский язык в сборнике «Поэты Казахстана» (серия «Библиотека поэта»). Из четырнадцати стихотворений Шакарима, предложенных читателям, десять переведены Всеволодом Рождественским, четыре — Владимиром Цыбиным. К стихам была предпослана вступительная статья писателя Мухтара Магауина.

В феврале 1987 года Мухтар Магауин получил письмо такого содержания (приводится в сокращении):

«Дорогой Мухтар! Ты, наверное, меня не знаешь. Но дело не в этом. Давно собирался написать тебе, да все некогда было...

Зовут меня Мяз Карасартов. Вот уже двадцать пять лет работаю прорабом в совхозе имени К. Бабаева Ульяновского района Карагандинской области.

...Когда пошли разговоры, я не сразу поверил. А потом, когда мне в

руки попал сборник «Поэты Казахстана», изданный в 1978 году Ленинградским отделением издательства «Советский писатель», убедился своими глазами. На первом листе этой книги написано: «Вступительная статья, биографические справки и примечания М. М. Магауина». Я хочу сказать о Шакариме Кудайбердыулы, который тоже попал в сборник. Переводы его стихотворений на русский язык занимают страницы 284–314. А в биографической справке ты пишешь о нем: «В 1917–1925 годах Шакарим ненадолго возвращается к активной жизни, приветствует новые преобразования в обществе, печатает на страницах газет и журналов свои стихотворения, в которых поддерживает новый строй, однако через некоторое время старый поэт вновь уходит в одиночество. Умирает в 1931 году».

Читал я это и сокрушался: получается, Мухтар Магауин, который прекрасно разбирается в истории стародавних времен, не знает правды о дне вчерашнем! Потом попытался успокоить себя: наверное, он был введен в заблуждение.

Если бы мой старший брат, старый чекист Абзал Карасартов был жив, у него бы непременно возникли вопросы. Потому что он лучше меня знал, кем был Шакарим Кудайбердыулы. И все же мы, его родные, обладаем достаточными сведениями о том человеке. Нам завещал их покойный ныне Абзал-ага. Он ушел из жизни в 1979 году. Будь мой старший брат жив, это не осталось бы без последствий. Помню, в 1959 году газета «Казак адебиети» позволила себе опубликовать подборку стихов Шакарима. Только благодаря вмешательству Абзала Карасартова это начинание не получило продолжения.

Вся причина в том, что мой старший брат работал начальником Чингистауского райотдела ОГПУ в те времена, когда Шакарим поднял вооруженное восстание против Советской власти. Началось оно 5 сентября 1931 года. Абзал Карасартов, естественно, принимал участие в подавлении восстания. Документы и факты, имеющие отношение к этому событию, хранятся в архиве КГБ Казахской ССР. С их помощью А. Карасартов доказал, что Шакарим руководил антисоветским выступлением, и дал достойный отпор тем, кто пытался исказить историю. Больше этот вопрос не поднимался, и поэтому, когда узнал, что стихотворения Шакарима вошли в изданный в 1978 году сборник, я никак не мог поверить.

Теперь, наверное, будет уместно, если я задам такие вопросы: почему спустя столько лет снова напечатали Шакарима, причем не в Казахстане, а в Ленинграде и в переводе на русский язык? И почему в этой книге, где нашлось место даже для противника советской власти, нельзя обнаружить

ни имени, ни стихов пламенного поэта-революционера Сакена Сейфуллина? Спрашиваю так потому, что выступление Шакарима против народной власти — факт, который подтверждается достоверными сведениями. Если ты не веришь мне, можем обратиться к материалам, которыми располагает КГБ.

Издавать Шакарима — это значит надругаться над памятью тех, кто проливал кровь за торжество этой революции. В ходе антисоветского восстания по распоряжению этого человека были привязаны к хвостам лошадей и обречены на мучительную смерть Рамазан Абаев и его жена Рапиш. По его же приказу отрубили голову Олжабаю Шалабаеву. В свете этих фактов ваши попытки открыть дорогу сочинениям Шакарима вызывают по меньшей мере недоумение.

Если на то пошло, Шакарим — это разве не тот самый Шубар из романа «Путь Абая» Мухтара Ауэзова, проповедующий панисламизм? Всем нам известно, что в народе его называли «Шубар» («Рябой»). Если это был честный и заслуженный человек, то почему нет его имени в Казахской советской энциклопедии? Нет Шакарима и в антологии «Поэтические сочинения пяти веков», охватывающей поэтов от Абая до Султанмахмута Торайгырова... Так почему сборник вышел в свет в Ленинграде, а не в Казахстане? Какой тут был умысел?

С того самого 1978 года я внимательно слежу за всеми твоими публикациями, а также за тем, что пишут другие литераторы. Но больше никто вопроса о Шакариме не поднимал, и стихи его не печатались. Короче говоря, брат мой Мухтар, мне хочется знать, как ты на все это ответишь... Если не ответишь на это письмо, мне придется (не подумай, что угрожаю) поставить вопрос перед ЦК компартии Казахстана и КГБ. Потому что мы, Карасартовы, не хотим называться «казахскими Дантесами» из-за недалеких выводов некоторых. Этого мы не допустим.

Мяз Карасартов

3 февраля 1987 года».

Это было время «перестройки», когда наконец менялись многие правила в советской внутренней политике. Гласность на какое-то время стала доминирующим фактом общественной жизни. Страх советских руководителей перед призраком угрозы советской власти сменился страхами другого порядка. Стало возможным возвращение многих имен, пребывавших под глухим гнетом умолчания.

И родственники Абзала Карасартова уже не могли остановить возвращение творчества Шакарима народу.

Хотя Мяз Карасартов еще писал в редколлегиях газеты «Казак

адебиети», возмущался, что 8 января 1988 года в газете была напечатана поэма-легенда Жаика Бектурова «Поэт и подлец». Звонил он и автору поэмы и снова возмущался: «Когда вы, наконец, оставите в покое нашего умершего родственника?!»

В июле 1987 года Каюм Мухамедханов послал письмо-просьбу об издании трудов Шакарима Владимиру Карпову, первому секретарю Союза писателей СССР.

Послал он и в журнал «Огонек» русскоязычную версию своей статьи «Из мрака забвения» о судьбе и творческом наследии Шакарима, приложив фотографию поэта и копии документов о его реабилитации. В письме главному редактору журнала Виталию Коротичу от 23 февраля 1988 года Мухамедханов писал:

«Вот уже более тринадцати месяцев в редакции газеты «Казак адебиети» лежит моя статья на казахском языке о биографии и творчестве Шакарима Кудайбердиева, крупнейшего поэта, писателя, ученого-философа, историка, самобытного композитора, переводчика и публициста, который погиб осенью 1931 года на семьдесят третьем году жизни. Однако до сих пор конкретного, понятного ответа нет. Полагаю, что воздерживаются от публикации из-за пресловутой осторожности: как бы чего не вышло».

В ту пору уже работала комиссия по реабилитации выдающихся деятелей казахского народа, которые были репрессированы в 1920—1930-х годах. Председателем комиссии был академик Жабайхан Абдильдин. О той работе он рассказывал в интервью «Казахстанская правда» 1 февраля 2003 года:

«Назначение руководителем комиссии я расценил как важнейшее поручение. Работу мы начали, как нам показалось, с самого легкого — подготовили в конце 1987 года необходимые документы по реабилитации Шакарима Кудайбердыева. До нас были неоднократные попытки восстановить его доброе имя, но они наткнулись на непонимание, на обвинение в буржуазном национализме, причастности к деятельности Алашорды. Тогда еще было живо ложное обвинение казахского народа в национализме после известных декабрьских событий 1986 года.

Мне пришлось перечитать всю литературу о Шакариме, и я удивился многим вещам. Оказывается, я знал наизусть некоторые его произведения, например «Калкаман и Мамыр», его песни. Мы их в детстве распевали как народные. В результате проведенной работы выяснили, что Шакарим был честнейшим человеком, в алашординской партии не состоял, его туда включили «заочно». Это был просветитель, племянник Абая, продолжатель

его дела, он развивал его идеи в области этики, эстетики, философии, жил отшельником в горах, никакой политической деятельностью не занимался...

Проанализировав деятельность Шакарима и его произведения, комиссия составила объективную справку, и на бюро ЦК компартии Казахстана я выступил с обстоятельным докладом. Вдруг встает председатель КГБ Казахстана Мирошник и заявляет, что комиссия не справилась со своей работой, она якобы идеализирует фигуру Шакарима, он-де враг советской власти, буржуазный националист, глава кулацкого восстания в Семипалатинской области и т. д.

После его выступления в зале установилась гробовая тишина. Ход обсуждения мог сложиться самым неблагоприятным образом, если бы кто-нибудь из членов бюро выразил солидарность с Мирошником. И тут Нурсултан Абишевич Назарбаев сказал: «Пусть по этому вопросу отвечает председатель комиссии». Тем самым он спас ситуацию. Я вновь выступил, заявив, что категорически не согласен с мнением Мирошника, и обосновал свою позицию. Затем уже никто из членов бюро не брал слова, и первый секретарь ЦК Колбин предложил поддержать мнение комиссии. Таким образом, первый бой мы выдержали благодаря Нурсултану Абишевичу...»

В итоге, после работы комиссии по реабилитации в апреле 1988 года в печати вышло решение комиссии ЦК компартии Казахстана о том, что Шакарим Кудайбердиев невиновен и подлежит реабилитации.

Каюм Мухамедханов, как самый активный подвижник этого дела, получил телеграмму с поздравлениями от первого секретаря Союза писателей Казахстана Ади Шарипова: «Поздравляю! Шакарим реабилитирован директивными органами. С уважением, А. Шарипов. 7 апреля 1988 года».

Сразу же в конце 1988 года издательствами «Жалын» и «Жазушы» оперативно были изданы две книги Шакарима. Его сын Ахат, к сожалению, так и не дожил до этого дня.

В Жидебае на месте захоронения Абая и Шакарима был возведен мемориальный комплекс «Абай — Шакарим». Продолжилось издание сочинений Шакарима, а также исследовательских работ и книг о нем. В частности, в 2000 году в Алматы, в издательстве «Арыс», вышел в свет сборник стихов Шакарима «Иманым». В 2003 году в издательстве «Атамұра» был напечатан сборник «Зеркало казахов». В 2007 году в алматинском издательстве «Раритет» были напечатаны пять томов исследовательской серии «Вопросы шакаримоведения», подготовленной научно-исследовательским центром «Шакаримтану» при Семейском

государственном педагогическом институте. В 2008 году в Семее была издана энциклопедия «Шакарим».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В поэме «Жизнь Забытого» Шакарим писал:

*«Без отца сиротка сам
Перережет пуповину», —
Утверждают голоса
Из пословицы старинной.*

В этом обращении к древнему изречению чудится не только желание поэта еще и еще раз вернуться к ощущению непоправимого одиночества, определявшего всю его судьбу. Можно углядеть иносказание: сирота — это казахский народ, оставшийся без могучей поддержки древней истории, лишенный корней, теряющий единство, терзаемый врагами, мучимый неизвестностью.

Потому что не один Шакарим одинок. Мы все ходим по этой земле, и всех нас может посетить одиночество, если мы вдруг вознамеримся, как он, творить для вечности.

*Без отца сиротка сам
Перережет пуповину...*

Эту формулу можно считать посланием поэта последующим поколениям, напоминанием о нашей общей судьбе.

Жизнь скоротечна, но еще и опасна, полна неприятных вторжений, мешающих нашему счастью. И потому человек должен быть готов на самостоятельные шаги чуть не с рождения. Он обязан сам «перерезать пуповину» и решать свою судьбу, не перекладывая заботу о себе на посторонних.

Уроки Шакарима — не только в этой метафоре, не в одном иносказании. Множество его сочинений настолько плотно заселены мыслями, что в них можно потеряться, как в незнакомом городе.

Некоторым любителям изящной словесности его стихи могут показаться чересчур простыми для восприятия, но суть не в этом. В нем гораздо больше подлинного, нежели у иных сочинителей, авторов

многотомных трудов, лауреатов множества премий, носителей ученых званий. Возможно, потому, что он жил в грандиозную эпоху перемен, наблюдал за трансформацией общественного устройства, стал свидетелем двух революций и национальной катастрофы. И при этом не прятал голову от бурь, ветров перемен. Шел в гущу событий, пытаясь повлиять и на сознание нации, и на ход событий. А он, как всегда, был неотвратим.

И этот опыт искреннего, реального, горячего соучастия в истории отражался в стихах, поэмах, философских трактатах. Потому они чисты, ясны, полны настоящей жизни, как свидетельство свободы духа. Главный урок Шакарима — в непостижимой жажде познания. Непостижимой, потому что он стремился познать то, что нельзя познать в принципе — истину. Он доказал, что нужно идти именно таким путем, ибо только познающие люди свободны.

Шакарим — казах до мозга костей, в нем все казахское — натура, привычки, характер, облик, недостатки и великие достоинства. Он не был идеальным человеком, лишенным изъянов. Совершал поступки, которые, впрочем, казались окружающим вполне пристойными, но его самого ужасали безмерно, ибо принуждали включать в действие не самые лучшие человеческие качества. И всеми душевными силами он стремился выправить внутреннее состояние, сознавая, что поменять содеянное уже нельзя, но можно изменить отношение людей к жизни, их нравственную структуру. Как это сделать? Шакарим не нашел ничего лучшего, как измениться самому. Стать лучше, чище, выше недостатков, пороков, ошибок, слабостей, страстей. И стал сам похож на идеал, на святого провидца жизни.

Он не принимал никакую власть, если она была сопряжена с насилием. Ушел от красных, ушел от белых. И советская власть считала его врагом, потому что и от нее он ушел. Просто повернулся и ушел. Потому что видел: эта власть не с народом, несмотря на все ее уверения.

Он воистину казах. Потому что мы все хотим быть чище, всю жизнь изживаем недостатки, каемся за грехи, верим, что стоим на верном пути к очищению. И всегда видим перед собой Шакарима, идеал человека, похожего на нас. Если Абай — национальный эталон мудрости, то Шакарим — поистине образ родной земли, Родины.

Естественные вопросы: насколько сегодня ценны произведения Шакарима? И была ли хоть какая-то польза от стихов и прозы для его современников? Разумеется, польза была и есть. И она не только в практических в чем-то вещах, таких как «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий», в которую заглядывает масса людей в

поисках родовых корней. Стихи Шакарима учат человека совести, чести, доброте. Другое дело, что человек — мало восприимчивое к поучениям существо, но у Шакарима их, в сущности, и нет.

По несчастью или к счастью, жизнь дарована человеку не для одних удовольствий. В какой-то момент, обычно слишком поздно, каждый из нас непременно задается вопросом: зачем я живу? Правильно ли поступал и не зря ли прожил жизнь?

Мы хотим высказаться, жаждем познать себя. И тогда на помощь приходит Шакарим. Он не дает советы, как жить и что делать. Он просто живет сам, и неистребимым стремлением к познаниям, к Истине подсказывает нам путь — куда идти, к каким прикоснуться камням, как познать свободу.

И тогда мы начинаем понимать, что человек свободный должен ощущать своей территорией всю эту огромную страну, мысль должна течь широко и вольготно, как воды великого Иртыша. Чтобы наша свобода состоялась, нужно было, чтобы хоть один человек, похожий на нас, пребыл, исполнился в этой свободе до конца. И таким человеком у казахов был Шакарим.

Его жизнь — это вся казахская история, если еще принять во внимание его глубинные погружения в далекое прошлое, отразившиеся в исторических исследованиях, и наше отношение к поэту после смерти. Борьба за честное имя поэта продлила его биографию в годы независимости — в XXI век. Ему оказался постижим пафос исполнения и реализации всех намерений. В нем отчетливо отразились время и вся ширь степи. Дело не только в таланте, но и в масштабе святости, который поневоле заставляет нас отождествлять его со всей страной, с нашей землей, с Родиной.

Вот почему судьба Шакарима — это наша судьба.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ШАКАРИМА

1858 — родился Шакарим Кудайбердиев — поэт, переводчик, музыкант, историк, философ.

1876 — поэт женился на Мауен.

1879 — родился первенец — сын Суфиян (Абусуфиян).

1881 — Абай знакомит Шакарима с Е. П. Михаэлисом.

1882 — поэт женится на Айганше (согласно родовой традиции муж может привести в дом токал — молодую жену).

1903 — родился самый младший сын Шакарима и Айганши Зият, будущий поэт, драматург, журналист, активный участник восстания 1931 года в Карауле.

Шакарим принят в члены Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества.

1905, март — встреча Шакарима с Алиханом Букейхановым по поводу издания книги стихов Абая.

Ноябрь — Шакарим отправился в хадж.

1906, март — возвращение поэта из хаджа.

1907–1909 — период, когда Шакарим изучает религиозно-философские труды Л. Н. Толстого, принимает его концепцию нравственного самоусовершенствования.

1908 — Шакарим навестил Алихана Букейханова, находившегося в тюрьме в Семипалатинске.

1909 — поэт написал письмо Л. Н. Толстому.

1911 — изданы труды «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» и «Каноны мусульманства».

Шакарим назначен волостным.

1912 — издан философско-поэтический сборник поэта «Зеркало казахов», год ознаменовался выходом книг с поэмами «Калкаман и Мамыр», «Енлик и Кебек».

Шакарим объявил родным о намерении уединиться на жайляу Кен-Коныс.

1913 — в газете «Казах» (№ 12 от 28 апреля) А. Букейханов поместил благожелательную статью «Особое слово» о труде Шакарима «Родословная

тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

1916 — Ж. Аймауытов под псевдонимом Желькек (Содействующий) поместил в газете «Казах» (№ 168 от 9 февраля 1916 года) статью «Аксакалу Шакариму», посвященную труду «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий».

1918 — издано эссе «Зеркало подлинного счастья».

1922–1923 — в Ташкенте в журнале «Шолпан» публикуется поэма «Лейли и Меджнун».

1923 — поэт получает письмо от редактора газеты «Казак тип» («Казахский язык») с просьбой присылать статьи в газету.

1924 — издан «Рассказ о Дубровском» — поэтический перевод повести А. С. Пушкина «Дубровский»; в газете «Казахский язык» выходят статьи, посвященные проблемам литературоведения: «Обращение к редактору газеты», «Критика и критика критики».

К Шакариму в Баканас приехали погостить Мухтар Ауэзов и Алькой Маргулап.

1925 — скончался старший сын Суфиян. Начало второго периода отшельничества Шакарима.

1925–1926 — работа над переводом «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу.

1930 — арестован сын поэта Ахат. Осужден сын Гафур, который погиб при невыясненных обстоятельствах.

1931 — смерть Шакарима от чекистской пули.

1932 — Ахат освобожден из семипалатинской тюрьмы.

1936 — в журнале «Эдебиет майданы» («Литературный фронт») увидела свет повесть «Дубровский», переведенная Шакаримом.

1937 — Ахат арестован как сын врага народа и сослан в Сибирь.

1939 — вернулся из сибирской ссылки.

1958 — Шакарим официально реабилитирован.

1961 — Ахат Кудайбердиев перезахоронил останки отца.

1962 — в Абайском районе Семипалатинской области создана комиссия по изучению жизни и литературного наследия Шакарима.

1963 — в Алма-Ате создана комиссия по изучению творчества и биографии Шакарима. Руководителем комиссии назначен поэт Хамит Ергалиев.

1978 — опубликованы стихотворения Шакарима в переводе на русский язык в сборнике «Поэты Казахстана» (серия «Библиотека поэта») Ленинградского отделения издательства «Советский писатель», составитель сборника — историк литературы, публицист М. М. Магауин.

1988 — опубликованы «Шесть рассказов» писателя в издательстве «Жазушы».

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Шакарим.

*Фотография для международного паспорта, сделанная накануне поездки в Стамбул и Мекку.
1905 г.*

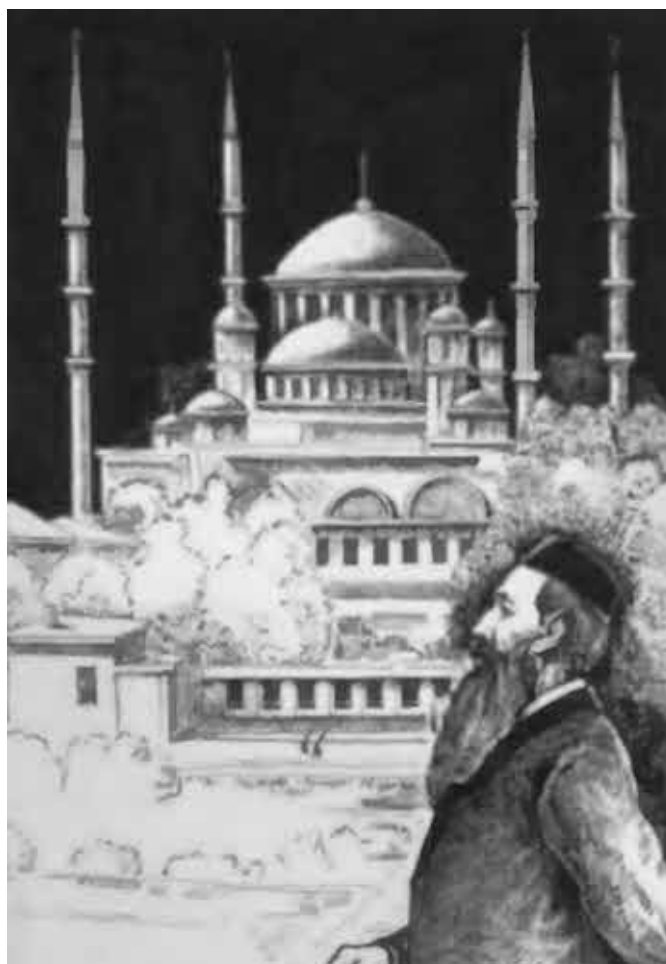
Долина Кенбулак, колыбель Шакарима

Стамбул XIX века

Рукописи поэта

Шакарим в Стамбуле.

Картина работы Нурбулана Отепбаева

Первая страница поэмы «Енлик и Кебек», изданной в Семипалатинске. 1912 г.

Фотография Шакарима, сделанная ученым Ф. А. Фиельструпом во время этнографической экспедиции в Чингизские горы в 1927 году. Найдена М. Абдешевым

Абай Қунанбаев, поэт, мыслитель, дядя Шакарима

Титульный лист поэмы Шакарима «Лейли и Меджнун», опубликованной С. Сейфуллиным в 1935 году в Алма-Ате

Руины охотничьего лома поэта в Абайском районе

Хребет Чингиз, верховья речек.

На переднем плане — Шакарим. 1927 г. Фотография найдена в 2009 г.

Ахат Кудайбердиев, сын Шакарима, собиратель и хранитель наследия поэта. Портрет работы Нурбулана Оттебаева

Памятник у колодца Куркудык, где прах по на находился в течение 1931–1611 годов

Представители казахской интеллигенции — участники общественно-политической жизни края. Сидят (справа налево): А. Байгурсьнов, М. Жакежанулы. К. Жанагайулы. Т. Абайуты. Ж. Атекеулы; стоят: Ж. Балгынбайулы. М. Дулатов. К. Мунайтносов. С. Кадырбайулы. Е. Омаров. Семей. Фото 1918 г.

Лидеры Алашорды.

Слева направо: А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов

107 Миссеркина
КазССР - Москва
Сообщить каждому координатору на
крайней восточной станции Букейханова
в Казахстане или по телефону по району
у Вас. X 11041/с - 9934/12
Сталин
1935
17/12/35
Степанов
1935 - 12/12/35

Телеграмма Сталина руководителям КазССР, предваряющая запрет А. Букейханову на въезд в Казахстан и невозможность его общественно-политической деятельности в 1927–1937 годах

Памятный знак в местности Кенбулак, где родился будущий поэт.

Экспозиции охотничьего дома «Саяткора» в музее Шакарима в Жидебае

Обложки книг Шакарима, изданных в Казахстане после реабилитации поэта

Памятник влюбленным Еник и Кебек, героям поэмы Шакарима

Шакаримоведение в Казахстане

Мемориал Абая и Шакарима в Жидебае

Музей Шакарима в Жидобае

Мерке, внук Шакарима, сын Зията Кудайбердиева

Международная научно-практическая конференция в Семипалатинском государственном университете, посвященная 150-летию Шакарима Кудайбердиева

Памятник Абаю Кунанбаеву в Москве

Памятник Шакариму в Центральном парке города Семей

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Абай (1845–1904) — поэт, философ, композитор, просветитель, общественный деятель, основоположник казахской письменной литературы.

Аймауытов Жусипбек (1889–1931) — писатель, основоположник драмы и романа на казахском языке, ученый, просветитель, педагог, психолог. Автор учебников и пособий, адресованных работникам образования.

«Айкап» — первый казахский общественно-политический и литературно-критический журнал. Издавался в городе Троицке с января 1911 — го по август 1915 года.

Акбаев Жакып (1876–1934) — участник освободительного движения и общественный деятель, публицист. Магистр права, исследователь гражданского и семейно-брачного права.

Алтынсарин Ибрай (1841–1889) — педагог-просветитель, писатель, фольклорист, автор первых казахских учебников.

«Алаш» — организация, объединившая представителей просветительской, идеологической и научной интеллигенции Казахстана в 1917–1920 годах.

Ауэзов Мухтар (1897–1961) — писатель, драматург, ученый; академик АН Казахской ССР (1946), председатель Союза писателей Казахстана; его роман-эпопея «Путь Абая» вошел в Библиотеку всемирной литературы.

Абдильдин Жабайхан (р. 1933) — философ, специалист по диалектике и теории познания, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Республики Казахстан (1992), лауреат Государственной премии КазССР в области науки и техники (1984), лауреат премии им. Ч. Ч. Валиханова (1974).

Базарбаев Муслим (1927–1995) — литературовед, критик, один из первых шакаримоведов; автор фундаментальных исследований «Очерки истории казахской литературы» (1960) и «История многонациональной советской литературы».

Байзаков Иса (1900–1946) — акын, композитор, певец. Художественный образ Байзакова воссоздан в романе Н. Анова «Крылья песни» (1956).

Байтурсынов Ахмет (1873–1937) — общественный деятель, просветитель, ученый-лингвист, литературовед, тюрколог, переводчик.

Букейханов Алихан (1866–1937) — общественный деятель, депутат Первой Государственной думы и съезда российских мусульман, член бюро мусульманской фракции Четвертой Государственной думы, санкт-петербургский масон и член партии кадетов; преподаватель, журналист, этнограф. Один из лидеров партии «Алаш», комиссар Временного правительства по Казахстану (1917).

Букетов Евней (1925–1983) — ученый в области химии и металлургии, писатель, поэт. Академик АН Казахской ССР (1975), лауреат Государственной премии СССР (1969), член Союза писателей СССР, переводчик Шекспира на казахский язык.

Валиханов Чокан (1835–1865) — просветитель, ученый, историк, этнограф и фольклорист.

Габбасов Сабыржан (1889–1918) — известный журналист начала XX века, участник становления советской власти в Аягозском районе, комиссар.

Джангильдин Алиби (1884–1953) — революционер, крупный общественный и государственный деятель, один из организаторов борьбы за установление советской власти в Казахстане.

Донентаев Сабит (1894–1933) — поэт-сатирик, публицист, общественный деятель.

Досмухамедов Джанша (1887–1932) — юрист, политический деятель, один из лидеров Алашорды. Весной 1918 года в Москве вел переговоры с В. И. Лениным и И. В. Сталиным о признании казахской автономии.

Дуйсенбаев Ыскак (1910–1976) — ученый и литератор, член-корреспондент Национальной академии наук Казахстана.

Дулатов Миржакып (1885–1935) — казахский поэт, писатель, один из лидеров правительства Алашорды и национально-освободительного движения Казахстана.

Елькибаев Рахматулла (1877–1919) — учитель и заведующий мусульманским детским приютом в Семипалатинске (1901–1912).

Ергалиев Хамит (1916–1997) — поэт, писатель.

Иманов Амангельды (1873–1919) — руководитель народного восстания 1916 года против царизма и активный участник установления советской власти в Казахстане.

Жансугуров Ильяс (1894–1938) — поэт, прозаик, драматург, сатирик, журналист. Первый председатель Союза писателей Казахстана (1934–1936).

Жароков Таир (1908–1965) — поэт, переводчик.

Жумабаев Магжан (1893–1938) — поэт, писатель, публицист, педагог, один из основателей новой казахской литературы.

«Казах» — первая еженедельная газета, издавалась в Оренбурге в 1913–1918 годах.

Кашаубаев Амре (1888–1934) — певец, актер, музыкант, один из основоположников казахского национального театрального искусства, первый певец, который познакомил Европу с песенным искусством казахского народа.

Кеменгеров Кошке (1896–1937) — писатель, драматург, литературовед, переводчик, общественный деятель. Автор научных трудов по проблемам литературоведения, языкознания, этнографии.

Кирабаев Серик (р. 1927) — литературовед, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, заслуженный деятель наук, лауреат Государственной премии республики.

Копеев Машхур Жусуп (1858–1931) — поэт, мыслитель, историк, этнограф, востоковед и собиратель устного народного творчества казахского народа.

Кульжанова Назипа (1887–1934) — первая казахская журналистка, переводчик и педагог. Автор книги «Дошкольное воспитание» (1923).

Магауии Мухтар (р. 1940) — писатель, публицист, исследователь фольклорного наследия казахов.

Майлин Беимбет (1894–1939) — писатель, драматург, талантливый очеркист и фельетонист. В 1934–1937 годах — редактор газеты «Казак адебиети».

Маргулан Алькей (1904–1985) — археолог, основатель казахстанской археологической школы, видный ученый во многих областях знаний: этнографии, востоковедении, истории, литературоведении и искусствоведении.

Марсеков Райымжан (1879–1922) — правозащитник, общественный деятель, публицист и оратор. Один из разработчиков программы «Алаш».

Молдагалиев Жубан (1920–1988) — поэт, журналист, переводчик.

Муканов Сабит (1900–1973) — классик казахской литературы, поэт, общественный деятель, академик, председатель Союза писателей Казахстана в 1936–1937 и 1943–1952 годах.

Мухамедханов Каюм (Кайым) (1916–2004) — драматург, переводчик. Ученый, исследовавший поэтическую школу Абая и труды его учеников. Отбывая срок в Карлаге, перевел на казахский язык повесть Н. Карамзина «Бедная Лиза».

Мусрепов Габит (1902–1985) — писатель, критик, драматург, литературовед, общественный деятель.

Нурлеисов Абдижамил (р. 1924) — писатель, переводчик, лауреат

Государственной премии СССР (1974).

Сатпаев Каныш (1899–1964) — ученый-геолог, один из основателей советской металлогенической науки, основоположник казахстанской школы металлогении. Академик АН СССР (1946).

Сейткулов Мухамедхан (1870–1937) — отец Каюма Мухамедханова. Гостями его дома были Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Магжан Жумабаев, Миржакып Дулатов, Мухтар Ауэзов и другие. Здесь Мухтар Ауэзов проводил репетиции пьес «Енлик-Кебек» и «Каракоз».

Сейфуллин Сакен (1894–1938) — основоположник современной казахской литературы, поэт и писатель, государственный деятель, основатель Союза писателей Казахстана.

Сералин Мухамеджан (1872–1929) — поэт, просветитель, журналист, педагог, общественный деятель, редактор журнала «Айкап».

Сулейменов Олжас (р. 1936) — поэт, писатель, литературовед, общественный и политический деятель, дипломат.

Тажибаев Абдильда (1909–1998) — поэт, драматург, писатель.

Торайгыров Султанмахмут (1893–1920) — поэт-демократ; с 1913 года работал секретарем в редакции первого казахского журнала «Айкап».

Тынышпаев Мухамеджан (1879–1937) — общественный деятель, депутат Второй Государственной думы России, премьер-министр Туркестанской автономии, член партии «Алаш», первый казахский инженер-путеец, участник проектирования и строительства Туркестано-Сибирской магистрали.

Улугбек (1394–1449) — правитель тюркской державы Тимуридов, внук Тамерлана. Известен как выдающийся астроном и астролог.

Чокай Мустафа (1890–1941) — общественный и политический деятель, публицист, идеолог борьбы за свободу и независимость Единого Туркестана.

Шарипов Ади (1912–1993) — писатель, литературовед. Занимал ответственные руководящие посты: министр просвещения, министр иностранных дел республики, заместитель председателя Совета министров республики, директор Института литературы и искусства Академии наук Казахстана.

INFO

Сыдыков Е. Б.

С 95 Шакарим / Ерлан Сыдыков. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 351 [1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1397).

ISBN 978-5-235-03577-5

УДК 821.512.122.0(092)

ББК 83.3(5Каз)

Сыдыков Ерлан Батташевич
ШАКАРИМ

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *Т. И. Маляренко*

Сдано в набор 19.07.2012. Подписано в печать 31.08.2012.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 18,48+0,84 вкл. Тираж 5000 экз.
Заказ № 1209950.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

---

notes

Примечания

1

Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, перевод Ербола Курманбаева.